



ISSN 2308-152X (Print)

ISSN 2313-6197 (Online)

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1>

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2024. Том 12, № 1

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE =
GOLDEN HORDE REVIEW

2024, vol. 12, no. 1

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа»

The preparation and publication of the journal were carried out within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan "Preservation of the National Identity of the Tatar People"

<http://goldhorde.ru>

E-mail: mail@goldhorde.ru

© ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», 2024

© State Institution "Tatarstan Academy of Sciences", 2024

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научный журнал

«Золотоордынское обозрение» – это рецензируемый научный журнал, на страницах которого находят отражение научные публикации конкретно-исторического, историографического и источниковедческого характера, охватывающие все области изучения истории Золотой Орды и татарских ханств.

Журнал печатает ранее неопубликованные, оригинальные статьи российских и зарубежных авторов на русском и английском языках. «Золотоордынское обозрение» уделяет также большое внимание обсуждению новых научных изданий (монографий, академических публикаций), которое осуществляется в формате рецензий.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки), 5.6.5. – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Размещение и индексирование журнала в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Scopus, Web of Science (ESCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), Dimensions, ERIH PLUS, AcademicKeys, ResearchBib, WorldCat, Google Scholar, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка.

Журнал является участником партнерств: CrossRef и профессионального сообщества «Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ)»

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-87864 от 22 июля 2024 г. выдано Роскомнадзором
Журнал основан:	2013 г.
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель и издатель:	Государственное научное бюджетное учреждение «Академия наук Республики Татарстан» (420111, г. Казань, ул. Баумана, 20)
Адрес редакции:	420111, г. Казань, ул. Батурина, 7 Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Типография:	Издательство Академии наук Республики Татарстан
Сайт:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Тел./факс	(843) 292 84 82 (приемная), 292 00 19
Подписка:	Подписной индекс П7934 . Оформить подписку можно как в отделениях почтовой связи, так и в режиме онлайн на сайте podpiska.pochta.ru

GOLDEN HORDE REVIEW

Academic Journal

“**Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review**” is a peer-reviewed academic journal publishing articles of historical, historiographical and source-researching nature, covering all fields of study of the history of the Golden Horde and the Tatar Khanates.

The journal publishes unpublished and original articles by Russian and foreign authors in Russian and English. “Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” also pays considerable attention to the discussion of new researches (monographs and other academic publications) in the form of reviews.

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences in scientific specialties: 5.6.1. – Domestic history (historical studies), 5.6.5. – Historiography, source study and methods of historical research (historical studies).

The journal is indexed by: Scopus, Web of Science (Emerging Sources Citation Index), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich’s Periodicals Directory, ERIH PLUS, AcademicKeys, ResearchBib, WorldCat, Google Scholar, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), Russian Science Citation Index Database, CyberLeninka.

The journal is a participant in partnerships: CrossRef and Association of scientific editors and publishers (ASEP).

Name of the authority that registered the periodical:	Roskomnadzor, Certificate of the media registration PI No. FS 77-87864, issued on July 22, 2024
The journal was founded:	2013
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Publication frequency:	4 times a year
Founder and publisher:	State Institution “Tatarstan Academy of Sciences” (420111, Kazan, Bauman Str., 20)
Editorial address:	420111, Kazan, Baturin Str., 7 Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Press:	Publishing House of the Tatarstan Academy of Sciences
Web-site:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Tel./fax:	(843) 292 84 82 (receiving office), 292 00 19
Subscription:	Subscription index II7934 . The subscription can be made both in the post offices and online at podpiska.pochta.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Миргалеев Ильнур Мидхатович, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Салихов Радик Римович, д.и.н., директор Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Виктор Спинеи, Ph.D. (история), профессор, вице-президент Румынской академии, почетный директор Института археологии (Яссы, Румыния)

Карпов Сергей Павлович, д.и.н., профессор, академик РАН, президент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Юлай Шамильоглу, Ph.D. (история), профессор Назарбаевского Университета (Нур-Султан, Республика Казахстан); профессор Висконсинского университета в Мадисоне (Мадисон, США)

Тасин Джемил, доктор философии, профессор, директор Института тюркологии Университета Бабеш-Бойяи – Клуж-Напока, член-корреспондент Тюрк Тарих Куруму, почетный член Академии ученых Румынии, иностранный член АН РТ (Румыния)

Мария Иванич, д.и.н., заслуженный профессор кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (Далонга, США)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор исследований Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Зайцев Илья Владимирович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Крамаровский Марк Григорьевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

Ильяс Кемалоглу, д.и.н., профессор Исторического отделения Университета Мармара (Стамбул, Турция)

Горский Антон Анатольевич, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Измайлов Искандер Лерунович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Александр Узелац, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Маслюженко Денис Николаевич, к.и.н., доцент кафедры «История и документоведение», директор гуманитарного института Курганского государственного университета (Курган, Российская Федерация)

Иванов Владимир Александрович, д.и.н., профессор кафедры отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумуллы (Уфа, Российская Федерация)

Беляков Андрей Васильевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

Почекаев Роман Юлианович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Тимохин Дмитрий Михайлович, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Аксанов Анвар Васильевич, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИЯ

Редакторы английских текстов: Александр Узелац, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Стивен Поу, Ph.D. (история), Центрально-Европейский университет (Будапешт, Венгрия)

Литературный редактор: Сайфетдинона Эльмира Гадельзянова, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Корректор: Байбулатова Лилия Фаритовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор, ответственный секретарь: Гиниятуллина Люция Сулеймановна, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

CHIEF EDITOR

Il'nur M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Radik R. Salikhov, Dr. Sci. (History), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Victor Spinei, Ph.D. (History), Professor, Vice-president of the Romanian Academy, Honorary Director of the Institute of Archaeology (Iasi, Romania)

Sergey P. Karpov, Dr. Sci. (History), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, President of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

Uli Schamiloglu, Ph.D. (History), Professor, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan); Professor Emeritus, University of Wisconsin-Madison (Madison, USA)

Tasin Gemil, Ph.D. (Philosophy), Professor, Director of the Institute of Turkology, Babeş-Bolyai University – Cluj-Napoca, Corresponding Member of the Türk Tarih Kurumu, honorary member of the Academy of Scientists in Romania, foreign member of the Tatarstan Academy of Sciences (Romania)

Mária Ivanics, Dr. Sci. (History), Professor Emeritus of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

Timothy May, Ph.D. (History), Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (Dahlonega, USA)

Nicola Di Cosmo, Ph.D. (History), Professor of East Asian Studies, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Il'ya V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mark G. Kramarovskiy, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

Charles J. Halperin, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

İlyas Kemaloğlu, Dr. Sci. (History), Professor, Marmara University (Istanbul, Turkey)

Anton A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Iskander L. Izmailov, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

Denis N. Maslyuzhenko, Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Documentation, Director of the Institute of Humanities, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation)

Vladimir A. Ivanov, Dr. Sci. (History), Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M.Akmulla (Ufa, Russian Federation)

Andrey V. Belyakov, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Roman Yu. Pochekaev, Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University «Higher School of Economics» (St. Petersburg, Russian Federation)

Dmitry M. Timokhin, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Anvar V. Aksanov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL OFFICE

English texts' editors: Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

Stephen Pow, Ph.D. (History), Central European University (Budapest, Hungary)

Literary editor: Elmira G. Sayfedinova, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Corrector: Liliya F. Baybulatova, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor, Executive secretary: Lyutsiya S. Giniyatullina, Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Публикации

Тимохин Д.М., Тишин В.В. Маркер <i>кара</i> в тюркской этнонимике XII в.	8
Atik K. The Story of the Golden Horde Told by the Coins (Japanese): 貨幣が語るジョチ・ウルス	20
Дробышев Ю.И. Новый взгляд на «Историю монголов» Иоанна де Плано Карпини	28
Карпов С.П. Генуэзские консулы Таны (Азака) по материалам регистров сталий Генуэзского государственного архива: хронология правлений (1449–1475)	39
Беляков А.В. О традиции использования вислых металлических печатей в канцеляриях Золотой Орды и постордынских государств	48
Юдин Н.И., Нуретдинова А.Р. Сосуды с эпиграфическими и псевдоэпиграфическими надписями с территории Царевского городища	63
Хамидуллин С.Р., Гайнутдинов А.М., Гайнуллин И.И., Абдуллин Х.М., Касимов А.В. Историография изучения булгаро-татарских эпиграфических памятников в Закавказье и современные методы исследования	79
Зиливинская Э.Д. Мавзолеи восточных районов Золотой Орды	91
Валеева-Сулейманова Г.Ф. О средневековой булгаро-татарской архитектурной традиции (на примере золотоордынских мавзолеев)	125
Иванов В.А. Этнокультурный ландшафт средневековых мавзолеев Волго-Уралья	140
Гайнутдинов А.М. Эпитафия на памятнике Хусейн-беку	165
Абдуллин Х.М. Надмогильный камень Хусейн-бека из Чишминского мавзолея: описание 1910 года по материалам Российского государственного исторического архива	175
Измайлов И.Л. Становление татаро-мусульманской общности в Икско-Бельском междуречье в XIII–XIV веках	186
Сайфетдинова Э.Г. Мавзолеи представителей мамлюкской элиты, связанных с историей Золотой Орды	201
Prokhorov D.A. Karaites in the Ulus Jochi era and in the Crimean Khanate: The question of the origin of Karaite communities on the Crimean peninsula	211

Хроника

Гиниятуллина Л.С. Всероссийский симпозиум «Веги истории»	237
---	-----



CONTENTS

Publications

Timokhin D.M., Tishin V.V. The marker <i>qara</i> in Turkic ethnonyms of the 12th century	8
Atik K. The Story of the Golden Horde Told by Coins (Japanese): 貨幣が語るジョチ・ウルス	20
Drobyshev Yu.I. A New Outlook on the “History of the Mongols” by John de Plano Carpini	28
Karpov S.P. The Genoese consuls of Tana (Azak) according to the tax registers from the State Archives of Genoa: the chronology of consulates (1449–1475)	39
Belyakov A.V. On the tradition of using hanging metal seals in the offices of the Golden Horde and Post-Horde States	48
Iudin N.I., Nuretdinova A.R. Vessels with epigraphic and pseudo-epigraphic inscriptions from the territory of the Tsarevskoye settlement	63
Khamidullin S.R., Gainutdinov A.M., Gainullin I.I., Abdullin Kh.M., Kasimov A.V. Historiography of the Study of Bulgarian-Tatar Epigraphic Monuments in the Zakazanye region and Modern Research Methods	79
Zilivinskaya E.D. Mausoleums of the Eastern Regions of the Golden Horde	91
Valeeva-Suleimanova G.F. About the Medieval Bulgar-Tatar Architectural Tradition (in the case of Golden Horde Mausoleums)	125
Ivanov V.A. Ethnocultural Landscape of Medieval Mausoleums in the Volga-Urals	140
Gainutdinov A.M. The epitaph on the monument to Husein-bek	165
Abdullin Kh.M. The tombstone of Husein-bek from the Chishmin mausoleum: A 1910 description based on the materials of the Russian State Historical Archive	175
Izmailov I.L. The formation of the Tatar-Muslim community in the Ik-Belaya interfluve in the 13th–14th centuries	186
Sayfetdinova E.G. Mausoleums of representatives of the Mamluk Elite connected with the history of the Golden Horde	201
Prokhorov D.A. Karaites in the Ulus Jochi era and in the Crimean Khanate: The question of the origin of Karaite communities on the Crimean peninsula	211

Chronicle

Giniyatullina L.S. All-Russian Symposium “Milestones of History”	237
---	-----



ПУБЛИКАЦИИ

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.8-19>
EDN: BBZKEL

УДК 94(5)+81.37

МАРКЕР КАРА В ТЮРКСКОЙ ЭТНОНИМИКЕ XII В.

Д.М. Тимохин ✉, *В.В. Тишин*

Институт востоковедения РАН

Москва, Российская Федерация

✉ horezm83@mail.ru

Резюме. Цель статьи: статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов проблемы образования и функционирования этнонимов с цветовыми маркерами в среде кочевнических тюркоязычных народов. Разбираются двухкомпонентные этнонимы, где слово, обозначающее название цвета, выступает в функции атрибутива. В научной литературе существует несколько точек зрения на практику использования таких маркеров и различные объяснения их набора и семантики. Авторы настоящей статьи исходят из соображения, что какие-либо универсалистские объяснения являются преждевременными и никакие обобщения не могут оказать помощи в раскрытии всех зарегистрированных в исторической и этнографической литературе конкретных примеров. Для каждого хронологического периода и конкретного региона практика использования цветовых маркеров имела свои особенности, будучи, по всей видимости, обусловлено разными факторами, которые следует выявлять непосредственно на узком конкретном материале. Непосредственно письменные источники, однако, прямых данных на этот счет почти не содержат.

Материалы исследования: авторами привлечен персоязычный источник XII в. «‘Эжд ал-‘Ола̄ ле’л-маукеф ал-а’ла̄», принадлежащий авторству Афзал ад-Дйна Керманӣ, сведения которого представляет собой редкий пример, позволяющий пролить свет на конкретный случай.

Результаты и новизна: приводимые в сочинении сведения о группе гуззов, прибывших в Керман из Хорасана, именуемых также в тексте именем кара гузз, позволяют утверждать, что, по меньшей мере, во второй половине XII в. среди племен огузского круга, как обозначающий вторичное сообщество, отколовшееся от исходного коллектива, собственно название которого представлено вторым элементом двухкомпонентного этнонима с цветовым маркером.

Ключевые слова: этнонимика, семантика, тюркские народы, кочевники, мусульманские источники

© Тимохин Д.М., Тишин В.В., 2024



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Тимохин Д.М., Тишин В.В. Маркер *qara* в тюркской этнонимике XII в. // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 8–19. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.8-19> EDN: BBZKEL

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00736 «Дешт-и Кыпчак и сопредельные оседло-земледельческие территории X–XIII вв.: опыт изучения взаимодействия культур (на материале письменных источников)», <https://rscf.ru/project/23-28-00736/> (ФГБУН Институт востоковедения РАН).

Использованы материалы по этнонимике, собранные В.В. Тишиным в сотрудничестве с Б.З. Нанзатовым (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН).

THE MARKER QARA IN TURKIC ETHNONYMS OF THE 12TH CENTURY

D.M. Timokhin ✉, V.V. Tishin

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation

✉ horezm83@mail.ru

Abstract. Research Objectives: This article is devoted to the study of some aspects of the problem of the origin of ethnonyms with color markers among the nomadic Turkic-speaking peoples. They are analysed only in regard to the two-component ethnonyms where the word denoting the name of the color is used as an attributive syntactically. In the academic literature, there are several views on the practice of using such markers and various explanations of their registry and semantics. The authors of the article proceed from the consideration that any explanations being imposed universally are premature and no generalizations can help to explain all the specific examples attested in the historical and ethnographic literature. They should be viewed for each chronological period and specific region since the practice of using color markers had its own characteristics, being, apparently, due to various factors. Thus, the marker should be identified directly with narrow specific source data. Written sources, however, contain almost no direct data to help in the problem. Research Materials: The authors of the article used a Persian-language source of the 12th century, “‘Ekd al-‘Olā le’l-mawkef al-a‘lā” by Afzal al-Dīn Kermānī.

Results and Novelty of the Research: Information presented in the source mentioned a rare example to allow light to be shed on a specific case. There is a passage about a group of Ghūzz had to arrive in Kermān from *Khurāsān*. They also are named in the text as *Qarā Ghūzz*. The fact allows to confirm that, at least in the second half of the 12th century among the tribes of the Oghuzs, the color marker *qara* was used to denote a secondary community that broke away from the initial collective, the name of which is represented by the second element of a two-component ethnonym with a color marker.

Keywords: ethnonymy, semantics, Turkic peoples, nomads, Muslim sources

For citation: Timokhin D.M., Tishin V.V. The marker *qara* in Turkic ethnonyms of the 12th century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 1, pp. 8–19. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.8-19> (In Russian)

Financial Support: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00736 «Desht-i Qipchak and adjacent settled agricultural territories of the 10th–13th centuries: the experience of studying the interaction of cultures (based on written sources)», <https://rscf.ru/en/project/23-28-00736/> (Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences).

They were used materials on ethnonymy analyzed by V.V. Tishin in collaboration with Bair Z. Nanzatov (Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences).

Введение

В среде кочевнических тюркских и монгольских народов достаточно распространены этнонимы с цветовой семантикой, иногда именуемые также цветовыми этнонимами. Под *этнонимами* следует широко понимать самоидентифицирующие названия коллективов разных форматов, представляющих подразделения различного таксономического уровня в рамках условной модели социальной организации сообщества. С точки зрения структуры образования, этнонимы с цветовой семантикой можно разделить на две группы: однокомпонентные, в которых собственно слово, являющееся самоназванием сообщества, обозначает какой-либо цвет, и двухкомпонентные определительные конструкции, где цветовой маркер представлен словом, выступающим синтаксически как определение. Этнонимы, характеризующиеся такими маркерами, встречаются среди тюркских и монгольских народов на протяжении длительного исторического периода и отмечены в разных географических регионах (см. хотя бы справочник: [4]).

В этнонимической номенклатуре тюркских народов наиболее часто регистрируются пять цветов: *qara* ‘черный’, *aq* ‘белый’, *qizil* ‘красный’, *jašil* ‘зеленый’ (ему может соответствовать *kök* ‘голубой’) и *sarıy* ‘желтый’ (более ограниченно используются *ala* ‘пестрый, пегий’, *boz* ‘серый’, *qir* ‘караковый’, обозначающие масти лошадей) [16, s. 112–113]¹. Чаще всего в среде сообществ, объединенных общей идентичностью, эти маркеры встречаются, по меньшей мере, парно: если зарегистрировано племенное подразделение с одним из таких маркеров, значит, с большой долей вероятности должно быть подразделение с другим цветовым обозначением. Значительное распространение имеет маркер *qara* ‘черный’, в паре с которым часто регистрируются *aq* ‘белый; сивый (о масти лошади)’, либо *sarıy* ‘желтый; бледный; соловый (о масти лошади)’, будучи, таким образом, семантически ему косвенно противопоставлены. При этом в ряде случаев маркеру *qara* не всегда можно найти цветовую пару. Интерпретацию всех таких явлений трудно свести к единым закономерностям.

Обоснования значения таких этнонимов, которые можно получить из устной традиции не являются убедительными, поскольку чаще всего отражают «народное» осмысление их носителей, как это происходит и в других случаях, когда то или иное название объясняется на основе формальных звуковых сходств, а само объяснение подкрепляется каким-нибудь преданием (каких подобным достаточно можно встретить у Махмұда ал-Кāшғарй в большей степени, например, у Рашид ад-Дйна или Абў’л-Ғāзй). Письменные источники, содержащие упоминания отдельных племенных названий с цветовыми маркерами, вплоть до так называемого Нового времени, когда сведения о племенном составе разных народов становятся предметом целенаправлен-

¹ Здесь и далее мы используем в качестве общих среднетюркские формы, подразумевая, что фонетический облик слов варьируется в зависимости от конкретного тюркского языка или наречия.

ного интереса исследователей, не предоставляют достаточного материала, на основе которого можно было бы выяснить природу каждого из них.

Дискуссия

Существуют разные объяснения семантики этих цветовых обозначений.

Касаясь элемента *qara*, Н.А. Аристов писал, что эпитет *черный* «помимо своего цветового значения, употребляется у тюрков Средней Азии в смысле низший, худший, а в применении к народностям и племенам означает младшую, подчиненную часть народа или племени» [1, с. 302, прим. 6]. Приводя в пример названия кара-киданей (как, по замечанию этого автора, называли их турки) и кара-калмаков, которые оба представляли собой в разное время отколовшиеся ветви более значительного по численности народа, сохранявшего исходное название, Н.А. Аристов интерпретировал таким же образом и название *qara türgiř* орхонских надписей. Последних, однако, уже В. Томсен удачно соотнес с одной из упоминаемых в китайских источниках групп тюргешских племен, известной как *хэй син* 黑姓 ‘черная фамилия’, которой противостояла группа, именуемая *хуан син* 黄姓 ‘желтая фамилия’ [24, p. 110, 158–159, note 48].

Дьюла Немет, автор концептуальной работы с существенным разделом, посвященным классификации этнонимов тюркских народов, разводил между собой двухкомпонентные наименования, в которых цветовой маркер мог относиться к основе, обозначающей предмет или признак, наличие которого лежало в основе названия (напр., *кара калтак*, *кара бёрклю* и т.п.), и собственно названия, связанные с мастью животных (напр., *ала йонтлу*, *кара койлы*, *ак койлы* и т.п.) [19, ol. 100, 101, 103]. Однако в работах Д. Немета вопрос о значении конкретных цветовых маркеров не разработан.

Напротив, Омелян Прицак, много внимания уделивший специальному разбору цветовой семантики у тюркских народов, утверждал, что в случаях существования одинаковых в своей основе наименований подразделений какого-либо сообщества, различающихся маркерами ‘черный’ и ‘белый’, первый, эквивалентный тюркскому *qara*, следует понимать как ‘настоящий, без примесей’ [21, s. 378]. О. Прицак собрал значительный материал, который должен был подтвердить возможности увязки цветовых маркеров как в этнонимике, так в топонимике и даже титулатуре с пространственно-географической ориентацией и административной иерархией [20]. А.Н. Кононов исходил из того, что цветовая семантика в этнонимике отражает указание на исходное географическое положение носителей соответствующего маркера по отношению к главенствующему племени [3, с. 167–169]. Однако подобные обобщающие построения не могут считаться убедительными, оказываясь ослабленными при ближайшем рассмотрении частных примеров, в каждом случае допускающих вариативные трактовки (см.: [16; 15, s. 430]). Следует для каждого частного случая устанавливать, в каких обстоятельствах какая из озвученных исследователями тенденций могла получить распространение.

Л.П. Потапов, отмечая элемент *qara* в составе племенных подразделений алтайцев, толкует его в значении ‘обыкновенный’, ‘обычный’ (противопоставляемый этнонимам с другими, не цветовыми детерминативами) [8, с. 30, 36]. Слово *qara* в тюркских языках имеет основную семантику «множественности, массовидности», поэтому в связи с восприятием «множества, массы»

как «совокупности одинаковых предметов, чего-либо однородного, без примесей» одно из развившихся вторичных значений – ‘простой, обыкновенный’ [9, с. 594–595], то есть фактически ‘(весь) остальной (кроме...)’, подразумеваемая контекстуальное и неявное противопоставление. С этой логикой пересекается замечание Г. Дёрфера, что, например, выражение *karā xān*, которое можно встретить как нарицательный эпитет у Абӯ’л-Ғазӣ в отношении локальных правителей или как титул, по которому в историографии получила название династия Караханидов, следует понимать как ‘обычный (низший) хан’ [15, s. 430].

Кочевникам степной Евразии, судя по всему, была известна некая пространственная цветовая символика, примерно соответствующая тому, что зафиксировано этнографами. Когда в 200 г. до н.э. *сюн-ну* 匈奴 окружили ханьского войско императора, они использовали систему разделения подразделений своей армии по масти лошадей: «Конники сюнну на западной стороне все сидели на белых конях, на восточной стороне – на серых с белым пятном на морде, на северной стороне – на вороных, а на южной – на рыжих лошадях» [5, с. 41]. Этот случай может объяснить также природу некоторых этнонимов, в основе которых лежит обозначение масти лошадей [19, ol. 100; 21, s. 380].

Из памятников древнетюркской рунической письменности известно о представлениях древних тюрков о четырехчастном делении мира – на «четыре угла» (*tört buluḡ*), при том для них была характерна восточная ориентировка по сторонам света («к стороне солнечного восхода»; ср. в текстах фразы, соотносящие понятия *ilgärü* ‘вперед’, *öñrā* ‘спереди, напротив’ и *kün toḡsuqı* ‘солнечный восход’ [14, p. 144, 189], а также свидетельства китайских источников о нахождении входа в юрту у тюрков с востока, напр.: [18, s. 10]). Эта традиция не претерпела значительных изменений в условиях кочевнического быта в последующем [25, s. 159–160].

Переводное буддийское сочинение *Sūtra Säkiz Jükmäk* («Восемь переходящих свойств») древнейуйгурским письмом содержит перечень таких цветовых соответствий сторонам света: *soltun kök luu* (= кит. 左青龍) ‘слева (= на востоке) голубой дракон’, *oḡdun aq bars* (= кит. 右白虎) ‘справа (= на западе) белый барс’, *küntün qızıl sayızyan* (= кит. 前朱雀) ‘с юга красная сорока’, *kidin qara ilan* (= кит. 后黑武) ‘на севере (букв. ‘сзади’, в других текстах обозначает ‘на западе’) черная змея’ [12, s. 111, 112, 150–151, Anm. 352]. Контекстуальное значение слова *kedin ~ kidin* показывает географическую переориентировку с востока на юг, очевидно, под китайским влиянием. Это произошло, видимо, не ранее поражения Уйгурской империи от кыркызов в 840 г., и такая же пространственная ориентация характерна в дальнейшем и для монгольских народов [21, s. 381, 382].

Оппозиция *qara* ‘черный’ и *sariḡ* ‘желтый’ в этнонимике, как замечено выше, выявляется уже с древнетюркской эпохи («черные...» и «желтые фамилии») у тюргешей), но не связана с противопоставлением черного и белого цветов – в енисейских надписях Е 11 и Е 45 в этом значении фиксируется оппозиция *qara* ‘черный’ и *ürün* ‘белый, светлый’ [14, p. 234]. Это значит, что противопоставление *qara* и *sariḡ* не было связано и с представлениями о социальной иерархии.

Противопоставление *qara* ‘черный’ и *aq* ‘белый’ изначально должно было развиваться в тюркских языках западного ареала, поскольку слово *aq*, фигурирующее изначально в источниках для обозначения масти лошадей [14, р. 75], где-то только после X–XI вв. повсеместно вытеснило в широком значении употреблявшееся в языках восточного ареала слово *ürüñ*, сохранившего свои свойства и исходную семантику теперь только в якутском языке [9, с. 600, 601].

Среди тюркских сообществ западного ареала зафиксированы случаи полного набора цветового спектра. Так, племена огузского круга знают этнонимы с элементами *qara*, *aq*, *qizil*, *boz*, но не *sari*, и не *gök* (см.: [22, Dizin. II]). Характерно существование в их среде этнонимов *qara qojunlu*, *aq qojunlu*, *qizil qojunlu*, *boz qojunlu*, отражающих все четыре цветообозначения, которые могут быть увязаны с географическим спектром. К подобной системе, видимо, восходят зафиксированные этнонимы *qara kăčili*, *aq kăčilu*, *qizil kăčili*. Здесь цветовые маркеры не связаны с окрасом животных, названия которых лежат в основе этнонима, а являются вторичными маркерами к уже существующему названию (в данном случае *qojunlu* ‘имеющие баранов’ или *kăčili* ‘имеющие коз’). Подобные случаи можно найти также у кыпчакских и карлукских племен, содержащих наименования с маркерами *kara*, *ak*, *sary*, иногда *kызыл* и *kёк* (см. реестры: [4]), но, по-видимому, не ранее, по крайней мере, XV в., поскольку они неизвестны по спискам того времени [10]. Следовательно, формирование этнонимов, основанных на такой лексической оппозиции *qara–aq*, ранее XI в. могло происходить только в западном ареале распространения тюркских языков. В разное время на различные комбинации сочетаемости цветовых маркеров могли оказать влияние разнообразные традиции, в том числе вызванные монгольским влиянием [7].

Конкретный пример своего времени: *кара гузз*

Вместе с тем, наименование *qara* имеет более общую и более распространенную семантику, подтвержденную конкретным примером и здесь для начала обратимся к сочинению начала XIII в. Мухаммада ибн Наджиба Бакрāна «Джāхан-нāмэ» [6]. В нем автор пишет о кара-хазарах следующее: «а хазар существует два племени: первое из них – белокожие и благообразные хазары, а другое племя [хазар] – смуглоликие, похожие на индусов, и именно их называют кара-хазарами. Народ русов точно также состоит из двух племен, внешние и внутренние, но все они белокожие. Рядом с хазарами есть область, которую там называют Сариром» [6, л. 266]. С нашей точки зрения, Мухаммад ибн Наджиб Бакрāн сознательно сравнивает хазар и русов, подчеркивая, что в обоих случаях главным критерием разделение обеих этнических групп на две части является географическое положение или проживание одной составляющей по отношению к другой. Иначе говоря, данный пример скорее подтверждает приведенную нами выше точку зрения А.Н. Кононова. При этом, будучи относительно поздним компилятором, Мухаммад ибн Наджиб Бакрāн привел в «Джāхан-нāмэ» рассказ несомненно восходящий к гораздо более раннему сочинению Абū Исхāқа ал-Истахрī «Китāб масāлик ал-мамāлик», однако именно сравнение хазар и русов – в данном случае его, авторское, дополнение. «Хазары не похожи на Турок; они черноволосы и их два класса: одни называются “кара-хазары”; они смуглы, даже почти черные,

подобно индийцам; другой класс – белый, видный по красоте и наружным качествам», – писал ал-Истахрй [2, с. 49]. Вероятно, Мухаммад ибн Наджийб Бакрāн, более поздний автор, для того, чтобы дать хоть какое-то объяснение этнониму *кара хазар*, помимо того, что предложил сам ал-Истахрй, и привел сравнение двух племен хазар с двумя племенами русов. Впрочем, данный пример может показаться не совсем убедительным, поэтому далее следует обратить внимание на сравнительно редко встречающийся в мусульманской историографии этноним *кара гуззы*.

Данное наименование встречается в известном специалистам списке тюркских племен из сочинения «Шаджара-йе ансāб-е Мобāракшāхй» («Бахр ал-’ансāб») Моҳаммада ибн Мансӯра ибн Са’йда или Фахр-е Модаббера (Мобāракшāх) также написанном в начале XIII в. В издании текста этого источника, осуществленного сэром Эдвардом Денисоном Россом, *кара гуззы* (قرا غوز*) упоминаются в списке племен тридцать седьмыми после гуззов (غوز) и перед *токуз гуззами (تغزغز*; рукописн. *тагузгуз*) [23, p. 47 (f. 30b–31a)]. Не должно смущать, что *кара гуззы* упоминаются в этом тексте в форме *кара гур* (قرا غور), что объясняется банальной ошибкой переписчика (или самого компилятора), который допустил ее и при написании названия одной из групп гуззов. Кроме того, у Фахр-е Модаббера в списке тюркских племен схожие типологически этнонимы группируются всегда вместе, как, например, *тибат* تبت и *кара тибат* قرا تبت (отношение которых к «тюркским» заслуживает особого объяснения) или *татар* تتر и *кара татар* قرا تتر [23, p. 47 (f. 30b–31a)]. К сожалению, данный реестр племен является компилятивным и, очевидно, включает разновременные сведения (ср.: [17, p. 230]), а его составитель не предлагает собственного пояснения цветовым маркерам, из которых, впрочем, в «Шаджара-йе ансāб-е Мобāракшāхй» упоминается лишь маркер *кара*. Однако для гораздо важнее тот факт, что этноним *кара гуззы* встречается еще в одном и при этом более раннем мусульманском источнике – сочинении XII в. «’Экд ал-’Олā ле’л-маукеф ал-а’лā» [11].

Упомянутый труд был написан Афзал ад-Дйном Кермāнй в 1188 г. и представлен им правителю Кермана – Малику Динāру. Последний был предводителем гуззов, которые захватили власть в этом регионе в 1185 г.: «В рамазане, 581 / декабрь 1185 г., когда вождь гуззов, Малик Динар, по приглашению эмира Моджахед ад-Дина Кухбонани двинулся на Керман и был ранен стрелой в лицо во время захвата замка Равар, Афзал написал стихи об этом инциденте, которые сохранились. Впоследствии, возможно, по рекомендации управляющего (вакиль ал-дар) Джамал ал-Дина, Афзал присоединился ко двору Малика Динара. Когда он отправился в Йезд за своей женой и детьми, он получил предложение от атабека Йезда стать секретарем суда и управляющим больницей Йезда, но он отказался и вернулся в Керман, где стал секретарем (дабиром) Малика Динара. Именно в это время (584/1188) Джамал ад-Дин, визир Кавам ад-Дин и глава духовенства (малик ал-’Улама’) Нур ад-Дин вдохновили его написать «’Экд ал-’Олā...», которую он посвятил Малику Динару» [13, p. 599].

Тем любопытнее, что находившийся на службе у правителя гуззов Афзал ад-Дйн Кермāнй упоминает в своем сочинении именно кара гуззов в рассказе о разорении последними Кермана. «И малик Туран-шах был падишахом уже при жизни собственного отца и [проявлял] мудрость и хитрость и доброе обраще-

ние и был защитником. Но сладкие речи чужаков, [слышанные им] во время путешествий, изменили его характер и, когда пришло время его владычества, предаваясь мечтаниям, которые не мог воплотить в жизнь, лишь принес ущерб во время своего правления, и Керман выбивался из сил. И мнение о том, что именно он является источником зла и причиной болезни само по себе укреплялось, однако он даже напротив – ежедневно продолжал совершать плохие поступки в отношении своей державы. Пороки амиров государства также удвоились, и заплата ложилась на заплату, и прервалось дыхание и надежда истребилась. Тогда его помощники из числа амиров и гулямов из-за своего положения, а также по причине того, что многие из его гулямов томились в заточении, из заточения и от наказания бежали, и подняли мятеж и таким образом свою судьбу взяли в свои руки. В месяце мехре шестьдесят восьмого года пришла ярость кара-гузов из безводных степей Хорасана и в противостоянии войско его (т.е. правителя Кермана – Д.Т., В.Т.) разбило, и его правление было окончено, а сам он руками своих собственных слуг был умерщвлен» [11, s. 50]. В тексте упоминается 568 г.х., то есть 1172–1173 г. н.э., что не соответствует времени вторжения войск Малика Динāра и упомянутые автором кара гуззы связаны, по всей видимости, с иным вторжением в пределы Кермана. Впрочем, далее в тексте «‘Экд ал-‘Олā...» автор пишет следующее: «Когда год восемьдесят первый заканчивался и приближался восемьдесят [второй] год, глаза карагузов обратились в сторону Кермана, и все добро Кермана попало к ним в руки, и разрушили постройки, и внесли сумятицу, и разрушили [все вокруг] и знать Кермана бежала в город Бардсир. И [именно] в том месте [Бардсире] падишах вместе с несколькими гулямами и незначительным и весьма ограниченным количеством вооруженных людей пытался полностью совладать с угрозой [для себя] и со страданиями – для райатов (т.е. крестьян – Д.Т., В.Т.). Тогда некий достойный человек, испытав от такой ситуации отвращение, и дал по этому поводу следующий ответ и сообщил, что причина бедствий заключается в слабости правителя и мудрецы сказали, что падишах – это, тот, кто пожирает войско и райатов, а не тот падишах, кого собственное войско и райаты съели. Иначе говоря – падишах должен быть подобен грифу, вокруг которого падаль, а не падалью – вокруг которой грифы» [11, s. 52]. Таким образом, собственно гуззы в тексте этого источника не упоминаются, а вместо них автор использует именно название *кара гуззы*.

Таким образом, сочинение Афзал ад-Дйна Кермāни «‘Экд ал-‘Олā...» представляет собой уникальный пример того, как мусульманский историк, желая того или нет, дает нам ответ на вопрос относительно значения маркера *кара* в названиях кочевнических тюркских племен. После событий «огузской смуты» 1153 г. и последовавших за этим событий основная часть гуззов продолжала оставаться в пределах Хорасана и Мавераннахра, принимая участие в борьбе за «сельджукское наследство» на стороне то одной, то другой локальной династии. Однако часть гуззов откочевала южнее и вторглась в Керман, где и сумела захватить власть, но при этом стала проживать отдельно от основной части племенного объединения, в результате чего и получило маркер *кара*. Как мы отмечали выше, Афзал ад-Дйн Кермāни служил гуззскому правителю Кермана, поэтому употребление им названия *кара гузз* могло означать лишь понимание им того факта, что пришедшие в Керман гуззы представляют собой отдельное объединение и их нужно маркировать иначе, не-

жели тех из них, кто продолжал оставаться в пределах Хорасана и Мавераннахра.

Заключение

Результаты изучения практики использования цветовых маркеров в этнонимике тюркских народов пока не дают общих ответов, позволяющих выявить какие-либо универсальные закономерности. Скорее следует предполагать, для каждого периода и региона имелись свои особенности, обусловленные во многом специфическим историко-культурным контекстом. Для периода не позднее второй половины XII в. имеется конкретный пример, подтверждающий возможность интерпретации, по меньшей мере, в огузской среде слова *кара*, выступающего в функции атрибутива в составе двусоставного племенного названия, как обозначающий вторичную общность, отколовшуюся от исходного коллектива, название которого заключено в втором элементе этого этнонима с цветовым маркером. При этом источниками не зафиксировано какого-либо противопоставляемого ему цветового маркера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Т. 6. Вып. III–IV. С. 277–456.
2. Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX и X веков по Р.Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXIX. Тифлис: Упр. Кавказского учебного окр., 1901. С. 1–73.
3. Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975. Памяти С.Е. Малова / ред. кол.: А.Н. Кононов (отв. ред.), С.Г. Кляшторный, Ю.А. Петросян, С.С. Цельникер. М.: Наука, 1978. С. 159–179.
4. Лезина И.Н., Суперанская А.В. Ономастика: словарь-справочник тюркских родоплеменных названий: в 2 ч. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1994. Ч. 1–2. 466 с.
5. Материалы по истории сюнну (по материалам китайских источников) / предисл., пер. и примеч. В.С. Таскина. М.: Наука, 1968. Вып. 1. 283 с.
6. Мухаммад ибн Наджиб Бакрэн. Джахан-намэ (Книга о мире) / Издание текста, введение и указатели Ю.Е. Борщевского. М.: Наука, 1960. 22, 144 с.
7. Тишин В.В., Нанзатов Б.З. Цветовая символика в тюркской этнонимике // Атлас «Символика Тюркского мира» (в печати).
8. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л.: Наука, 1969. 196 с.
9. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э.Р. Тенишев. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.
10. Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М.: Наука, 1982. 135 с.
11. Afzal al-Dīn *Kermānī*. Ketab-e 'Eqd al-'olā le'l-mawqef al-a'lā / Ed. by Bastani Parizi. Tehran: Rouzbehan, 1977. 184 s.
12. Bang W., Gabain A. (von), Rachmati G.R. Türkische Turfan-Texte. VI. Das buddhistische Sūtra Säkiz yükmäk // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. Berlin, 1934. Bd. X. S. 93–192.

13. Bāstānī Pārīzī M.E. AFẒAL-AL-DĪN KERMĀNĪ // Encyclopædia Iranica / Ed. by E. Yarshater. London; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1985. Vol. I. Fasc. 6. Baḳṭīārī Tribe II–Banān. P. 599.
14. Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. xlviii, 989 p.
15. Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1967. Bd. III. Türkische Elemente im Neupersischen. (2), 670 s. (Akademie der Wissenschaften und der Literatur: Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. Bd. XVI).
16. Gabain A. (von) Vom Sinn symbolischer Farbenbezeichnung // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1962. T. XV. Fasc. 1–3. S. 111–117.
17. Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. 483 p. (Turkologica. Bd. 9).
18. Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'ü-küe). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. I. Buch. Texte. 484 S. (Göttinger asiatische Forschungen: Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens. Bd. 10); II. Buch. Anmerkungen, Anhänge, Index. S. 485–831. (Göttinger asiatische Forschungen: Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens. Bd. 10).
19. Németh Gy. A honfoglaló Magyarság kialakulása / közzéteszi Á. Berta. Második, bővített és átdolgozott kiadás. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. 397 ol.
20. Pritsak O. «Qara», Studie zur türkischen Rechtssymbolik // 60. Doğum Yıldönümü Münasebetiyle Zeki Velidi Togan Armağan / Symbolae in Honorem Z.V. Togan. İstanbul, 1950–1955. S. 239–363.
21. Pritsak O. Orientierung und Farbsymbolik: Zu den Farben- bezeichnungen in den altaischen Volkernamen // Saeculum. 1954. Bd. 5. S.376–383.
22. Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler): Tarihleri, Boy Teşkilâtı, Destanları. 2. bk. Ankara: Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Yayınları, 1972. XXV, 532 s.
23. Ta'riḳh-i Fakhru'd-Dīn Mubārakshāh, Being the Historical Introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd-Dīn Mubārakshāh Marvar-rūđī completed in A.D. 1206 / Ed. by E. Denison Ross. London: Royal Asiatic society, 1927. 104 p.
24. Thomsen V. Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées. Helsingfors: Impr. de la Société de littérature finnoise, 1896. 224 p. (Mémoires de la Société Finno-ougrienne. T. V).
25. Vámbéry H. Die primitive Cultur des Turko-Tatarischen Volkes auf Grund Sprachlicher Forschungen. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1879. VIII, 276 S.

REFERENCES

1. Aristov N.A. Notes on the Ethnic Composition of the Turkic Tribes and Peoples and Information about their Numbers. *Zhivaia starina = Living Antiquity*. 1896, t. 6, fasc. 3–4, pp. 277–456 (In Russian)
2. Karaulov N.A. Information Given by Arab Geographers of the 9th and 10th centuries A.D. about the Caucasus, Armenia and Azerbaijan. *Collection of Materials for the Description of Localities and Tribes of the Caucasus*. Vol. 29. Tiflis: Upravlenie Kavkazskogo uchebnogo okruga, 1901, pp. 1–73 (In Russian)
3. Kononov A.N. Turkological collection. 1975. In Memory of S.E. Malov. Ed. by A.N. Kononov (ed.-in-chief), S.G. Kljashtornyĭ, Iu.A. Petrosian, S.S. Tsel'niker. Moscow: Nauka, 1978, pp. 159–179 (In Russian)

4. Lezina I.N., Superanskaia A.V. Onomastic: Dictionary-Reference on Turkic Tribal Names: in 2 parts. Moscow: Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaia RAN, 1994. Vol. 1–2. 466 p. (In Russian)
5. Materials on the History of Xiōngnú (Based on Chinese Sources' Data. Transl. by V.S. Taskin. Moscow: Nauka, 1968. Vol. 1. 283 p. (In Russian)
6. Muḥammad ibn Najīb Bakrān. *Jahān-nāme (Kniga o mire)* [Jahān-nāme (Book about the World)]. Publ., introd., indexes by Iu.E. Borshchevskii. Moscow: Nauka, 1960. 22, 144 p. (In Russian)
7. Tishin V.V., Nanzatov B.Z. Color Symbolic in Ethnonymy among Turkic Peoples. *Atlas: "A Symbolism of Turkic World"* (In Press) (In Russian)
8. Potapov L.P. An Ethnic Composition and Origin of Altay People. Essays on History and Ethnography. Leningrad: Nauka, 1969. 196 p. (In Russian)
9. A Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages. A Lexical Fund. Ed. by E.R. Tenishev. 2nd ed. Moscow: Nauka, 2001. 822 p. (In Russian)
10. Sultanov T.I. Nomadic Tribes of Aral Region in 15th–17th centuries: Issues of Ethnic and Social History. Moscow: Nauka, 1982. 135 p. (In Russian)
11. Afzal al-Dīn Kermānī. *Ketab-e 'Eqd al-'olā le'l-mawqef al-'alā*. Ed. by Bastani Parizi. Tehran: Rouzbehan, 1977. 184 p. (In Persian)
12. Bang W., Gabain A. (von), Rachmati G.R. Türkische Turfan-Texte. VI. Das buddhistische Sūtra Säkiz yükmäk. *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse*. Berlin, 1934. Bd. X. S. 93–192. (In German)
13. Bāstānī Pārīzī M.E. AFZAL-AL-DĪN KERMĀNĪ. *Encyclopædia Iranica*. Ed. by E. Yarshater. London; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1985. Vol. I. Fasc. 6. *Baktiāri Tribe II–Banān*. P. 599.
14. Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press, 1972. xlviii, 989 p.
15. Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1967. Bd. III. *Türkische Elemente im Neupersischen*. (2), 670 S. (Akademie der Wissenschaften und der Literatur: Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. Bd. XVI). (In German)
16. Gabain A. (von) Vom Sinn symbolischer Farbenbezeichnung. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1962. T. XV. Fasc. 1–3. S. 111–117. (In German)
17. Golden P.B. *An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. 483 p. (Turkologica. Bd. 9).
18. Liu Mau-Tsai. *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'ü-kü)*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. I. Buch. *Texte*. 484 S. (Göttinger asiatische Forschungen: Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens. Bd. 10); II. Buch. *Anmerkungen, Anhänge, Index*. S. 485–831. (Göttinger asiatische Forschungen: Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens. Bd. 10). (In German)
19. Németh Gy. *A honfoglaló Magyarság kialakulása*. Közzéteszi Á. Berta. Második, bővített és átdolgozott kiadás. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. 397. o. (In Hungarian)
20. Pritsak O. «Qara», Studie zur türkischen Rechtssymbolik. 60. *Doğum Yıldönümü Münasebetiyle Zeki Velidi Togan Armağan / Symbolae in Honorem Z.V. Togan*. İstanbul, 1950–1955. S. 239–363. (In German)
21. Pritsak O. Orientierung und Farbsymbolik: Zu den Farben- bezeichnungen in den altaischen Volkernamen. *Saeculum*. 1954. Bd. 5. 376–383. (In German)
22. Sümer F. *Oğuzlar (Türkmenler): Tarihleri, Boy Teşkilâtı, Destanları*. 2. bk. Ankara: Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Yayınları, 1972. XXV, 532 s. (In Turkish)

23. *Ta'rikh-i Fakhru'd-Din Mubarakshah, Being the Historical Introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd-Din Mubarakshah Marvar-rud'i completed in A.D. 1206.* Ed. by E. Denison Ross. London: Royal Asiatic Society, 1927. 104 p. (In Persian)

24. Thomsen V. *Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées.* Helsingfors: Impr. de la Société de littérature finnoise, 1896. 224 p. (Mémoires de la Société Finno-ougrienne. T. V). (In French)

25. Vámbéry H. *Die primitive Cultur des Turko-Tatarischen Volkes auf Grund Sprachlicher Forschungen.* Leipzig: F.A. Brockhaus, 1879. VIII, 276 S. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дмитрий Михайлович Тимохин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук (107031, ул. Рождественка, 12, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9093-5269. E-mail: horezm83@mail.ru

Владимир Владимирович Тишин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук (107031, ул. Рождественка, 12, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-7344-0996. E-mail: tihij-511@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dmitry M. Timokhin – Cand. Sci (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (12, Rozhdestvenka Str., Moscow 107031, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9093-5269. E-mail: horezm83@mail.ru

Vladimir V. Tishin – Cand. Sci (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (12, Rozhdestvenka Str., Moscow 107031, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-7344-0996. E-mail: tihij511@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 20.12.2023

Поступила после рецензирования / Revised 03.02.2024

Принята к публикации / Accepted 04.03.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.20-27>
EDN: FNRRKV

УДК 303.425

THE STORY OF THE GOLDEN HORDE
TOLD BY COINS (JAPANESE): 貨幣が語るジョチ・ウルス

Kubilay Atik

*University of Cambridge
Cambridge, United Kingdom
kubilayatik@gmail.com*

Abstract. Research objectives: This article reviews the recent book by Yasuki Shinichiro, published in Japanese under the title of 貨幣が語るジョチ・ウルス in October 2023 by Seifudo Shoten.

Research results and scientific novelty: Since there is no translation of the book at the moment, the English title, translated literally, would be “Story of the Golden Horde Told by Coins.” This review synthesizes the essence of Yasuki Shinichiro’s monograph, “The Story of the Golden Horde as Told by the Coins,” which represents a novel economic perspective on the Golden Horde. Amidst a resurgence of scholarly interest in the Mongol Empire and Golden Horde, Shinichiro’s work stands out for its focus on economic rather than historical or military aspects. Each of the ten chapters is methodically summarized, emphasizing his unique approach as an economist in examining the Golden Horde’s economic structure and influence. The review situates the book within the broader context of international literature on the Mongol Empire, highlighting its distinctiveness and the need for broader accessibility beyond the Japanese-speaking academic community. The comprehensive summary of each chapter underscores the author’s innovative approach to understanding the Golden Horde’s economic dynamics, offering a fresh perspective in the field of Mongol studies.

Keywords: Jochi Ulus, Golden Horde, economy, monetary policy, economic history

For citation: Atik K. The Story of the Golden Horde Told by Coins (Japanese): 貨幣が語るジョチ・ウルス. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 1, pp. 20–27. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.20-27>

Financial Support: This study was supported by the project BR21882416 “The Historical Geography of the Central Asia”.

In recent years, a rekindled scholarly interest worldwide in the Mongol Empire, particularly the Golden Horde, has engendered a plethora of new writings. These works endeavor to inject novel perspectives into the discourse concerning both the Mongol Empire and the Golden Horde. This burgeoning interest, while predominantly evident in historical studies with notable works such as Marie Favreau’s *The Horde: How the Mongols Changed the World* [4] and Timothy May’s *The Mongol Empire* [5], has also permeated other academic disciplines. In

© Atik K., 2024



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

the realm of international relations, for instance, Iver Neumann and Einar Wigen’s *The Steppe Tradition in International Relations* [6] merges IR theory with steppe history, albeit in a manner somewhat too overarching to focus specifically on the Golden Horde or the Mongol Empire. Conversely, Ayşe Zarakol’s lauded *Before the West: The Rise and Fall of the Eastern World Orders* [9] provides a direct inquiry into Mongol political hegemony and order from an IR perspective, refreshing some longstanding ideas in the field. The burgeoning interest in the Golden Horde has not only been confined to English language literature but has also seen manifestations in other languages, albeit to a lesser extent due to linguistic barriers. This includes works in Italian, such as that by Niccolo Di Cosmo and Lorenzo Publici [2; 3].

Notably, the literature on the Golden Horde in Japanese remains relatively underappreciated, despite Japan’s rich tradition in Mongol studies. The Japanese fascination with Mongol history primarily stems from Qubilai Qaghan’s two unsuccessful military campaigns against Japan, which have left an indelible imprint on the Japanese psyche and influenced the nation’s formative process. While much of the Japanese scholarship has traditionally been centered on the Yuan Dynasty, studies on other Mongol polities, including the Golden Horde, are also plentiful. Among these is Yasuki Shinichiro’s recent monograph, *The Story of the Golden Horde Told by the Coins* [8; 7] (original title: 貨幣が語るジョチ・ウルス), which, contrary to its title, delves into the economics rather than the numismatics of the Golden Horde. This review aims to delve into Shinichiro’s work, highlighting his unique approach as an economist and introducing it to a wider audience.

Professor Yasuki Shinichiro, an expert in Russian economics and unlike other more renowned Japanese scholars on Mongol history, is neither a historian nor a specialist on the Mongol Empire. This perceived limitation, however, renders his perspective less biased and enables him to offer a fresh viewpoint on the Golden Horde from an economic standpoint. His book, succinctly comprising 176 pages, maintains a focused exploration of its economic aspects, positioning the Golden Horde centrally in its narrative while relegating Russian principalities, Lithuania, and other European and Mongol powers of the era to its periphery. Professor Yasuki’s proficiency in Russian compensates for his lack of formal training in Golden Horde history, similar to how Thomas Barfield utilized translated works for his book *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China 221 B.C. to AD 1757* [1]. What distinguishes Yasuki is not his mastery over sources but his theoretical approach and methodology, viewing the economic history of the Golden Horde and its impact on adjacent regions through an economist’s lens rather than a historian’s. This perspective is evident in the structure of his book, which consists of a foreword, ten chapters, and a conclusion.

The titles of the chapters in Yasuki Shinichiro’s book provide a roadmap to his economic analysis of the Golden Horde. These chapters cover a range of topics, from the formation and trade strategies of the Jochi Ulus to specific monetary policies and reforms under different Khanates. Yasuki explores the dynamics of the Golden Horde’s economy, including its interactions with neighboring regions and powers. His examination extends to the effects of economic policies on societal structures and the overall historical context. The book concludes with a summation of the Golden Horde’s economic evolution, drawing parallels with modern economic systems. Yasuki’s approach offers a nuanced understanding of the Golden

Horde, contributing a valuable economic perspective to Mongol studies. The titles of the ten chapters that make up the main body of the book are as follows:

Chapter 1: Formation of the Jochi Ulus (in Japanese: ジョチ・ウルスの成立)

This initial chapter provides an introductory exploration into the origins and development of the Jochi Ulus, which in Western and Russian historiography is more commonly referred to as the Golden Horde. The author adopts the Japanese nomenclature, diverging from the conventional Western and Russian historical perspectives. Moreover, with a Japanese audience primarily in mind, the author's approach to the Golden Horde and its adjacent regions is nuanced and distinct from the more prevalent Eurocentric and, at times, Sinocentric viewpoints that often dominate other scholarly works, especially those emanating from China where the central focus is usually on China. In this context, while the author does place the Golden Horde at the forefront of the discussion, this perspective is still deeply rooted in and tailored to a Japanese understanding and interpretation of the historical formation of the Golden Horde.

Chapter 2: Jochi Ulus, The Trading Nation and Silver (in Japanese: 貿易立国ジョチ・ウルスと銀)

This chapter examines the Golden Horde from the perspective of a trading nation, as indicated in the title. Diverging from the common historical focus on military and political aspects, Professor Yasuki Shinichiro, an economist, delves into the economic dimensions of the Golden Horde. He posits that the Golden Horde functioned primarily as a trading state, a view supported by its pivotal role in sustaining the Eurasian trade networks connecting the East and West. A particular emphasis is placed on the role of silver in this trade, highlighting its eastward flow, especially to the Yuan dynasty, driven by significant demand in China. While the movement of bullion from Europe to China is often discussed within the Indian Ocean trade context, Professor Yasuki's analysis in this chapter reveals that the Golden Horde was also a critical source of this flow.

Chapter 3: Crimea Borderlands (in Japanese: 境界領域クリミア)

The Crimean Peninsula functioned as a critical maritime borderland for the Golden Horde, notably marked by its interactions with Byzantine territories and, more significantly, with Italian colonies from various city-states, predominantly Venice and Genoa. The commercial exchanges between these Italian city-states and the region have a longstanding history. However, as elucidated in this chapter, the zenith of this trade relationship coincided with the Golden Horde's era, particularly until the later reign of Toqta Khan. This section of the study emphasizes the vital role these Italian colonies played in bolstering the Golden Horde's economy, presenting robust evidence substantiated by quantitative data. Professor Yasuki Shinichiro, consistent with his approach in other chapters, delves into the macro-economic repercussions of this trade, offering detailed insights rather than resorting to vague descriptions.

Chapter 4: Small Copper *Pul* Coins (in Japanese: 小額銅貨プル)

This chapter concentrates on the copper coins minted in smaller denominations by the Golden Horde and their overarching impact on its economy. These coins,

along with their silver counterparts, are frequently discovered in considerable quantities even today, indicating a robust monetary economy within the Golden Horde. This was at a time when Europe was gradually recovering its money economy following the collapse of the Roman Empire. The chapter also draws parallels with China, particularly in the monetary nature of the economy and the rationale behind currency minting. However, a notable difference is highlighted: unlike in China, paper money was scarcely used in the Golden Horde, if at all, thereby shielding its economy from the inflationary pressures experienced in the Yuan dynasty due to excessive paper money printing. Nonetheless, these copper coins, referred to as 'pul', introduced their own economic challenges, including inflation and fluctuations in the silver-copper exchange rates. While most numismatic studies on the Golden Horde predominantly focus on the political significance of coinage minted under the ruling authority – a natural approach given the political symbolism inherent in minting currency – this chapter shifts the focus to the macroeconomic implications of producing larger quantities of lower-value denominations.

Chapter 5: Monetary Reforms of Toqta¹ (in Japanese: トクトの幣制改革)

Toqta Khan is often recalled for his conflict with the formidable yet defiant commander Nogai, who briefly established his own domain and, as previously mentioned, even minted his own currency. Nogai represents one of the early instances of generals in the Golden Horde wielding substantial independent military and political power, a factor contributing to the eventual disintegration of the state due to such internal strife. However, this chapter shifts focus from Toqta Khan's military endeavors and political confrontations within the Golden Horde and the broader Jochi Ulus. During his reign, Toqta Khan also engaged strategically in the East, notably supporting Bayan Khan of the Aq Orda. The primary emphasis here is on Toqta Khan's economic policies, specifically the monetary devaluation triggered by wars both within and beyond the Golden Horde's territories. Additionally, the chapter explores the economic ramifications of his campaigns against the Italian colonies in Crimea, analyzing how these military actions influenced the region's fiscal dynamics.

Chapter 6: Division and Expansion of the Jochi Ulus (in Japanese: ジョチ・ウルスの分裂と拡大)

In this chapter, Professor Yasuki Shinichiro offers an in-depth analysis of the economic shifts precipitated by the destabilization within the Golden Horde following its fragmentation, a consequence of the weakening of Khan authority and the ensuing conflicts among military leaders. These tumultuous events exerted a discernible adverse effect on the economy of the Golden Horde and its neighboring regions. Furthermore, the chapter extends its examination to the economies of the post-Golden Horde Khanates. Despite the constraints of space inherent in a book chapter, Professor Yasuki maintains an economist's perspective, prioritizing an exploration of the macroeconomic frameworks over an in-depth dissection of the

¹ Professor Yasuki Shinichiro refers to Toqta (1270–1312, reign 1291–1312), the Golden Horde ruler as Toqto in the Japanese original. I preferred the more common usage Toqta here in the translation.

complex political machinations of the power contenders and the politics of the successor Khanates. Although the breadth of the subject could warrant a standalone book, this chapter adeptly encapsulates the region's economic transformation during this period of upheaval, albeit in a succinct manner.

Chapter 7: The Counterfeit Silver Money of Kiev (in Japanese: キエフの偽造銀貨)

This chapter delves into the issue of counterfeit silver coins in Kiev, elucidating their economic impact. The focus extends beyond the mere analysis of these coins to a broader consideration of the Golden Horde's economic influence on Kiev and, by extension, the Eastern European economies of the time. The chapter emphasizes the intricate economic ties between the Golden Horde, its vassals, and neighbors, with a particular focus on Kiev as not just a cultural and political center but also an economic one. The interactions between Kiev, the Golden Horde, other regional powers, and the Cossacks, who operated as semi-independent entities, are thoroughly explored. This chapter is notable for its innovative approach, considering non-state actors and the effects of counterfeit currency on border area trade and the economies of these players.

Chapter 8: The Treasure Knot of Lithuania (in Japanese: リトアニアの宝結び)

Here, the economic connections between the Lithuanian Grand Duchy and the Golden Horde are examined. The Lithuanian Grand Duchy, a key rival of the Golden Horde and one of the most formidable powers in the region, is analyzed in terms of its economic relations with the Golden Horde. The chapter discusses how these relations and developments within the Golden Horde influenced the economy of Lithuania. Professor Yasuki Shinichiro, maintaining his economist's perspective, offers a distinct approach compared to scholars from other disciplines. The complex networks binding these two states and the region are presented in meticulous detail.

Chapter 9: Disappearance of Ukrainian stone coins (in Japanese: ウクライナ製石貨の消滅)

The author meticulously examines the transformation of the region presently known as Ukraine into a modern economy, attributing this evolution to the influences exerted by the Golden Horde. It is noteworthy, however, that the author's treatment of Ukraine occasionally manifests anachronistic tendencies. Specifically, his portrayal of the territory as a sovereign nation-state appears temporally misplaced, considering the historical context wherein the concept of nation-states had not yet emerged. Despite these anachronisms, the primary emphasis of his analysis remains firmly anchored in the exploration of the region's economic developments.

Chapter 10: From Sea shells to Copper Coins (in Japanese: 貝貨から銅貨へ)

This final chapter functions effectively as a preliminary conclusion. It accomplishes not merely a summation of the principal arguments delineated in the preceding chapters but also conveys the author's personal perspectives on the economic development and structural composition of the Golden Horde. Furthermore, it undertakes the task of drawing analogies with contemporary nation-states within

the region, including Russia. Although this comparative analysis might initially appear anachronistic, the author's methodology, consistent with the approach in other chapters, is predominantly macroeconomic in its scope. Consequently, this approach is insulated from the intricacies inherent in the microeconomic variances between modern and premodern economies. This distinction is crucial, given that these two economic types operate under disparate conditions and principles, shaped significantly by their respective production methodologies and societal structures.

The Story of the Golden Horde Told by the Coins, authored by Yasuki Shinichiro, represents a seminal contribution to the burgeoning field of Mongol studies, particularly in its economic historiography. Shinichiro's background as an economist rather than a historian infuses the book with a fresh and unique perspective, diverging from the traditional historical or military focus commonly found in works on the Golden Horde and the Mongol Empire. His analysis, underpinned by a macroeconomic lens, illuminates the sophisticated economic structures and policies of the Golden Horde, challenging the prevailing narratives that often reduce this entity to a simplistic, nomadic conglomerate reliant on conquest and tribute.

Shinichiro's work is particularly commendable for its exploration of the Golden Horde's role as a dynamic trade partner and a formidable commercial power, a facet of Mongol history that has been underappreciated in mainstream scholarship. This perspective not only enhances our understanding of the Golden Horde's economic influence but also its impact on the political and military dynamics of the era.

While the book's primary language of publication, Japanese, may limit its immediate accessibility to a wider audience, its translation into other languages is highly anticipated. Such translations would undoubtedly broaden the reach of Shinichiro's insights, enriching the global discourse on the Mongol Empire and the Golden Horde. In this regard, the work stands as a testament to the value of interdisciplinary approaches in historical research, offering a comprehensive economic narrative that complements and enriches our understanding of one of history's most influential empires.

Overall, 'The Story of the Golden Horde as Told by the Coins' is a pivotal work that successfully bridges the gap between economic theory and historical analysis, offering readers an enriched comprehension of the Golden Horde's complex and multifaceted legacy. It is a significant addition to the field and will undoubtedly serve as a valuable resource for scholars and enthusiasts alike, eager to explore the economic dimensions of Mongol history.

In conclusion, this volume, notwithstanding certain deficiencies as previously delineated, introduces a pioneering approach to the economic historiography of the Golden Horde and Eastern Europe. Authored by an economist as opposed to a historian, the stylistic and methodological choices employed may not entirely resonate with readers deeply specialized in Golden Horde or Mongol Empire studies. Nevertheless, the work makes a significant contribution with its original perspectives on the economic framework of the Golden Horde and its subsequent influence on political and military spheres. This perspective is particularly noteworthy for reimagining the Golden Horde not as a nomadic group devoid of economic structure or solely reliant on pillage and tribute – a notion effectively refuted within the book – but rather as a trade partner and a potent commercial entity. Given that Japanese is not a widely studied language among scholars focusing on the Golden Horde, this

monograph introduction serves to offer a brief overview. The responsibility for any errors in the translation of chapter titles, undertaken by Kubilay Atik, rests solely with him. It is our aspiration that this monograph will eventually be translated into other languages, thereby making a valuable contribution to the broader study of Golden Horde history.

REFERENCES

1. Barfield T. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China 221 B.C. to AD 1757. Cambridge: Wiley-Blackwell, 1992. 348 p.
2. Cosmo N.D., Pubblici L. Venezia e i Mongoli: Commercio e Diplomazia sulle Vie della Seta nel Medioevo. Rome: Viella Libreria Editrice, 2022. (In Italian)
3. Cosmo N.D., Pubblici L. Venice and the Mongols: Commerce and Diplomacy on the Silk Roads During the Middle Ages. Rome: Viella Libreria Editrice, 2022.
4. Favereau M. The Horde: How the Mongols Changed the World. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2021. 377 p.
5. May T. The Mongol Empire. 1st edition. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018. 440 p.
6. Neumann I.B., Wigen E. The Steppe Tradition in International Relations: Russians, Turks and European State Building 4000 BCE–2017 CE. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 327 p.
7. Yasuki S. Story of the Golden Horde Told by Coins. Tokyo: Seifudo Shoten, 2023.
8. Yasuki S. 貨幣が語るジョチ・ウルス [Kahei ga Gataru Jochi Urusu]. Tokyo: 清風堂書店 [Seifudo Shoten], 2023. (In Japanese)
9. Zarakol A. Before the West The Rise and Fall of Eastern World Orders. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 331 p.

ИСТОРИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ, РАССКАЗАННАЯ ЧЕРЕЗ МОНЕТЫ

Кубилай Атик

Кембриджский университет

Кембридж, Великобритания

kubilayatik@gmail.com

Резюме. Цель исследования: эта статья рассматривает книгу Ясуки Синичиро, опубликованную на японском языке под названием 貨幣が語るジョチ・ウルス в октябре 2023 года издательством Сэйфудо Сэтэн.

Результаты и научная новизна: В обзоре раскрывается суть монографии Ясуки Синичиро «История Золотой Орды, рассказанная через монеты», представляющей новый экономический взгляд на Золотую Орду. В эпоху возрождения научного интереса к Монгольской империи и Золотой Орде работа Синичиро выделяется своим фокусом на экономические, а не исторические или военные аспекты. Каждая из десяти глав методично резюмируется, подчеркивая уникальный подход Синичиро, экономиста, в изучении экономической структуры и влияния Золотой Орды. Обзор раскрывает книгу в более широком контексте международной литературы о Монгольской империи, выделяя ее уникальность и необходимость широкого доступа за пределами японоговорящего академического сообщества. Подробное резюме каждой главы подчеркивает инно-

вационный подход автора к пониманию экономической динамики Золотой Орды, предлагая новый взгляд в области монгольских исследований.

Ключевые слова: Улус Джучи, Золотая Орда, экономика, денежно-кредитная политика, экономическая история

Для цитирования: Atik K. The Story of the Golden Horde Told by Coins (Japanese): 貨幣が語るジョチ・ウルス // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 20–27. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.20-27> EDN: FNRRKV

Финансирование: Данное исследование выполнено при поддержке проекта BR21882416 «Историческая география Центральной Азии».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кубилай Атик – приглашенный профессор кафедры политики и международных исследований, Кембриджский университет (Кембридж, Великобритания); ORCID: 0000-0001-7657-6645; Scopus Author ID: 57189272508; ResearcherID: ADJ-0389-2022. E-mail: kubilayatik@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kubilay Atik – Visiting Professor, Department of Politics and International Studies, University of Cambridge (Cambridge, United Kingdom); ORCID: 0000-0001-7657-6645; Scopus Author ID: 57189272508, ResearcherID: ADJ-0389-2022. E-mail: kubilayatik@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 16.12.2023

Поступила после рецензирования / Revised 27.02.2024

Принята к публикации / Accepted 04.03.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.28-38>
EDN: DVKUKQ

УДК 303.425

**НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА «ИСТОРИЮ МОНГОЛОВ»
ИОАННА ДЕ ПЛАНО КАРПИНИ***Ю.И. Дробышев*

*Институт востоковедения РАН
Москва, Российская Федерация
altanus@mail.ru*

Резюме. Цель исследования: в статье анализируется новое издание книги знаменитого францисканского посла к монголам Иоанна де Плано Карпини (1182–1252), который совершил в 1245–1247 гг. большое путешествие от Лиона до Центральной Монголии, где был свидетелем интронизации хагана Гуюка (1246–1248). По итогам своего трудного и опасного путешествия он написал отчет «История монголов», в котором достаточно полно и точно изложил то, что видел и слышал.

Результаты и научная новизна: Сочинение Плано Карпини выходило на русском языке трижды: в 1795, 1825 и 1911 гг.; последний перевод, выполненный А.И. Малеиным, издавался затем еще неоднократно и постепенно обрастал комментариями, однако, все эти издания не могут считаться вполне удовлетворяющими требованиям публикации средневековых источников. Новое издание, о котором здесь идет речь, соответствует стандартам современной науки. Оно включает в себя вводную часть, критический текст источника, его новый перевод на русский язык и подробные комментарии, выполненные профессиональными историками-медиевистами. В комментариях с максимально возможной полнотой освещаются различные аспекты центрально-азиатской цивилизации XIII в., с которыми довелось соприкоснуться францисканской миссии: материальная и духовная культура кочевников, организация их общества, военное дело и многие другие. Несмотря на высокий уровень подготовки данного издания, некоторые моменты в нем не исключают и альтернативную трактовку.

Ключевые слова: Плано Карпини, «История монголов», Монгольская империя, кочевая культура

Для цитирования: Дробышев Ю.И. Новый взгляд на «Историю монголов» Иоанна де Плано Карпини // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 28–38.
<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.28-38> EDN: DVKUKQ

© Дробышев Ю.И., 2024



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

A NEW OUTLOOK ON THE "HISTORY OF THE MONGOLS"
BY JOHN DE PLANO CARPINI

Yu.I. Drobyshev

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
altanus@mail.ru*

Abstract. Research objectives: This article analyzes a new edition of the book by the famous Franciscan ambassador to the Mongols, John de Plano Carpini (1182–1252), who made a long journey from Lyon to Central Mongolia in 1245–1247 where he witnessed the enthronement of the khagan, Guyuk (1246–1248). Following the results of his difficult and dangerous journey, he wrote a report "The History of the Mongols," in which he described quite fully and accurately what he saw and heard.

Research results and scientific novelty: The work of Plano Carpini was published in Russian three times: in 1795, 1825 and 1911; the last translation, made by A.I. Malein, was then published more than once and gradually overgrown with comments. However, all these editions cannot be considered fully satisfying the requirements of publishing medieval sources. The new edition in question here meets the standards of modern science. It includes an introductory part, a critical text of the source, its new translation into Russian and detailed comments made by professional medievalist historians. In the comments, various aspects of the Central Asian civilization of the XIII century, with which the Franciscan mission had a chance to come into contact, are covered as fully as possible: material and spiritual culture of nomads, organization of their society, military affairs and many others. Despite the high level of preparation of this publication, some points in it do not exclude an alternative interpretation.

Keywords: Plano Carpini, "The History of the Mongols", Mongol empire, nomadic culture

For citation: Drobyshev Yu.I. A New Outlook on the "History of the Mongols" by John de Plano Carpini. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 1, pp. 28–38. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.28-38> (In Russian)

Сочинение Иоанна де Плано Карпини «История монголов», составленное им по итогам путешествия ко двору монгольских владык, – один из важнейших первоисточников по истории Монгольской империи. Без ссылок на него не обходится, наверное, ни одна крупная работа по средневековым монголам, будь то их история или культура. Поэтому новое издание этого ценного труда – заметное и отрадное явление в нашей науке.

Рецензируемое издание [11] подготовлено коллективом признанных специалистов по средневековой истории. Оно коренным образом отличается от всех прежних отечественных изданий Плано Карпини наличием большой вводной части, критического текста и обширного комментария. Книга имеет логически выверенную структуру.

Краткое Введение, написанное совместно А.А. Горским, П.В. Лукиным и В.В. Трепавловым, знакомит читателя с историей изучения и публикаций «Истории монголов»¹, принципами настоящего издания и передачи текста, а также с подходами к его переводу и комментированию. Затем следуют две

¹ Предыдущие издания выходили под заглавием «История монгалов».

вводные статьи: более объемистая «*Rex Mongolica* в “Истории монголов” Плато Карпини» В.В. Трепавлова и краткая «Русь в 1240-е годы в сочинении Плато Карпини» А.А. Горского. В первой показана история возникновения Монгольской империи, экспансия которой в западном направлении привела к вторжению монголов в Европу и вызвала необходимость отправки в середине 1240-х гг. на Восток католических разведовательно-евангелизаторских миссий. Одна из них, самая успешная если не в приобщении кочевников к христианству, то, во всяком случае, в сборе богатейших сведений о разных сторонах жизни монгольского общества, включая, конечно, военную, возглавлялась Иоанном де Плато Карпини. Дальнейшее изложение представляет собой аналитический конспект отчета францисканца, где освещены основные результаты его наблюдений и расспросов в степях и в ставках монгольских правителей. Вторая статья не только дает общее представление о событиях на русских землях в первоначальный период их порабощения, но и подводит к заключению, что материалы по истории Руси в «Истории монголов» по важности уступают только собственно монгольским материалам, причем «информация о монголах, излагаемая в сочинении Плато Карпини, во многом основывалась на сведениях, полученных от русских» [11, с. 32].

Далее идет отчет Плато Карпини на языке оригинала и его перевод на русский язык. При его подготовке издатели использовали два списка иностранной редакции «Истории монголов», восходящих к общему протографу: в основу ими положен Вольфенбюттельский список с учетом лучших чтений Кембриджского списка, что делает книгу полезной не только для российской, но и для мировой науки. Впрочем, о качестве издания латинского текста и адекватности его перевода предоставим судить более компетентным специалистам и перейдем к справочному аппарату².

В первую очередь, следует подчеркнуть, что прежние издания книги тоже были снабжены комментариями, объем которых увеличился с семи страниц в издании 1911 г. до 28-ми в издании 1957 г.; в переизданной 40 лет спустя книге их всего 13, но набранных мелким шрифтом, а в рецензируемой книге они занимают 146 страниц и, как правило, очень подробны. Если же сравнивать эти издания по количеству комментариев, то получается следующая картина: издание 1911 г. насчитывает их 185, 1957 г. – 224, 1997 г. – 188, настоящее – 235. Надо ли говорить, сколь важны комментарии профессионалов для понимания средневекового текста! Основная их доля принадлежит В.В. Трепавлову, который взял на себя труд раскрыть различные аспекты существования евразийской степи и кочевой цивилизации: персоналии, топонимы, этнографические детали и т.д. Р.Ю. Почекаев прокомментировал правовые обычаи и нормы монголов, частью, по-видимому, относящиеся к обычному праву центрально-азиатских кочевников, а частью проистекающие

² Отметим только одно разночтение. В переводе А.И. Малеева говорится, что «Вожди, тысячники и сотники всегда имеют козла в середине ставки» (3.1.1); новый перевод дает нам «В шатрах [центре шатров – С <по Кембриджскому списку>] вождей, тысячников и сотников всегда находится изображение козла» [11, с. 134], т.е. в первом случае речь идет о козле, очевидно, живом, а во втором – о его изображении. Чем это животное интересно? Исследователи полагают, что оно считалось у средневековых монголов солярным символом, связанным с культом огня и идеей плодородия [1, с. 65].

из так называемой Великой Ясы Чингиз-хана. Реалии русской истории и культуры, отразившиеся в произведении Плано Карпини, осветили А.А. Горский и, отчасти, С.А. Маслова. Наконец, некоторые пояснения к приводящимся у францисканца датировкам дал П.В. Лукин.

Для комментирования были привлечены основные источники по Монгольской империи, часть которых была недоступна прежде. Помимо незаменимых «Сокровенного сказания монголов», «Юань ши», трудов Джувеини и Рашид ад-Дина, использованы старейшие русские летописи, включающие сведения о монгольском нашествии: Лаврентьевская, Новгородская Первая и Ипатьевский свод, а также житийная литература. Широко привлекаются сообщения южно-сунских дипломатов 1220–1230-х гг. Чжао Хуна, Пэн Да-я, Сюй Тина, оппозиционных монголам историков Ибн ал-Асира, Джузджани, Шихаб ад-Дина ан-Насави, европейских свидетелей вторжения монголов в Европу монаха Юлиана, магистра Рогерия, архиепископа Фомы Сплитского, армянского клирика Киракоса Гандзакеци, монгольского историка XVII в. Лубсана Данзана и ряда других. Привлечение этих источников позволило уточнить и полнее раскрыть сообщаемые Плано Карпини детали, что значительно обогатило книгу. Список вспомогательной литературы также весьма солиден, хотя и не исчерпывающ, о чем отдельно скажем немного ниже.

Несомненным достоинством данного издания являются пояснения к большому количеству встречающихся в сочинении францисканца личных имен, названий различных народов³, в том числе, вероятно, мифических, географических названий, предметов и т.д., причем комментаторы отметили вариативность их написания в разных списках «Истории монголов». Благодаря комментариям читатель может получить дополнительную проверенную информацию о тех или иных аспектах существования кочевой цивилизации той эпохи, затронутых Плано Карпини: кочевом быте, особенностях питания, верованиях, похоронной обрядности, нормах степного права, налогообложении, политической культуре, организации армии, военных кампаниях и способах ведения монголами войны, управлении подвластными территориями и о многом другом.

Очень ценны наблюдения комментаторов относительно отношений монголов с великим князем владимирским Ярославом Всеволодовичем и его сыном Александром Невским, упомянутых Плано Карпини и подтверждаемых другими источниками. Достаточно убедительно обосновываются причины интриг вокруг этих знаковых для русской истории фигур середины XIII в., повлекших за собой смерть первого и возвышение второго. В частности, заслуживает внимания гипотеза, согласно которой хаган Гуюк, избранный как раз во время визита Плано Карпини в Монголию, планировал использовать Александра Невского в борьбе против Тевтонского ордена, так как, скорее всего, знал о его победах над шведами и немцами [11, с. 309, 329–330]. Не менее интересно предположение, что Ярослав Всеволодович мог во время своего пребывания в хаганской ставке получить в жены монголку, как это было у монголов в обычае. Возможно, это была сестра Бату [11, с. 337–338]. Заслуживает внимания разбор обстоятельств гибели в Орде князя Михаила Черниговского в сентябре 1246 г. В общественном сознании это трагическое

³ В вопросе идентификации мекритов полезно также учесть статью: [25].

событие до сих пор воспринимается как мученичество за веру, но в реальности оно не было таковым, как и не был приказ поклониться фигуре Чингизхана принуждением князя к отказу от христианства – этот акт удачно назван «тестом на лояльность», который Михаил не прошел [11, с. 213–216].

В целом, можно обоснованно утверждать, что работа выполнена профессионально и аккуратно. Явных ошибок и опечаток в ней практически нет, а те, которые попали на глаза рецензенту⁴, вполне извинительны и не ведут к критическим искажениям смысла. С некоторыми комментариями, однако, можно подискутировать, не претендуя, конечно, на высказывание «истины в последней инстанции».

На наш взгляд, в примечаниях уделено недостаточно внимания таким принципиально важным и спорным понятиям, как «монголы» и «татары» (оба обозначены для XIII в. как политонимы [11, с. 195–197]), титулам «хан» [11, с. 244] и «Чингис-хан» [11, с. 212–213], ввиду чего возникает ощущение недосказанности, недораскрытия темы. Между тем, они основательно освещены в литературе, и здесь очень не хватает ссылок на соответствующие статьи⁵.

Объяснение обрядов, связанных с неким «кустом», как поклонение онгону [11, с. 214], не выглядит убедительным. Почему онгон (или что-то иное) назван «кустом», и что препятствует принять это слово буквально? С одной стороны, хорошо известно, что онгонами назывались антропоморфные изображения, как правило, символизировавшие духов предков; их описал и Плано Карпини. С другой стороны, русские источники уточняют, что вокруг этого куста были обязаны обходить князья, явившиеся в ханскую ставку («водяше около коста») [12, стб. 806]. Есть основания думать, что в Орде, действительно, находилось растение (куст или развесистое многоствольное дерево) – известное из этнографии «мировое дерево», маркировавшее локальный «центр мира». Такое дерево упоминается трижды в «Сокровенном сказании», оно выполняло сакральную функцию, будучи центром, вокруг которого выполнялись обрядовые действия [6, § 57, 117, 206; 15, с. 145]. Что же мешает предположить, что и в данном случае мы сталкиваемся с аналогичным явлением, только вместо обычного дерева, плохо приспособленного к жизни в засушливых условиях степи, фигурирует неприхотливый кустарник?⁶

Довольно много сказано про один из самых знаменитых монгольских запретов – касаться ногой порога ханской юрты [11, с. 222]. За его нарушение

⁴ Так, вопреки утверждению, что киданьский советник Елюй Чуцай умер за пять лет до визита Плано Карпини в Монголию [11, с. 22] (1246 – 5 = 1241), это случилось чуть позже – в 1243 г. Можно также указать на путаницу в положении крыльев Улуса Джучи на с. 212, где левое крыло приравнено к западной его части, что невозможно, так как ориентация у монголов производится исходя из того, что спереди всегда находится юг. На с. 256 крылья ориентированы верно. Название Монголии на с. 201 как «Монгольской Народной Республики» – очевидный анахронизм, поскольку с 12 февраля 1992 г. оно официально не употребляется. Наконец, на с. 286 допущена опечатка в годах правления последнего аббасидского халифа аль-Мустасима: 1242–1248 вместо 1242–1258.

⁵ Из числа недавних назовем: [5; 20; 22; 23; 24]. Что касается звания «чингис», то один из лучших и до сих пор не утративших актуальность обзоров был выполнен еще П. Пелльо: [21, с. 296–303]. См. также: [4; 9, с. 109–111; 10; 16; 26].

⁶ Подробнее этот вопрос рассмотрен в: [3, с. 94–97].

виновного могли казнить, хотя, справедливости ради, ни в одном источнике нет сообщений о действительно случившейся казни, зато известно о прощении монголами запнувшегося о порог спутника Рубрука [2, с. 146, 147]. Для читателя, мало знакомого с кочевой культурой средневековья, такая строгость наказания может показаться совершенно неадекватной содеянному, но объяснение этому дается в другом месте, лишь через 90 страниц [11, с. 312]. Дело в том, что порог – это та символическая граница, которая отделяет внутренний микромир юрты от внешнего макромира, и удерживает внутри кочевого жилища благодать, проникающую туда с высот Вечного Неба через дымовое отверстие. Попрание порога равносильно посягательству на целостность этой границы, соответственно, и на благополучие хозяина юрты, а поскольку речь идет о хагане, создается угроза для всего подвластного ему социума. Следовательно, в представлениях номадов проступок этот достаточно серьезный, чтобы виновный заслуживал смерти, хотя, как мы видели в случае миссии Рубрука, незнание закона могло освобождать от ответственности.

Некоторые предложенные авторами объяснения монгольских обычаев и запретов отличаются заметным позитивизмом, осовремениванием и обилием предположений. Например, среди прочего, Плато Карпини упоминает монгольский запрет «проливать молоко или любое другое питье или еду на землю» [11, с. 136]. Относительно молока, комментаторы указывают на двойкий характер запрета на его пролитие: сакральный и бытовой, но приводят неубедительные объяснения [11, с. 220–221]. Молоко (и приготовляемые из него продукты) принадлежит к так называемой «белой пище», оно широко используется в Монголии вплоть до сего дня для кропления Вечному Небу, различным духам и божествам. Подносят его и уважаемым людям. А поскольку в степи свежее молоко не могло храниться долго, из него чаще всего делали кумыс, который не только утолял жажду, но и в некоторой степени заменял летом пищу. Кумыс также являлся ритуальным напитком, пригодным в том числе и для угощения божеств. Скорее всего, именно его имел в виду Плато Карпини под «любим другим питьем», тем более что иных напитков в те годы в Монголии практически не было. Таким образом, пролитие этих сакрализованных жидкостей фактически нарушало миропорядок⁷, что, на наш взгляд, подтверждается следующим наблюдением посла Южной Сун Пэн Да-я, побывавшего у монголов в 1233 г.: «Что касается тех, кто при разливе молока и кумыса роняет сосуд, то их считают [обреченными] лишиться потомства» [13, с. 55]. Наконец, напомним, что в определенных случаях монголы выливали кумыс на землю намеренно. Однажды побратим Чингиз-хана Джамуха проучил меркитского Тохтоа-беки, который прежде разорил его. Джамуха явился к нему с изъявлением покорности, а время спустя, на рассвете, когда стража Тохтоа уснула, вошел к нему в юрту в сопровождении своих нукеров. Тохтоа был уверен, что его сейчас же убьют, но Джамуха стал убеждать его, что он тем самым всего лишь показал хану, сколь ненадежна его охрана. Разумеется, Тохтоа понял истинный смысл произошедшего и поклялся

⁷ Примерно так это расценивается и в современной монгольской культуре. Для восстановления гармонии человек, случайно проливший молоко или кумыс, касается пролитого безымянным пальцем правой руки и затем притрагивается этим пальцем к капелькой жидкости ко лбу (благодарю за консультацию С.-Х.Д. Сыртыпову (Институт востоковедения РАН)).

ся всё вернуть. Свою клятву он скрепил пролитием на землю кумыса (возможно, из золотой чаши): «Токтай-беки и сам был труслив и понимал значение этого случая, а тот [Джамукэ] изложил [все это] в таких извинениях, [под таким] предлогом и проявлением участия, что Токтай-беки от чрезмерного страха и опасения, как бы тот его не убил в этот удобный момент, поклялся золотой чашей, *пролил кумыс на землю, как у них в обычае* (курсив мой – Ю.Д.), [и сказал]: “Возвращаю [тебе] весь твой род и [все] имущество и отныне ничего не сделаю тебе дурного, что заслуживало бы извинения!”» [14, с. 191]. Так что отмеченный францисканцем запрет мог отражать ритуальную сторону использования молока и его производных, ввиду чего их случайное попадание на землю порицалось.

Упомянутое Плано Карпини жестокое наказание тех, кто выплевывал предложенную пищу, заставляет задуматься: в каких случаях человек стал бы так поступать, наперед зная, что за это его могут убить? По-видимому, только в одном – если знал, что пища отравлена и, соответственно, был как-то к этому причастен. Приводящаяся в комментарии цитата из отчета южно-сунских послов усиливает это подозрение: «Если [кто-либо] подавится во время еды или если у него пойдет кровь изо рта или носа, то обвиняют [его] в том, что у него на сердце не чисто» [8, с. 775; ср.: 13, с. 55]. Просто за нарушение ритуала церемониальной трапезы, как это обосновывается комментатором [11, с. 221–222], столь радикально карать, вероятно, не было резона.

Сложно согласиться с утверждением, будто младший сын Чингиз-хана Тулуй умер от лекарства, приготовленного для его тяжело больного брата Угэдэя [11, с. 254]. Что же должно было представлять собою это снадобье, убивающее даже здорового человека? В «Сокровенном сказании» и «Собрании летописей» Рашид ад-Дина говорится о воде, которую использовали шаманы для излечения хагана и которую якобы добровольно выпил Тулуй, пожелавший стать выкупом за Угэдэя, разгневавшего духов-хранителей «земель кидатских» (т.е. чжурчжэньских) [6, § 272; 15, с. 24, 110]. Шаманы «смывали» недуг хагана этой водой, отчего она, очевидно, должна была приобрести крайне опасные для здоровья людей свойства, но назвать ее лекарством в любом случае трудно. Эта история, скорее всего, была придумана кем-то из сторонников Тулуя, чтобы показать благородство этого человека, не пожалевшего отдать жизнь за своего брата, и, следовательно, должна была устранить сомнения в справедливости перехода верховной власти к его потомкам в результате «государственного переворота» 1251 г. На самом деле, пожалуй, надо согласиться с персидским историком XIII в. Джувейни в том, что причиной смерти Тулуя, как и самого Угэдэя, послужило пристрастие к алкоголю [17; 19, с. 549]. В другом месте [11, с. 308] авторы рассматривают и эту версию.

Видимо, комментаторы принимают за истину сообщение «Сокровенного сказания» о том, что Гуюк в 1241 г. вернулся в Монголию из Западного похода и был сурово отчитан своим отцом Угэдэем за пререкания с Бату и даже за «жестокость к русским и несамостоятельность в военных действиях» [11, с. 254]. Однако корейский историк Ким Ходон, ссылая на которого имеется на следующей же странице данной книги, достаточно убедительно показал, что Гуюк не застал Угэдэя в живых, и о том же самом писал еще Джувейни в трех местах своего сочинения [15, с. 114, 118, 129; 18, с. 317; 19, с. 239–240, 244, 248]. Подозрения вызывает и изрядное многословие Угэдэя в эпизоде его

встречи с сыном в «Сокровенном сказании» [6, § 275–277], вероятно, добавленное туда неизвестным сочинителем именно с целью принизить Гуюка, потомки которого потеряли в Монгольской империи высшую власть.

Можно также поспорить с предположением, что монголы создали в 1241–1242 гг. на Паннонской равнине некое подобие улусной системы [11, с. 263]. Действительно, магистр Рогерий писал о разделе венгерских земель между «знатнейшими татарскими королями», которые туда еще не пришли [7, с. 43], но отсюда преждевременно делать вывод о намерении Бату закрепиться в Венгрии надолго. Учитывая сравнительно небольшие пастбищные ресурсы этой страны, Бату был обязан сразу же позаботиться о том, чтобы каждый его нойон со своим войском имел достаточную территорию для выпаса лошадей и скота. Есть серьезные сомнения в том, что Бату на самом деле хотел покорить Европу, а венгерскую степь использовать как плацдарм. Похоже, эти сомнения не чужды и самим издателям Плато Карпини [11, с. 15].

Завершают книгу три Указателя: имен, географических и этнических названий, и предметно-терминологический.

В заключение необходимо подчеркнуть, что данное издание – несомненный шаг вперед в отечественной науке. Обсуждавшиеся в настоящей рецензии спорные моменты ни в коей мере не умаляют его ценности, тем более что их дискуссионность отнюдь еще не означает их ошибочности. В руки исследователей попал выверенный инструмент для исторических реконструкций, а любители истории смогут не только познакомиться с максимально точным переводом средневекового источника, но и углубиться в некоторые детали и толкования имеющихся в нем темных мест.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галданова Г.Р. Почитание животных у бурят // Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 56–69.
2. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 86–189.
3. Дробышев Ю.И. Монгольские ритуалы в русских летописях // Вестник Института востоковедения РАН. 2019. № 4. С. 91–102.
4. Дугаров Б.С. К вопросу о происхождении слова «чингис» // Монголо-бурятские этнонимы. Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, 1996. С. 163–166.
5. Исхаков Д.М. Термин «татаро-монголы/монголо-татары»: понятие политическое или этническое? Опыт источникового и концептуального анализа // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 2. С. 420–442.
6. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 619 с.
7. Магистр Рогерий. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / Пер. А.С. Досаева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 304 с.
8. Мункуев Н.Ц. Некоторые проблемы истории монголов XIII века по новым материалам. Исследование Южно-сунских источников. Дисс. ... д.ист.н. М., 1970. 927 с.
9. Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар) / Пер. Н.Ц. Мункуева. М.: Наука, 1975. 288 с.
10. Панкратов Б.И. Об этимологии титула «чингис» // Страны и народы Востока. Вып. XXVI. Кн. 3. М.: ГРВЛ, 1989. С. 180–189.

11. Плано Карпини, Иоанн де. История монголов: Текст, перевод, комментарии / Под ред. А.А. Горского, В.В. Трепавлова; подгот. лат. текста П.В. Лукина, пер. с лат. А.А. Вовина, П.В. Лукина, коммент. А.А. Горского, П.В. Лукина, С.А. Масловой, Р.Ю. Почекаева, В.В. Трепавлова; вступит. ст. А.А. Горского, В.В. Трепавлова; Ин-т российской истории РАН. М.: Института Дальнего Востока РАН, 2022. 383 с.
12. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908. 938+90 с.
13. Пэн Да-я, Сюй Тин. Хэй-да шилюэ (Краткие известия о черных татарах) / Пер. Р.П. Храпачевского // Золотая орда в источниках. Т. III. Китайские и монгольские источники. М.: [Б.и.], 2009. С. 27–120.
14. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / Пер. Л.А. Хетагурова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 222 с.
15. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. Ю.П. Верховского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 253 с.
16. Убушаев Н.Н. Этимология имени Чингис // Проблемы современного калмыковедения: м-лы конф., посвящ. 75-летию проф. А. Борманджинова. Элиста: Калмыцкий научный центр Российской академии наук, 2001. С. 48–51.
17. Allsen T.T. Ogedei and Alcohol // *Mongolian Studies*. 2007. Vol. 29. Pp. 3–12.
18. Hodong K. A Reappraisal of Güyüg Khan // *Mongols, Turks, and Others: Eurasian Nomads and the Sedentary World*. Leiden, Boston: Brill, 2005, pp. 309–338.
19. Juvaini, Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror*. Transl. by J.A. Boyle. Manchester: Manchester University Press, 1997. lxxviii + 764 p.
20. Kam Tak-sing. The Term Mongyol Revisited // *Central Asiatic Journal*. 2017. Vol. 60. No. 1–2. Pp. 183–206.
21. Pelliot P. Notes on Marco Polo. Vol. I. Paris: Imprimerie nationale, 1959. xii + 611 p.
22. Pow S. “Nationes que se Tartaros appellant”: An Exploration of the Historical Problem of the Usage of the Ethnonyms Tatar and Mongol in Medieval Sources // *Золотоордынское обозрение*. 2019. Т. 7, №3. С. 545–567. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-3.545-567>
23. Rachewiltz, Igor de. The Name of the Mongols in Asia and Europe: A Reappraisal // *Actes de la 37e P.I.A.C. Conférence internationale permanente des études altaïques: Chantilly, 20-24 juin 1994 / Etudes Mongoles et Sibériennes*. 1996. Cahier 27, pp. 199–210.
24. Rachewiltz, Igor de. Qan, Qa’an and the Seal of Güyüg // *East Asian History*. 2019. Vol. 43, pp. 95–100.
25. Serruys H. A Note on the “Wild Mekrid” // *Monumenta Serica*. 1963. Vol. 22, no. 2, pp. 434–445.
26. Ulziibayar Sodnom. The Title Name: ‘Ch(T)igin’ or ‘Chinggis’ // *Oriental Studies*. 2018. Vol. 38, issue 4, pp. 94–99.

REFERENCES

1. Galdanova G.R. Veneration of Animals among the Buryats. *Buddhism and Traditional Beliefs of the Peoples of Central Asia*. Novosibirsk: Nauka, 1981, pp. 56–69. (In Russian)
2. Guillaume de Rubruk. Travel to the Eastern countries. *Travels to the Eastern countries*. Moscow: Mysl, 1997, pp. 86–189. (In Russian)
3. Drobyshev Yu.I. Mongolian Rituals in Russian Chronicles. *Bulletin of the Institute of History of the Russian Academy of Sciences*. 2019, no. 4, pp. 91–102. (In Russian)

4. Dugarov B.S. On the Question of the Origin of the Word “Chingis”. *Mongol-Buryat Ethnonyms*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center. Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 1996, pp. 163–166. (In Russian)
5. Iskhakov D.M. The Term of the “Tatar-Mongols/Mongol-Tatars”: the Ethnic or Political Concept? An Experience of the Source Study and Conceptual Analysis. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016, vol. 4, n. 2, pp. 420–442. (In Russian)
6. Kozin S.A. The Secret History. The Mongol Chronicle of 1240. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1941. 619 p. (In Mongolian and Russian)
7. Master Roger. A Sorrowful Lament about the Ruin of the Hungarian Kingdom by the Tatars. Trans. by A.S. Dosaev. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2012. 304 p. (In Latin and Russian)
8. Munkuyev N.Ts. Some Problems of the History of the Mongols of the 13th Century on New Materials. Research of Southern Song Sources. Thesis ... Dr. Science. Moscow, 1970. 927 p. (In Russian)
9. Meng-da bei-lu (A complete description of the Mongol-Tatars). Trans. by N.Ts. Munkuev. Moscow: Nauka, 1975. 288 p. (In Chinese and Russian)
10. Pankratov B.I. On the Etymology of the Title “Genghis”. Countries and Peoples of the East., Iss. XXVI. Book 3. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1989. Pp. 180–189. (In Russian)
11. Plano Carpini, John de. History of the Mongols: Text, translation, comments. Ed. by A.A. Gorsky, V.V. Trepavlov; preparation of the Latin text by P.V. Lukin, trans. from Latin by A.A. Vovin, P.V. Lukin, comment. by A.A. Gorsky, P.V. Lukin, S.A. Maslova, R.Yu. Pochekaev, V.V. Trepavlov; introductory by A.A. Gorsky, V.V. Trepavlov; Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, 2022. 383 p. (In Latin and Russian)
12. The complete collection of Russian chronicles. Vol. 2. Hypatian Codex. St. Petersburg: Printing house of M.A. Alexandrov, 1908. 938+90 p. (In Old Russian)
13. Peng Da-ya, Xu Ting. Hey-da shilue (Brief News about the Black Tatars). Trans. by R.P. Khrapachevsky. *The Golden Horde in Sources*. Vol. III. Chinese and Mongolian Sources. Moscow, 2009, pp. 27–120. (In Russian)
14. Rashid al-Din. Collection of Chronicles. Vol. I. Book 1. Trans. by L.A. Khetagurov. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1952. 222 p. (In Russian)
15. Rashid al-Din. Collection of Chronicles. Vol. II / Trans. by Yu.P. Verkhovskiy. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1960. 253 p. (In Russian)
16. Ubushaev H.N. Etymology of the Name Chingis. *Problems of Modern Kalmyk Studies: Proceedings of Conference, Dedicated to 75th Anniversary of Prof. A. Bor-manjinov*. Elista: Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2001, pp. 48–51. (In Russian)
17. Allsen T.T. Ogedei and Alcohol. *Mongolian Studies*. 2007, vol. 29, pp. 3–12.
18. Hodong K. A Reappraisal of Güyüg Khan. *Mongols, Turks, and Others: Eurasian Nomads and the Sedentary World*. Leiden, Boston: Brill, 2005, pp. 309–338.
19. Juvaini, Ata-Malik. The History of the World-Conqueror. Transl. by J.A. Boyle. Manchester: Manchester University Press, 1997. lxxviii + 764 p.
20. Kam Tak-sing. The Term Mongyol Revisited. *Central Asiatic Journal*. 2017, vol. 60, no. 1–2, pp. 183–206.
21. Pelliot P. Notes on Marco Polo. Vol. I. Paris: Imprimerie nationale, 1959. xii + 611 p.
22. Pow S. “Nationes que se Tartaros appellant”: An Exploration of the Historical Problem of the Usage of the Ethnonyms Tatar and Mongol in Medieval Sources *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 3, pp. 545–567. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-3.545-567>

23. Rachewiltz, Igor de. The Name of the Mongols in Asia and Europe: A Reappraisal. *Actes de la 37e P.I.A.C. Conférence internationale permanente des études altaïques: Chantilly, 20-24 juin 1994 / Etudes Mongoles et Sibériennes*. 1996. Cahier 27, pp. 199–210.

24. Rachewiltz, Igor de. Qan, Qa'an and the Seal of Güyüg. *East Asian History*. 2019, vol. 43, pp. 95–100.

25. Serruys H. A Note on the “Wild Mekrid”. *Monumenta Serica*. 1963, vol. 22, no. 2, pp. 434–445.

26. Ulziibayar Sodnom. The Title Name: ‘Ch(T)igin’ or ‘Chinggis’. *Oriental Studies*. 2018, vol. 38, iss.4, pp. 94–99.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юлий Иванович Дробышев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Востока, Институт востоковедения Российской академии наук (107031, ул. Рождественка, 12, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9318-4560. E-mail: altanus@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuliy I. Drobyshev – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9318-4560. E-mail: altanus@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 16.12.2023

Поступила после рецензирования / Revised 27.02.2024

Принята к публикации / Accepted 04.03.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.39-47>
EDN: EAYPVG

УДК 94(47-13)"14"

ГЕНУЭЗСКИЕ КОНСУЛЫ ТАНЫ (АЗАКА)
ПО МАТЕРИАЛАМ РЕГИСТРОВ СТАЛИЙ
ГЕНУЭЗСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА:
ХРОНОЛОГИЯ ПРАВЛЕНИЙ (1449–1475)

С.П. Карпов

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
spkarp1204@yandex.ru*

Резюме. Цель исследования: существовавшая на территории Золотой Орды, а затем Крымского ханства генуэзская торговая фактория – Тана была тесно связана с центром Генуэзской Газарии – Кафрой и служила важным перевалочным пунктом в связях Генуи с Востоком, а также местом приобретения важнейших товаров – ценных сортов рыбы, икры, соли, привозимых сюда специй, мехов, кож и так далее, а также являлась важнейшим рынком работорговли. Однако она изучена гораздо меньше, в сравнении с аналогичным венецианским поселением в том же месте. Еще в большей мере это относится к последнему периоду её существования, после захвата османами Константинополя и блокирования турками проливов – Босфора и Дарданелл. Этот период, с 1453 по 1475 гг. к тому же мало обеспечен документальными источниками. Поэтому привлечение новых архивных данных позволяет расширить наши представления о Танае, ее связях с Улусом Джучи и Крымским ханством. Имена высших магистратов генуэзской Таны – консулов, избираемых Банком св. Георгия Генуи, которому принадлежало управление всеми Причерноморскими факториями Генуэзской республики с 1453 г. были до сих пор известны только благодаря случайным и спорадическим упоминаниям. Между тем – это важнейший датирующий признак в истории фактории. В статье производится возможная реконструкция дат правления магистратов этих факторий на основании не разрозненных, но относительно верифицируемых данных записей налога на их оклады – так называемых сталий.

Материалы исследования: в качестве источника привлечены не введенные еще в научный оборот архивные источники – регистры сталий (уплачиваемых магистратами налогов), хранящиеся в Генуэзском государственном архиве. Проведены сравнения этих записей с массариями (приходно-расходными книгами) генуэзской Каффы и другими источниками.

Результаты и научная новизна: произведенное уточнение дат правлений генуэзских консулов Таны позволяет реконструировать события и обстоятельства политической истории региона в середине XV в., после захвата турками Константинополя в 1453 г., получить более точные датировки событий, наконец, доказать существование генуэзской Таны, пусть и сокращавшейся в размерах, вплоть до османского завоевания в 1475 г.

© Карпов С.П., 2024



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: Тана, Каффа, Крым, Генуя, Генуэзская Газария, налогообложение, сталии, оклады

Для цитирования: Карпов С.П. Генуэзские консулы Таны (Азака) по материалам регистров статей Генуэзского государственного архива: хронология правлений (1449–1475) // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 39–47. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.39-47> EDN: EAYPVG

Финансирование: Исследование выполнено в рамках работы по гранту РНФ №22-18-00167 («Причерноморье и Средиземноморский мир в эпоху кризисов и перемен Средневековья»).

THE GENOESE CONSULS OF TANA (AZAK) ACCORDING TO THE TAX REGISTERS FROM THE STATE ARCHIVES OF GENOA: THE CHRONOLOGY OF CONSULATES (1449–1475)

S.P. Karpov

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russian Federation

spkarp1204@yandex.ru

Abstract. Purpose of the study: The Genoese trading station – Tana, which existed on the territory of the Golden Horde and then the Crimean Khanate, was closely connected with the center of Genoese Gazaria – Caffa and served as an important transshipment point in Genoa’s relations with the East, as well as a place for the acquisition of the most important goods – valuable varieties of fish, caviar, salt, spices brought here, furs, leathers, etc., and was also the most important market for the slave trade. However, it has been studied much less in comparison with a similar Venetian settlement in the same place. This applies even more to the last period of its existence, after the Ottomans captured Constantinople and blocked the Bosphorus and Dardanelles straits. This period lasted from 1453 to 1475. Moreover, it is poorly supplied with documentary sources. Therefore, the use of new archival data allows us to expand our understanding of Tana, its connections with the Ulus of Jochi and the Crimean Khanate. The names of the highest magistrates of the Genoese Tana – consuls elected by the Bank of St. George of Genoa, who controlled all the Black Sea trading stations of the Genoese Republic since 1453 onwards, were until now known only through random and sporadic mentions. Meanwhile, this is the most important dating feature in the history of the trading post. The article makes a possible reconstruction of the dates of the rule of the magistrates of these settlements on the basis of not scattered, but relatively verifiable data of tax records on their salaries – the so-called stalii.

Research materials: archival sources that have not yet been introduced into scientific circulation are used as a source – registers of taxes paid by magistrates, stored in the State Archives of Genoa. Comparisons of these records with the massariae (receipt and expense books) of Genoese Caffa and other sources were carried out.

Research results and scientific novelty: the clarification of the dates of the rules of the Genoese consuls of Tana makes it possible to reconstruct the events and circumstances of the political history of the region in the middle of the 15th century, after the capture of Constantinople by the Turks in 1453, to obtain more accurate dates of events, and finally to prove the existence of the Genoese Tana, albeit declining in size until the Ottoman conquest in 1475.

Keywords: Tana, Caffa, Crimea, Genoa, Genoese Gazaria, taxation, taxes, salaries, consuls, magistrates, the State Archives of Genoa, Bank of St. George, chronology, prosopography, Ottomans

For citation: Karpov S.P. The Genoese consuls of Tana (Azak) according to the tax registers from the State Archives of Genoa: the chronology of consulates (1449–1475). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*, 2024, vol. 12, no. 1, pp. 39–47. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.39-47> (In Russian)

Financial Support: Research supported by the Russian Science Foundation, agreement №22-18-00167 («The Black Sea region and the Mediterranean world in the age of crises and changes of the Middle Ages»).

Об истории генуэзской фактории Таны (Азова), расположенной в устье Дона на территории Золотой Орды, а затем Крымского ханства в последний период ее существования известно очень мало. Очевидно, что она стала значительно уступать аналогичной венецианской фактории, расположенной рядом с ней¹, но генуэзцы всячески стремились сохранять ее как свой форпост в Приазовье, тесно связанный с центром Генуэзской Газарии – Кафрой и служивший важным перевалочным пунктом в связях с Востоком, а также местом приобретения важнейших товаров – ценных сортов рыбы, икры, соли, привозимых сюда специй, мехов, кож и так далее, а также важнейшим рынком работорговли [1, с. 245–288; 6]. Несмотря на завоевание турками Константинополя в 1453 г., частичное «закрытие» проливов для иностранцев, сложные отношения с местными татарскими эмирами и крымскими ханами, коммерческая деятельность в Тане продолжалась вплоть до османского завоевания 1475 г. Начиная с 1453 г. Тана, как и другие генуэзские фактории Причерноморья, были переданы в управление Банку св. Георгия – самому крупному в ту эпоху финансовому учреждению Европы. Банк и был ответственен за назначение консулов и поддержание всей системы жизнеобеспечения фактории. Тем не менее, генуэзских источников, освещающих историю Таны в этот период, сохранилось очень немного. Тем важнее малоизвестные и привлекаемые нами впервые для этой цели регистры записей сталий – налогов на оклады магистратов генуэзских факторий, среди которых значится и Тана. Благодаря этим документам мы узнаем не только суммы окладов и сравнительное финансовое положение факторий, но и имена и даты правления консулов, что позволяет определить преемственность власти и восполнить значительные лакуны в истории генуэзской Таны. Нам уже приходилось анализировать специфику этого ценнейшего источника как в целом, так и применительно к Каффе [2; 3; 4]. Ныне мы попытаемся использовать эту же методику относительно Таны. К сожалению, регистры сталий сохранились не полностью, имеются значительные лакуны. Сложность представляет и характер регистрации данных в сталиях, когда учитывается не все время правления консула, но лишь определенный отрезок времени, за который платился налог. Как и обычно в подобных документах, они написаны на латыни, беглым нотариальным курсивом с большим количеством контракций и исправлений, иногда затрудняющих понимание текста. Но поскольку нашей целью являет-

¹ Сами генуэзцы отмечали упадок своей фактории Таны в то время: “olim ampla et opidissima, nunc ad nichilum reducta” [5, p. 30–31].

ся реконструкция по возможности точных дат правления консулов, мы будем стремиться восполнить лакуны и по иным доступным и известным нам источникам. Предварительный список консулов генуэзской фактории в Танае, не учитывающий еще данных сталий, с которыми автор ознакомился в архиве позднее, в июне 2023 г., был приведен в 1 томе нашей монографии об истории Таны [1, с. 303–304]². Сначала о сталиях.

Серия записей сталий содержится к фонде Банка Св. Георгия Государственного Архива Генуи³. Эти записи охватывают 1449 г. (№ 1316) и (с лакунами и повторами) период с 1455 по 1480 г. (№№ 1317–1329). Особенностью этих регистрационных записей является то, что они содержат указания как на установленные нормы взыскания сталий, так и на повременную уплату сталий должностными лицами. В ряде случаев за одни и те же годы сохранилось несколько регистров, как, например, за 1466–67 гг. – №№ 1321–1323. Отдельные регистры, как, например, № 1324 (за 1469–70 гг.) дошли до нас не в полном виде, часть листов в них отсутствует.

Данные о консулах в конкретный период их деятельности могут находиться в нотариальных актах, а также упоминаться в приходно-расходных книгах (массариях) Каффы (Феодосии), которой генуэзская Тана была подчинена в административном отношении.

Опираясь на данные сталий получаем следующую картину хронологии генуэзских консулов Таны, которую, возможно, еще придется уточнять ввиду очевидных лакун в записях, если в дальнейшем удастся их заполнить. Жирным шрифтом выделены консулы, чье правление подтверждено данными сталий или иными надежными источниками, курсивом – номинальные или предполагаемые назначения.

Консулы Таны:

Джованни Спинола (Iohannes Spinula condam Acelini) (1/1 1449 – 1451)

Консул Таны с 1 января 1449 г.⁴ Упомянут в качестве генуэзского консула Таны 16/XII 1450 и в венецианском нотариальном акте⁵.

Бенедетто Боджоло (Benedictus Bojolus) (1455, вероятно должности не исполнял) [7, р. 130 – 30/XI 1454; 9, р. 968]

Был избран на должность консула Таны 30 ноября 1454 и не принял этого назначения [7, р. 130 – 30/XI 1454]. Затем, в январе 1455 г., выторговав лучшие финансовые условия, согласился и получил на свое консульство мандат от Банка [7, р. 282 – январь 1455]. Поскольку поездка избранного из Генуи до Каффы (где он должен был получить подтверждающие документы с избранием его на год) и далее до Таны занимала никак не менее 2 месяцев, возможное исполнение им должности начиналось не ранее марта 1455 г. Но более вероятно, что в должность консула он вообще не вступал и в Тану не отправлялся.

² Этот список нуждается в уточнениях после перекрестных сравнений новых источников – регистров сталий и постановлений Попечителей Банка св. Георгия.

³ Archivio di Stato di Genova (далее – ASG), San Giorgio (далее – SG), Sala 36 – Cabella Staliarum, №№ 1316–1329 (в дальнейшем цитируется как: SG, 1316–1329).

⁴ SG, Sala 36, 1317 Cabella Staliarum, f.11v; SG, Sala 36, 1320 Cabella Staliarum, отд. лист.

⁵ Archivio di Stato di Venezia, Cancelleria Inferior, 148/2, N 58–59.

Паоло Фаттинанти (Paulus Fattinanti) (26/IV 1455 – 25/IV 1456)

В регистрах сталий не обнаружен. Упомянут в записи нотариуса Джироламо Черро, писца массарии Каффы, публикуемой А. Винья [9, р. 968].

Амброджо Джамбоно (Ambrosius Iambono) (после 25/IV 1456 (возможно, с 1458 г.)-1/IX 1459)

Был избран в Генуе 23 февраля 1456 г. и получил мандат на управление 3 марта 1456 г. Указано, что замещает должность вслед за Бенедетто Боджоло [7, р. 531–532; 9, р. 969]. В регистре сталий значится: «Pro consulatu Tane exigat ad rationem de l. XXV in anno ab Ambrosius Iambono pro tempore quo ipsum officium exercuit ipse vel alius pro eo vel loco Christophori Iamboni», то есть предполагается возможность его замещения другим лицом⁶. Далее указано, что он управляет до 1 сентября 1459 г. и срок его мандата-1 год⁷.

Джорджо Спинола (Georgius Spinula) (возможно, ранее 26/VII 1461) (см. ниже).

Лаццаротто ди Парма (Пальма) (Lanzarotus de Parma) (26/VII 1461 – 25/VII 1462)

Был избран 17 мая 1457 г. [7, р. 735]. Однако позднее Попечители Банка узнали, что эта должность была ранее по решению консула Каффы передана его предшественнику как компенсация за расходы на починку замка фактории и приняли решение о выдаче ему мандата для замещения должности через эти три года⁸. Мандат Ланзаротто был выдан 27 апреля 1459 [7, р. 936; 9, р. 969], что подтверждается и записями сталий с той же датой («finito tempore annorum tercium colori in Caffa»)⁹. В регистрах сталий далее обозначено, что он занял свой пост после Джорджо Спинолы 26 июля 1461 г. и оставался магистратом до 25 июля 1462 г., когда его сменил Карло Спинола («Lanzarotus de Parma dixit incepisse ad consulatum Tane MCCCCLXI die XXVI iulii loco Georgii Spinule missis Caffa et stetit usque 25 iulie de LXII qua die incipit Carolus Spinula condam Iohannis de Luculo»)¹⁰.

Позднее Лаццаротто был консулом в Севастополе (Сухуми) и скончался в 1468 г. после годовичного управления этой факторией¹¹.

Карло Спинола ди Лукулло (Carolus Spinula condam Iohannis de Luculo) (25/VII 1462 – 24/IX 1464 (?))

По документам Банка св. Георгия был единогласно избран на 1 год 6 марта 1460 г. [8, р. 49–50]. 20 марта по его просьбе срок правления был увеличен до 26 месяцев и он принес присягу с обязательством отправиться в путь в Каффу на кораблях под угрозой штрафа 200 флоринов [8, р. 51–52]. 27 марта 1460 г. он получил мандат на управление в течение 26 месяцев после окончания срока Лаццаротто ди Парма. Примечательно, что в решении Попечителей Банка сделана оговорка, что он не должен покидать своего поста до тех пор, пока его сменщик со своим мандатом не прибудет в Тану [8,

⁶ SG, Sala 36, 1320 Cabella Staliarum, f. 2v allegato.

⁷ SG, Sala 36, 1320 Cabella Staliarum, f. 8r allegato.

⁸ “Decreuerunt, quod Lanciaroto de Parma electo consuli Tane pro uno anno dentur liltere sue finito tempore trium annorum collationis facte de dicto officio per consules Caffae pro reparatione castelli Tane”. – 13/III 1459 [7, р. 909].

⁹ SG, Sala 36, 1320, f. 7v allegato.

¹⁰ SG, Sala 36, 1318, отдельный лист.

¹¹ ASG, Notai antichi, 683bis, N 308 – 3/VII 1470.

р. 56]. В регистре сталии отмечены даты 2 апреля, с указанием сумм будущих платежей сталий¹², и 25 сентября 1460 г. с указанием на его право занять должность консула Таны на 26 месяцев после Лаццаротто ди Парма¹³. Возможно, он прибыл в Тану до наступления срока своего вступления в должность. Как указывалось выше, он сменил Лаццаротто ди Парма 25 июля 1462 г. Одним из поручителей за его платежи как консула выступал его брат Баттиста [8, р. 52]¹⁴. Подтверждения окончания его правления мы не нашли, и исходим из указания на 26 месяцев правления.

Баттиста ди Фоссателло (Baptista de Fossatello)

Был избран 13 апреля 1461 г. [8, р. 107], 9 мая 1461 получил мандат с указанием, что правит после Лаццаротто ди Парма [8, р. 115]. Эта же запись содержится и в регистре сталий («Die VIII maii de LXI Bartolomeus de Fosatello consulatam Tane pro mensibus XIII finito tempore Lanceloti de Parma») ¹⁵. Однако консульство занял Карло Спинола. Очевидно, что Фоссателло должности в этот период не исполнял.

Бартоломео Маньяско (Bartholomeus Magnasco) (1465)

По документам Банка значится его избрание 28 сентября 1463 г. С избранием он согласился [8, р. 185], но в путь не спешил, и 4 июля 1465 г. Попечители Банка предписали ему под угрозой лишения должности отправиться в путь в течении ближайших 30 дней [8, р. 343; 9, р. 970]. В регистрах сталий его имя не обнаружено. Данных подтверждающих его консульство нет.

Барнабо Кабелла (Bernabo Cabella) (1/V 1468–после 22/XII 1470)

Был избран 16 февраля 1467 г. [8, р. 472–473] 5 мая 1467 г. ему был выдан мандат с обязательством вступить в должность 1 мая 1468 г. При этом было сделано важное уточнение, чтобы он исполнял эту должность беспрецедентно длительный срок – 5 лет. Такое исключение делалось ради укрепления фактории («in reparationem ejusdem loci») [8, р. 480–481]. 20 июля 1470 г. Попечители Банка направляют действующему в качестве консула Барнабо Кабелла письмо [8, р. 681–682; 9, р. 970–971]. В регистре сталий за 1469 – 70 гг. Кабелла также упомянут¹⁶. В массарии Каффы за 1470 г. он фигурирует как «emptor consularis», то есть приобретатель этой магистратуры¹⁷.

Оберто Паверо (Obertus Pavero)

9 сентября 1470 г. Попечители Банка разрешили Оберто Паверо в сопровождении двух сыновей отправиться в Каффу, а затем, после истечения 5-летнего срока предшественника, занять на 26 месяцев пост консула Таны [8, р. 615–616]. Очевидно, таким предшественником был Барнабо Кабелла. 7 апреля 1470 г. Паверо получил мандат на управление [8, р. 670]. Он упомянут как предшественник Баттиста ди Фоссателло (см. ниже) в ряду последовательностей замещения должности консула Таны. В регистрах сталий, однако, его имя не обнаружено, и факт отправки в Тану и занятия им должности консула там не очевиден.

¹² SG, Sala 36, 1318, отдельный лист, v, с датой 2/IV.

¹³ SG, Sala 36, 1320, f. 7r allegato.

¹⁴ SG, Sala 36, 1318, отдельный лист, v, с датой 2/IV.

¹⁵ SG, Sala 36, 1320, f. 7r allegato.

¹⁶ SG, Sala 36, 1324, f. 8r, 211v – 22/XII 1470

¹⁷ ASG, SG, Sala 34/590. Caffè Massaria, 1470, f. 36r – 14/VII 1470.

Баттиста ди Фоссателло сын покойного Терами (Томмазо) (Baptista de Fossatello condam Terami = Tommaso) (после 5/VI 1472 – 1474?)

23 апреля 1471 Попечители Банка рассмотрели просьбу Баттисты ди Фоссателло отправиться сухопутным путем в Каффу с тем, чтобы ему было затем передано в управление консульство в Тане. Попечители удовлетворили эту просьбу с условием, что он займет этот пост на 26 месяцев после мандата Оберто Паверо [8, р. 758]. 30 апреля 1471 г. он получил свой мандат [8, р. 774]. Срока своей инаугурации он должен был дожидаться в Каффе, получая за время ожидания небольшой оклад в 1 сомм в месяц [9, р. 972]. Между тем, еще не дождавшись приезда Фоссателло, власти Каффы продали с аукциона эту магистратуру, не согласовав это с правлением Банка. Попечители Банка 30 мая 1472 г. отменили это и восстановили в правах Фоссателло, подавшего жалобу. В решении Попечителей от 5 июня 1472 г. была определена последовательность замещения должности консулата Таны: 5-летний срок (Кабеллы) – 26-месячный срок Паверо и 26-месячный срок Фоссателло [8, р. 849–850]. В регистрах сталий за этот период имя Фоссателло не обнаружено. Не исключено, что, прибыв в Каффу, он так и не приступил к исполнению обязанностей консула Таны.

Джан Антонио Итальяно (Johannes Antonius Italiano s.Iacobi) (избран в 1474 г.)

17 августа 1474 г. Попечители Банка избрали очередной блок высших магистратов своих факторий. В их числе был и консул Таны Джан Антонио Итальяно, избранный традиционно на 26 месяцев [9, р. 112]. В регистрах сталий он не обнаружен.

Лукино ди Франки Пагано (Luchinus de Franchi Pagano) (избран в 1475)

Последним из номинальных консулов Таны был Лукино ди Франки Пагано. Должность консула была предоставлена ему 13 июля 1475 г. как компенсация за потери его покойного отца Джованни еще до 1438 г. претерпевшего ущерб от правителя Абхазии (Севастополя) Бендиана [9, р. 235, 973–974]. Разумеется, никаких функций в Тане, в то время уже захваченной или захватываемой османами, он не исполнял, и из Генуи в Причерноморье не отправлялся.

Был ли кто-то из этих последних избранных консулов Таны реальным магистратом или номинальным не очевидно. Но ясно другое: до самых последних дней существования Таны Банк св. Георгия рассматривал эти магистратуры и порядок их замещения в Тане как реально существующей фактории вплоть до ее завоевания османами и даже после этого.

Вполне очевидно, что этот список консулов Таны лакунарен и возможно его значительное пополнение, и уточнение при нахождении других источников. Однако он, по нашему мнению, может служить ориентиром для этих дальнейших поисков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карпов С.П. История Таны (Азова) в XIII–XV вв. Т. 1. Тана в XIII–XIV вв. СПб.: Алетейя, 2021. 378 с. (Новая Византийская библиотека. Исследования)
2. Карпов С.П. Сталии: налоги на оклады магистратов генуэзских факторий Причерноморья. Анализ малоизвестных архивных источников // Византия и визан-

тийское наследие в Причерноморье, Средиземноморье и Восточной Европе. Тезисы докладов всероссийской научной конференции, Севастополь, 25–28 сентября 2023 г. СПб.: Алетейя, 2023. С. 40–42 (Новая Византийская библиотека. *Byzantinotaurica*).

3. Карпов С.П. Сталии: налоги на оклады магистратов генуэзских факторий Причерноморья. Анализ малоизвестных архивных источников // *Byzantinotaurica*—III. СПб.: Алетейя, 2023 (полный текст, в печати).

4. Карпов С.П., Кравченко И.В. Хронология правлений консулов Каффы по данным регистров сталий Генуэзского государственного архива (1448–1475 гг.) // *Византийский Временник*. 2023. Т. 107. С. 147–154.

5. Assini A. Una “filza” ritrovata. La riscoperta di importanti documenti genovesi su Costantinopoli e il Mar Nero // *Romània Orientale*. 1999. Т. 12. P. 13–36.

6. Barker H. That Most Precious Merchandise. The Mediterranean Trade in Black Sea Slaves, 1260–1500. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2020. 314 p.

7. Vigna A. Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII – MCCCCLXXV) // *Atti della Società Ligure di Storia Patria*. 1868. Vol. VI. Parte 1. Fasc. 1. XV+981 p.

8. Vigna A. Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII – MCCCCLXXV) // *Atti della Società Ligure di Storia Patria*. 1871. Vol. VII. Parte 2. Fasc. 1. 901 p.

9. Vigna A. Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII – MCCCCLXXV) // *Atti della Società Ligure di Storia Patria*. 1879. Vol. VII. Parte 2. Fasc. 2. 1014 p.

REFERENCES

1. Karpov S.P. History of Tana (Azov) in the 13th–15th centuries. Vol. 1. Tana in the 13th–14th centuries. St. Petersburg: Aletheia, 2021. 378 p. (The New Byzantine library. Studies) (In Russian)

2. Karpov S.P. Taxes on the salaries of the magistrates of Genoese trading stations in the Black Sea region: An analysis of little-known archival sources. *Byzantium and Byzantine Heritage in the Black Sea region, the Mediterranean and Eastern Europe. Abstracts of the reports of the Russian scientific conference, Sevastopol, September 25–28, 2023*. St. Petersburg: Aletheia, 2023, pp. 40–42 (The New Byzantine library. *Byzantinotaurica*) (In Russian)

3. Karpov S.P. Taxes on the salaries of the magistrates of Genoese trading stations in the Black Sea region: An analysis of little-known archival sources. *Byzantinotaurica*—III. St. Petersburg: Aletheia, 2023 (full text, in print). (In Russian)

4. Karpov S.P., Kravchenko I.V. Office Tenure Chronology of the Consuls of Caffa according to the stalia Registers in the State Archives of Genoa (1448–1475). *Vizantiyskiy Vremennik*. 2023, vol. 107, pp. 147–154. (In Russian)

5. Assini A. Una “filza” ritrovata. La riscoperta di importanti documenti genovesi su Costantinopoli e il Mar Nero. *Romània Orientale*. 1999, vol. 12, pp. 13–36. (In Italian and Latin)

6. Barker H. That Most Precious Merchandise. The Mediterranean Trade in Black Sea Slaves, 1260–1500. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2020, 314 p.

7. Vigna A. Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII – MCCCCLXXV). *Atti della Società Ligure di Storia Patria*. 1868, vol. VI, parte 1, fasc. 1, XV+981 p. (In Italian and Latin)

8. Vigna A. Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII – MCCCCLXXV). *Atti della Società Ligure di Storia Patria*. 1871, vol. VII, parte 2, fasc. 1, 901 p. (In Italian and Latin)

9. Vigna A. Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII – MCCCCLXXV). *Atti della Società Ligure di Storia Patria*. 1879, vol. VII, parte 2, fasc. 2, 1014 p. (In Italian and Latin)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Павлович Карпов – доктор исторических наук, профессор, академик Российской академии наук, президент исторического факультета, заведующий кафедрой истории средних веков, научный руководитель Лаборатории истории Византии и Причерноморья, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (119192, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-1564-2079. E-mail: spkarp1204@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey P. Karpov – Dr. Sci. (History), Professor, Member of the Russian Academy of Sciences, President of the Faculty of History, Head of the Department of History of the Middle Ages, Head of the Center of Byzantine and the Black Sea Region Studies, Lomonosov Moscow State University (27, building 4, Lomonosovsky Ave., Moscow 119192, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-1564-2079. E-mail: spkarp1204@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 01.12.2023
Поступила после рецензирования / Revised 29.02.2024
Принята к публикации / Accepted 04.03.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.48-62>
EDN: HZSJOR

УДК 94(47)

О ТРАДИЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИСЛЫХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПЕЧАТЕЙ В КАНЦЕЛЯРИЯХ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И ПОСТОРДЫНСКИХ ГОСУДАРСТВ

А.В. Беляков

*Институт российской истории РАН
Москва, Российская Федерация
belafeb@yandex.ru*

Резюме. Цель исследования: после того как М.А. Усманов заявил о том, что в ордынских канцеляриях не использовали какие-либо вислые печати, это стало непреложным фактом. Однако Д. Колодзейчик доказал существование на шертных крымских грамотах XVII в. золотых вислых печатей, которые официально назывались алтунбайса. Он предположил, что эта новация была привнесена в канцелярию Гиреев. Последние исследования позволяют уверенно говорить о широком бытовании золотых и серебряных вызолоченных печатей на территории Сибирского, Крымского и Казанского ханств, в Ногайской Орде, на Кавказе в XVI в. Помимо этого они фиксируются у народов Среднего Поволжья и Зауралья. Такими печатями заверяли только два типа документов – шертные и жалованные грамоты. Следы этого явления ведут в поздние золотоордынские канцелярии. В данной работе исследуются известия об использовании металлических вислых печатей в канцеляриях Золотой Орды и постордынских государств.

Материалы исследования: сообщения описей архивов Посольского приказа и Коллегии иностранных дел, русско-крымских и русско-ногайских посольских книг, а также документов внутреннего делопроизводства внешнеполитического ведомства.

Результаты и научная новизна исследования: доказываются существование золотых и серебряных вислых печатей, которыми скрепляли отдельные документы в постордынских государствах XVI в. При этом косвенные данные и логика трансформации канцелярских практик позволяет предполагать их наличие как минимум в XV в. Золотые печати, по-видимому, стали логичным этапом постепенной трансформации ханских ярлыков и пайцз. В какой-то момент эти два предмета объединились в один. Подобное могло произойти после того, как практика пожалования пайцз прекращается. Сделанные наблюдения позволяют переосмыслить устоявшиеся в научной среде представления об ордынских канцелярских традициях.

Ключевые слова: Золотая Орда, Русское государство XV–XVII вв., Крымское ханство, Ногайская Орда, золотая печать, жалованная грамота, шерт, пайцза

Для цитирования: Беляков А.В. О традиции использования вислых металлических печатей в канцеляриях Золотой Орды и постордынских государств // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 48–62. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.48-62> EDN: HZSJOR

© Беляков А.В., 2024



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

ON THE TRADITION OF USING HANGING METAL SEALS IN THE OFFICES OF THE GOLDEN HORDE AND POST-HORDE STATES

A.V. Belyakov

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
belafeb@yandex.ru*

Abstract. Research objectives: Following M.A. Usmanov stated claim that hanging seals were not at all used in the Horde offices, this became an indisputable fact. However, D. Kolodzeichik proved the existence of golden hanging seals, which were officially called *altunbaisa*, on Crimean charters of the 17th century. He suggested that this innovation was introduced into the office of the Gireys. Recent studies allow us to speak confidently about the widespread existence of gold and silver gilded seals in the territory of the Siberian, Crimean and Kazan Khanates, in the Nogai Horde, and in the Caucasus in the 16th century. In addition, they are recorded among the peoples of the Middle Volga and Trans-Urals. Only two types of documents were certified with such seals – wool and letters of commendation. Traces of the phenomenon lead to the late Golden Horde's offices. This paper examines information about the use of metal hanging seals in the offices of the Golden Horde and post-Horde states.

Research materials: Messages from the inventories of the archives of the Posolsky Prikaz and the Collegium of Foreign Affairs, Russian-Crimean and Russian-Nogai embassy books, as well as documents of the internal office work of the Foreign Ministry.

Results and scientific novelty of the study: The existence of gold and silver hanging seals, which were used to fasten individual documents in the post-Horde states of the 16th century, is demonstrated. At the same time, indirect data and the logic of the transformation of clerical practices allow us to assume their presence at least as early as the 15th century. Golden seals, apparently, became a logical step in the gradual transformation of the khan's labels and *paiz*. At some point, these two items merged into one. This could have happened after the practice of awarding *paiz* ceased. The observations made here allow us to rethink the ideas about the Horde's stationery traditions that have been long established in the scientific community.

Keywords: Golden Horde, Russian state of the 15th–17th centuries, Crimean Khanate, Nogai Horde, golden seal, letter of commendation, charter, *paiza*

For citation: Belyakov A.V. On the tradition of using hanging metal seals in the offices of the Golden Horde and Post-Horde States. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 1, pp. 48–62. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.48-62> (In Russian)

Одной из главных проблем при изучении канцелярских практик, существовавших в Золотой Орде и постордынских государствах, является крайне малое число дошедших до нашего времени источников, в первую очередь подлинных ханских грамот [30; 1]. Это значительно осложняет реконструкцию того, как происходило оформление тех или иных документов, выходявших из ордынских канцелярий. В данной работе мы затронем вопрос о вислых печатях на ханских грамотах. Эта проблема за последние годы обросла собственной историографией, однако, привлечение более широкого круга

источников позволяет в значительной мере скорректировать устоявшиеся в науке представления.

О вислых печатях в ордынских канцеляриях заговорили благодаря зафиксированной в XIX в. дополнительной малой свинцовой «печати», привешенной на одном шнуре чуть ниже московской серебряной вызолоченной печати на духовной грамоте Ивана Калиты 1336 г. (ныне утрачена). Ее ширина составляла приблизительно 1/2 от ширины великокняжеской печати [27, с. 35]. Отметим, что она ни разу не упоминается в описях XVI–XVII вв. Данная «печать» не имела надписей. На одной ее стороне помещалось изображение шестиугольной звезды, образуемой из двух переплетенных треугольников и четырех шариков посередине, а на другой находился орнамент в виде рогожки, составленный из изгибающегося закольцованного шнура, создающего пересекающиеся три вертикальные и три горизонтальные линии¹. А.В. Орешников считал, что вторую печать прикрепили на ханском дворе московского кремля [20, с. 120]. Именно как ордынскую печать рассматривал свинцовую привеску к великокняжеской грамоте и Л.В. Черепнин. Исследователь считал, что она была добавлена к документу в Орде, и тем самым повышала его значимость [31, с. 15–16].

М.А. Усманов однозначно и аргументировано отверг ордынское происхождение «печати». Более того он особо подчеркивал: «мы не знаем ни одного факта применения в Джучиевом Улусе вислых металлических или иных типов печатей, характерных, например, для Руси» [30, с. 178]. С этого времени данное утверждение прочно закрепилось в научной литературе [1, с. 159–160; 23, с. 86–100]. При этом обнаруженные и изданные Ф. Лашковым описания вислых печатей крымских ханов XVII в. оставались долгое время незамеченными специалистами, занимавшимися этими проблемами, в том числе и М.А. Усмановым [12, с. 76, 102, 110 и др.]².

А.Б. Мазуров выдвинул версию о том, что свинцовая печать принадлежит великокняжескому писцу, создавшему документ. Данное утверждение опирается на находку в Великом Новгороде двух рядом лежащих печатей – Святополка Изяславовича (1078–1088 гг.) и несколько меньшей по размерам с греческой надписью «Мефодий грамматик» на одной стороне и изображением святого на другой. Исследователь полностью отвергает идею о том, что великокняжеские завещания могли подтверждаться в Орде [13]³. Пред-

¹ Мотив рогожки был широко распространен на Руси. Ближайшим аналогом на русских печатях, но выполненным значительно грубее следует признать, отпечаток печати Степана Алексеева Хирина 1638 г. [10, Табл. XIII. № 141].

² Необходимо особо подчеркнуть, что публикуемые Ф. Лашковым шертные грамоты в ряде случаев являются не окончательным их вариантом, а только проектом, который мог неоднократно изменяться. Необходимо сверять их тексты с текстами, приводимыми в русско-крымских посольских книгах.

³ Л.Ф. Абзалов поддерживает идею Л.В. Черепнина о заверении великокняжеских духовных грамот в Орде. Отвергая вислые печати, он предполагает, что на грамоты «ставилась резолюция (например, «булай ун гурдук» (в таком виде мы одобрили)), которую можно видеть в духовной грамоте Василия II от 1435 г.». Однако в другом месте этот же автор грамоту называет жалованной [1, с. 114, 160]. Речь идет о жалованной грамоте великого князя Василия II Васильевича Михаилу Яковлевичу на села в Переяславском уезде [6; Российский государственный архив

положение о печати писца следует признать интересным, но смущает тот факт, что изображения на рассматриваемой пломбе расходятся с известными нам примерами того времени.

Д. Колодзейчик на основании знакомства с подлинными крымскими грамотами, их снимками, и публикацией Ф. Лашкова, доказал существование вислых печатей на некоторых видах крымских грамот XVII в. При этом исследователь посчитал, что данное явление было привнесено в канцелярию крымских ханов извне (из Персии или Сибирского ханства) и ранее не существовало здесь. Очень важно то, что в документах XVII в. эти печати в ряде случаев называются алтунбайса («золотая пайза», «печать с золотой пайзой») [11]. Ранее данный факт был подмечен еще А. Самойловичем [24].

А.В. Беляков обратил внимание на широкое бытование на постордынском пространстве в XVI в. особого типа документов – жалованных грамот за золотой печатью, а также указал на тот факт, что в посольских книгах XVI в. регулярно упоминаются золотые печати, привешиваемые к крымским шертным грамотам [3; 5, с. 35–43].

Однако привлечение описей архивов Посольского приказа [8; 17; 18; 19; 32] и Коллегии иностранных дел [29], русско-крымских [25]⁴ и русско-ногайских посольских книг [22]⁵ и отдельных документов внутреннего делопроизводства Посольского приказа⁶ значительно расширяют наши знания о бытовании вислых печатей в канцеляриях постордынских государств.

Вначале обратимся к истории жалованных грамот за золотой печатью. Первым их природу объяснил В.В. Трепавлов. Анализируя документы и народные предания, связанные с Сибирским ханством и башкирами, он отметил, что в этих регионах сложилась традиция, по которой обладание земельным владением рассматривалось, как легитимное только в форме пожалования от монарха. Исследователь считает данное явление одним из рудиментов прежних ордынских установлений, когда при смене монарха требовалось обновление (подтверждение) ярлыков выданных предшественниками [28, с. 182–185]. Это правило распространялось и на таких вполне самостоятельных государей как сибирские ханы. Изначально таким монархом был монгольский хан, ему на смену пришли ханы Золотой (Большой) Орды. В какой-то момент право верховного сюзеренитета на постордынском пространстве унаследовали казанские ханы. С завоеванием Казани московские государи с точки зрения народов, заселявших эти территории, унаследовали это право. Последующие исследования расширили географию распространения подобных грамот на всю территорию, некогда занимаемую Золотой Ордой, напрямую или же опосредованно они фиксируются у народов Среднего Поволжья, Кавказа, Сибири, у башкир, в Ногайской Орде и Югре. При этом их выдача из Москвы в некоторые регионы явно началась несколько раньше завоевания Казани. Первая зафиксированная грамота обским самоедам была послана еще в 1525 г. При этом по косвенным данным подобным образом оформленные документы (грамота, скрепленная серебряной вызолоченной печатью) посы-

древних актов (РГАДА). Ф. 159. Оп. 1. Д. 950]. Современные исследователи считают, что подобные надписи оставляли княжеские дьяки [15; 9].

⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1.

⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1.

⁶ РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. Д. 26.

лались в этот регион на несколько десятилетий ранее. Возможно, ареал распространения жалованных грамот являлся своеобразным маркером распространения влияния Золотой Орды в период ее наибольшего могущества.

А далее предсказуемо начиналось взаимное непонимание двух сторон (получавшей и выдававшей грамоты) того, какие обязательства каждая из них брала на себя. Просителям был важен сам факт получения этого документа, за него они даже были готовы выплачивать относительно незначительную дань, но при этом продолжали считать себя вполне независимыми по отношению к московским государям. Москва в свою очередь сам факт прошения грамоты рассматривала, как вступление в подданство (полное холопство). Как следствие русские государи стали предъявлять претензии к своим новым холопам, которые в свою очередь считали их абсолютно необоснованными. Постепенно московская сторона научилась значительно гибче подходить к степени подданства, что выражалось, в том числе в формулировках этих документов. При этом жалованные грамоты за золотой печатью в глазах русского царя и его администраторов стали универсальным способом оформить свои взаимоотношения со многими народами Востока. Так их с разной степенью успешности навязывали ойратам и Алтын-хану. С последней трети XVI в. печати начали изготавливать из золота. Дольше всего регулярная выдача жалованных грамот за золотой печатью осуществлялась кабардинским князьям и грузинским царям [3].

Имеются косвенные свидетельства о том, что золотые вислые печати имели крайне высокий статус в глазах ногайских мирз. В русско-ногайских посольских книгах известен целый ряд упоминаний, которые можно интерпретировать именно так. В июле 1556 г. в Москве было получено послание бия Большой Ногайской Орды Исмаила б. Мусы к Ивану IV, заканчивающееся фразой: «Княжое слово, чтоб печать золоту прислал» [22, с. 208]⁷. Для нас важен тот факт, что Исмаил только недавно стал бием. Просьба повторяется и в другом послании, датированном июлем 1557 г.: «Да пропала у меня печать, и ты б прислал мне печать з золотом» [22, с. 251]⁸. В 1577 г. ногайский мирза Сеид-Ахмед просил русского царя: «Да чтоб еси мне на выимок велел грамоту дати з золотою печатью»⁹. В 1578 г. мирза Ураз-Мухаммед б. Дин-Мухаммед писал: «отец мой, княз (Дин-Мухаммед б. Исмаил – А.Б.), выпросил у тебя печат, и яз печалуюс, чтоб еси печат золоту пожаловал»¹⁰. Таким образом, ногайская традиция золотых печатей была явно односторонней и, по-видимому, являлась логичным продолжением практики получения жалованных грамот за золотой печатью. Собственно жалованные грамоты ногаям неизвестны, в русско-ногайских посольских книгах информация о них отсутствует. Изначально ногайские бии, похоже, получали подобные документы от астраханских (большеордынских) или же казанских ханов. С момента их завоевания Россией эта функция перешла к московскому царю. Остается открытым вопрос о том, к каким документам в данном случае привешивались печати – к жалованным грамотам или же к обычным царским посланиям. По-видимому, перед нами очередной пример постепенной деградации ногайской

⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 362 об.

⁸ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 30 об.

⁹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 66.

¹⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 250.

государственности и статуса жалованных грамот. Жалованная грамота за золотой печатью стала эволюционировать в документ, скрепленный золотой печатью. При этом собственно текст грамоты не имел никакого значения. Данная ситуация сильно напоминает ту, что фиксируется в Югре в первой половине XVI в. [3] А попытки получения золотой печати другим лицом помимо бия следует рассматривать в ряду постоянных требований от все возрастающего числа мирз, чтобы к ним присылали царские грамоты не со служилыми татарами, а с детьми боярскими. Важен еще один момент. Упоминание грамот с золотой печатью заставляет по-иному взглянуть на непростые ногайско-казанские и ногайско-астраханские взаимоотношения. Возможно, многие эпизоды этих контактов следует рассматривать как попытку получения от хана очередной грамоты за золотой печатью, как в истории с захватами Астрахани кабардинцами [5, с. 35–43].

Другим интересным примером, когда использовали вислые печати, является способ заверения шерстных грамот крымских ханов (аналог докончальных грамот с европейскими христианскими государями), при этом они всегда изготовлялись исключительно золотыми. Печати известны как минимум с начала XVI в. В идеале крымская сторона должна была давать шерстные грамоты всякий раз при смене хана или великого князя (царя). Иногда за время правления одних и тех же государей стороны обменивались грамотами несколько раз. Московский правитель со своей стороны посылал в Крым крестоцеловальную грамоту, также скрепленную золотой вислой печатью. Однако на практике это осуществлялось далеко не всегда. В случае возникновения острых противоречий между государями или же в результате взаимных споров о тексте грамот процесс их подготовки мог затянуться на годы. Это было типичным явлением для XVI в. В XVII в. обмен шерстными / крестоцеловальными грамотами проходил регулярно. Об этом свидетельствуют данные посольских книг и описей Посольского приказа.

Первая шерстная грамота, возможно, была дана Менгли-Гирею еще в 1474 г., хотя нельзя исключать того, что перед нами только фиксация подготовительного процесса, а не сама процедура, включавшая помимо привешивания печатей шертование на Коране крымской стороной и крестоцелование русской. В сообщении об этом ничего не говорится о вислой печати, однако ее наличие можно предположить с высокой долей вероятности. В 1480 г. Менгли-Гирей и Иван III обменялись шерстной и крестоцеловальной грамотами. О золотых печатях источники не сообщают, но они, судя по всему, были. Дело в том, что в 1481 г. в Крым послали три опасные грамоты. К одной из них (адресованной к Девлетек-мирзе) привесили золотую печать. При обмене грамотами в 1508 г. золотая печать отмечена только на русском документе. Однако учитывая тот факт, что русская дипломатия при сношениях с иностранными державами очень быстро усвоила принцип взаимности, который в том числе распространялся и на оформление дипломов, золотая вислая печать на крымской грамоте также должна была присутствовать [12, с. 1–2]. В пользу этого говорит и текст крымской грамоты 1508 г.: «да на той бы тебе грамоте шерть дал; да пожаловал бы тебя, ту грамоту и к тебе прислал, да и свою еси грамоту прислал за золотую печатью» [25, с. 32]. В 1518 г. от крымского хана получили новую шерть. Саадет-Гирей I (1523–1532 гг.) приносил шерть дважды, в 1525 и 1530 гг. 1548/49 г. – золотая печать была привешена к шерстной грамоте крымского

хана Сахиб-Гирея I (1532–1550 гг.)¹¹. В 1594 и 1602 гг. шертовал Казы-Гирей II (1588–1596, 1596–1608 гг.) [12, с. 36–40]. В 1614 г. золотая печать была привешена к шертной грамоте Джанибек-Гирея (1610–1623, 1628–1635 гг.). В 1624 г. к грамоте Мухаммед-Гирея III (1610, 1623–1628 гг.) привесили большую золотую печать [18, 80. л. 85 об.; 19, 507. л. 1120 об.]. В источниках также фиксируется значительное количество «золотых грамот». Их ни в коем случае нельзя смешивать с золотыми печатями. Ведь это указание на то, что часть текста документа была написана золотом. В 1628, 1630 и 1633 гг. получены вторая, третья и четвертая шертные грамоты Джанибек-Гирея [19, с. 507. л. 1121; 12, с. 53–55–58]. 1636/37-м г. датируется шертная грамота с золотой печатью хана Инает-Гирея (1635–1637 гг.). На следующий год она пришла от Багатыр-Гирея (1637–1641 гг.). Шертные грамоты с золотой печатью от этого хана также фиксируются в 1638/39 и 1639/40 гг. [19, с. 328–329. л. 684–686 об.]. Столь частое их получение от одного лица свидетельствует о явной девальвации или значительной трансформации прежнего значения подобных документов. Как одно из проявлений этого процесса стало появление таких документов, как разменных шертных грамот или записей, которые также скреплялись золотой печатью [12, с. 180]. Следует отметить, что данная тема до настоящего времени не подвергалась исследованию. Мухаммед-Гирей IV (1641–1644, 1654–1666 гг.) прислал шертную грамоту в 1642/43 и 1655/56 гг. Также известны грамоты Ислам-Гирея III (1644–1654 гг.) 1644/45, 1647 и 1648 гг., Адиль-Гирея (1666–1671 гг.) 1670/71 (1669/70) г, Селим-Гирея (1671–1678, 1684–1691, 1692–1699, 1702–1704 гг.) 1671/72 и 1684 гг., Мурад-Гирея (1678–1683 гг.) 1681 и 1682 гг. [19, с. 329–330. л. 687 об. – 688; 12]. Следует учитывать, что при дальнейших исследованиях истории принесения шерти крымскими ханами, датировки могут быть значительно скорректированы, а некоторые шерти объединены.

Кроме того по описям Посольского приказа известны казанские вислые печати. В 1614 г. о них сказано: «Да в том же ящике 11 печатей розных государств, серебряны» [17, с. 96. л. 184]. В 1626 г. указано: «9 печатей старых казанских и ливонских серебряных, литых» [18, с. 310. л. 536]. В 1673 г. отмечено: «В мешочке печати розных государств серебряные, 11 печатей да 3 конца» [19, с. 506. л. 1118 об.]. Более ранние описи позволяют уточнить список государств, к грамотам которых могли подвешиваться эти серебряные печати, а также что это были за документы. В описи царского архива 1570-х гг. указано, что в ящике № 11 хранились перемирные грамоты с Ливонским орденом. При этом подчеркнуто, что «те грамоты попорчены у дьяков в Новгороде». В ящиках № 12–15 находились казанские шертные грамоты. В ящике № 203 содержались шертные грамоты астраханского царя Дервиш-Али [17, с. 18–19. л. 229 об. – 232, 234]. В краткой описи, составленной в самом конце XVI в. (не ранее 1594 г.), дается несколько иная раскладка дел по ящикам: «С казанским и с астраханским и с свияжским, и с нижегородским с старым делом ящики 2, 7, 12, 16, 17, 18, 28, 31, 37, 46, 53, 57, 95, 129, 136, 148, 151» [32]. В описи 1614 г. еще отмечены астраханские и казанские книги. А вот шертных грамот уже нет [17, с. 106–107. л. 228–230]. Зато появляются казанские серебряные печати. Мы вправе предположить, что среди них вполне могли быть и астраханские печати. По-видимому, к этому времени все

¹¹ РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 16. Л. 56.

шертные грамоты погибли и от них остались только печати. Произошло это не злонамеренно, просто данные дела потеряли свою прежнюю актуальность и за их сохранностью не особо следили. Сказалось и разорение Москвы в Смутное время. К тому же в начале XVII в. в Посольском приказе была обнаружена кража ряда печатей из благородных металлов (золотые и серебряные). По этому поводу составили «перепись грамотам, у которых обрезаывал печати воровством Посольского приказу подьячей Офона Огарков во 115-м году» [18, с. 320. л. 555 об.]. Отметим, что это не единственный пример воровства печатей во внешнеполитическом ведомстве, хотя всегда это было экстраординарным событием. 4 января 1707 г. подьячий приказа Петр Пасынков донес тайному секретарю Петру Павловичу Шафирову, что 3 января из сундука его повытья пропали «две печати золотые небольшие, на которых подписано было писмом татарским, да десять серебряных крушков гладких вызолоченных, на подобность тех печатей зделанных, которые бывають у шертных грамот ханов крымских. А те печати и грамоты вынул подьячей Михайло Ларионов с ним, Петром, в Нижней Кладовой полате в коробе умершаго подьячего Михаила Волкова ноября в 28 день прошлого 706-го году»¹². Украденное так и не было найдено. Десять серебряных вызолоченных кружков являются в настоящее время загадкой. Это либо заготовки для печатей к жалованным грамотам, столь активно раздаваемым Москвой в более ранний период, либо все те же казанские и ливонские печати. «Гладкими» они могли стать благодаря тому, что изображения на них были низкорельефными. Против данного утверждения есть серьезный аргумент. 24 августа 1635 г. по именному приказу царя Михаила Федоровича, думный дьяк Федор Лихачев и дьяк Максим Матюшкин, собрав ряд дел Посольского приказа, положили их в сундук и, запечатав печатью Федора Лихачева, отнесли его на хранение на Казенный двор в Большую палату. В 1673 г. печати с остальными документами еще хранились на Казенном дворе [19, с. 505–507. л. 1117–1121 об.]. Этот комплекс (два сундука и ящик) 16 февраля 1708 г. перенесли в государеву Мастерскую палату, где пересмотрев, отдали в Посольский приказ. Но никакие отдельно хранящиеся печати в тогда же составленной описи не фигурируют. Справедливости ради следует отметить, что документы на Казенном дворе не лежали без движения. Судя по описи, туда до последнего добавлялись дополнительные материалы. Часть документов и предметов также могли покидать сундуки [8]. В описи Московского архива Коллегии иностранных дел 1732 г., в которой описываются документы, хранившиеся ранее на Казенном дворе указаны «Свяска да ставик деревянной с некоторыми вещми за печатми» [29, с. 316]. В словаре русского языка слово «ставок» объясняется как небольшой сосуд с крышкой или же коробка, футляр [26, с. 188]. Возможно, печати хранились именно здесь.

Укажем еще один возможный вектор для дальнейших поисков казанских печатей. В описи казны Мастерской палаты 1720 г. читаем: «В вышеписанной же казенной палате... коробка свинцовая за печатью, а в ней деньги татарская...» [7, с. 230]. В настоящее время трудно однозначно судить, были ли это действительно монеты мусульманских стран, или же за таковые были приняты вислые печати с арабографичными надписями. Но данное свиде-

¹² РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

тельство дает дополнительный повод для надежды на то, что когда-либо в архиве или музейном собрании, обнаружится подлинная металлическая печать восточного происхождения. Помимо этого золотые печати Крымского ханства могли отложиться в петербургском архиве Коллегии иностранных дел (Министерстве), и уже оттуда попасть в современный архив МИДа.

В нашем распоряжении имеется несколько описаний крымских печатей, составленных в Посольском приказе. «А на золотой печати с одну сторону в кругу вырезано: “Аноэт-Гирей-царь Казы-Гиреев-царевъ сын”. А на другой стороне печати в одном кругу вырезано: “Хусам-Гирей-царевичъ Казы-Гиреев-царевъ сын”. А в другом кругу на той же стороне вырезано: “Саадет-Гирей-царевичъ Казы-Гиреев-царевъ сынъ”» (1636 г.) [12, с. 76]. «А на золотой печати вырезано: “Верую во единого Бога и в пророка Магметя”. А на другой стороне у тое печати вырезано: “Магмет-Гирей-царь Саламат-Гиреев-царевъ сынъ”» (1642 г.) [12, с. 102]. «А у подлинной грамоты на золотой печати на стороне написано: “Несть ина Бога, токмо Един Господь, Магаметь Пророк ево”; а на другой стороне написано: “Ислам-Гирей-царь Саламат-Гиреев-царевъ сынъ”» (1646 г.) [12, с. 110]. «И у той грамоты привешена золотая печать на серебряном снурке, в печати на одной стороне вырезано словами татарскими, а по переводу: “Нет Господа, токмо Бог, Магмет послан от Бога”. На другой стороне той же печати: “Адиль-Гиреево-царевое величество Девлет-Гиреев-царевичевъ сынъ”» (1669 г.) [12, с. 172–173]. «У той же грамоты привешена на снурку печать золота, а на ней вылита на одной стороне: “Бог един есть Бог, а Магомет посланной Божей”. На другой стороне вырезано: “Салтан салтанов сын, салтан храброй Мурат-Гирей-хан, Мубарек-Гирей-салтанов сын Мубарек-Гирей-салтан Селям-Гиреев-ханов сынъ”» (1681 г.) [12, с. 178]. В этом прочтении явно имеются ошибки, вызванные недостаточной квалификацией переводчика. «...на одной стороне: “Бог един, а иного Бога нет, Магмет же посланный от Бога”. На другой стороне: “Султан султанов сын султан храбрый Селим-Гирей-хан, Багадырь-Гиреев-ханов сынъ”» (1684 г.) [12, с. 201]. Имеется также описание крымской печати с шертной (присяжной) грамоты, отправленной в 1654 г. в Речь Посполитую, составленное во второй половине XX в.: «ar-rasul`llah: La ilaha illa`llah Muhammadun ar-rasul`llah»; с другой стороны: «‘ahdname-i Mehmed Gërey Han» («присяжная грамота Мехмеда-Гирея-хана»). Также удалось восстановить примерный размер этой печати – 48 мм [11]. Размер печатей, по-видимому, не был стандартизированным, в источниках приводятся их характеристики как «большая» [18, с. 80. л. 85 об.] и «неболшие»¹³. Как видим, устойчивое изображение на печатях отсутствовало. В зависимости от внутривосточной обстановки в Крымском ханстве богословие (шахада) могло заменяться именами калги и нурэдина. В отдельных случаях приводилось прямое указание на то, к какому документу привешивалась печать. На казанских и астраханских печатях, по-видимому, помещалось имя хана и богословие. К рубежу XV–XVI вв. исламская традиция, похоже, окончательно взяла верх, тексты, размещавшиеся на более ранних пайцзах («Силой вечного неба имя хана да будет свято; кто не поверит – должен быть убит») были забыты. А. Самойлович, сравнивая текст ранних ордынских квадратных печатей (тамга) с текстами на вислых печатях,

¹³ РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

пришел к выводу об их идентичности и делает предположение о том, что в Крыму под словом «пайцза» («байса») подразумевали не печать, а «формулу на государственной печати» [24, с. 1117].

Следует указать на еще один интересный факт. При подготовке вечного мира между Крымским ханством, Русским государством и Речью Посполитой послы крымского хана Адиль-Гирея 27 апреля 1670 г. в Москве дали письменные обещания. В описании документа приведена следующая информация: «печати послом (крымским – А.Б.) зделаны серебряные золочены» [12, с. 169]. По контексту этой записи можно предположить, что данные печати были изготовлены в Москве. Мы в настоящее время не готовы комментировать это сообщение, для этого требуются дополнительные исследования. Но сам по себе зафиксированный факт, является крайне любопытным в общем контексте бытования вислых печатей в постордынском мире.

Следует сказать о материале, из которого изготовлялись печати. Документы приводят три варианта: золотые, серебряные и серебряные вызолоченные. При этом возможно, серебряные и серебряные вызолоченные можно объединить. Дело в том, что в ранних описях часто определяли материал, из которого были сделаны печати, крайне приблизительно. Так, сохранившиеся до наших дней вызолоченные аргиовулы, в разных источниках могли называться золотыми, серебряными вызолоченными и железными вызолоченными. Возможно, казанские печати были серебряными вызолоченными. Со временем позолота частично или же полностью могла сойти и их стали воспринимать как серебряные. Если же они действительно были серебряными, то это выглядело как явное принижение статуса Казанского ханства по отношению к Москве, где печати делали серебряными вызолоченными и золотыми, и Крыму, где известны только золотые печати. Печати, по-видимому, изготовлялись для каждого конкретного случая путем отливки.

Таким образом, мы показали, что как минимум с начала XVI в. в целом ряде постордынских государств существовала устойчивая практика бытования вислых золотых и серебряных печатей. Они привешивались к двум типам документов – жалованным и шертным грамотам. Однако корни этого явления необходимо искать в более раннем периоде. Истоки жалованных грамот, скрепляемых золотой печатью, следует видеть в ордынской традиции. Наместник той или иной территории получал в подтверждение своих прав ханский ярлык и пайцзу [1, с. 69, 63–64]. Остается выяснить, когда эти два символа власти объединились воедино. Пайцза более чем отдаленно напоминает вислую печать. Хотя в русской традиции их называли печатями. Именно золотую печать по преданию приложил «хан Батый» к иконе Иоанна Богослова в Пощуповском Иоанно-Богословском монастыре (ныне Рязанская область), где она и сохранялась до середины XVII в. [16, с. 14–15]. Возможно, подобное объединение произошло довольно рано и, было связано с транспортировкой ярлыка и пайцзы, когда лицо, которому они предназначались, получал их не лично, а через ханского посланца. Тогда при перевозке их логично было бы объединить. Шертные грамоты также, похоже, являлись продуктом объединения ярлыка и пайцзы, но как работала мысль ханской канцелярии остается непонятно. Возможно, данный тип документов и правила его оформления появились в результате взаимных поисков русских и крымских делопроизводителей. В приблизительно тот период русская сторона активно обмени-

влась dokonчальными грамотами, скрепленными золотыми печатями с целым рядом европейских держав (Империя, Дания, Ливонский Орден, Венгрия, Литва). Крыму, по-видимому, предложили знакомый формат документов. В ханской канцелярии нашли подходящий ордынский аналог европейским золотым печатям – ордынскую алтынбайсу (золотую пайцзу). Отметим, что шертные грамоты в Золотой Орде небыли известны. Судя по всему, данное словосочетание было придумано либо в крымской, либо в московской канцелярии. Отметим, что в Москве слово шерть начинает активно использоваться именно в последнюю треть XV в.

Следует подчеркнуть, что в различных документах, создаваемых в московской великокняжеской и царской канцелярии, также прослеживаются явные влияния ордынской делопроизводственной практики [2; 4]. При этом русские дьяки, разрабатывавшие новые формуляры, возможно, даже не осознавали этого, настолько обороты ханских посланий твердо и органично вплелись в московскую приказную систему. Будем надеяться, что со временем нам удастся найти здесь новые параллели. Нельзя забывать и работы наших предшественников. В свое время М.П. Мелиоранский, разбирая одно место в Казанском летописце («Ахмат ... и посла х великому князю Ивану к Москве послы своя, по старому обычею отец своих, з басмою, просити дани и оброков за прошлая лета. Великий же князь ... прием басмулице его и плевав на ню, и излама ея, на землю поверже и потопта ногами своима...» [21, с. 199]), сделал предположение о том, что басма на самом деле является искаженной пайцзой и обозначала вислую золотую печать [14]. В таком случае выражение «басма лице его» следует читать как «басма от лица его» или же, как писали в XVII в. «мы наше величество Мухаммед-Гирей-хан, нам самим принадлежащую нашу золотую баисную печать приложили» [24, с. 1120]¹⁴. Тем самым истоки вислых печатей, похоже, действительно уходят корнями в канцелярию Золотой Орды. В таком случае их появление следует датировать временем близким к последней известной «правильной» ханской пайцзе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абзалов Л.Ф. Ханские писцы. Из истории становления и развития канцелярской службы ханов Золотой Орды. Казань: Издательство «ЯЗ», 2011. 253 с.
2. Беляков А.В. Где Иван IV выдавал грамоты за золотой печатью? // Диалог со временем. 2022. Вып. 80. С. 330–338.
3. Беляков А.В. Жалованные грамоты за золотой печатью: история бытования и ареал распространения (об ордынской преемственности в вопросе инвеституры) // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 184–211. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-1.184-211>
4. Беляков А.В. Источники жалованного слова народам Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 1. С. 33–43. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-1-33-43>
5. Беляков А.В. Симеон Бекбулатович: пример адаптации выходцев с Востока в России XVI в. СПб.: Нестор-История, 2022. 408 с.

¹⁴ В работах А.Н. Самойловича и М.П. Мелиоранского приводятся ссылки на историографию этого вопроса.

6. Богоявленский С. 1435 г. – Жалованная грамота в. к. Василия Васильевича Михаилу Яковлевичу на села в Переяславском уезде // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.: Университетская типография, 1913. № 3. С. 47–48.
7. Викторов А. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1584–1725 г. М.: Типо-литография С.П. Архипова и К^о, 1877. Вып. 1. 376 с.
8. Гальцов В.И. Опись посольских дел, переданных в 1708 г. из Казенного Приказа в Посольский // Археографический ежегодник за 1974 г. М.: Наука, 1975. С. 349–356.
9. Грязнов А.Л. Белозерские акты XIV–XVI вв.: исследование и перечень. Вологда: Древности Севера, 2019. 603 с.
10. Иванов П. Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском Архиве Министерства юстиции. М.: Типография С. Селивановского, 1858. 43 с.
11. Колодзейчик Д. Попытка восстановления монгольской традиции в Крымском ханстве начала XVII в.: байса, тат ве тавчаг // Золотоордынское обозрение. 2015. № 3. С. 91–101.
12. Лашков Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел. Симферополь: Типография газеты «Крым», 1891. 224 с.
13. Мазуров А.Б. Утверждались ли духовные грамоты Ивана Калиты в Орде? // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 143–154.
14. Мелиоранский М.П. Что такое басма золотоордынских послов хана Ахмата? // Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1907. Т. XVII. С. 129–140.
15. Морозов Д.А. Уйгурские автографы московских дьяков (дополнение к древнерусской дипломатике) // Памяти Лукичева. М.: Древлехранилище, 2006. С. 173–199.
16. Описание Свято-Иоанно-Богословского монастыря, находящегося в Рязанской епархии. М.: Лето, 1998. 187 с.
17. Описи царского архива и архива Посольского приказа 1614 г. М.: Восточная литература, 1960. 195 с.
18. Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. 416 с.
19. Опись архива Посольского приказа 1673 г. М., 1990. Ч. 1. 526 с.
20. Орешников А.В. Материалы по русской сфрагистике // Труды Московского нумизматического общества. М.: Типография и словолитня О.С. Гербека, 1903. Т. III. Вып. 1. С. 108–150.
21. Полное собрание русских летописей. Т. XIX: История о Казанском царстве. М.: Языки русской культуры, 2000. 328 с.
22. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1661 гг. Казань: Татарское книжное издательство, 2006. 391 с.
23. Почекаев Р.Ю. Золотая Орда и русские земли: юридические аспекты отношений (очерки по истории и антропологии права). Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2022. 288 с.
24. Самойлович А.Н. О «пайза» – «байса» в Джучиевом улусе (К вопросу о басме хана Ахмата) // Известия Академии Наук СССР. VI серия. 1926. Т. XX. Вып. 12. С. 1107–1120.
25. Сборник Русского исторического общества. СПб.: Типография О. Елеоновского и К^о, 1884. Т. 41. 638 с.
26. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 2006. 275 с.
27. Собрание государственных грамот и договоров. М.: Типография Н.С. Всевожского, 1813. Ч. 1. 533 с.

28. Трепавлов В.В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2018. 320 с.
29. Турилов С.Л. Описание документов Московского архива Коллегии иностранных дел 1732 г. // Археографический ежегодник за 1983 г. М.: Наука, 1985. С. 307–320.
30. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: Издательство Казанского университета, 1979. 318 с.
31. Черепнин Л.В. Русский феодальный архив XIV–XV веков. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. 472 с.
32. Шмидт С.О. Балакаева И.А. Описание государственного архива конца XVI в. // Археографический ежегодник за 1974 г. М.: Наука, 1975. С. 346–348.

REFERENCES

1. Abzalov L.F. Khan's scribes. From the history of the formation and development of the clerical service of the khans of the Golden Horde. Kazan: YAZ Publ., 2011. 253 p. (In Russian)
2. Belyakov A.V. Where did Ivan IV issue grants with a golden seal? *Dialogue with time*. 2022, vol. 80, pp. 330–338. (In Russian)
3. Belyakov A.V. Grant letters with a golden seal: the history of existence and distribution area (on the Horde succession in the issue of investiture). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 1, pp. 184–211. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-1.184-211> (In Russian)
4. Belyakov A.V. Sources of the Granted Word to the Peoples of Siberia. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya=Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. 2023, vol. 22, no. 1, pp. 33–43. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-1-33-43> (In Russian)
5. Belyakov A.V. Simeon Bekbulatovich: an example of the adaptation of immigrants from the East in Russia in the 16th century. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2022. 408 p. (In Russian)
6. Bogoyavlenskiy S. 1435 – Grant Letter of grand prince Vasily Vasilyevich to Mikhail Yakovlevich for villages in Pereyaslavsky district. *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete = Readings at the Society of Russian History and Antiquities at Moscow University*. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1913, no. 3, pp. 47–48. (In Russian)
7. Viktorov A. Description of notebooks and papers of ancient palace orders. 1584–1725. Moscow: Tipo-litografiya S.P. Arkhipova i Ko, 1877. Vol. 1. 376 p. (In Russian)
8. Galtsov V.I. Inventory of embassy affairs transferred in 1708 from the Treasury Prikaz to the Posolsky. *Archaeographic Yearbook for 1974*. Moscow: Nauka, 1975, pp. 349–356. (In Russian)
9. Gryaznov A.L. Belozersky acts of the 15th–16th centuries: research and list. Vologda: Drevnosti Severa, 2019. 603 p. (In Russian)
10. Ivanov P. Collection of photographs from ancient seals attached to charters and other legal acts stored in the Moscow Archive of the Ministry of Justice. Moscow: Tipografiya S. Selivanovskogo, 1858. 43 p. (In Russian)
11. Kolodzeychik D. An attempt to restore the Mongolian tradition in the Crimean Khanate at the beginning of the 17th century: baisa, tat ve tavchag. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2015, no. 3, pp. 91–101. (In Russian)
12. Lashkov F. Monuments of diplomatic relations of the Crimean Khanate with the Muscovite state in the 16th and 17th centuries. stored in the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs. Simferopol: Tipografiya gazety «Krym», 1891. 224 p. (In Russian)

13. Mazurov A.B. Were the spiritual letters of Ivan Kalita approved in the Horde? *Voprosy istorii = Questions of history*. 1995, no. 9, pp. 143–154. (In Russian)
14. Melioranskiy M.P. What is the Basma of the Golden Horde ambassadors of Khan Akhmat? *Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society*. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1907. Vol. XVII, pp. 129–140. (In Russian)
15. Morozov D.A. Uighur autographs of Moscow clerks (addition to ancient Russian diplomacy). *In memory of Lukichev*. Moscow: Drevlekhranilishche, 2006, pp. 173–199. (In Russian)
16. Description of St. John the Theologian Monastery, located in the Ryazan diocese. Moscow: Leto, 1998. 187 p. (In Russian)
17. Inventory of the royal archive and the archive of the Ambassadorial order of 1614. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 1960. 195 p. (In Russian)
18. Inventory of the archive of the Ambassadorial Order of 1626. Moscow, 1977. Vol. 1. 416 p. (In Russian)
19. Inventory of the archive of the Ambassadorial Order of 1673. Moscow, 1990. Vol. 1. 526 p. (In Russian)
20. Oreshnikov A.V. Materials on Russian sphragistics. *Trudy Moskovskogo numizmaticheskogo obshchestva = Proceedings of the Moscow Numismatic Society*. Moscow: Tipografiya i slovolitnyya O.S. Gerbeka, 1903. Vol. III, no. 1, pp. 108–150. (In Russian)
21. Complete collection of Russian chronicles. Vol. XIX: The history of the Kazan kingdom. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. 328 p. (In Russian)
22. Ambassadorial books on Russia's relations with the Nogai Horde. 1551–1661. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatelstvo, 2006. 391 p. (In Russian)
23. Pochekaev R.Yu. Golden Horde and Russian lands: legal aspects of relations (essays on the history and anthropology of law). Barnaul: Izdatelstvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta, 2022. 288 p. (In Russian)
24. Samojlovich A.N. O "paiza" – "baisa" in the Dzhuchiev ulus (On the question of the basma of Khan Akhmat). *Izvestiya Akademii Nauk SSSR. VI seriya = News of the USSR Academy of Sciences. VI series*. 1926. Vol. XX, no. 12, pp. 1107–1120. (In Russian)
25. Collection of the Russian Historical Society. Saint Petersburg: Tipografiya O. Eleonovskogo i Ko, 1884. Vol. 41. 638 p. (In Russian)
26. Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries. Moscow: Nauka, 2006. 275 p. (In Russian)
27. Collection of State Letters and Treaties. Moscow: Tipografiya N.S. Vsevolzhskogo, 1813. Vol. 1. 533 p. (In Russian)
28. Trepavlov V.V. Symbols and rituals in the ethnic policy of Russia in the 16th – 19th centuries. St. Petersburg: Olega Abyshko Publ., 2018. 320 p. (In Russian)
29. Turilov S.L. Inventory of documents of the Moscow archive of the Collegium of Foreign Affairs, 1732. *Archaeographic Yearbook for 1983*. Moscow: Nauka, 1985, pp. 307–320. (In Russian)
30. Usmanov M.A. Complained acts of the Dzhuchiev ulus of the 14th–16th centuries. Kazan: Izdatelstvo Kazanskogo universiteta, 1979. 318 p. (In Russian)
31. Cherepnin L.V. Russian feudal archive of the 14th–15th centuries. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1948. 472 p. (In Russian)
32. Schmidt S.O., Balakaeva I.A. Inventory of the state archive of the end of the 16th century. *Archaeographic Yearbook for 1974*. Moscow: Nauka, 1975, pp. 346–348. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Васильевич Беляков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук (117292, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8588-9192. E-mail: belafeb@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey V. Belyakov – Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dm. Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8588-9192. E-mail: belafeb@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 01.11.2023
Поступила после рецензирования / Revised 28.02.2024
Принята к публикации / Accepted 04.03.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.63-78>
EDN: JCUTGJ

УДК 903.23

СОСУДЫ С ЭПИГРАФИЧЕСКИМИ
И ПСЕВДОЭПИГРАФИЧЕСКИМИ НАДПИСЯМИ
С ТЕРРИТОРИИ ЦАРЕВСКОГО ГОРОДИЩА

*Н.И. Юдин*¹, *А.Р. Нуретдинова*²✉

¹ *Азовский историко-археологический и палеонтологический
музей-заповедник им. А.А. Горбенко
Азов, Российская Федерация*

² *Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
✉ alsu.nuretdinova@rambler.ru*

Резюме. Цель исследования: изучить сосуды с эпиграфическими и псевдоэпиграфическими надписями XIV в.

Материалы исследования: керамические сосуды, хранящиеся в Археологическом музее Казанского федерального университета.

Результаты и научная новизна: в 1960-е гг. на памятнике велись широкомасштабные археологические работы Поволжской археологической экспедиции под руководством Г.А. Федорова-Давыдова. В работе экспедиции принимал участие отряд Казанского государственного университета (рук. И.С. Вайнер). В результате был получен большой пласт вещественных источников, среди которых наиболее массовым материалом является керамика. На сегодняшний день предметы археологии, обнаруженные в ходе раскопок Царёвского городища в 1961–1968 гг., хранятся в фондах Археологического музея Казанского (Приволжского) федерального университета.

Кроме художественных достоинств керамические изделия золотоордынской эпохи имеют особую научную источниковедческую значимость, поскольку, будучи полученными в результате полевых исследований, они стратифицированы и обеспечены археологическим контекстом. В рамках исследования рассмотрено пять поливных сосудов на кашинной основе, один среднеазиатский штампованный кувшин и одна матрица для изготовления штампованной посуды. Сосуды с эпиграфическими надписями встречают аналогии среди материалов нижеволжских и среднеазиатских памятников.

Таким образом, статья вводит в научный оборот новые данные, полученные в результате эпиграфического, лингвистического, сравнительного анализов коллекции, происходящей с территории восточного пригорода Царевского городища XIV века.

© Юдин Н.И., Нуретдинова А.Р., 2024



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: эпиграфика, штампованная керамика, кашин, глазурь, Золотая Орда, Царевское городище, XIV век, арабский язык, матрица

Для цитирования: Юдин Н.И., Нуретдинова А.Р. Сосуды с эпиграфическими и псевдоэпиграфическими надписями с территории Царевского городища // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 63–78. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.63-78> EDN: J CUTGJ

Финансирование: исследование подготовлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-09-00240 «Царевское городище: изучение материалов раскопок 1961–1968 гг. из фондов Археологического музея Казанского федерального университета и Государственного исторического музея».

VESSELS WITH EPIGRAPHIC AND PSEUDO-EPIGRAPHIC INSCRIPTIONS FROM THE TERRITORY OF THE TSAREVSKOYE SETTLEMENT

*N.I. Iudin*¹, *A.R. Nuretdinova*² ✉

¹ *Azov Historical-Archaeological and Paleontological
Museum-Reserve named after A.A. Gorbenko
Azov, Russian Federation*

² *Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation*

✉ alsu.nuretdinova@rambler.ru

Abstract. Research objectives: To study 14th century vessels with epigraphic and pseudo-epigraphic inscriptions.

Research materials: Ceramic vessels kept in the Archaeological Museum of Kazan Federal University

Results and novelty of the research: In the 1960s, large-scale archaeological work was carried out on the archaeological site of Tsarevskoye settlement by the Volga Archaeological Expedition led by G.A. Fedorov-Davydov. A group from Kazan State University (led by I.S. Weiner) also took part in the expedition. As a result, a large layer of material sources was obtained within which, the most massive example of material was ceramics. To date, archeological objects discovered during the excavations of the Tsarevskoye settlement in 1961–1968 are in the funds of the Archaeological Museum of the Kazan (Volga Region) Federal University.

In addition to the artistic merits of the ceramics of the Golden Horde era, these items have a special scientific source-study significance since, being obtained as a result of field research, they are stratified and provided with an archaeological context. As part of the study, five stonepaste-based glazed vessels, one Central Asian stamped jug, and one die for the manufacture of stamped dishes were considered as the main research subjects. Vessels with epigraphic inscriptions meet analogies among the materials of the Lower Volga and Central Asian sites.

Thus, the article introduces new data obtained as a result of epigraphic, linguistic, and comparative analyses of the collection originating from the territory of the eastern suburb of Tsarevskoye settlement of the 14th century.

Keywords: epigraphy, stamped ceramics, stonepaste, glaze, Golden Horde, Tsarevskoye settlement, 14th century, Arabic, matrix

For citation: Iudin N.I., Nuretdinova A.R. Vessels with epigraphic and pseudo-epigraphic inscriptions from the territory of the Tsarevskoye settlement. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 1, pp. 63–78. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.63-78> (In Russian)

Financial Support: The study was conducted with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), grant No.20-09-00240 “Tsarevskoye Medieval City: research of materials from excavations of 1961–1968 from the collection of the Archaeological Museum of the Kazan Federal University and the Historical Museum.”

Эпиграфические источники для золотоордынской археологии – достаточно редкая категория материалов, особенно если речь идет об археологических находках. Особое место среди последних занимают сосуды с надписями, поскольку являются «прямой речью» древнего населения, и дают представление о разных сторонах жизни золотоордынских городов.

При этом сосуды с надписями являются одной из самых распространенных категорий в рамках массива эпиграфических памятников Золотой Орды в целом.

Настоящая публикация представляет собой введение в научный оборот нескольких образцов керамики с надписями на арабском языке, найденных при раскопках Царевского городища (рис. 1) и хранящихся в фондах Археологического музея Казанского федерального университета. Памятник датируется XIV в. и расположен близ села Царёв, Ленинского района Волгоградской области. Большая часть исследованных находок происходит с территории усадьбы № 3 восточного пригорода Царевского городища (раскоп П-1966-1968 гг.) [10, с. 89].

В выборку вошли два фрагмента штампованных сосудов и изделий и пять фрагментов кашинной керамики.

Образец 1 – сероглиняная штамп-матрица (рис. 2); состоит из двух фрагментов, часть сосуда утрачена. На лицевой стороне в центре имеется орнаментированный выступ, слегка вогнутый в середине, диаметром 3,1 см. Края матрицы загнуты на условную «лицевую» сторону. Обратная сторона неорнаментированная и имеет вогнутость по центру. Размеры: 14,1x12,6x0,6 см, толщина в центре – 1 см, диаметр всего изделия составлял приблизительно 14,5 см.

Одну из сторон матрицы полностью покрывает надпись на арабском языке, которая нанесена «зеркально». Перейдем к переводу и интерпретации текста, а также предпримем попытку реконструировать ее недостающие части на основе присутствующих фрагментов слов или фраз.

Содержание текста, выполненного почерком насх, выглядит на наш взгляд, следующим образом:

[الخليفة] [البن] [أهد] [الرَّحْمَنُ] [المعظم] [المُصَوِّرُ] [السلطان] [العَلِيُّ] [مالك] [الملك]

В квадратных скобках – фрагменты текста, плохо сохранившиеся или частично отсутствующие на предмете.

Дословно это выражение следует переводить как: «Благочестивый, Властитель, Милосердный, Высочайший, Созидающий, Всевышний, Владыка, Властитель Царства».

Все эпитеты, помещенные на матрицу, являются ничем иным, кроме как некоторыми из 99 имен Аллаха, каждое из которых встречается в той или иной суре Корана. Перечисление имен Всевышнего – вполне характерная черта для различных объектов мусульманской эпиграфики и для исламского искусства в целом.

Матрица происходит из ямы № 7 раскопа 2, исследованного в 1968 году (шифр: АКУ-358/303, номер по полевой описи Ц-68/656). Авторы раскопок интерпретировали яму как землянку, нижний слой которой связан с ювелирным делом, а верхний – с гончарным. В целом усадьбу, на которой располагался объект, датировали 1360–1395 гг. [10, с. 113].

С территории восточного пригорода Царевского городища происходит серия штампов-матриц (калыпов), изготовленных на месте из красножгущейся глины [2; 9]. Однако, формовочная масса данной находки с эпиграфикой светлосерого цвета и сходна со среднеазиатской штампованной керамикой, что указывает на её привозной характер.

Образец 2 – стенка тулова штампованного кувшина, украшенного растительным и эпиграфическим орнаментом (рис. 3). Диаметр тулова кувшина составляет приблизительно 16,5 см, толщина стенок варьирует от 0,6 до 1,15 см.

На наш взгляд, надпись представляет собой два слова, повторяющиеся по кругу, которые выглядят следующим образом:

قال المالك

Эти два слова – одна из форм глагола «говорить» и существительное, которое дословно переводится как «владелец» или «господин». Прямой перевод, на наш взгляд, будет выглядеть странно. Второе слово, читаемое, как «al-malik», вполне можно перевести, как «владыка» или «всевышний». Последний вариант представляется нам более удачным. Все выражение, таким образом, можно перевести как «именем Всевышнего», что подразумевает и более вольную трактовку первого слова.

Как и предыдущий сосуд, данный предмет происходит из ямы № 7 (землянка) раскопа 2, исследованного в 1968 году (шифр: АКУ-358/316, номер по полевой описи № Ц-68/688). Усадьба, на которой располагался объект, датирован 1360–1395 гг. [10, с. 113].

Образец 3 – венчик с частью тулова кашинной чаши с полихромной подглазурной росписью и рельефом (рис. 4). Диаметр венчика составляет 21,5 см, толщина стенок 0,4–0,6 см. Такие чаши явно были популярны: в материалах собрания обнаружено ещё три подобных сосуда.

На внутренней поверхности сосуда сохранились три орнаментальных пояса, разделенных одинарными широкими горизонтальными полосами (т.н. «секторная» композиция). Первая широкая белая горизонтальная полоса проходит по краю венчика, далее следует широкая полоса, заполненная росписью в виде пересекающихся линий с применением темно-синей и ультрама-

риновой краски. Здесь же в нескольких местах имеются «павлиньи глазки» – кружки белого цвета с голубым вкраплением. Ниже располагается вторая широкая белая горизонтальная полоса. Под ней – ряд, заполненный точками и эпиграфическими стилизованными надписями, выполненными почерком «насах». Далее опять идёт широкая белая горизонтальная полоса, под которой следует один ряд орнамент напоминает мотив «ныряющих рыбок», который часто воспроизводился на золотоордынской кашинной керамике. К сожалению, дно чаши не сохранилось, поэтому мы можем привести полное описание декора.

Внешняя сторона чаши покрыта прозрачной глазурью и подглазурной полихромной росписью с использованием зелёного и синего цветов. Основной мотив орнамента – растительный.

Надпись, нанесенная на внутреннюю поверхность чаши – одна из самых часто встречаемых на золотоордынской кашинной керамике. Ее традиционно читают, как «икбаль», и переводят, как «успех». В настоящей работе мы бы хотели прокомментировать данную интерпретацию.

Действительно, слово с подобным произношением и значением, имеется в арабском языке. Ему соответствует и персидский аналог, практически идентичный в написании:

Арабский язык	Персидский язык
إقبال	اقبال

Наилучшими вариантами для перевода обоих вариантов являются слова «успех», «шанс», «удача», «счастье». В арабском языке есть мужское имя, которое пишется и переводится аналогично [3, с. 151].

Конечно, при взгляде на символы на сосуде мы не можем разглядеть специфические элементы букв ! ق, ب, в силу их отсутствия, что затрудняет предлагаемое прочтение. Разве что размашистый завиток над вторым по счету элементом мы вправе принять за две точки над оригинальной ق.

На сосуде нет и выраженного «хвостика» у буквы ل.

Перечисленные уточнения, однако, не влияют на интерпретацию данной надписи и перевод ее как «успех». Образцы кашинных сосудов различных форм с подобным декором, близким к псевдо-эпиграфике, достаточно широко распространены на памятниках золотоордынского круга, и встречены в материалах Миздахкана [5, рис. 1,1; рис. 7], Нижнего Поволжья, Азака [7, рис. 11–12,15,18,45,47,51,60–61; 8, с. 424, рис. 46, 5–6; с. 428, рис. 48, 4], Твери [6, илл. 33, 1] и многих других. В отношении данного сосуда следует указать и на довольно редкий вариант декора внешней поверхности, единственная аналогия которому, известная авторам, происходит из Азака [8, с. 426, рис. 47, 1].

Предмет происходит с зачистки второго штыка, с квадрата 189 раскопа 2-1968 г. и относится к обнаруженному многокомнатному деревянному дому [10, с. 109]. Усадьба, на которой располагался объект, датирована 1360–1395 гг. [10, с. 113].

Образец 4 – развал кашинной чаши с подглазурной полихромной росписью под слоем прозрачной глазури (рис. 5). Размеры: диаметр венчика – 20 см, толщина стенок 0,55-1,1 см. Глазурь на внутренней поверхности сосуда сильно иризирована. Основные мотивы орнамента: геометрический и эпиграфический. По краю венчика проходит чёрная горизонтальная полоса. В верхней части чаши на внутренней стороне расположен ряд с зигзагообразными линиями черного и синего цветов. Далее идёт широкая полоса без росписи, под которой идут «подтреугольные» секторы, которые заполнены эпиграфическим орнаментом. До нас сохранился лишь фрагмент от данной части сосуда, поэтому нельзя точно сказать, сколько было этих секторов и все ли они были заполнены надписями. Пространства между «подтреугольными» секторами также расписаны линиями синего и голубого цветов.

Оборотная сторона чаши украшена вертикальными линиями синего цвета почти по всей высоте сосуда и волнистыми линиями чёрного цвета, в верхней части образующими «арки».

В подтреугольные секторы на внутренней стороне вписаны символы, имитирующие восточное (арабское или персидское письмо). Отчетливо можно увидеть буквы ا , ن и, возможно ل и ص . К сожалению, данные элементы орнамента чаши не поддаются прочтению, и относятся к категории псевдоэпиграфического декора, по которому нельзя восстановить «исходную фразу», которую пытался имитировать мастер-изготовитель чаши. Чаще всего подобные имитации арабских, персидских и даже китайских текстов на изделиях объясняют неграмотностью мастера, наносившего узор.

Предмет происходит из арыка (яма № 6) раскопа 2 – 1966 г. (пол. № Ц-66/1934), возможно это выкид из более поздней керамической мастерской [10, с. 108].

Пятый образец представлен венчиком кашинного сосуда с прозрачной глазурью и росписью кобальтом (рис. 6). Размеры: 5,9х5х0,85 см. Находка происходит со штыка 2, кв. 39 раскопа 2-1967 г. и относится к усадьбе № 3, время функционирования которой 1360–1395 гг. [10, с. 113].

В верхней части фрагмента на внутренней стороне, под венчиком располагается орнаментальный пояс, заполненный голубыми штрихами различного вида. К сожалению, из-за сохранности до нас дошла лишь часть «надписи», носящей явный псевдоэпиграфический характер. В числе элементов данного орнаментального пояса можно зафиксировать сразу несколько «лигатур» букв, таких как ب и ا , ل , ى , ح и ل и многих других. Подобный прием, имитирующий ближневосточное письмо, достаточно широко распространен на золотоордынской керамике, и отличается разной степенью детализации. Причина появления подобного типа орнамента – желание золотоордынского (в нашем случае – вероятнее всего, нижневолжского) мастера подражать более высокотехнологичной и изящно украшенной посуде из Ирана или Египта, выполнявшейся с использованием схожих технологий в изготовлении и декоре.

Образец 6 – развал чаши (рис. 7,1-2) с прозрачной глазурью и подглазурной полихромной росписью. Благодаря работе полевого художника у нас имеется его реконструкция (рис. 7,3). Размеры: диаметр венчика ≈ 17 см, толщина стенок 0,6-1 см. Основой сосуда служит кашин красноватого оттенка.

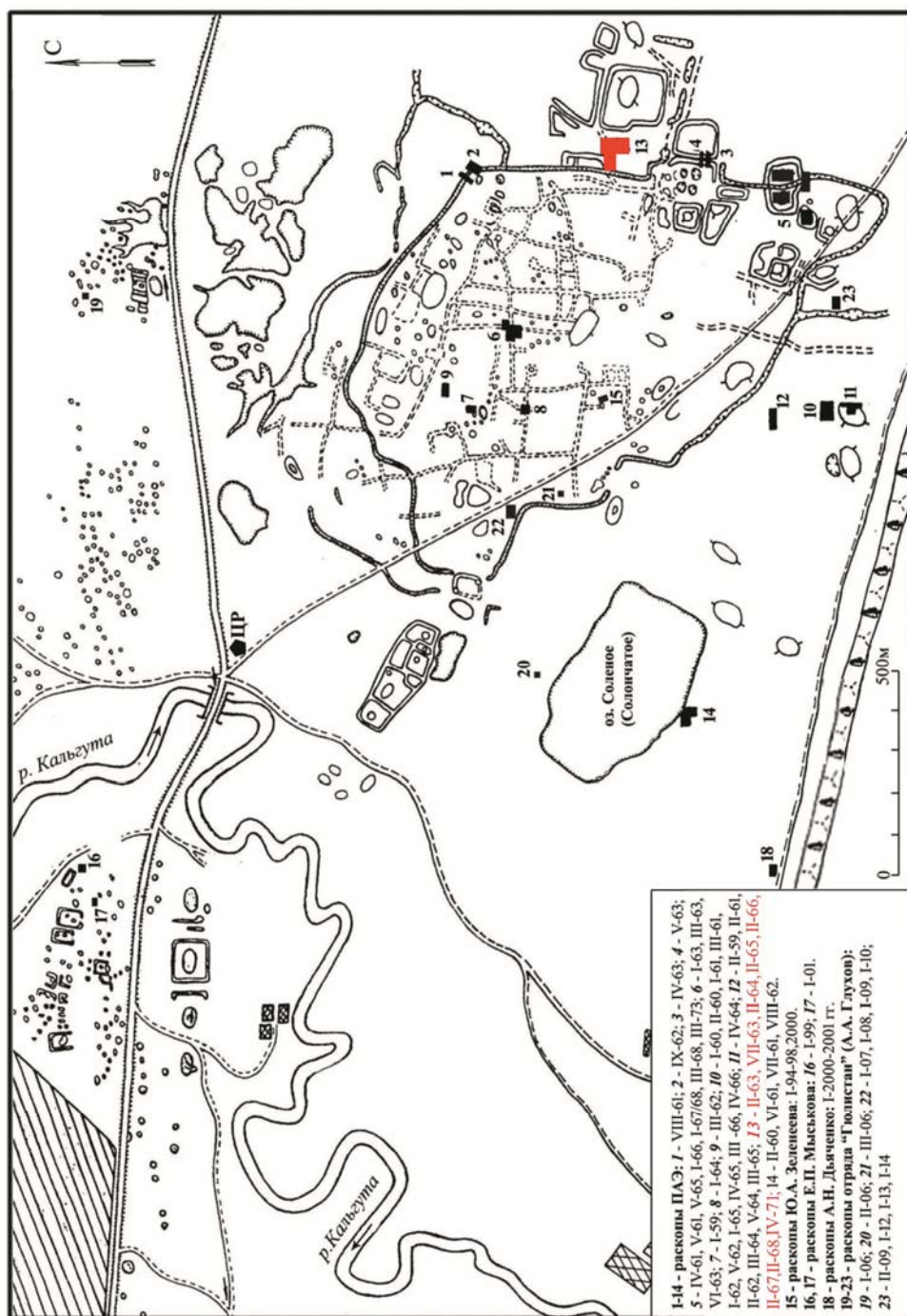


Рис. 1. План Царевского городища со схемой расположения раскопов (по А.А. Глухову).

Fig. 1. Plan of the Tsarevskoye settlement with the layout of the excavations (after A.A. Glukhov).



الخليفة [الزاهد الرّحمن] المعظم المصوّر السلطان [الأعلى] مالك الملك

Рис. 2. Штамп-матрица с Царевского городища (АКУ-358/316, пол. № Ц-68/688).
Fig. 2. Stamp-matrix from the Tsarevskoye settlement (АКУ-358/316, site No. Ц-68/688).

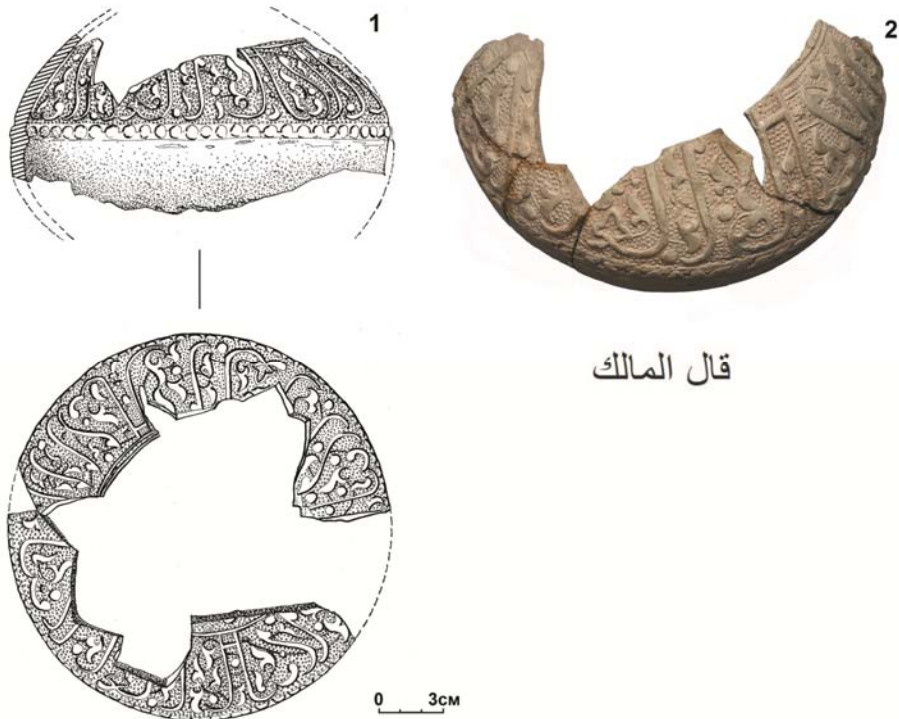


Рис. 3. Фрагмент штампованного кувшина с Царевского городища
(АКУ-358/316, пол. № Ц-68/688).
Fig. 3. Fragment of a stamped jug from the Tsarevskoye settlement
(АКУ-358/316, site No. Ц-68/688).



Рис. 4. Развал чаши с Царевского городища (кв. 189, р. 2-1968 г.).
Fig. 4. Remains of a cup from the Tsarevskoye settlement (sq. 189, layer 2-1968).

Край венчика чаши украшен чёрной горизонтальной полосой. На внутренней поверхности чаши ниже венчика располагается широкая полоса, заполненная косыми линиями синего цвета. Основная часть чаши поделена на 4 схожих сектора, каждый из которых украшен каплевидным «медальоном» с повторяющимся эпиграфическим орнаментом в центре. Пространство между буквами заполнено точками чёрного цвета. Каждый такой «медальон» оконтурен кобальтовой глазурью. Вокруг «медальона» имеется широкая полоса бесцветной глазури. Оставшееся место по краям секторов расписано тёмно-зеленой глазурью. Сами четыре сектора отделены друг от друга подтреугольными «медальонами», заполненными пересекающимися линиями из кобальтовой глазури.

Оборотная сторона чаши покрыта прозрачной глазурью и подглазурной полихромной росписью с использованием тёмно-зелёного и синего цветов. Основной мотив орнамента: абстрактный, с добавлением геометрических элементов, таких как группы точек, ромбовидные фигуры, образованные перекрещивающимися линиями и так далее. Обратная сторона сосуда украшена горизонтальными линиями и косыми линиями тёмно-зелёного цвета. Пространство между косыми линиями заполнено тремя или четырьмя точками синего цвета.



Рис. 5. Развал чаши с Царевского городища (пол. № Ц-64/1934).

Fig. 5. Remains of a cup from the Tsarevskoye settlement (site No. Ц-64/1934).



Рис. 6. Венчик сосуда с Царевского городища (шт. 2, кв. 39, р. 2-1967 г.).
Fig. 6. Rim of a vessel from the Tsarevskoye settlement (it. 2, sq. 39, layer 2-1967).



Рис. 7. Развал чаши с Царевского городища (АКУ-354/757, пол. № Ц-64/1364).
Fig. 7. Remains of a cup from the Tsarevskoye settlement (AKU-354/757, site No. Ц-64/1364).



Рис. 8. Развал чаши с Царевского городища (пол. № Ц-67/340).

Fig. 8. Remains of a cup from the Tsarevskoye settlement (site No. Ц-67/340).

Наибольший интерес вызывают каплевидные медальоны на внутренней стороне чаши. В них вписан псевдо-эпиграфический орнамент, который, к сожалению, не поддается окончательной расшифровке, даже несмотря на свою хорошую сохранность. Чаша в целом нижеволжского происхождения, однако известна преемственность технологий и орнамента между золотоордынской посудой и иранской, которая в свою очередь изготавливалась с оглядкой на художественные традиции Китая. Исходя из этого возникло предположение, что символы в медальонах могли являться упрощенным вариантом китайского иероглифа «Сила». Однако, среди доступных нам опубликованных материалов не нашлось хоть сколько-нибудь близких аналогий. Поэтому наиболее вероятным является предположение о трактовке псевдо-эпиграфических символов на данной чаше, как типологически восходящих к арабскому слову «ночь» (линейное арабское написание см. на рис. 7).

Аналогии описанному псевдоэпиграфическому мотиву встречены, например, среди находок из Азака [11, с. 50, рис. 805].

Предмет происходит со штыка 2, кв. 28 раскопа 2-1964 г. (АКУ-354/757, пол. № Ц-64/1364) и относится к усадьбе № 2, которая функционировала в конце 1350-х – начале 1360-х гг. [10, с. 113].

Образец 7 – развал кашинной чаши (рис. 8,1-2) с прозрачной глазурью и подглазурной полихромной росписью сохранился лишь в обломках. Размеры: диаметр венчика≈21, толщина стенок 0,5-0,6 см. Как и в предыдущем случае имеется его графическая реконструкция (рис. 8,3). Предмет происходит из ямы № 3 раскопа 2-1967 г. (пол. № Ц-67/340) и относится к усадьбе № 3.

У сосуда можно выделить три орнаментальные зоны. Первая заполнена росписью в виде пересекающихся линий с применением темно-синей глазури. Здесь же имеются «павлиньи глазки». Ниже располагаются две горизонтальные полосы чёрного цвета, под которыми располагалась композиция из «медальонов», для контурной росписи которых использован синий цвет. Сами медальоны заполнены эпиграфическим орнаментом, выполненным тёмно-зелёной глазурью. Пространство между «медальонами» заполнено точками чёрного цвета. На дне в центре расположен квадрат, от углов которого отходят листовидные фигуры. В центре, как самого квадрата, так и фигур, расположен сетчатый орнамент, выполненный зелёной глазурью. При этом вся композиция на дне оконтурена толстой синей глазурью.

Оборотная сторона чаши покрыта прозрачной глазурью и подглазурной полихромной росписью с использованием зелёного и синего цветов. Основной мотив орнамента: геометрический. Здесь также имеются эпиграфические надписи, заключенные в медальоны листовидной формы, оконтуренные кобальтовой глазурью. В отношении данного сосуда мы фиксируем тот же прием, что и на Образце 4, а именно, псевдоэпиграфический орнамент, расположенный зонально. Вероятнее всего, это имитация росписи на китайском фарфоре типа «тинг» или же подражание более поздним, иранским аналогам, также бравшим работы китайских гончаров в качестве образца.

В ходе раскопок 1960-х гг. в восточном пригороде Царевского городища на территории района «трёх усадеб» обнаружены следы ювелирного, косторезного и гончарного производств [10]. Самым массовым материалом, обнаруженном в ходе раскопок Поволжской археологической экспедиции под рук. Г.А. Федорова-Давыдова, являлась керамика. Гончарные изделия были представлены не только традиционной неполивной и поливной керамикой, но и фрагментами штампованной посуды, печным припасом (сепай, раструбы, матрицы-кальпы), глазурованными игрушками и т.д., а также отходами производства. Это объясняется тем, что на усадьбе № 3 (раскопы 2-1966-1968 гг.) функционировала гончарная мастерская по производству красноглиняной поливной посуды и штампованной керамики [10, с. 120].

В коллекции Археологического музея КФУ с территории Царевского городища 1960-х гг. представлено более 100 фрагментов штампованной керамики серого и красного цвета. Из них два предмета содержат кораническую эпиграфику: кувшин (образец 2) и штамп-матрица (образец 1). Причём последняя является редкой и поэтому ценной находкой как для нижневолжских памятников, так и для Золотой Орды в целом. Уникальность данной находки в том, что она содержит не встречающийся ранее набор эпитетов-имен Всевышнего на одном изделии (рис. 2). Таким образом, находки готовых изделий с такими эпиграфическими надписями можно будет связать с данной матрицей. Штампы-матрицы (кальпы) относятся к технической керамике и входят в инструментарий гончара. Она могла попасть сюда вместе с владельцем-керамистом, куплена и привезена для массового производства изделий в мастерской, или же

попросту изготовлена матером на месте в мастерской, с оглядкой на образцы из Ирана или Египта. Следует отметить, что это не единичная находка штампов-матриц в данном районе. Более 50 экземпляров из красножгущейся глины найдены в ходе раскопок Царевского городища в 1960-х гг. и хранятся в коллекции Археологического музея КФУ. При этом не обнаружено готовых изделий, повторяющих орнамент матриц (кальпов) [2; 9].

Оба предмета происходят из ямы 7 (землянка), датированной 1360–1395 гг. Изначально объект был связан с мастерской золотолитейщика-ювелира, а затем превращен в свалку. Выкид из гончарной мастерской, функционировавшей на усадьбе III, велся в яму 7 и заброшенные арыки [10, с. 111].

Остальные пять кашинных сосудов с полихромной росписью из нашей выборки происходят с территории усадеб № 2 (образец 6) и № 3 (образцы 3–5, 7). В целом все находки датируются второй половиной XIV в. Формовочная масса имеет красноватый оттенок, по мнению Н.М. Булатова, характерный для кашинных изделий Нижнего Поволжья [1, с. 95], в отличие от иранского или египетского кашина. Вероятнее всего данные сосуды произведены на памятнике. Однако, авторы раскопок не видят оснований говорить, что этот вид керамики производился на месте района «трёх усадеб» [10, с. 107]. Кроме пяти рассмотренных сосудов с надписями в царевской коллекции представлено несколько развалов полихромных чаш с подглазурным рельефом. Популярность эпиграфического и псевдоэпиграфического мотивов в сочетании с другими мотивами орнамента в золотоордынской глазурованной бытовой керамике объясняется влиянием на становление золотоордынского декоративного искусства стран Востока. Главное в направлении художественного поиска золотоордынских мастеров лежало в общем русле эволюции восточного орнаментального искусства. В этом убеждает анализ отдельных элементов, мотивов и композиции золото-ордынского орнамента [7, с. 74].

На примере выборки из семи сосудов, обнаруженных в восточном пригороде Царевского городища, мы видим изделия – результат работы высококвалифицированных специалистов, знакомых с керамическим производством Средней Азии, Ближнего Востока и Китая, а может быть даже мастеров-керамистов из разных стран, проживавших в тот момент в данном городе. Главным условием развития золотоордынского орнаментального искусства являлся взаимообмен культурными традициями. В ходе эволюционного становления золотоордынской культуры связи с арабскими странами, Ираном и Китаем сыграли далеко не последнюю роль. Перед нами образцы, являющиеся дополнительным подтверждением того, что взаимные контакты регионов шли не только в политической плоскости, но и в сфере торгово-экономического и культурного обмена.

Расшифровка надписей на сосудах и ввод их в научный оборот пополнит корпус золотоордынских письменных источников, а сопряженность их со стратиграфией позволяет сузить датировку до второй половины XIV века.

На сегодняшний день сохранение, фиксация и издание надписей, обнаруженных на предметах археологии с территории золотоордынских памятников, стали настоящей необходимостью. К сожалению, сохранность большей части сосудов из царевской коллекции ограничивают источниковые возможности по расшифровке надписей на них. Дальнейшие исследования и, надеемся, обнаружение новых предметов с эпиграфикой прольют свет на эту тему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булатов Н.М. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов // СА. 1968. № 4. С. 95–109.
2. Валиулина С.И., Нуретдинова А.Р. Техническая керамика гончарной мастерской Сарая ал-Джедид – Царевского городища // Поволжская археология. №2 (36). 2021. С. 79–91.
3. Гафуров А. Имя и история. Об именах персов, арабов, таджиков и тюрков. Словарь. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1987. 223 с.
4. Глухов А.А. Царевское городище: история изучения, историческая топография, хронология. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2015. 101 с.
5. Кдырнязов М.-Ш. Кашин Хорезма // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Под редакцией С.Г. Бочарова, В. Франсуа, А.Г. Ситдикова. Казань-Кишинев. 2017. С. 813–834.
6. Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси. Конец IX–XVII века. М.: Наука, 2010. 269 с.
7. Лисова Н.Ф. Орнамент глазурованной посуды золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Казань: Институт истории АН РТ, 2012. 184 с. (Археология евразийских степей. Вып. 15.)
8. Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 году. Вып. 21. Азов, 2006. С. 309–473.
9. Нуретдинова А.Р., Ахметова Е.А., Мальгинова Д.Э., Низамова Л.М., Хаертдинова Г.Ф. Реставрация керамических калыпов Царевского городища // Terra artis. Искусство и дизайн. 2022. № 1. С. 100–109.
10. Федоров-Давыдов Г.А. Вайнер И.С., Гусева Т.В. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 1974. С. 89–127.
11. Юдин Н.И. Отчет о проведении археологических раскопок по пер. Социалистическому, д. 53, в г. Азове Ростовской области в 2014–2015 гг. Азов, 2022. 252 с. Т. 7. Альбом иллюстраций / Архив Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника.

REFERENCES

1. Bulatov N.M. Classification of kashin glazed ceramics of the Golden Horde cities. *Sovetskaya arheologiya = Soviet archaeology*. 1968, no. 4, pp. 95–109 (In Russian)
2. Valiulina S.I., Nuretdinova A.R. Technical Ceramics from the Pottery Workshop at Sarai-Al-Jedid – Tsarevskoye Settlement. *Povolzhskaya Arkheologiya = The Volga River Region Archaeology*, 2021, no. 2 (36), pp. 79–92. (In Russian)
3. Gafurov A. Name and history. About the names of Persians, Arabs, Tajiks and Turks. Dictionary. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1987. 223 p. (In Russian)
4. Glukhov A.A. Tsarevskoye settlement: study history: historical topography, chronology. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatelstvo, 2015. 101 p. (In Russian)
5. Kdyniyazov M.-Sh. Kashin Khorezm. *Glazed ceramics of the Mediterranean and the Black Sea region of the 10th–18th cc.* Kazan-Kishinev, 2017, pp. 813–834. (In Russian)
6. Koval' V.Yu. Oriental Ceramics in Rus' in 9th–17th Centuries. Moscow: Nauka, 2010. 269 p. (In Russian)
7. Lisova N.F. Ornament of glazed dishes of the Golden Horde cities of the Lower Volga region. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2012. 184 p. (In Russian)

8. Maslovskiy A.N. Ceramic Complex of Azak. A brief description. *Historical and archaeological research in Azov and the Lower Don in 2004*. Azov, 2006, vol. 21, pp. 309–473. (In Russian)

9. Nuretdinova A.R., Akhmetova E.A., Malginova D.E., Nizamova L.M., Khaertdinova G.F. Conservation of Ceramic Matrix Stamps in Tsarevskoye Settlement. *Terra Artis. Art and Design*. 2022, no. 1, pp. 100–109 (In Russian)

10. Fedorov-Davydov G.A., Vainer I.S., Guseva T.V. Study of three estates in the eastern suburbs of Novy Sarai (Tsarevskoye settlement). *Towns of the Volga Region in the Middle Ages*. Moscow: Nauka, 1974, pp. 89–131. (In Russian)

11. Yudin N.I. Report on archaeological excavations at Sotsialistichesky Lane, 53, Azov, Rostov region in 2014–2015. Vol. 7. Azov, 2022. 252 p. Album of illustrations. Archive of the Azov Historical, Archaeological and Paleontological Museum-Reserve (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Никита Игоревич Юдин – научный сотрудник исторического отдела, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник им. А.А. Горбенко (346780, ул. Московская, 38/40, Азов, Российская Федерация), аспирант Отдела средневековой археологии Института археологии Российской академии наук, докторант Тебризского университета исламского искусства (Тебриз, Иран); ORCID: 0000-0001-6224-6880. E-mail: istoricus@mail.ru

Алсу Ренатовна Нуретдинова – заведующая Археологическим музеем, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, ул. Кремлевская, 18, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0109-6465. E-mail: alsu.nuretdinova@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikita I. Iudin – Scientific Researcher at the Historical Department, Azov Historical, Archaeological and Paleontological Museum-Reserve named after A.A. Gorbenko (38/40, Moskovskaya Str., Azov 346780, Russian Federation), postgraduate student of the Department of Medieval Archaeology, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, doctoral student of the Tabriz Islamic Art University (Tabriz, Iran); ORCID: 0000-0001-6224-6880. E-mail: istoricus@mail.ru

Alsou R. Nuretdinova – Head of the Archaeological museum, Kazan (Volga Region) Federal University (18, Kremlyovskaya Str., Kazan 420008, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0109-6465. E-mail: alsu.nuretdinova@rambler.ru

Поступила в редакцию / Received 26.12.2023

Поступила после рецензирования / Revised 20.02.2024

Принята к публикации / Accepted 04.03.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.79-90>
EDN: JLRSWS

УДК 801.7:930.27+512.145

ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ БУЛГАРО-ТАТАРСКИХ
ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ЗАКАЗАНЬЕ
И СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С.Р. Хамидуллин ¹, А.М. Гайнутдинов ¹, И.И. Гайнуллин ¹,
Х.М. Абдуллин ¹ ✉, А.В. Касимов ²

¹ Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
✉ halimabd@mail.ru

² Независимый исследователь
Казань, Российская Федерация

Резюме. Цель исследования: проследить историографию изучения булгаро-татарских эпиграфических памятников в обширном регионе Заказанья Республики Татарстан, а также показать возможности современных методов исследования в этом вопросе.

Материалы исследования: булгаро-татарские эпиграфические памятники (надмогильные камни) XIII–XVII вв. В работе также задействованы обширные данные историографии изучения булгаро-татарских эпиграфических памятников и результаты современных методов исследования эпиграфических памятников.

Результаты и научная новизна: в хронологическом порядке проведен обзор истории изучения булгаро-татарских эпиграфических памятников в регионе Заказанья от первого исследователя до продолжающихся на сегодняшний день изысканий. Приведены сведения о конкретных персоналиях исследователей и количественные данные изученных эпиграфических памятников по районам Заказанья.

Показаны современные методы изучения эпиграфических памятников булгаро-татарского времени, включая 3D-сканирование, фотограмметрию, высокоточную фотофиксацию, с размещением цифровых копий памятников на web-ресурсе.

В рамках данного исследования впервые были проведены обследования памятников эпиграфики на современном методологическом и техническом уровне. Благодаря результатам высокоточной фотограмметрической съемки и 3D-моделированию удалось получить цифровые копии объектов, что делает возможным определить изменения форм, а также восстановить форму утраченных объектов по архивным данным.

Ключевые слова: эпиграфические памятники XIII–XVII вв., булгаро-татарские надмогильные камни, Заказанье, историография, 3D-сканирование, фотограмметрия, высокоточная фотофиксация

Для цитирования: Хамидуллин С.Р., Гайнутдинов А.М., Гайнуллин И.И., Абдуллин Х.М., Касимов А.В. Историография изучения булгаро-татарских эпиграфических

© Хамидуллин С.Р., Гайнутдинов А.М., Гайнуллин И.И.,
Абдуллин Х.М., Касимов А.В., 2024



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

памятников в Заказанье и современные методы исследования // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 79–90. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.79-90> EDN: JLRSWS

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01705, <https://rscf.ru/project/23-28-01705/>

HISTORIOGRAPHY OF THE STUDY OF BULGARIAN-TATAR EPIGRAPHIC MONUMENTS IN THE ZAKAZANYE REGION AND MODERN RESEARCH METHODS

*S.R. Khamidullin*¹, *A.M. Gainutdinov*¹, *I.I. Gainullin*¹,
*Kh.M. Abdullin*¹ ✉, *A.V. Kasimov*²

¹*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
✉ xalimabd@mail.ru*

²*Independent researcher
Kazan, Russian Federation*

Abstract. The purpose of the study is to trace the historiography of the study of the Bulgarian-Tatar epigraphic monuments in the vast Zakazanye region of the Republic of Tatarstan, as well as to show the possibilities of modern research methods in this matter.

Research materials: Bulgarian-Tatar epigraphic monuments (tombstones) of the 13th–17th centuries. The work also involves extensive data from the historiography of the study of Bulgarian-Tatar epigraphic monuments and the results of modern methods of studying epigraphic monuments.

Results and novelty of the research: In chronological order, a review of the history of the study of the Bulgarian-Tatar epigraphic monuments in the Zakazanye region from the first researchers' arrival to the ongoing research that is being carried out presently. The data on the specific personalities of researchers and quantitative data of the studied epigraphic monuments by the areas of the Zakazanye region are provided.

The modern methods of studying the epigraphic monuments of the Bulgar-Tatar period, including 3D scanning, photogrammetry, and high-precision photofixation with the placement of digital copies of monuments on a web resource, are shown.

Within the framework of this study, surveys of epigraphic monuments were conducted for the first time at the modern methodological and technical level. Thanks to the results of high-precision photogrammetric photography and 3D modeling, it was possible to obtain digital copies of objects which makes it possible to determine changes in shapes, as well as to restore the shape of lost objects from archival data.

Keywords: epigraphic monuments of the 13th–17th centuries, Bulgarian-Tatar tombstones, Zakazanye region, historiography, 3D scanning, photogrammetry, high-precision photofixation

For citation: Khamidullin S.R., Gainutdinov A.M., Gainullin I.I., Abdullin Kh.M., Kasimov A.V. Historiography of the Study of Bulgarian-Tatar Epigraphic Monuments in the Zakazanye region and Modern Research Methods. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 1, pp. 79–90. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.79-90> (In Russian)

Financial Support: The study was funded by the Russian Scientific Foundation, grant No 23-28-01705, <https://rscf.ru/project/23-28-01705/>

Эпиграфические памятники XIII–XVII вв. – это уникальные источники по истории татарского народа. Являясь одновременно и письменными, и вещественными источниками, надмогильные камни оригинальны и не имеют позднейших аналогов. Содержащиеся на них тексты дают разностороннюю информацию исторического, социально-политического, этнического и культурного характера.

Одним из первых исследователей татарских надмогильных памятников Заказанья считается выдающийся татарский ученый Шигабутдин Марджани (1818–1889). Уже в детстве он начал проявлять интерес к эпиграфическим памятникам и читал тексты надгробий, расположенных недалеко от своей деревни [26, с. 25]. Марджани выявил и изучил много памятников, но лишь некоторые свои научные достижения изложил в своем труде «Мустафадель-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар», изданном впервые в 1885 году [18]. Конечно же, ученый изучал надмогильные камни своего родного края – Заказанья, но, к сожалению, он ознакомил читателей только с результатами работы в современных Атнинском и Высокогорском районах. В д. Старый Узюм современного Атнинского района Марджани изучил памятник, относящийся к 1540–1541 годам [18, с. 131]. По его мнению, он мог быть установлен на могиле Ядегар хана, который правил Казанским ханством. Также Марджани выявил здесь памятники 1542, 1543–1544, 1610, 1611 гг. [3, с. 555–557]. В Высокогорском районе он изучил 2 памятника близ городища Старая Казань. Один из них относился к 1494 г., второй – к 1532 г. [18, с. 121]. Рядом с селом Куркачи к северу от р. Казанка на горе он обнаружил надмогильный камень 1546 г. [18, с. 122]. К сожалению, последние 2 памятника (1532 и 1546 гг.), которые он выявил, нам в ходе исследований найти уже не удалось.

В 1927–1928 гг. видный ученый Гали Рахим (1892–1943) вел научную работу в Обществе изучения Татарстана при Казанском университете, в Обществе истории, этнографии, археологии и участвовал в нескольких эпиграфических экспедициях. Он выявил, описал, изучил 61 надмогильный камень, сохранившиеся в его время на территории современных Высокогорского, Арского Атнинского районов и относящиеся 1494–1611 гг.: 2 древние надмогильные плиты в с. Чепчугово, 5 – в с. Куркачи, 8 – в д. Русский Урмат, 2 – в окрестностях Старо-Казанского городища, 10 – в д. Большая Серда, 15 – в д. Старый Менгер, 6 – в д. Малая Атня, 9 – в д. Старый Узюм, 3 – в д. Старый Ашит, 1 – в д. Нижняя Ура [4, с. 231–232]. Уже в те времена сохранность камней была неудовлетворительной, некоторые части текстов нами не были обнаружены.

Известный эпиграфист и этнограф Г.В. Юсупов (1914–1968) внес большой вклад в изучение эпиграфических памятников Заказанья. Он обнаружил древние надгробия XIII–XIV вв. в таких населенных пунктах как Старый Ашит, Старый Кишит (Арский район), Русский Урмат, Ямашурма (Высокогорский район), Русская Серда (Пестречинский район), Большой Ошняк (Рыбно-Слободский район), Дигитли, Нижние Яки, Татарские Кирмени (Мамдышский район), Большие Нырсы, Таутермень, Кибя-Кози (Тюлячинский район), Измя (Сабинский район) [27, с. 20–21]. Памятники XV в. им были выявлены в деревнях Старые Аты (Арский район), Нижние Верески (Атнинский район), Татарское Ходяшево, Урывкино (Пестречинский район), Большие Нырсы (Тюлячинский район), Камаево (Высокогорский район), Старый Мичень (Сабинский район) [27, с. 23], XVI в. – в 51 деревне Заказанья [27,

с. 25–26], а XVII в. – в 18 населенных пунктах данного региона [27, с. 27]. Тексты некоторых из них полностью опубликованы в его фундаментальной книге «Введение в болгаро-татарскую эпиграфику».

Татарский филолог Ф.С. Хакимзянов выявил и изучил в Заказанье памятники XIII–XIV вв. [19, с. 320–323; 21; 22, с. 304–315].

Крупный татарский ученый М.И. Ахметзянов в ходе многочисленных эпиграфических и археографических экспедиций детально изучал надмогильные плиты не только Заказанья, но и в других регионах и областях нашей страны, приводил их прочтение, анализировал и делал интересные наблюдения в своих многочисленных научных и публицистических статьях. Особенно большое внимание ученый уделил эпиграфическим памятникам малой Родины своих предков – д. Старый Менгер и Большой Менгер [1, с. 26–28]. Также в ценном труде М.И. Ахметзянова «Татарские памятники XVII–XVIII веков» приводится описание 31-го надмогильного камня, сохранившихся в разных районах Заказанья [2, с. 49–83].

Сотрудники Национальной библиотеки Республики Татарстан Р.Ф. Марданов и И.Г. Хадиев в Кукморском районе выявили 305 [23, с. 5], в Мамадышском районе 342 [24, с. 5], в Атнинском районе 1477 [17, с. 4], Балтасинском районе 234 [25, с. 4] мусульманских надгробных камней. Но, по нашим наблюдениям, они изучали не все памятники, а фиксировали только те, которые могли визуально найти. Например, в Атнинском районе А.М. Гайнутдиновым было выявлено на 90 памятников больше [12, с. 4].

Эпиграфист А.М. Гайнутдинов с 2010 г. начал изучать сохранившиеся эпиграфические памятники. В 2011 г. он изучил памятники Кукморского [10, с. 62–64; 13, с. 3], а в 2013 г. в Мамадышского районов РТ [14, с. 29–50; 5, с. 45–51; 6, с. 8–15; 7, с. 105–119; 8, с. 254–258; 9, с. 54–57]. В 2015 г. во время научных экспедиций в Арском районе им выявлено 1288 [11, с. 4], в Атнинском районе 1567 [12, с. 4], в Зеленодольском районе 384 надгробных камня [15, с. 4], относящиеся к периоду с XV в. по 1939 г. включительно.

В 2021 г. сотрудники Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ В.М. Усманов, И.Г. Гумеров и А.М. Ахунов организовали эпиграфическую экспедицию в Пестречинский район РТ в рамках государственной программы РТ по сохранению идентичности татарского народа. В ходе этой экспедиции они обнаружили 53 памятника XV – начала XX вв. [20, с. 19].

В апреле 2023 г. сотрудниками Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Х.М. Абдуллиным, А.М. Гайнутдиновым, И.И. Гайнуллиным и С.Р. Хамидуллиным в рамках реализации проекта Российского научного фонда «Булгаро-татарские эпиграфические памятники – изучение современными методами» была организована эпиграфическая экспедиция по региону Заказанья с целью изучения болгаро-татарских надмогильных камней современными методами. Выбор региона исследования был обусловлен тем, что несмотря на то, что данная территория составляет примерно треть площади РТ, здесь находится половина эпиграфических памятников Татарстана (около 160 камней) (Рис. 1). На первом этапе в 2023 г. подлежат изучению 46 памятников в Арском и 32 памятника в Высокогорском районе Татарстана. В экспедиции 2024 г. планируется охватить 34 памятника в Атнинском, 3 памятника в Балтасинском, 18 памятников в Мамадышском, 4 памятника в Пестречинском, 6 памятников в Рыбно-Слободском, 5 памятников в Сабинском и 12 памятни-

ков в Тюлячинском районе Татарстана. Все эти известные памятники датируются XIV–XVII вв.

На этапе полевых исследований, для дальнейшего внесения пространственной информации об изучаемых памятниках в геоинформационную систему, фиксируется точное местоположение памятника с использованием высокоточного геодезического приемника (GNSS). В проводимых работах в качестве GNSS-приемника используется модуль EMLID Reach M+ со спиральной антенной TOPGNSS TOP508.

Современные методы исследования эпиграфических памятников заключаются в широком использовании возможностей 3D-сканирования, фотограмметрии, высокоточной фотофиксации, с размещением цифровых копий памятников на web-ресурсе. Всё это открывает новую страницу как в организации доступа к объектам историко-культурного наследия, так и предоставляет возможность для исследователей нового прочтения изображений и надписей без организации поездок на памятники. Стало возможным выявлять фрагменты, которые невозможно обнаружить традиционными методами – фотофиксацией и эстампажем.

Использование современных методов 3D-моделирования и виртуальная музеефикация объектов историко-культурного наследия позволяет сохранить памятники для будущих поколений, даже в случае их разрушения, а также стать надежным источником для исследователей. Размещение цифровых моделей эпиграфических памятников в сетевом ресурсе позволит прикоснуться к прошлому всех без ограничения интересующихся историей народов России, даже будучи на большом расстоянии от объектов. Кроме того, перевод в виртуальное пространство информации из архивов – рисунков, фотоматериалов, эстампажей и пр. – позволит дополнить информацию о камнях, в том числе о уже разрушенных.

Применение современных методов цифровой фиксации наземных материальных объёмных объектов для намогильных камней включает в себя взаимосвязанные этапы:

1. Фотофиксация участков поверхности.
2. Съёмка для создания трёхмерных моделей.
3. Координатная привязка.
4. Нахождение атрибутивных сведений, характеризующих объект.

Первый этап включает в себя подробную фотосъёмку некоторых областей поверхности объектов, предположительно представляющих исследовательский интерес (надписи, орнаменты, дефекты и т.д.):

- Обычная съёмка при естественном или искусственном освещении;
- Съёмка с использованием направленного источника освещения, который подсвечивает необходимый участок сбоку (например, под углом в 30 градусов, так называемый «косой свет»). В этом случае более глубокие участки микрорельефа имеют большее затенение, что помогает контрастно показать контуры нанесения выбитых на камне элементов, что, возможно, позволит выявить в будущем новые фрагменты надписей и орнаментов.

Второй этап имеет два основных способа реализации:

- Сканирование с помощью структурированного света;
- Фотограмметрический способ построения трёхмерной модели из набора фотографий.

Каждый объект равномерно подсвечивается и снимается с заданным перекрытием снимков таким образом, чтобы обеспечить полное покрытие фотоматериалами. Для обеспечения точного определения размеров объекта выставляются специальные маркеры с известным расстоянием, на основе которых полученная в ходе фотограмметрической обработки модель будет скалирована. Для каждой модели рассчитывается сверхдетальная текстура, которая позволяет уловить самые незначительные углубления в камне, что, в свою очередь, помогает найти, в случае наличия, скрытые надписи.

Первые результаты изучения булгаро-татарского эпитафического наследия современными методами можно представить на отработанном в ходе экспедиции Татарскоайшинском камне первой половины XVI века близ села Татарская Айша Высокогорского района Республики Татарстан (**Рис. 2, 3, 4**).

Материалы исследований представляются на специализированном веб-ресурсе – геопортале. Создаваемый ресурс функционирует на основе уже работающего геопортала «Страна городов» [16, с. 482–494]. Для увеличения скорости работы системы и тематического разделения функционала веб-ресурса «Эпитафические памятники Поволжья» было принято решение выделить описательную и картографическую части, веб-портал и геопортал соответственно. При этом для каждого камня создаются отдельные страницы согласно тематическим разделам:

- а) блок с полевыми фотографиями объектов;
- б) блок с основной описательной информацией;
- в) блок с архивными материалами;
- г) блок с развертками, полученными из плотного облака, а также интерактивная часть с текстурированными 3D-моделями.

Карта эпитафических камней с атрибутами. Картографическая часть представляет собой классический геопортал, реализованный с использованием открытой библиотеки leaflet. Отличительной особенностью библиотеки является ее модульность, позволяющая наращивать функциональность без изменения основного содержания геопортала – исходной геоинформации в подготовленной базе геоданных о булгаро-татарских надгробных камнях. По нажатию на точку появляется доступ к основной атрибутивной информации, представленной в виде всплывающего окна, с изображением камня, текста на камне и его датировки.

Для удобства поиска сведений о конкретном надгробном камне и на веб-портале, и в веб-ГИС реализуется инструмент поиска, кроме того, геопортал предоставляет возможность фильтрации и организации запросов по характеристикам объектов. Для перехода к определенному археологическому памятнику добавлен список камней, разбитых по географическим районам и ранжированных по алфавиту, по нажатию на которые карта приблизится до границ объекта.

Таким образом, изучение булгаро-татарских эпитафических памятников, начатое в XIX веке как прочтение и публикация текста камней, продолженное в XX веке с помощью эстампажей и фотофиксации, пришло в XXI веке к точной фиксации местоположение памятника с использованием геодезического приемника (GNSS), 3D-сканированию, фотограмметрии, высокоточной фотофиксации, с размещением цифровых копий памятников на специализированном web-ресурсе.

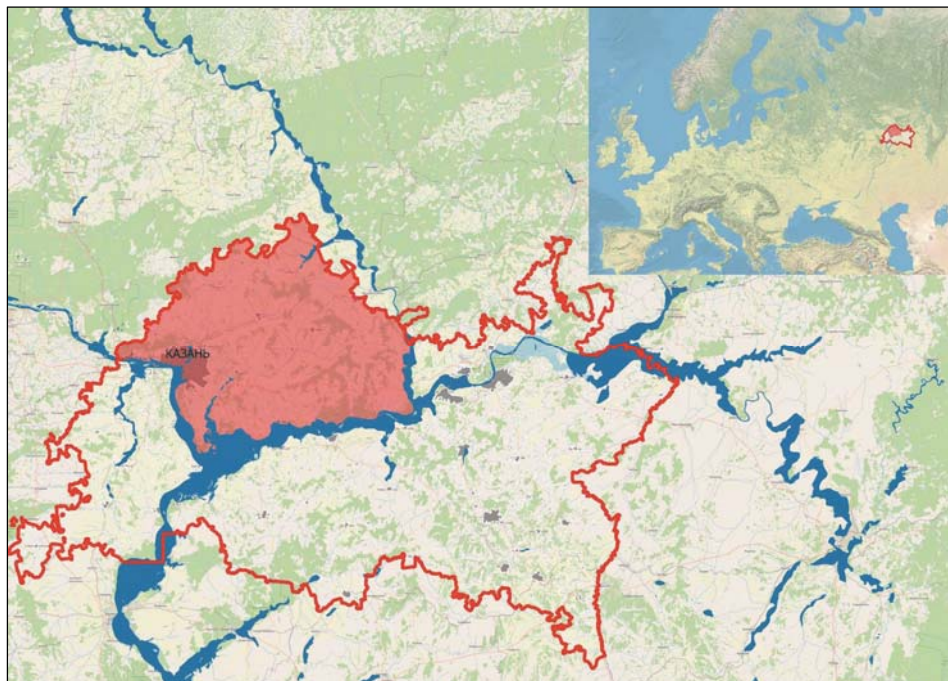


Рис. 1. Регион проведения исследований 2023 г.

Fig. 1. Research region 2023



Рис. 2. Татарскоайшинский камень, натурная фотосъемка (май, 2023 г.)

Fig. 2. Tatar Ayshinsky stone, full-scale photography (May, 2023)



Рис. 3. Татарскоайшинский камень,
карта высот, 10 млн точек
Fig. 3. Tatar Ayshinsky stone,
elevation map, 10 million points



Рис. 4. Татарскоайшинский камень,
3D модель
Fig. 4. Tatar Ayshinsky stone, 3D model

Для удобства поиска сведений о конкретном надгробном камне и на веб-портале, и в веб-ГИС реализуется инструмент поиска, кроме того, гео-портал предоставляет возможность фильтрации и организации запросов по характеристикам объектов. Для перехода к определенному археологическому памятнику добавлен список камней, разбитых по географическим районам и ранжированных по алфавиту, по нажатию на которые карта приблизится до границ объекта.

Таким образом, изучение болгаро-татарских эпиграфических памятников, начатое в XIX веке как прочтение и публикация текста камней, продолженное в XX веке с помощью эстампажей и фотофиксации, пришло в XXI веке к точной фиксации местоположение памятника с использованием геодезического приемника (GNSS), 3D-сканированию, фотограмметрии, высоко-точной фотофиксации, с размещением цифровых копий памятников на специализированном web-ресурсе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Әхмәтжанов М.И. Олы Мәңгәр авылы тарихы. Казан: Идел-Пресс, 2000. 71 б.
2. Әхмәтжанов М.И. XVII–XVIII гасыр татар ташбилгеләре. Казан: [б.и.], 2011. 260 б.
3. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1863. Ч. 1. 502 с.
4. Гали Рәхим: тарихи-документаль, әдәби һәм биографик жыентык. Казан: Жыен, 2008. 479 б.
5. Гайнетдинов А.М. Түбән Ушмы авылы эпиграфик язмалары // Традиционная культура народов Поволжья: материалы Всероссийской научно-практической конференции (11–13 февраля 2014 г.). Казань: Ихлас, 2014. Б. 45–51.
6. Гайнетдинов А.М. Түбән Ушма эпиграфикасы // Татарская фольклористика. Исследования молодых. Вып. 5. Казань: Ихлас, 2014. Б. 8–15.
7. Гайнетдинов А.М. Мамадыш районы борынгы эпитафияләре // Татарская фольклористика. Исследования молодых. Вып. 5. Казань: Ихлас, 2014. Б. 105–119.
8. Гайнетдинов А.М. Ташка язу осталары бертуган Солтанбәковлар // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2015. №3–4. Б. 254–258.
9. Гайнетдинов А.М. Мамадыш районының борынгы ташъязмалары // Түгәрәк уен. 2016. №1. Б. 54–57.
10. Гайнетдинов А.М. Кукмара төбәге эпиграфик истәлекләре // Түгәрәк уен. 2016. №4. Б. 62–64.
11. Гайнетдинов А.М. Арча районы эпиграфик истәлекләре. Казан: ТР ФА Ш. Мәржани исемдәге Тарих институты, 2016. 454 б.
12. Гайнетдинов А.М. Этнә районы эпиграфик истәлекләре. Казан: ТР ФА Ш. Мәржани исем. Тарих институты, 2017. 554 б.
13. Гайнетдинов А.М. Кукмара төбәгенң кыйммәтле эпиграфик истәлекләре // Хезмәт даны. 2017. 18 октябрь (№77). Б. 3.
14. Гайнетдинов А.М. Өйрәнелгән таш шомарыр, онытылган таш мүкләнер // Милли-мәдәни мирасыбыз: Мамадыш. Казан [б.и.], 2017. Б. 29–50.
15. Гайнетдинов А.М. Яшел Үзән районы эпиграфик истәлекләре. Казан: ТР ФА Ш. Мәржани исем. Тарих институты, 2019. 226 б.
16. Гафуров А.М., Усманов Б.М., Ермолаев О.П., Губайдуллин А.М., Хомяков П.В., Гайнуллин И.И. Картографический веб-ресурс «Страна Городов»: опыт разработки и используемые подходы при создании исторически-ориентированного геопортала // ИнтерКарто. ИнтерГИС. Геоинформационное обеспечение устойчивого

развития территорий: Материалы Междунар. конф. 2021.Т. 27. Ч.4. С. 482–494.
<https://doi.org/10.35595/2414-9179-2021-4-27-482-494>

17. Мәрданов Р.Ф., һадиев И.Г. Этнә төбәгенең ташъязма истәлекләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 2018. 594 б.

18. Мәржани Ш.Б. Эл-кыйсмел-әүвәли мин мөстәфадил-әхбари фи әхвали Казан вә Болгар. Казан: Б.Л. Домбровский типографиясе, 1897. 264 б.

19. Мухаметшин Д.Г., Хакимянов Ф. С. Эпиграфические памятники Болгара // Великий Болгар. Атлас из серии «TARTARICA». М., Казань: Феория, 2013. С. 320–323.

20. Усманов В.М. Татарские эпитафические памятники = Татар ташъязма яд-кәрләре. 1280–2000 еллар арасы. Унбишенче китап. Казан: ИЯЛИ, 2022. 390 с.

21. Хакимянов Ф.С. Эпиграфические памятники волжских булгар и языковая стратификация в Волжской Булгарии: специальность 10.02.06: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Алма-Ата, 1992. 44 с.

22. Хакимянов Ф.С., Измайлов И.Л. Язык и письменность в городе Болгаре // Великий Болгар. Атлас из серии «TARTARICA». М., Казань: Феория, 2013. С. 304–315.

23. һадиев И.Г., Мәрданов Р.Ф. Кукмара төбәгенең ташъязма истәлекләре. Казан: «Милли китап» нәшр., 2014. 199 б.

24. һадиев И.Г., Мәрданов Р.Ф. Мамадыш төбәгенең ташъязма истәлекләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. 198 б.

25. һадиев И.Г., Мәрданов Р.Ф. Балтач төбәгенең ташъязма истәлекләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 2021. 211 б.

26. Шәрәф Ш. Мәржанинең тәржемәи хәле // Мәржани: Шиһабеддин әл-Мәржани хәзрәтләренең вәлядәтенә йөз ел тулу (1233–1333) мөнәсәбәтилә нәшер ителде. Казан: «Мәгариф» матбагасы: Нашире Салих бине Сабит Гобәйдуллин, 1333 (1915). 159 б.

27. Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпитафику. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 165 с.

REFERENCES

1. Akhmetzyanov M.I. History of the village of Bolshoy Mangyr. Kazan: Idel-Press, 2000. 71 p. (In Tatar)

2. Akhmetzyanov M.I. Tatar stone sculptures of the 17th–18th centuries. Kazan, 2011. 260 p. (In Tatar)

3. Velyaminov-Zernov V.V. Research on Kasimov tsars and tsarevichs. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1863. Part 1. 502 p. (In Russian)

4. Gali Rahim: historical-documentary, literary and biographical collection. Kazan: Zhy'en, 2008. 479 p. (In Tatar)

5. Gainutdinov A.M. Epigraphic notes of Lower Ushmy village. *Traditional culture of the peoples of the Volga region: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (February 11–13, 2014)*. Kazan: Ikhlās, 2014, pp. 45–51. (In Tatar)

6. Gainutdinov A.M. Epigraphic notes of Lower Ooshmy village. *Tatar folklore studies. Research of the young*. Iss.5. Kazan: Ikhlās, 2014, pp. 8–15. (In Tatar)

7. Gainutdinov A.M. Ancient epitaphs of the Mamadysh district. *Tatar folklore studies. Research of the young.*, Iss. 5. Kazan: Ikhlās, 2014, pp. 105–119. (In Tatar)

8. Gainutdinov A.M. The masters of the inscription on the stone are the Sultanbekov brothers. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov = Echo of centuries*, 2015, no. 3–4, pp. 254–258. (In Tatar)

9. Gainutdinov A.M. Ancient stone sculptures of the Mamadysh district. *Tugarak uen = Round game*, 2016, no. 1, pp. 54–57. (In Tatar)

10. Gainutdinov A.M. Epigraphic monuments of the Kukmor region. *Tugarak uen = Round game*, 2016, no.4, pp. 62–64. (In Tatar)
11. Gainutdinov A.M. Epigraphic monuments of the Arsky district. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 454 p. (In Tatar)
12. Gainutdinov A.M. Epigraphic monuments of the Atninsky district. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 554 p. (In Tatar)
13. Gainutdinov A.M. Valuable epigraphic monuments of the Kukmor region. *Khezmat dany = Glory to Labor*, 2017, 18 October (No. 77), p. 3. (In Tatar)
14. Gainutdinov A.M. The studied stone will smooth out, the forgotten one will fade. *National and cultural heritage: Mamadysh*. Kazan, 2017, pp. 29–50. (In Tatar)
15. Gainutdinov A.M. Epigraphic monuments of Zelenodolsk district. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 226 p. (In Tatar)
16. Gafurov A.M., Usmanov B.M., Ermolaev O.P., Gubaidullin A.M., Khomyakov P.V., Gainullin I.I. Cartographic web resource “Country of Cities”: development experience and approaches used in creating a historically oriented geoportal. *InterCarto. InterGIS. Geoinformation support of sustainable development of territories: Materials of the International Conference*. 2021. Vol. 27, Part 4, pp. 482–494. <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2021-4-27-482-494> (In Russian)
17. Mardanov R.F., Khadiev I.G. Monuments of writing of the Atnya region. Kazan: Tat. kit. ed., 2018. 594 p. (In Tatar)
18. Marjani Sh.B. Al-kissmel-avali ya mustafadil-akhbari fi ahvali Kazan and Bulgar. Kazan: printing house of B. L. Dombrovsky, 1897. 264 p. (In Tatar)
19. Mukhametshin D.G., Khakimzyanov F. S. Epigraphic monuments of Bolgar. *Great Bolgar. Atlas from the «TARTARICA» series*. Moscow, Kazan: Feoria, 2013, pp. 320–323. (In Russian)
20. Usmanov V.M. Tatar epigraphic monuments = Tatars tashyazma yadkarlare. Between 1280 and 2000. Book fifteen. Kazan: IYaLI, 2022. (In Tatar)
21. Khakimzyanov F.S. Epigraphic monuments of the Volga Bulgars and linguistic stratification in the Volga Bulgaria: speciality 10.02.06: abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Philology. Alma-Ata, 1992. 44 p. (In Russian)
22. Khakimzyanov F.S., Izmailov I.L. Language and writing in the city of Bolgar. *Great Bolgar. Atlas from the «TARTARICA» series*. Moscow, Kazan: Feoria, 2013, pp. 304–315. (In Russian)
23. Khadiev I.G., Mardanov R.F. Monuments of writing of the Kukmor region. Kazan: Milli Kitap Publishing House, 2014. 199 p. (In Tatar)
24. Khadiev I.G., Mardanov R.F. Monuments of the written language of the Mamadysh region. Kazan: Tatar book publ., 2015. 198 p. (In Tatar)
25. Khadiev I.G., Mardanov R.F. Monuments of writing of the Baltasinsky region. Kazan: Tatar book publ., 2021. 211 p. (In Tatar)
26. Sharaf Sh. Biographical sketch of Marjani. *Marjani: on the centenary of the death of Shigabuddin Al-Marjani (1233–1333)*. Kazan: Magarif Publishing House: publisher Salih Bineh Sabit Gubaidullin, 1333 (1915). 159 p. (In Tatar)
27. Yusupov G.V. Introduction to the Bulgar-Tatar epigraphy. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1960. 165 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сайрус Русланович Хамидуллин – научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0001-8404-4611. E-mail: tatartarih@mail.ru

Айдар Марсилович Гайнутдинов – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

(420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7119-8830. E-mail: aydargm@yandex.ru

Искандер Ильгизович Гайнуллин – научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-9224-6072; Scopus Author ID: 56150512700. E-mail: gainullis@gmail.com

Халим Миннуллович Абдуллин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0212-6953; ResearcherID: F-6652-2018; Scopus Author ID: 56707127600. E-mail: xalimabd@mail.ru

Алексей Валерьевич Касимов – независимый исследователь (420061, ул. Новаторов, 8Б, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8625-8309. E-mail: delaluna@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sairus R. Khamidullin – Research Fellow of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0009-0001-8404-4611. E-mail: tatartarih@mail.ru

Aidar M. Gainutdinov – Cand. Sci. (Philology), Senior Research Fellow of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7119-8830. E-mail: aydargm@yandex.ru

Iskander I. Gainullin – Research Fellow of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-9224-6072; Scopus Author ID: 56150512700. E-mail: gainullis@gmail.com

Khalim M. Abdullin – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0212-6953; ResearcherID: F-6652-2018; Scopus Author ID: 56707127600. E-mail: xalimabd@mail.ru

Alexey V. Kasimov – Independent Researcher (8B, Novatorov Str., Kazan 420061, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8625-8309. E-mail: delaluna@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 24.11.2023
Поступила после рецензирования / Revised 22.02.2024
Принята к публикации / Accepted 04.03.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.91-124>
EDN: LEPСBJ

УДК 902/904+726

МАВЗОЛЕИ ВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ**Э.Д. Зиливинская**

*Институт этнологии и антропологии РАН
Москва, Российская Федерация
eziliv@mail.ru*

Резюме. Цель исследования: рассмотреть формирование культовой архитектуры в восточных районах Золотой Орды на примере памятников мемориального зодчества. Проследить региональные различия и влияние различных архитектурных школ и строительных традиций на возникновение и развитие форм мавзолеев.

Материалы исследования: мавзолеи, которые являются наиболее многочисленными объектами монументальной архитектуры, исследованными на всей территории Золотой Орды. В работе рассматриваются как археологические памятники, так и различные изображения мавзолеев: рисунки XVIII–XIX вв. и фотографии начала XX в.

Результаты и научная новизна: в работе собраны и рассмотрены все мавзолеи восточных районов Золотой Орды. Обзор показывает, что среди всех построек на основании строительной техники можно выделить два направления зодчества – строительство из камня и строительство из кирпича (обожженного и сырцового). Анализ типов планировки, строительных приемов, архитектурных деталей мавзолеев и строительных материалов приводит к выводу, что в сложении мемориального зодчества прослеживается несколько направлений. Каменные мавзолеи Приуралья по своей архитектонике тесно связаны с архитектурой Волжской Булгарии, которая, в свою очередь, возникла под сильным влиянием сельджукской Малой Азии и отчасти Закавказья.

Большая часть мавзолеев построена из обожженного и сырцового кирпича. Среди них выделяется группа кубических мавзолеев с шатровым куполом на барабане и массивным порталом. Эти здания находят прямые аналогии среди памятников Средней Азии, прежде всего, Хорезма. Группа башенных или пирамидальных мавзолеев представляет собой постройки архаического облика, которые повторяют поминальные памятники тюрок. Также в восточных районах строились двухкамерные мавзолеи, состоявшие из комнаты для проведения обрядов (зиярат-ханэ) и усыпальницы (гур-ханэ). Мавзолеи такой планировки не имеют прямых аналогий за пределами Золотой Орды и являются творческой переработкой уже известных схем.

Ключевые слова: Золотая Орда, Приуралье, Западный Казахстан, Центральный Казахстан, мавзолеи, классификация, архитектоника, строительная техника, Средняя Азия, Малая Азия, тюрки, инновации

Для цитирования: Зиливинская Э.Д. Мавзолеи восточных районов Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 91–124. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.91-124> EDN: LEPСBJ

© Зиливинская Э.Д., 2024



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

MAUSOLEUMS OF THE EASTERN REGIONS OF THE GOLDEN HORDE

E.D. Zilivinskaya

*Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
eziliv@mail.ru*

Abstract. The purpose of the study: To consider the composition of architecture in the eastern regions of the Golden Horde, using the example of monuments of memorial architecture. As well, to trace regional differences and the influence of various architectural schools and building traditions on the emergence and development of mausoleum forms.

Research materials: Mausoleums which are the most numerous type of monumental architecture explored throughout the territory of the Golden Horde. The paper considers both archaeological sites and various images of mausoleums: drawings of the 18th–19th centuries and photographs of the early 20th century.

Results and scientific novelty: The work collects and examines all the mausoleums of the eastern regions of the Golden Horde. The review shows that among all the buildings, based on construction technology, two directions of architecture can be distinguished – construction from stone and construction from brick (burnt and adobe). An analysis of the types of planning, construction techniques, and architectural details of mausoleums and construction equipment leads to the conclusion that several directions can be traced in the composition of memorial architecture. In their architectonics, the stone mausoleums of the Urals are closely related to the architecture of Volga Bulgaria which, in turn, arose under the strong influence of Seljuk Asia Minor and to some extent Transcaucasia. Most of the mausoleums are built of baked and mud bricks. Among them, a group of cubic mausoleums with a hipped dome on a drum and a massive portal stands out. These buildings find direct analogies among the monuments of Central Asia, primarily Khorezm. A group of tower or pyramidal mausoleums are buildings of an archaic appearance that replicate the memorial monuments of the Turks. Also in the eastern regions, two-chamber mausoleums were built, consisting of a room for rituals (ziyarat-khane) and a tomb (gur-khane). Mausoleums of this type have no direct analogues outside the Golden Horde and are a creative reworking of already known schemes.

Keywords: Golden Horde, Urals, Western Kazakhstan, Central Kazakhstan, mausoleums, classification, architectonics, construction equipment, Central Asia, Asia Minor, Turks, innovations

For citation: Zilivinskaya E.D. Mausoleums of the Eastern Regions of the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 1, pp. 91–124. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.91-124> (In Russian)

Введение

В городах Золотой Орды существовала довольно развитая архитектура культовых и гражданских построек [18; 19]. К первым относятся мечети с минаретами, медресе, ханака, мавзолеи и христианские храмы. Гражданские здания представлены общественными банями, базарами и караван-сараями. Также известно некоторое количество крупных усадебных и дворцовых зданий. Большая часть построек сохранилась в виде археологических остатков на уровне нижней части стен, и не всегда можно достоверно реконструировать их внешний облик. Но в отдельных регионах, таких как Крым, Среднее Поволжье, Хорезм некоторые памятники дошли до нас в почти не разрушен-

ном состоянии. Эти сохранившиеся постройки, а также различные изображения (рисунки, гравюры литографии, фотографии) золотоордынских зданий, выполненные в XVIII – начале XX вв. позволяют провести реконструкцию и проанализировать их архитектурные особенности.

Особое место среди археологических памятников Золотой Орды принадлежит мавзолеям. Прежде всего, – это самая многочисленная категория монументальных зданий, известная и изученная на территории Улуса Джучи. Кроме того, именно мавзолеи, вероятно ввиду их компактности, дольше всего сохранялись в неразрушенном виде. Поэтому их архитектурные формы лучше всего поддаются анализу и именно на примере мавзолеев можно понять, под влиянием традиций каких стран и народов складывалась архитектура Золотой Орды.

В данной работе будут рассмотрены мемориальные памятники восточных районов Золотой Орды, таких как Приуралье, Западный и Центральный Казахстан. Эта территория в средние века представляла собой полупустынные и степные районы, население которых занималось, в основном, скотоводством. Здесь не было зон сплошной оседлости, а города и поселки, возникшие в золотоордынский период, были весьма немногочисленны. Тем не менее, в этом регионе сохранилось довольно много мемориальных построек, которые были связаны с населенными пунктами или поставлены прямо в степи.

Мавзолеи восточных районов

Три каменных мавзолея расположены на Южном Урале, недалеко от станции Чишмы, примерно в 50 км от Уфы. Два мавзолея имеют хорошую сохранность, поэтому с XVIII в. вплоть до наших дней исследователи посещали их и оставили многочисленные описания [10; 29; 42; 22; 21; 37 и др.]. Полная история исследования этих памятников приводится в недавно вышедшей книге Г.Н. Гарустовича и А.И. Нечвалоды, в которой максимально подробно рассматриваются всевозможные исторические, археологические, палеоантропологические и исламоведческие аспекты изучения этих мавзолеев [16]. Такой комплексный подход позволил авторам получить новые знания об эпохе Золотой Орды на Южном Урале. Задачи данной работы гораздо скромнее, и каменные мавзолеи Башкортостана будут рассмотрены с точки зрения изучения их архитектуры и места в мемориальном зодчестве Золотой Орды.

Мавзолеем, известный под названием «Кэшэнэ Тура-хана» или «Дом суда», сохранился практически полностью. Нижняя часть его – квадратная в плане размерами 6,6 х 6,6 м (рис. 1). Нижний кубический ярус переходит к восьмиграннику при помощи внешних треугольных скосов, которые начинаются на высоте 1,8 м от земли. Венчает здание крыша в виде восьмигранной пирамиды. Внутри помещения переход к перекрытию в виде полусферического купола, осуществляется за счет пирамидальных тромпов. Помещение имеет высоту 5,4 м. Изначально высота здания была около 9,9 м, после разрушения верхушки шатра стала составлять 6,4 м. Стены здания, сложенные из рваных и подтесанных камней, достигают толщины 1,5 м. Кладка купола, а также обрамления дверей, окон и арки портала выполнены из известкового туфа. Здание имеет портал в виде айвана, со сводчатым перекрытием полукруглого абриса, который пристроен к южной стене. Высота портала около 4,0 м, ширина, 4,16 м, длина его пилонов 2,4 м. Внутреннее пространство (айвана) имеет размеры 2,4 х 2,0 м и высоту 3,0 м. По сведениям В.С. Юматов

ва, вдоль стен в айване были сделаны каменные скамьи [42]. Входной проем в мавзолее повторял по форме порталную нишу и имел размеры 2,25 x 1,5 м. Он был закрыт дубовой дверью. Внутреннее пространство освещалось окнами, расположенными в трех остальных стенах.

Мавзолеей «Малый кэшэнэ» находился примерно в 300 м к юго-западу от мавзолея Тура-хана [22, с. 18]. Данные о его планировке получены в результате археологических раскопок, так как в настоящее время он полностью разрушен [13, с. 172–173; 15, с. 173–185]. Здание имеет форму квадрата со стороной 6 м. Оно ориентировано по сторонам света (2.1). Стены толщиной 58–62 см. сложены из необработанных камней. Археологические раскопки выявили внутри мавзолея 4 погребения. В древности мавзолеи, расположенные на соседних холмах, образовывали единый архитектурный комплекс. Датируются мавзолеи XIV веком.

Еще один известный мемориальный памятник, мавзолеей Хусейн-бека, также находится в Чишминском районе (рис. 2.2-4). Начиная с середины XIX века, его неоднократно обследовали. П. Павловский, В.С. Юматов и В.В. Вельяминов-Зернов [29, с. 235; 42, с. 3; 10, с. 258–260] составили подробные описания постройки, бывшей в то время в хорошей сохранности. Именно эти данные использовались в более позднее время другими исследователями [22, с. 5–6; 37, с. 89–90]. Во второй половине XIX вв. от здания сохранилась только нижняя часть, которая имела в плане форму квадрата со стороной 8,4 м. Стены постройки из неотесанных камней, сложенные на известковом растворе, были оштукатурены с внутренней стороны. Стены имели толщину 1,57 м. Переход к восьмиграннику внутри осуществлялся при помощи пирамидальных тропов. Над ним, вероятно, был сделан купол с пирамидальной крышей. В XIX в. высота постройки без перекрытия и купола составляла 4,2 м. Дверь размерами 2,5 x 1,0 м была сделана с южной стороны. Здание имело портал, от которого в XIX в. сохранились только пилоны. Свет поступал в помещение через три сводчатые окна размерами 1,0 x 0,7 м. На надгробии, которое имелось внутри мавзолея, была сделана надпись, из которой следовало, что здесь похоронен «Хаджи Хусейн-бек, сын великого эмира Омар-бека» [10, с. 259]. На камне была высечена дата – 1339 г.¹ [43, с. 116]. В 1911 г. мусульманской общиной были собраны средства, на которые была проведена реставрация здания, которая полностью изменила его облик [22, с. 5, 6]. В настоящее время оно представляет собой квадратную в плане постройку с невысоким куполом полусферического очертания, лишенную портала. Общая высота ее 5,28 м. В результате проведенных в мавзолее раскопок внутри было найдено 9 погребений [13; 15, с. 201–222].

Мавзолеей Кесене, который известен также, как «Башня Тамерлана» [36, с. 144–146], «Варнинский» (по названию близлежащего поселка Варна) [17, с. 196–206], Кисене [25] и мавзолеей на берегу оз. Кисяне [37, с. 92], находится на юге Челябинской области. Первыми исследователями его были П. Рычков и П.С. Паллас [35, с. 195; 30, с. 388]. Э.Ю. Петри провел раскопки в мавзолее, обнаружил погребение богатой женщины и оставил описание постройки [31,

¹ По последним уточнениям эпитафиста А.М. Гайнутдинова, Хусейн-бек скончался в 1344 г. Более подробно см.: Гайнутдинов А.М. Эпитафия на памятнике Хусейн-беку // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 168. (прим. гл. ред.).

с. 55]. И.А. Кастанье приводит тщательные рисунки мавзолея в нескольких видах [24, с. 49–50; 25, с. 62–63, рис. 72]. Здание построено из обожженных кирпичей квадратной формы. Приблизительное описание его дополняют рисунки из трудов П.С. Палласа и И.А. Кастанье (рис. 3), а также план (рис. 4.1), полученный в результате археологических исследований [6, с. 162–165]. Все эти данные дают довольно четкое представление о планировке и внешнем облике постройки. Здание было прямоугольным в плане, вытянутым вдоль меридиональной оси. Размеры его основания 9 x 12 м. В северной части находилась усыпальница (гур-ханэ), в южной – портал (пештак). В нижней трети основная часть здания была квадратной в плане (9 x 9 м), далее происходит переход к двенадцатигранному барабану, который венчает пирамидальная крыша с таким же количеством граней. Высота мавзолея составляла 16 м. Внутреннее помещение размерами 6 x 6 м было перекрыто сферическим куполом, переход к которому осуществлялся при помощи тромпов со сталактитами. Широкий, тщательно проработанный портал находился с южной стороны здания. Высота портала превышала высоту нижней части здания, а ширина была больше, чем ее ширина. Вход оформляла стрельчатая арка, архивольт которой был выделен кирпичным бордюром. По сторонам от арки находились слегка выступающие пилястры, которые расчленили плоскость портала. В щечковых стенах портала были сделаны ниши прямоугольного сечения. Освещалось помещение усыпальницы через небольшие квадратные окна, сделанные в восточной и западной стенах. При раскопках 1960 г. были найдены изразцы, некогда украшавшие мавзолей [38, с. 26; 6, с. 162–165]. Постройка датируется второй половиной XIV в. [36, с. 94], в настоящее время мавзолей полностью восстановлен (рис. 4.3).

К.В. Сальников частично исследовал мавзолей в Троицком районе Челябинской области [7, с. 151–154]. Раскопки велись траншеями, поэтому планировка здания изучена весьма приблизительно. Прямоугольная постройка имела ширину около 9 м и неизвестную длину. Кирпичные стены, возведенные без фундамента, имели толщину 1,75 м. Ширина южного помещения составляла 5,35 м. Пол его был вымощен кирпичом, а вдоль восточной и западной стен, на расстоянии 1,75 м от них, были сложены узкие сырцовые стенки. Вероятнее всего, здесь находились суфы. Еще одно помещение, скорее всего, усыпальница, находилось с северной стороны. По мнению П.И. Рычкова, который в XVIII в. видел мавзолей у Троицка в еще не разрушенном состоянии, он был схож по архитектуре с мавзолеем у с. Варна [7, с. 148–150].

Крайне скудны и сведения о мавзолее «Башня Болгасын» в Тургайской области, приведенные И.А. Кастанье [23, с. 221–222; 25, с. 52]. И.А. Кастанье посетил памятник в 1907 г. и уже не застал руин мавзолея, поэтому описание его он приводит со слов г-на Матова. Прямоугольное в плане здание размерами 13 на 20 шагов было построено из красного обожженного кирпича и было ориентировано по сторонам света. Приблизительная высота здания составляла 21 м. Мавзолей, скорее всего, состоял из усыпальницы и обширного айвана. Кубическое основание основной части здания переходило в цилиндрический барабан с гофрированной поверхностью, который был перекрыт полусферическим куполом (рис. 5). Гофрированная поверхность купола была выложена изразцами бирюзового цвета. Вход в мавзолей находился с южной стороны, в остальных стенах были сделаны небольшие окна. Стены помеще-

ния внутри были оштукатурены. Основываясь на трудах И.А. Кастанье, «Башню Болгасын» опубликовал А.П. Смирнов. Исследователь отмечал, что сплошная облицовка купола изразцами и появление гофрировки на его поверхности характерна для памятников Средней Азии середины XIV – начала XV вв. [37, с. 96]. Мне кажется более вероятной, датировка здания тимуридским временем, так как гофрированные купола, облицованные изразцами, ранее не встречаются.

Мавзолеем под названием «Бэндэбикэ» у с. Максютново в Кургачинском районе Башкортостана был исследован в 1968–1969 гг. Н.А. Мажитовым [27]. Стены постройки, сложенной из обожженного кирпича на глиняном растворе, сохранились только в нижней части. Основные стены имели толщину 1,2 м, на углах постройки находились небольшие утолщения. Прямоугольное в плане здание (8,5–8,7 x 6,9 м) было ориентировано строго по сторонам света, длинной стороной по оси С-Ю (рис. 6.1). Массивный портал находился с южной стороны. Размеры его пилонов равнялись 2,25 x 1,8 м, а ниша между ними имела ширину 2,4 м и глубину 1,8 м. Проход шириной 85 см вел из порталной ниши в основное помещение размерами 4,45 x 4,45 м. Стены помещения были оштукатурены, внутри его были найдены остатки полусферического купола. Единственное погребение в мавзолее принадлежало женщине. На основании тщательного анализа планировки мавзолея и остатков рухнувших конструкций авторы раскопок сделали реконструкцию памятника, которая не вызывает возражений (рис. 6.2). Мавзолеем, скорее всего, относится к порталным постройкам с полусферическим куполом, и шатровым покрытием на многогранном барабане. Исследователи связывают его с кругом Северо-Туркестанских памятников [27, с. 186].

В Оренбургской области также было исследовано несколько мавзолеев. Три из них находились возле поселка Тептяри и были найдены при раскопках курганной группы С.А. Поповым [32, с. 141–143]. Мавзолеем № 1 был самым крупным и относительно хорошо сохранившимся. Прямоугольное в плане здание было ориентировано длинной осью по линии север-юг с небольшим отклонением к востоку (рис. 7.1). Размеры его 12,3 x 7 м. Его стены сложены из сырцового и обожженного кирпича размерами 25–27 x 25–27 x 5 см. Внешние стены имели толщину 1 м (4 ряда). В южной стене был сделан вход, и она была сложена в 6–6,5 кирпичей (1,75 м). Проход шириной 1,85 м находился по центру фасадной стены и вел в прямоугольное в плане помещение размерами 5 x 3,2 м. Стена в 4 ряда кладки отделяла его от северного помещения усыпальницы. Квадратное в плане (5 x 5 м) помещение гур-ханы имело выложенные обожженным кирпичом полы. В усыпальнице находилось 5 захоронений, еще 2 погребения было сделано в южном помещении.

Стены мавзолея № 2 были почти полностью разобраны, поэтому контур здания восстанавливается приблизительно. (рис. 188.2). Здание ориентировано по оси ЮЗЗ-СВВ, размеры его 9,0 x 5,4 м. Стены были сложенные из обожженного кирпича (25 x 25 x 5 см) плохого качества. Толщина внешних стен 75 см, они сложены в 2,5 кирпича. Вход в здание находился с юго-восточной стороны. Он вел в помещение, в котором сохранился кирпичный пол, поэтому размеры его вычисляются довольно точно. Оно было прямоугольным в плане размерами 4,15 x 2,4 м. За ним находилась квадратная в плане усыпальница, размеры которой приблизительно 4,2 x 4,2 м. В погре-

бальном помещении было обнаружено три погребения, причем в одной могиле находился кирпичный склеп. При раскопках мавзолеев №1 и 2 были найдены декоративные элементы в виде изразцовых кирпичей с голубой и синей поливой.

Мавзолей № 3 также был сильно разрушен (рис. 7.3). Здание имело размеры 7,3 x 6 м и было ориентировано по оси ЮЗ-СВ. Стены были сложены из целых кирпичей размера 27 x 27 x 5 см, а также половинок и обломков. Мавзолей состоял из двух частей: узкого прямоугольного помещения размерами 3,2 x 0,9 м в юго-западной части и квадратной (3,2 x 3,2 м) усыпальницы. В погребальном помещении найдены остатки двух разрушенных погребений. Таким образом, все три мавзолея возле пос. Тептяри имеют сходное строение. Они представляют собой прямоугольные в плане здания, которые состояли из двух помещений зиярат-ханы и гур-ханы. Мавзолей № 1 отличается наличием утолщенной южной стены, поэтому можно предположить, что у него мог быть высокий портал с большой нишей. Мавзолеи №№ 2 и 3, вероятно, были фасадными.

Мавзолей восьмигранной формы был обнаружен при раскопках курганов в Оренбургской области у с. Изобильное Соль-Илецкого района [15, с. 153–160]. Так как в процессе раскопок большая часть его была разрушена, планировку можно реконструировать приблизительно (рис. 8). Здание имело форму восьмигранника с длиной стороны около 3,6 м. Углы мавзолея ориентированы по сторонам света и по направлению на СЗ, ЮЗ, СВ и ЮЗ. Расстояние между внешними углами равнялось 9,2 м. Стены толщиной 2,2 м сложенные из обожженного и сырцового кирпича. Высота стен около 10 слоев кирпича, то есть до 1 м. С внешней стороны у стен наблюдался небольшой наклон кверху, поэтому можно предположить, что постройка была либо башенной, либо пирамидальной. Вход в круглое в плане помещение диаметром 4,2 м предположительно находился с южной стороны. В усыпальнице пол был вымощен обожженным кирпичом. В северо-восточной части помещения располагалось ступенчатое надгробие (мастаба). К югу от него была найдена могильная яма, в которой в деревянных гробах лежали два костяка, женский и мужской. В погребении мужчины инвентаря не было, при женском костяке находились остатки шелковой ткани, зеркало и мелкие украшения. Мавзолей датируется XIV веком.

На р. Урал, в Западном Казахстане, в XIV в. существовал золотоордынский город Жайык. Исследования, проведенные на городище Жайык, среди других монументальных построек выявили два мавзолея из обожженного кирпича [3, с. 92–111].

Малый мавзолей (№ 1) прямоугольный, вытянутый вдоль оси СВ-ЮЗ (рис. 9.1). Размеры его 9,0 x 12,0 м. Стены постройки, сложенные без фундамента из обожженных кирпичей размеров 25–26 x 25–26 x 5 см и половинного формата, имели толщину 1,75 м. Юго-западная стена была 2,25 м толщиной. Это обстоятельство позволяет предположить, что она служила основанием портала [3, с. 92]. Мавзолей был двухкамерным. Прямоугольное в плане помещение 1 размерами 5,5 x 3,5 м, находилось с юго-западной стороны. Пол его был выложен квадратными обожженными кирпичами на известковом растворе. На полу вдоль меридиональных стен были поставлены суфы шириной 1,25 м и высотой 40 см. С северо-восточной стороны находилось квад-

ратное в плане (5,5 x 5,5 м) помещение усыпальницы (№2), которая соединялась с помещением 1 проходом. Пол усыпальницы был также выложен жжеными кирпичами, положенными в два слоя. Верхний слой был образован вымосткой из шестиугольных кирпичных плит в обрамлении из квадратных кирпичей. Он был положен на нижний слой из квадратных кирпичей. Единственное погребение с кирпичным склепом находилось в северной части. Авторы раскопок совершенно верно интерпретируют эту постройку как фасадный, продольно-осевой двухкамерный мавзолей [3, с. 95]. Они считают, что он был перекрыт двумя куполами разной величины [3, с. 92]. Однако, с этим утверждением трудно согласиться. Вне всякого сомнения, куполом была перекрыта квадратная в плане усыпальница, а южное помещение прямоугольной формы, имело сводчатое перекрытие.

Рядом находился Большой мавзолей (№ 2). Стены его толщиной до 2,5 м были сложены панцирной кладкой из большеформатного (40 x 25 x 8–9 см, 30 x 25 x 8 см) сырцового кирпича. По краям были положены два ряда кирпичей, а середина была забутована обломками сырцовых и обожженных кирпичей. Здание было прямоугольным в плане, вытянутым вдоль оси С-Ю (рис. 9.2). Размеры его 12,85 x 19,5 м. Южная стена имела два выступа длиной 2 м с восточной и западной сторон плоскости меридиональных стен. Эти выступы могли служили основанием башен, которые оформляли портал здания с боков. Портал находился с южной стороны. Длина его пилонов составляла 4 м, ширина айвана, образованного пилонами, была 6,7 м. Портал имел облицовку из глазурованных майоликовых плиток с подглазурной росписью белым, голубым и бирюзовым цветами, которые образовывали растительные и геометрические орнаменты. К северу от портала находилось помещение зияратханэ, прямоугольное в плане. Его размеры 8,8 x 4,4 м. Вдоль западной и восточной стен были сделаны суфы шириной 2,2 м и высотой 45–50 см. В середине комнаты находилось возвышение, стенки которого были сложены из обожженного кирпича, а середина забутована землей и строительным мусором. Его размеры 2,75 x 2,2 м, высота 5 слоев кладки (34 см). С двух сторон от этого подиума пол помещения был выложен голубыми поливными плитками шестиугольной формы.

В северной части располагалась квадратная в плане гур-ханэ размерами 8,8 x 8,8 м. На ее полу были прослежены следы разобранной вымостки. Внутри, в 1 м от дверного проема, была обнаружена тумба размерами 65 x 65 x 50 см, сложенная из обожженного кирпича на известковом растворе. Более всего эта тумба напоминает базу колонны, но в купольном помещении колонн быть не должно. Стены гур-ханэ были оштукатурены и расписаны полихромной росписью по белому фону. Также их украшали панно из поливных изразцов синего и бирюзового цветов с надглазурной росписью и позолотой. Два основных захоронения были совершены в центральной части гур-ханэ под надгробием в виде мастабы. В мавзолее было 11 погребений, причем с восточной стороны находились взрослые погребения, а с западной – детские. Состав захоронений позволил авторам раскопок высказать предположение, что этот мавзолей являлся семейной усыпальницей представителей какого-то знатного рода [3, с. 103–104].

По мнению авторов раскопок, эта постройка являлась «фасадным двухкамерным мавзолеем» [3, с. 102, 104, 111]. Однако, в южной части здания

присутствуют мощные, выступающие пилоны, поэтому мавзолеей является, скорее, порталным (рис. 9.3). Также зиярат-ханэ, вероятно, была перекрыта не куполом [3, с. 98, 103], а сводом.

На Жайыке исследован еще один погребальный комплекс [20]. Круглое в плане сооружение, расположенное в его центре, имело диаметр 9,0 м (рис. 10.1). Его стены были сложены по краям из сырцового и обожженного кирпича, средняя часть была забутована шлаком и обожженный кирпичом. Помещение внутри постройки имело круглую форму диаметром 5,1 м. В нем находились разрушенные погребения. Ко входу с южной стороны вел пандус.

С двух сторон от основного здания находились два полностью разрушенных небольших сооружения из сырца или пахсы. С южной стороны от фасада основного сооружения, в материке найдены пять круглых ям, расположенных цепочкой. Со всех сторон комплекс огораживала глинобитная стена, толщиной 30–40 см.

Таким образом, в центре погребального комплекса находился башенный или пирамидальный мавзолеей диаметром 9,0 м. Толщина его стен позволяет предположить, что это здание имело большую высоту (10 м и более). Для сравнения можно указать, что известная башня Сараман Коса на Нижней Сырдарье имеет нижний диаметр 12 м, а высоту 15 м. К сожалению, невозможно определить форму небольших сооружений, расположенных с востока и запада от мавзолея. Судя по всему, они не имели большой высоты, так как от них остались очень небольшие развалы. Захоронений в них не было, следовательно, они функция их была чисто декоративной. Возможно, это были небольшие сплошные башенки также с купольным завершением. Ямы перед входом в мавзолеей, расположенные цепочкой, могли остаться от вкопанных здесь каменных стел типа купылтасов (рис. 10.2). Купылтасы являются самостоятельными формами погребально-культурной архитектуры, но, как доказал С.Е. Ажигали, они могут входить в состав единого композитного памятника [1, с. 319]. Установленные вокруг мавзолея, они образуют с ним единый комплекс [1, с. 364]. В Западном Казахстане Купылтасы возникают в XVIII в., то есть достаточно поздно. При этом их могли ставить рядом с мавзолеем более раннего времени. Например, на некрополе Абат Байтак мавзолеей XIV в. окружен мавзолееями и купылтасами XVIII–XX вв. [2].

В Хобдинском районе Актюбинской области находится сохранившийся почти полностью мавзолеей Абат Байтак, (рис. 11). Самое раннее упоминание о нем встречается в «Топографии Оренбургской губернии» П.И. Рычкова [35], впоследствии его зарисовал и описал И.А.Кастанье [25, с. 61–62, рис. 68]. В советское время памятник изучал М.М. Мендикулов, который датировал его XIII в. [28, с. 9–10]. На основании имеющихся данных мавзолеей считался фасадным, но в 1979–80 гг. были проведены его комплексные исследования, в том числе и раскопки, которые обнаружили остатки портала [1, с. 174–175; 20]. Благодаря проведенным архитектурным обмерам можно сделать точное и подробное его описание. Подквадратная в основании (9,52 x 9,8 м) со слегка наклонными стенами призма основного объема венчалась высоким одиннадцатигранным барабаном, перекрытым коническим куполом. На гранях барабана были сделаны ниши с треугольным ступенчатым завершением, в которых находятся ложные оконные проемы такого же абриса. Здание имело высоту 16 м. Квадратное в плане внутреннее помещение помо-

щи стрельчатого очертания тропов переходит в восьмигранник и затем – в шестнадцатигранник, который перекрывает сфероконический купол. Оконные проемы стрельчатого абриса были сделаны в западной и восточной стенах. С южной стороны находился вход со стрельчатым завершением. Меридиональные стены постройки продолжались к югу на 2,98 м. Айван между ними имел ширину 5,4 м. Стены мавзолея сложены из обожженного кирпича размерами 24 x 24 x 6 см, во внешней облицовке стен использовались кирпичи с поливой зеленовато-бурого цвета плохого качества. Мавзолей датируется концом XIV – началом XV в. по архитектурно-стилевым признакам и отчасти по легенде [1, с. 174; 2, с. 22]. После проведения раскопок мавзолей был восстановлен (рис. 11.5).

В Актыбинской области возле пос. Саралжин Уилского района исследован мавзолей, стены которого сложены из сырцового и обожженного кирпича [12]. Постройка была почти квадратной в плане, она ориентирована углами по сторонам света, (рис. 12.1). Юго-восточная стена ее имела длину 7 м, остальные три были 6,3 м длиной. Стены шириной 1,25 м сохранились на высоте 0,75-1, м. Основной массив их был из сырца, но четыре нижних слоя кладки снаружи были выложены из обожженных кирпичей в один ряд. Вход в мавзолей находился с юго-западной стороны и не имел портала. Ширина его 1,0 м. Пол помещения был вымощен кирпичом, внутри усыпальницы найдены два захоронения, перекрытые сверху кирпичными надгробиями (мастаба). Погребенные были положены без вещей в деревянных гробах.

Несколько мавзолеев на территории Центрального Казахстана было обследовано С.Г. Боталовым [7]. Мавзолей Атчергат в Кустанайской области [7, с. 148–150] был ориентирован длинной осью по линии ССВ-ЮЮЗ и имел размеры 7,25 x 5,0 м (рис. 12.2). Стены постройки сложены из сырцового кирпича размерами 45 x 25 x 8 см на известковом растворе. Кладка стен имела высоту 3–4-х слоев. С южной стороны находился вход, который вел в айван шириной 3,1 м и глубиной 2,75 м. Толщина стен айвана 1 м, они являлись продолжением меридиональных стен. Усыпальница имела размеры 3,1 x 3,1 м. Пол ее был вымощен обожженным кирпичом, а на стенах была штукатурка белого и желтого цветов. Внутри гур-ханы находились два погребения.

В Тургайской области Казахстана раскопан мавзолей Домолакер [7, с. 150–151]. Прямоугольное в плане здание размерами 7,5 x 6,4 м, ориентировано по оси ССЗ-ЮЮВ (рис. 12.3). Стены сложены из обожженных кирпичей размерами 28–29 x 28–29 x 5–6 см. Вход в виде портала с массивными пилонами находился с южной стороны. Пилоны имели длину 1,1 м и ширину 2,2 м. Между ними находилась порталная ниша глубиной 1,3 м и шириной 2 м. Снаружи портал украшали плитки с резьбой по ганчу в виде растительного орнамента. Усыпальница имела форму квадрата со стороной 4,5 м. Полы портала и гур-ханэ были выложены кирпичом, а стены покрыты штукатуркой.

В связи со значительной регрессией Аральского моря в последние десятилетия на его обнажившемся дне появились поселения и некрополи. В Кызылординской области недалеко от пос. Каратеген было обнаружено поселение Арал-Асар XIV в. Рядом с ним располагался мавзолей Кердери 2 [4, с. 238–247; 5, с. 215–216]. Прямоугольное в плане здание мавзолея было ориентировано длинной стороной по оси СВ-ЮЗ (рис. 12.4). Стены мавзолея имели фундамент глубиной 1–1,2 м, который состоял из шести слоев кладки

из массивных каменных глыб. Наличие глубокого фундамента объясняется тем, что мавзолеей стоит на рыхлых осадочных породах морского дна. Стены были кирпичными, они сложены из квадратных (25 x 25 x 4 см) обожженных кирпичей. Толщина стен более 1 м, в высоту они сохранились до 6 слоев кладки. С юго-западной стороны был сделан вход в здание. Его обрамлял мощный портал, пилоны которого являлись продолжением меридиональных стен здания. Пилоны имели толщину 3 м, ниша портала была 3 м шириной и примерно такой же глубины. Портал был украшен майоликовыми плитками с растительным, геометрическим и эпитафическим орнаментом. Фрагменты декоративных лекальных кирпичей, найденные при раскопках, говорят о том, что архивольт арки портала опирался на трехчетвертные колонны. Остатки рухнувшей арки портала позволяют реконструировать ее высоту – 2,6 м.

Усыпальница была квадратной в плане размерами 5,5 x 5,5 м. Она имела крестообразную планировку, та как в ее стенах были сделаны четыре ниши глубиной около 1 м. Вымостка пола в помещении была сделана из прямоугольных кирпичных плит размерами 44 x 27 x 6,5 см. В мавзолее находилось 7 захоронений, причем северо-западная часть гур-ханэ была занята мужскими погребениями, а юго-восточная – женскими и детскими. По непонятным причинам авторы раскопок считают данное сооружение фасадным мавзолеем, хотя и не отрицают наличие у него портала [4, с. 241]. Мавзолеей Кердери 2, несомненно, относится к порталным усыпальницам, так как имеет ярко выраженный портал.

В Кызылординской области, недалеко от городища Джан-кала расположен мавзолеей Сарлытам Жанадарьинский [39, с. 291–294]. Стены здания возведены из обожженного кирпича размерами 24 x 24 x 5 см. Прямоугольная в плане постройка имеет размеры 10 x 15 м. Она ориентирована длинной осью по линии север-юг. Здание состоит из квадратной в плане усыпальницы с массивным порталом с южной стороны, который имеет такую же ширину, что и основной объем (рис. 13). Пилоны портала поддерживают высокую арку стрельчатого очертания, которая сложена из чередующихся шлифованных кирпичей и кирпичей с бирюзовой поливой. Поверхность пилонов также была облицована декоративными кирпичами клиновидной формы и украшена полосой из майоликовых плиток. Пространство между пилонами перекрывает полусферический свод на ячеистых тропках. Основной объем перекрыт двойным куполом. Внутри помещения куб переходит к восьмиграннику, а затем куполу с помощью тропков стрельчатого абриса на углах и неглубоких стрельчатых ниш в плоскости стен. Снаружи на кубическое основание поставлен шестигранный барабан с окнами в гранях. На нем покоится верхний купол. Мавзолеей Сарлытам Жанадарьинский датируется XIV–XV в. [39, с. 291].

Анализ планировки и архитектурных традиций

Таким образом даже краткий обзор мемориальных построек восточных регионов Золотой Орды показывает, что для них характерно значительное многообразие планировочных решений. Очень важно также, что многие постройки можно оценивать не только по планиграфии, но и в полном объеме. Классификацией золотоординских мавзолеев занимались различные исследователи. Занимаясь изучением типов погребальных обрядов на некрополях Золотой Орды, Л.Т. Яблонский, в качестве одной из групп надмогильных сооружений рас-

сматривал мавзолеи [44, с. 76]. В его классификацию вошло 35 памятников, которые он разделил на четыре группы по планировке, учитывая такие признаки как форма постройки, количество помещений и наличие или отсутствие портала. Г.А. Федоров-Давыдов предложил свой вариант типологии. Он также выделил четыре группы по тем же признакам, но рассмотрел форму портала, а также добавил некоторые новые типы, например, многогранные мавзолеи [41, с. 70–72]. Следующая классификация на основании изучения 48 построек была создана Д.В. Васильевым [9, с. 22–24, пр.7]. Он разделил их на две группы – однокамерные и многокамерные. Однокамерные здания, в свою очередь, разделяются на квадратные в плане и многоугольные. Среди двухкамерных мавзолеев он выделяет прямоугольные и «с расположением помещений вдоль фасада». В этой части нарушен принцип выделения таксонов, так как в одном случае речь идет о форме здания, а в другом – о расположении помещений. Д.В. Васильев подробно рассматривает форму портала, выделяя четыре его вида. Все перечисленные варианты типологии золотоордынских мавзолеев имеют свои достоинства, но они рассматривают только планиграфию зданий и не учитывают никаких объемных их характеристик.

Можно рассмотреть к каким типам относятся мавзолеи восточных районов, основываясь на недавно созданной классификации [18, с. 146–168]. Она основана на анализе более чем 100 золотоордынских мавзолеев и включает в себя не только планиграфию зданий, но и все возможные элементы их пространственной структуры.

Прежде всего, все постройки можно разделить на две большие группы – однокамерные (I) и многокамерные (II) мавзолеи. Однокамерные мавзолеи по форме основного помещения делятся на три отдела: А) башнеобразные, Б) пирамидальные, В) кубические (призматические). Отдел башнеобразных мавзолеев состоит из двух подотделов, отличающихся формой плана: 1) круглые и 2) многоугольные. Пирамидальные мавзолеи также могут быть круглыми (1) и многоугольными (2) в плане, а в основе кубических зданий лежит квадрат или прямоугольник близкий по пропорциям к квадрату (3). Каждый отдел может быть разделен на два типа: а) фасадные, б) порталные. Фасадными являются мавзолеи без явно выраженного портала, но с выделенной стороной, в которой находится вход. К порталным относятся здания с явно выделившимся объемом входного портала. Учитывая первоначальную планировку Черной палаты, в отдел кубических мавзолеев следует добавить третий тип центральных зданий (в). Порталы бывают двух видов: либо они образованы выступающими из фасадной стены здания пилонами, и в этом случае портал значительно уже самого здания, либо он вписан в общий контур плана. В некоторых случаях портал может выходить за пределы контура постройки. По форме портала здания можно разделить на подтипы: б*) выступающий вперед портал, б**) портал, вписанный в объем здания и опирающийся на массивные пилоны, толщина которых превышает толщину стен (пештак). И, наконец, каждый подтип зданий делится на два вида по форме покрытия: Q) купольное, S) шатровое. Покрытие в археологических памятниках сохраняется редко, поэтому чаще всего определить вид его сложно, зато он хорошо определяется по рисункам. Башенные и кубические мавзолеи могут иметь крышу обоих видов, все пирамидальные мавзолеи по определению являются шатровыми.

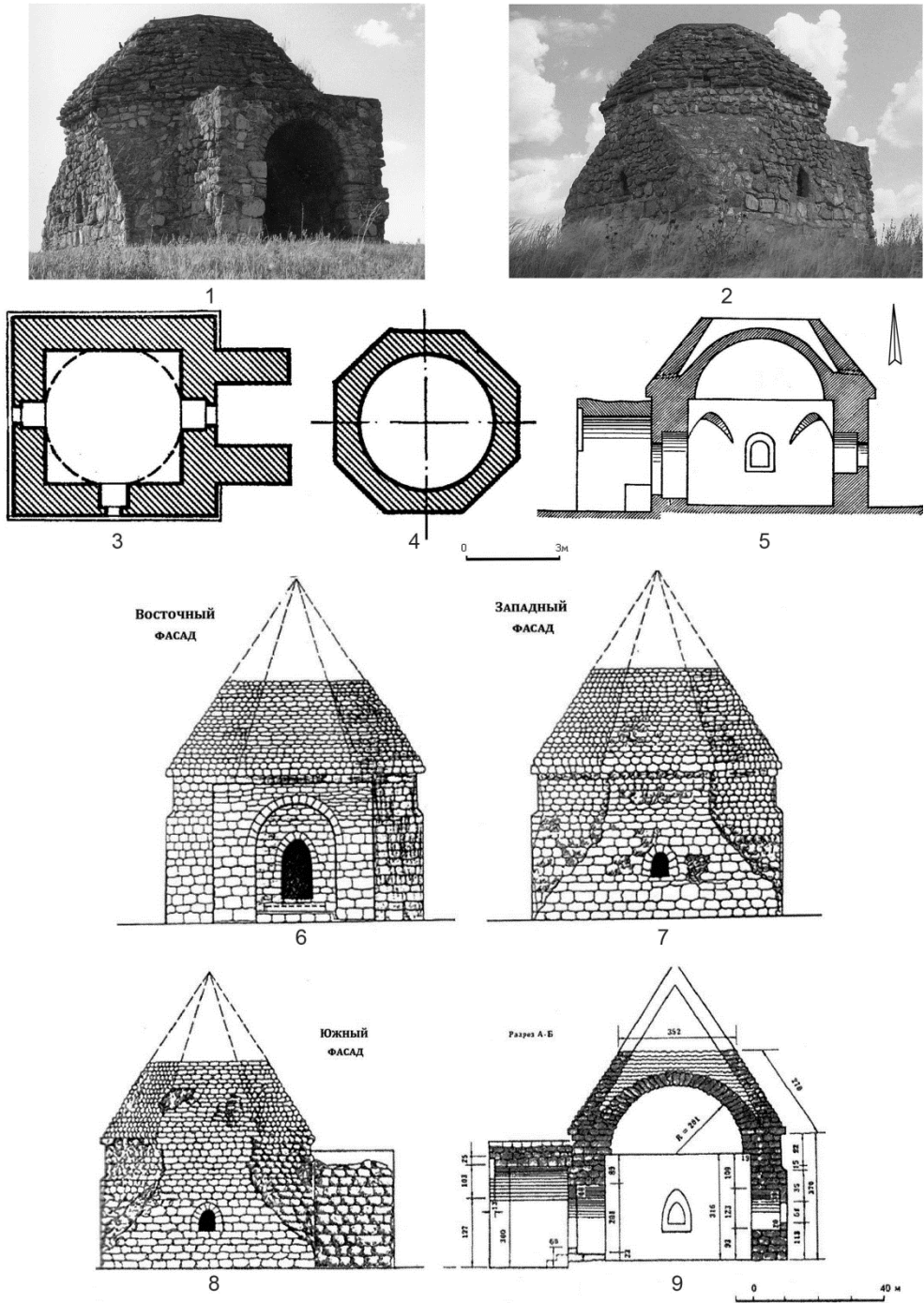


Рис. 1. Мавзолей Тура-хана: 1 – фасад; 2 – вид сбоку; 3 – план; 4 – разрез барабана;
 5 – продольный разрез (3-5 по [21]); 6 – восточный фасад; 7 – западный фасад;
 8 – южный фасад; 9 – продольный разрез (6-9 по [14]).

Fig. 1. Mausoleum of Tura Khan: 1 – facade; 2 – side view; 3 – plan; 4 – section of the drum;
 5 – longitudinal section (3-5 by [21]); 6 – eastern facade; 7 – western facade;
 8 – southern facade; 9 – longitudinal section (6-9 by [14]).

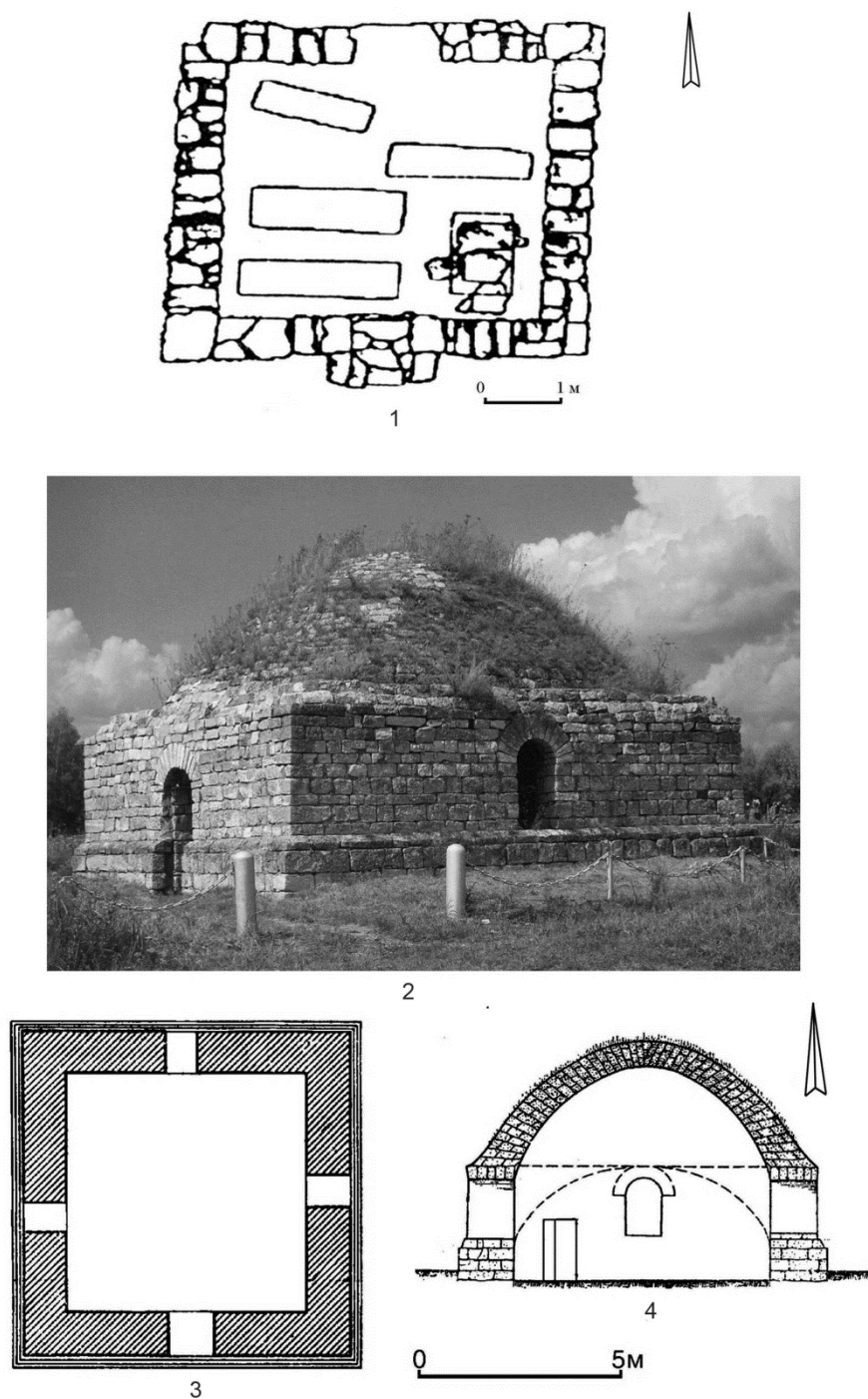


Рис. 2. Каменные мавзолеи: 1 – Малый кэшэнэ; 2 – мавзолей Хуссейн-бека, общий вид; 3 – план; 4 – разрез (2-3 по [14]).

Fig. 2. Stone mausoleums: 1 – Small keshene; 2 – Husein-bek mausoleum, general view; 3 – plan; 4 – section (2-3 by [14]).

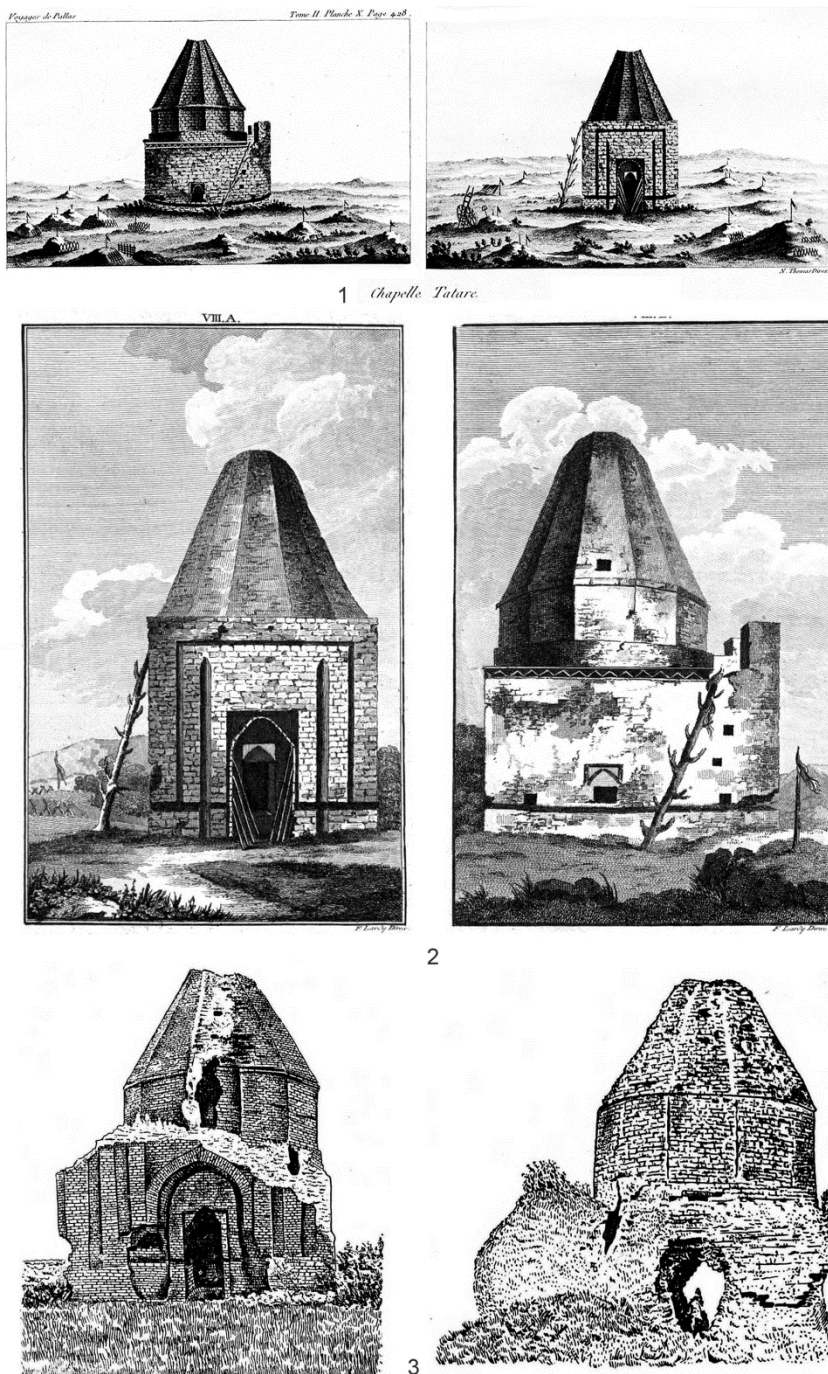
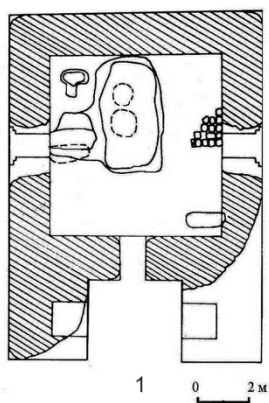


Рис. 3. Мавзолей Кесене: 1 – литография (N.Thomas Dirac) из сочинений П.С. Палласа 1789–1793 гг.; 2 – литография (F.Lardy Dirac) из сочинений П.С. Палласа 1795 г.; 3 – фото инженера Подъяконова 1908 г. (по [23]).

Fig. 3. Kesene Mausoleum: 1 – lithograph (N. Thomas Dirac) from collected works of P.S. Pallas, 1789–1793; 2 – lithograph (F. Lardy Dirac) from collected works of P.S. Pallas, 1795; 3 – photograph by engineer Pod'iakonov, 1908 (by [23]).



2



3

Рис. 4. Мавзолей Кесене: 1 – план [по 6]; 2 – фотография 1924 г.; 3 – современный вид.

Fig. 4. Kesene Mausoleum: 1 – plan [after 6]; 2 – photograph 1924; 3 – modern look.

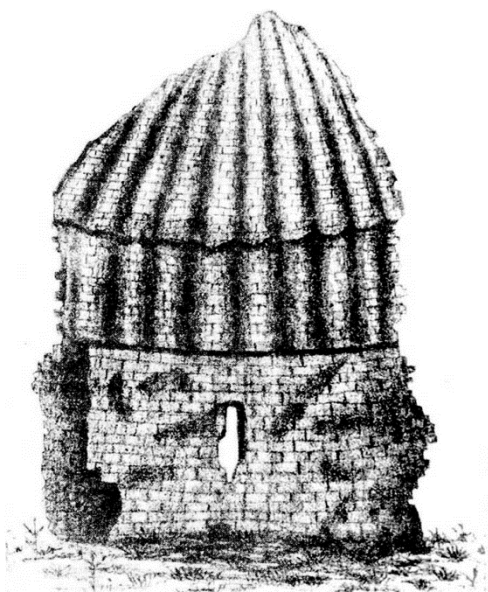


Рис. 5. Мавзолей «Башня Болгасын»
(по [22]).

Fig. 5. Mausoleum “Bolgasyyn Tower”
(by [22]).

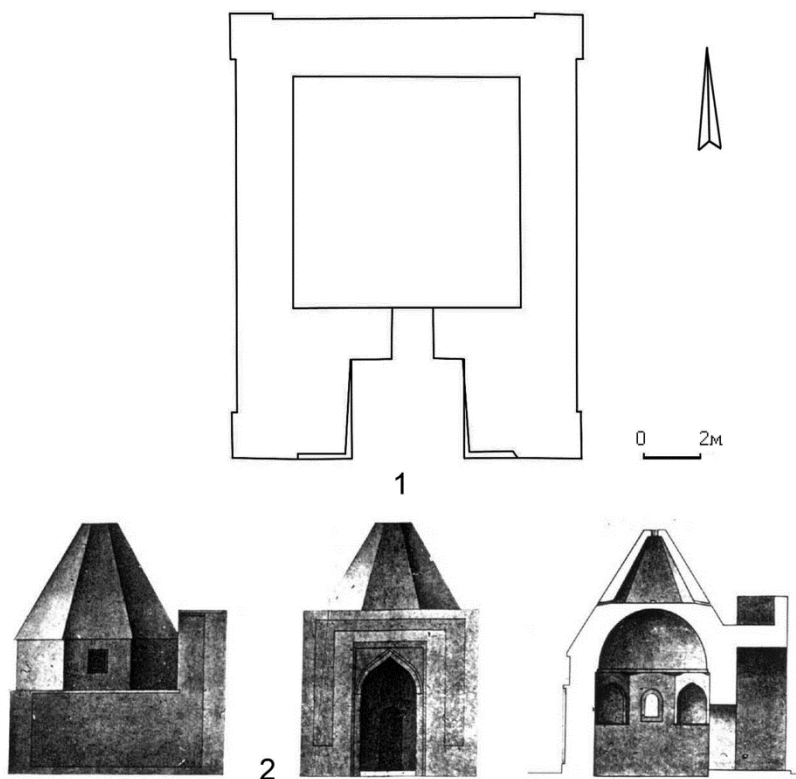


Рис. 6. Мавзолей Бэндэбикэ: 1 – план; 2 – реконструкция (по [26]).

Fig. 6. Bendebike Mausoleum: 1 – plan; 2 – reconstruction (by [26]).

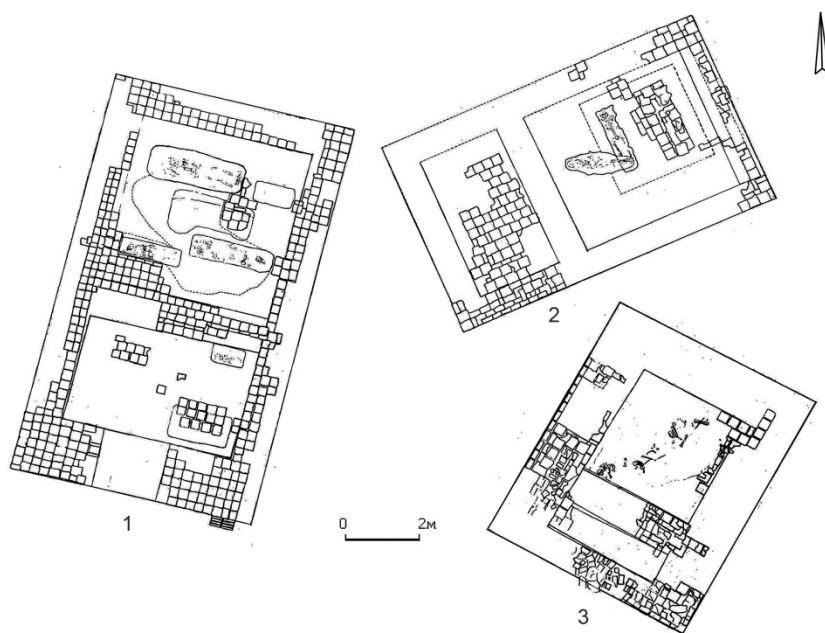


Рис. 7. Мавзолеи у пос. Тептяри; 1 – № 1; 2 – № 2; 3 – № 3 (по [31]).

Fig. 7. Mausoleums near the village of Tep'tiari; 1 – no. 1; 2 – no. 2; 3 – no. 3 (by [31]).

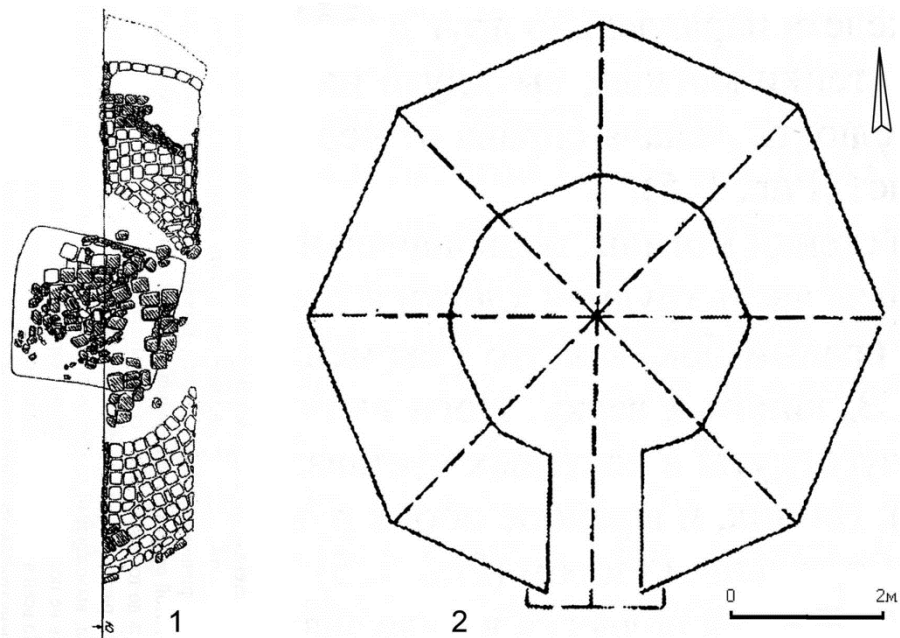


Рис. 8. Мавзолей у с. Изобильное: 1 – план; 2 – реконструкция плана (по [13]).
Fig. 8. Mausoleum near the village of Izobil'noe: 1 – plan; 2 – reconstruction of plan (by [13]).

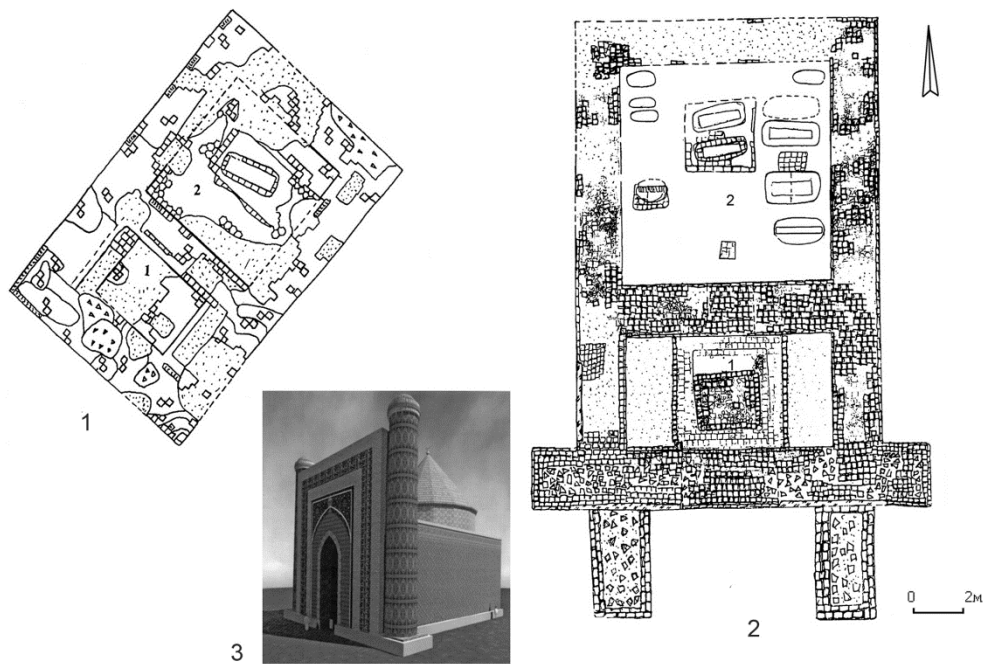


Рис. 9. Мавзолеи Жайык: 1 – Малый; 2 – Большой;
3 – вариант реконструкции Большого мавзолея (по [3]).
Fig. 9. Mausoleums of Zhaiyk: 1 – Lesser Mausoleum; 2 – Great Mausoleum;
3 – reconstruction option for the Great Mausoleum (by [3]).

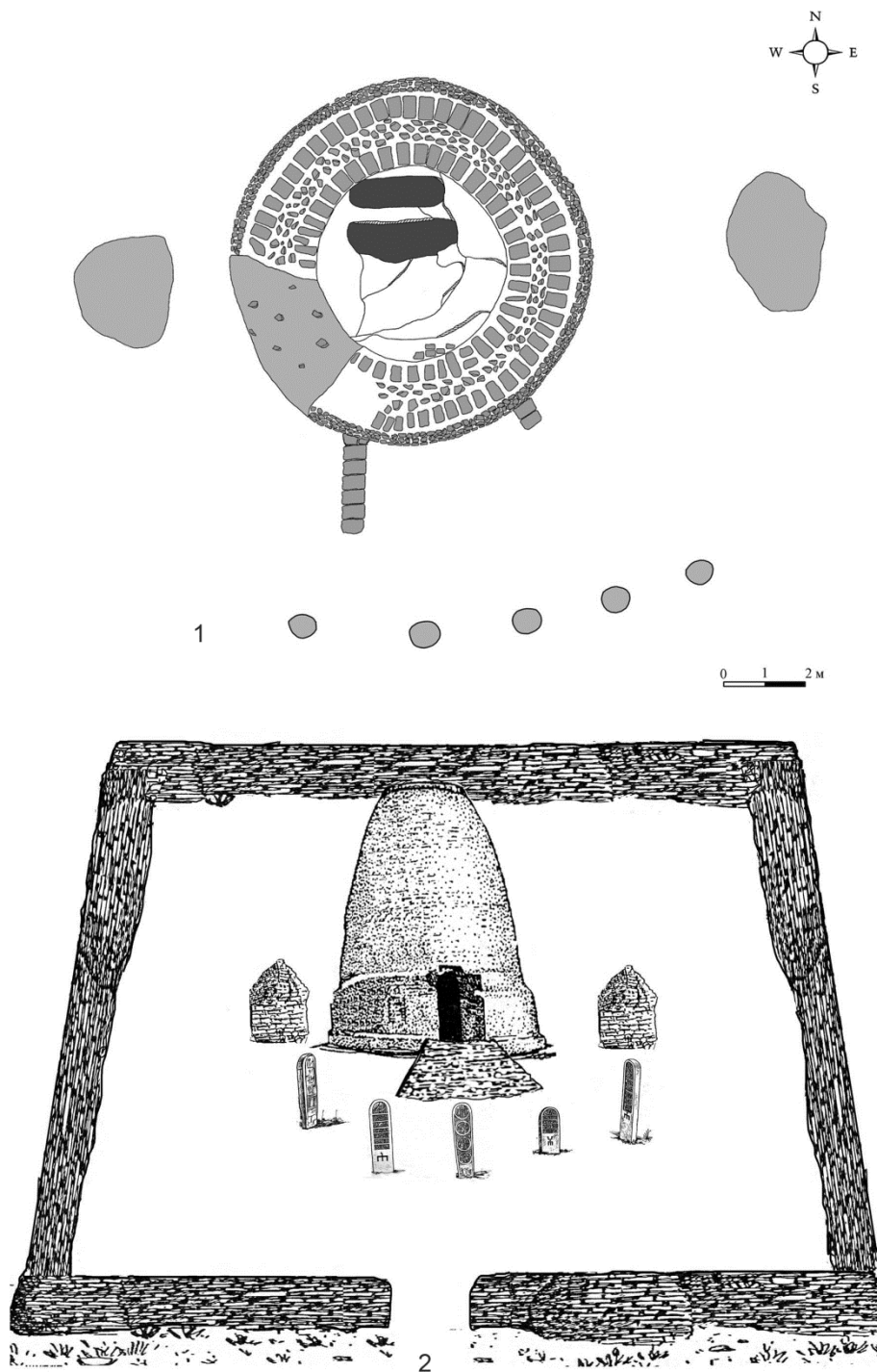


Рис. 10. Культурный комплекс на городище Жайык: 1 – план; 2 – реконструкция (по [3]).
Fig. 10. Cult complex at the Zhaiyk site: 1 – plan; 2 – reconstruction (by [3]).

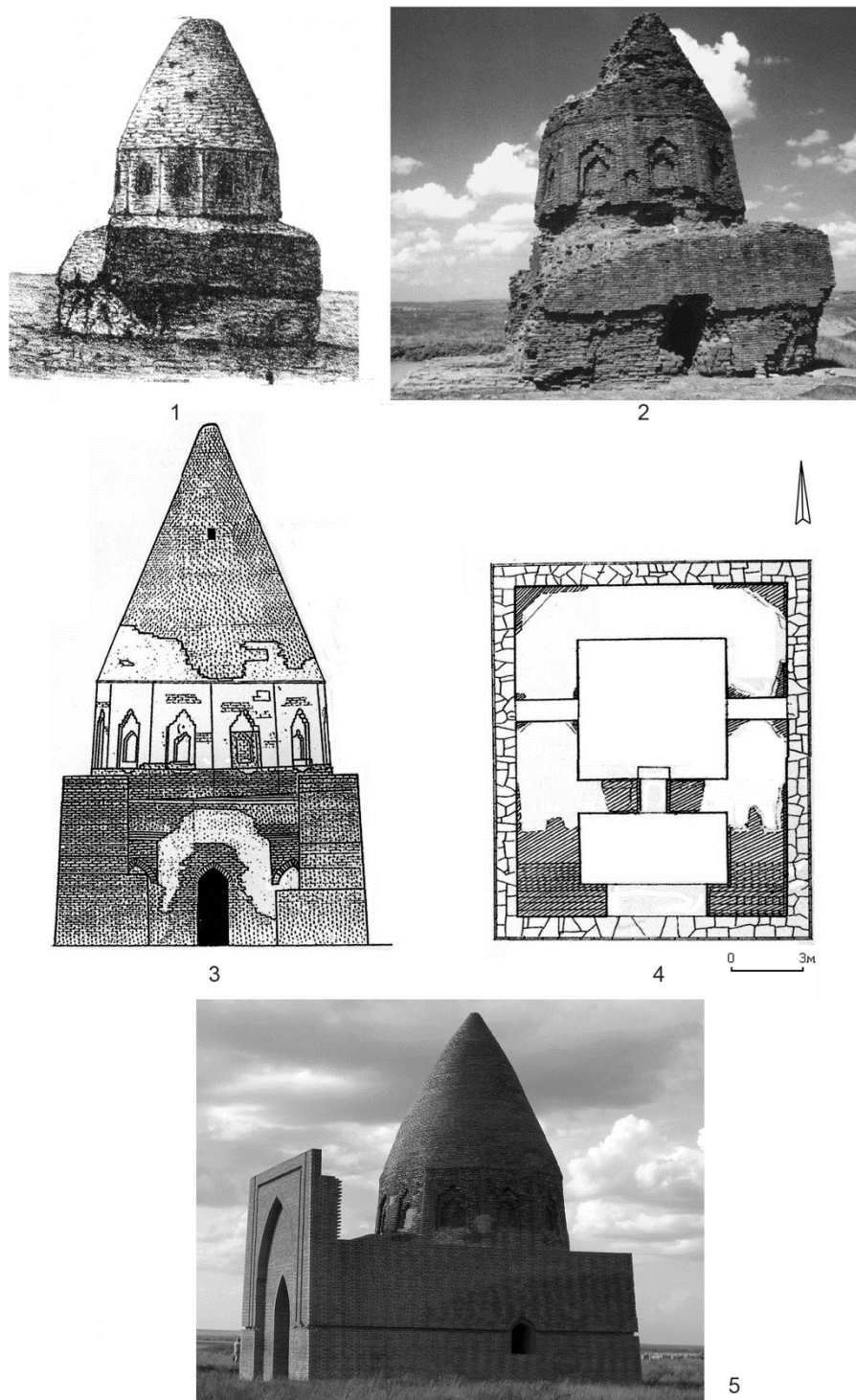


Рис. 11. Мавзолей Абат Байтак: 1 – рисунок начала XX в. [23]; 2 – фото до реставрации; 3 – графическая реконструкция; 4 – план [2]; 5 – современный вид.

Fig. 11. Mausoleum Abat Baytak: 1 – drawing from the beginning of the 20th century [23]; 2 – photo before restoration; 3 – graphic reconstruction; 4 – plan [2]; 5 – modern look.

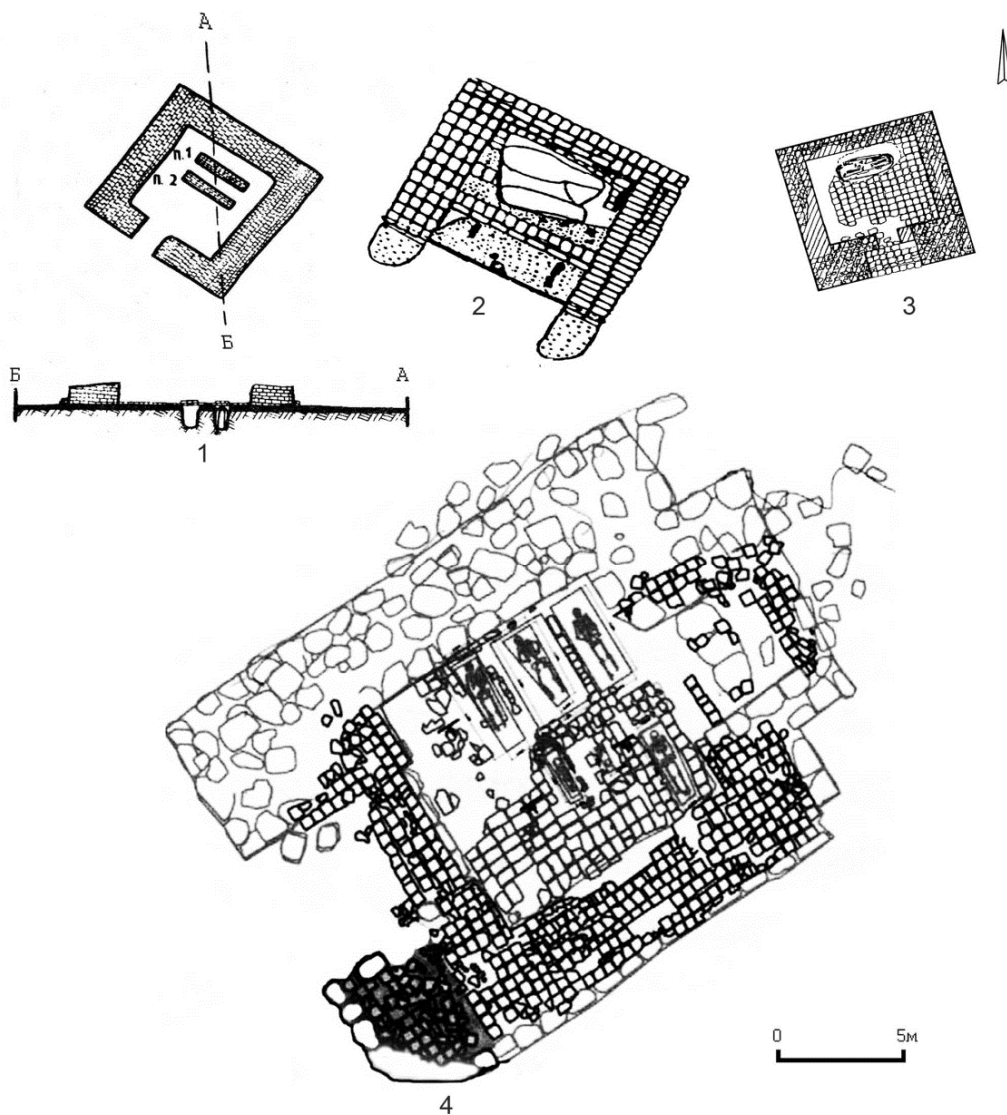


Рис. 12. Мавзолеи Центрального и Южного Казахстана: 1 – у пос. Саралжин [11];
2 – Атчергат; 3 – Домолакер [7]; Кердери 2 [5].

Fig. 12. Mausoleums of Central and Southern Kazakhstan: 1 – near the village of Saraljin [11];
2 – Atchergat; 3 – Domolaker [7]; Kerderi 2 [5].

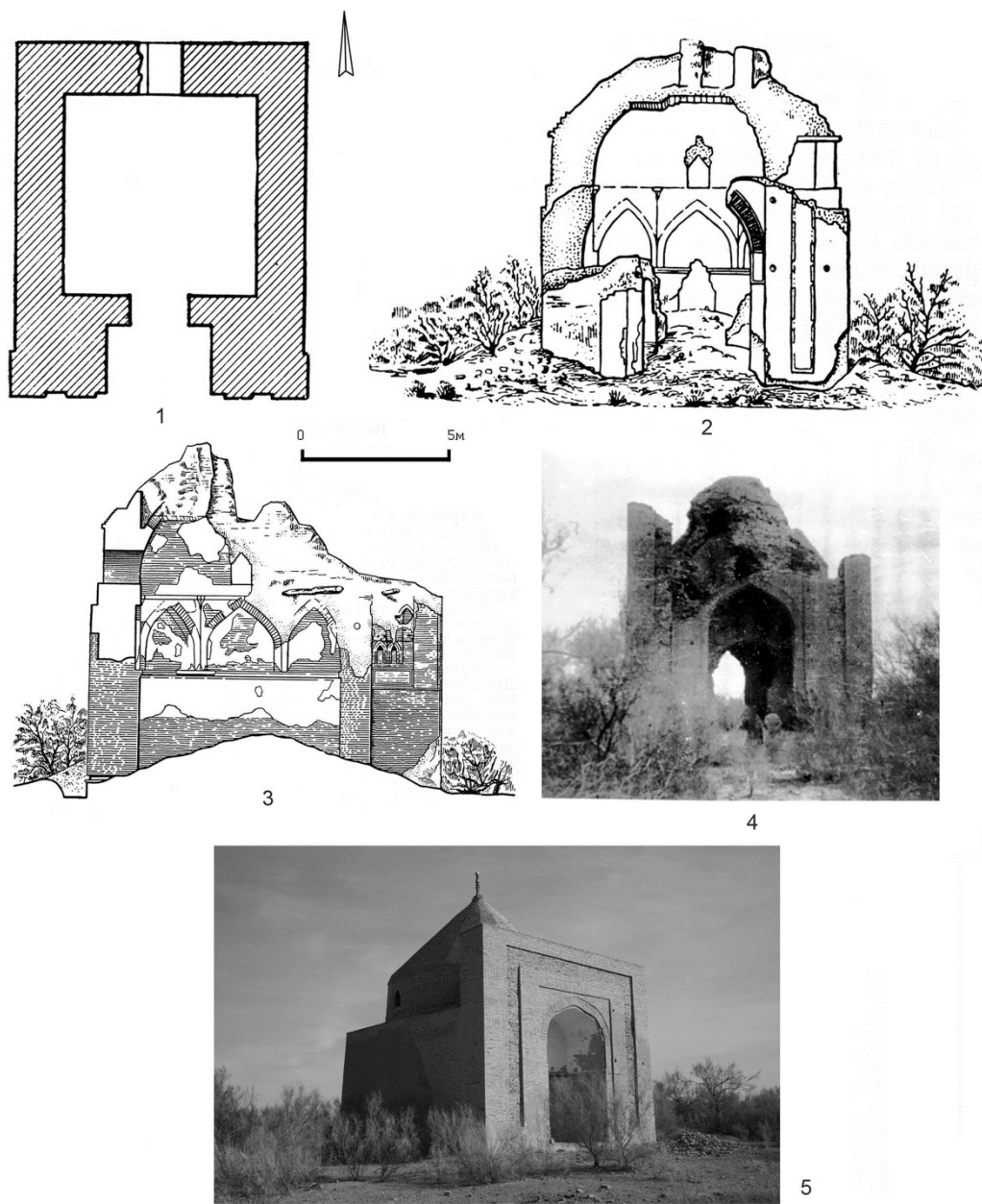


Рис. 13. Мавзолей Сарлытам Жаныдарьинский: 1 – план; 2 – фасад; 3 – разрез [38];
4 – фотография М.А. Орлова 1946 г.; 5 – современный вид.

Fig. 13. Sarlytam Zhanydarya Mausoleum: 1 – plan; 2 – facade; 3 – section [38];
4 – photograph by M.A. Orlov, 1946; 5 – modern look.

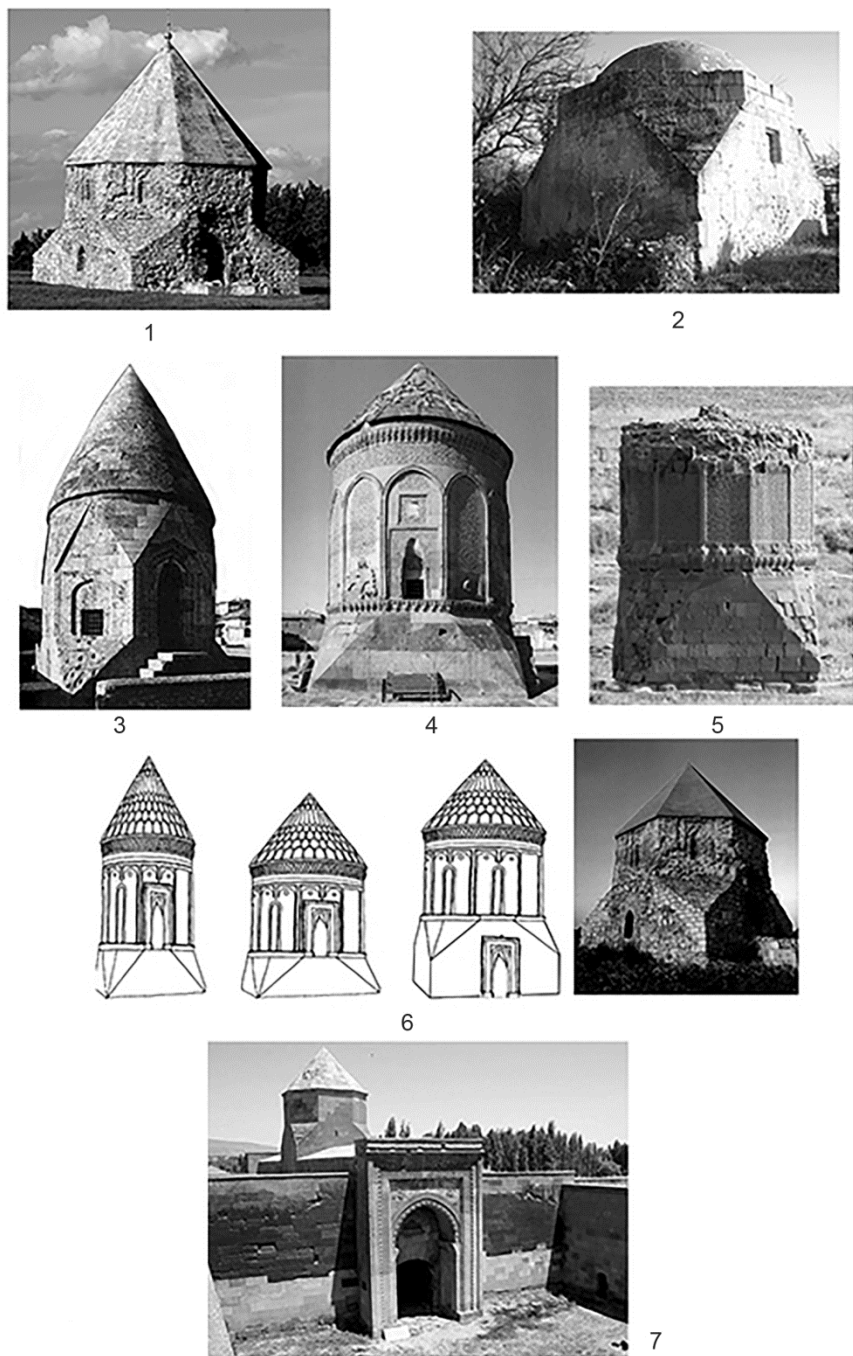
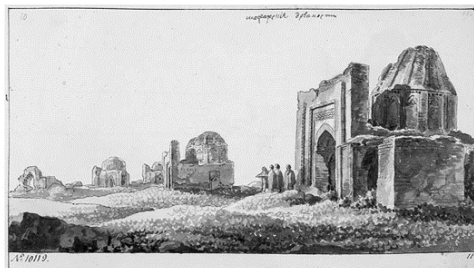


Рис. 14. Каменные мавзолеи с квадратным в плане цоколем: 1 – Восточный в Болгаре; 2 – Бей Юде-султан в Азизе; 3 – Мелик Гази в Акшехире; 4 – Дёнер Кюмбет в Кайсери; 5 – Гюлистан у с. Джуга; 6 – схема трансформации малоазийского башенного мавзолея в болгарский; 7 – караван-сарай Каратай-хана.

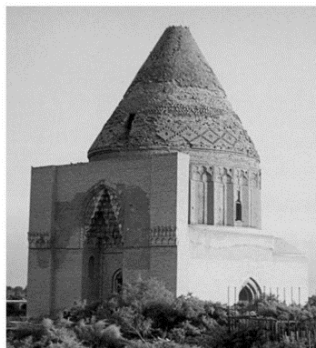
Fig. 14. Stone mausoleums with a square base in plan: 1 – Eastern in Bolgar; 2 – Bey Yude Sultan in Aziz; 3 – Melik Gazi in Aksehir; 4 – Doner Kumbet in Kayseri; 5 – Gulistan near the Juga village; 6 – diagram of the transformation of the Asia Minor tower mausoleum into the Bulgarian one; 7 – caravanserai of Karatai Khan.



1



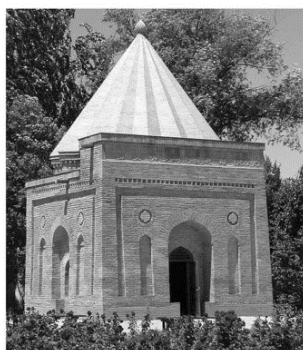
2



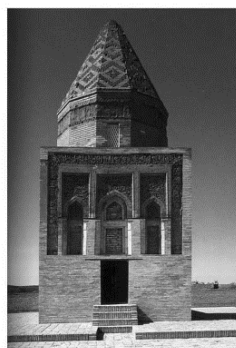
3



4



5



6

Рис. 15. Кирпичные шатровые мавзолеи: 1 – Маджар, рис. К. Гайслера;
2 – Маджар, рис. М.М. Иванова; 3 – султана Текеша в Куня-Ургенче; 4 – Манаса в
Киргизии; 5 – Бабаджа-хатун в Таразе; 6 – Фахраддина Рази в Куня-Ургенче.

Fig. 15. Brick tented mausoleums: 1 – Majar, fig. by K. Geisler; 2 – Majar, fig. by M.M. Ivanov;
3 – Sultan Tekesh in Kunya-Urgench; 4 – Manas in Kyrgyzstan; 5 – Babaja-khatun in Taraz;
6 – Fakhraddin Razi in Kunya-Urgench.

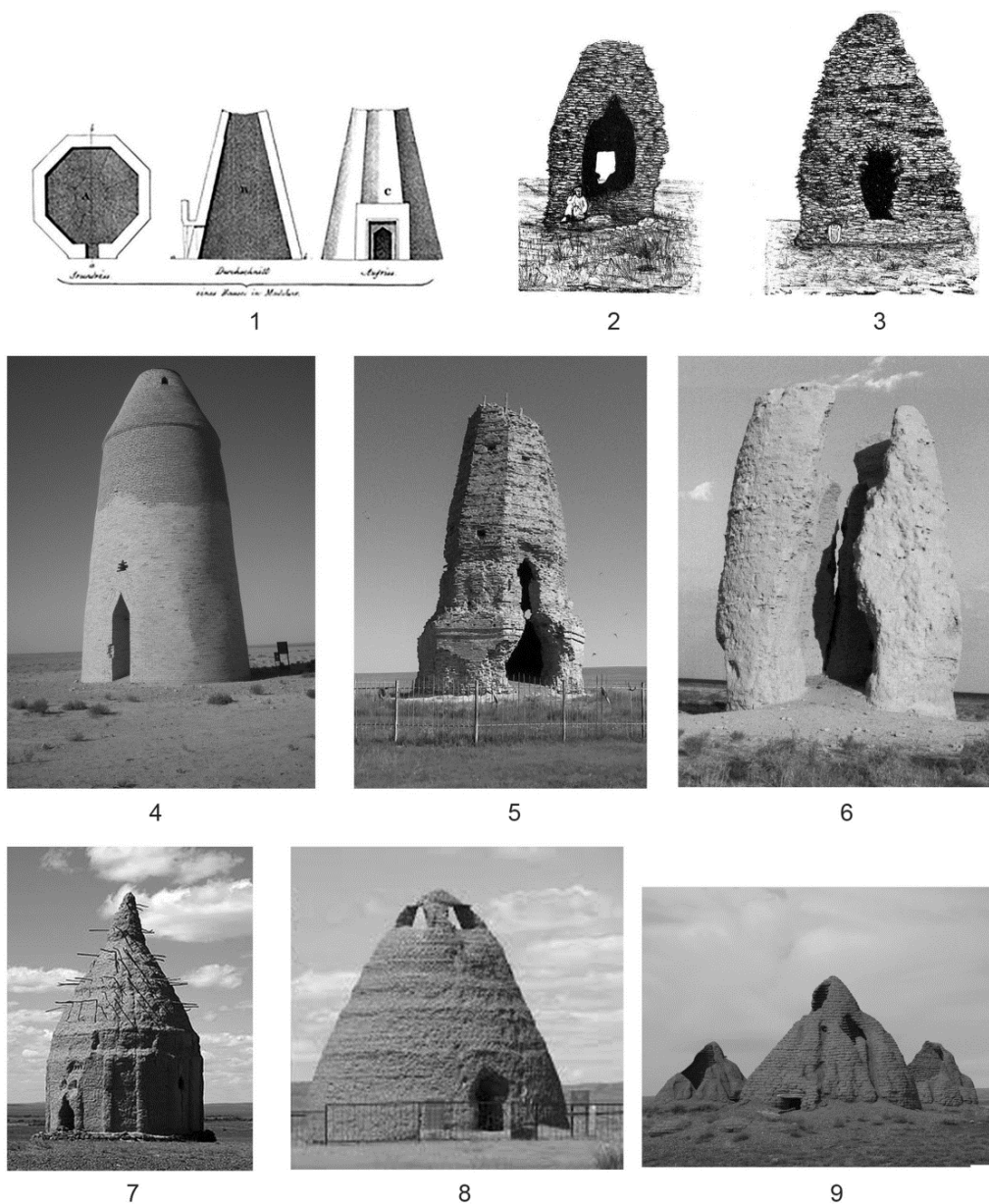


Рис. 16. Пирамидальные погребальные и поминальные постройки: 1 – в Маджаре;
 2 – Дынгек в Семиречье; 3 – Козу Корпеч в Семиречье (2-3 по [23]); 4 – Сараман-коса;
 5 – Бегим-ана; 6 – Узынтам (4-6 в низовьях Сырдарьи);
 7-9 – в некрополях Центрального, Южного и Западного Казахстана.

Fig. 16. Pyramid burial and memorial buildings: 1 – in Majar; 2 – Dyingek in Semirechye;
 3 – Kozu Korpech in Semirechye (2-3 by [23]); 4 – Saraman-kosa; 5 – Begim-ana;
 6 – Uzyntam (4-6 in the Lower Syrdarya); 7-9 – in the necropolises of Central,
 Southern and Western Kazakhstan.

Группа многокамерных мавзолеев разделена на три отдела: Г) призматические продольноосевые, Д) призматические поперечноосевые, Е) многокамерные сложного строения. В плане мавзолеи отделов Г и Д – прямоугольные и чаще всего двухкамерные. Планы многокамерных зданий сложного плана могут иметь варианты, так как они зависят от количества помещений и их взаимного расположения. Мавзолеи отдела Е могут быть в плане квадратными (3), прямоугольными (4), Т-образными (5) и в виде сложных ступенчатых многоугольников (6). В подотдел 6 входят здания-конгломераты нерегулярной планировки. Деление на типы, подтипы и виды в группе многокамерных построек основано на тех же принципах, но оно применимо преимущественно к зданиям отделов Г и Д. Постройки сложного плана (Е), особенно здания-конгломераты, состоят из различных частей, которые могут отличаться оформлением входа и формой перекрытия.

Так как архитектура Золотой Орды, впрочем, как и вся ее культура, была многокомпонентной и складывалась под влиянием различных стран и народов, необходимо также рассмотреть, какие строительные и архитектурные традиции прослеживаются в формах мавзолеев восточных районов государства. Для изучения этого вопроса большое значение имеет анализ не только архитектоники зданий, но и строительной техники, в которой они возведены, в частности использование тех или иных материалов.

Среди рассматриваемых памятников выделяются три каменных мавзолея возле поселка Чишмы в Башкирии. Стены их сложены из рваных и слегка подтесанных камней, а купола и обрамления проемов из известкового туфа. Мавзолеи Тура-хана и Хусейн-бека в его первоначальном виде относятся к типу однокамерных, с кубическим основанием, выступающим порталом и шатровым покрытием (ИВ6*S). Характерным строительным приемом является наружный переход от кубического основания к восьмигранному барабану при помощи треугольного скоса, который в литературе называется «турецким треугольником» [34, с. 145]. Для сельджукской архитектуры типичны также треугольные тромпы, служащие для перехода к куполу внутри помещения. Все эти элементы присутствуют и в мавзолеях Болгара, прежде всего, Северном и Восточном. На сходство болгарских и чишминских каменных мавзолеев указывал еще А.П. Смирнов [37, с. 90–92]. Г.Н. Гарустович также не мог не заметить сходство архитектурных форм чишминских каменных мавзолеев с мавзолеями Болгара, в связи с чем посвящает целый раздел своей книги их подробному описанию [15, с. 123–137]. Г.Н. Гарустович сравнивает архитектуру болгарских и уральских мавзолеев с порталными постройками с шатровым покрытием Средней Азии и приходит к выводу «о несомненном единстве исламского культового зодчества Средней Азии и Урало-Поволжья» [15, с. 159]. В то же время он совершенно верно отмечает, что треугольные внешние скосы (автор называет их «тромпами», что неправильно) не характерны для Средней Азии.

Исследователь рассматривает архитектурные особенности болгарских и уральских мавзолеев, во многом основываясь на работах В.В. Егерова и С.С. Айдарова. Оба архитектора также отмечают как важную деталь наличие треугольных скосов и приводят в качестве аналогий мавзолеев Гюлистан в Азербайджане и мавзолеев в Ахлате (Турция). В то же время гипотезу Б.Н. Засыпкина о связи каменного зодчества Татарстана с сельджукской Малой Ази-

ей Г.Н. Гарустович считает безосновательной [15, с. 124]. Более того, по его мнению, «мусульманские усыпальницы Азербайджана, Крыма и сельджукской Малой Азии являются локально-территориальными школами среднеазиатского мемориального зодчества» [15, с. 27]. В результате исследователь приходит к выводу о том, что «истoki зодчества болгарских мавзолеев основаны на творческой переработке армянского зодчества точно также, как конструктивные особенности мусульманских каменных усыпальниц Азербайджана, Крыма и Малой Азии» [15, с. 189].

Между тем, во всех обобщающих трудах, как зарубежных [например, 45], так и отечественных [например, 11], малоазийская архитектурная школа рассматривается как одна из самых значительных и ярких в мусульманской архитектуре. Соединив в себе элементы зодчества христианских стран Армении, Византии и Сирии (и никак не Средней Азии), архитектура Малой Азии (Анатолии) уже в сельджукское время становится достаточно самобытной и оказывает влияние на сопредельные регионы, такие как Крым и страны Закавказья. Характерным элементом сельджукской архитектуры являются треугольные скосы для перехода от куба к восьмиграннику и пирамидальные тромпы, которые можно видеть в интерьере мавзолеев Болгара. Эти весьма оригинальные приемы, а также некоторые другие детали (например, мотивы каменной резьбы) позволяют связать болгарские мавзолеи именно с малоазийской архитектурной школой. Следовательно, и чишминские каменные мавзолеи относятся к той же традиции. Если сравнить малоазийские башенные мавзолеи с квадратным основанием (рис. 14.3-5) с болгарскими (рис. 14.1), уральскими и некоторыми крымскими (мавзолей Бей Юде-султан) (рис. 14.2), то можно видеть, что у них же объемная структура, но несколько иные пропорции: нижний ярус выше, и скосы начинаются на большей высоте, а верхний, восьмигранный ярус не превышает по высоте нижний (рис. 14.6). В Малой Азии встречаются и другие постройки практически не отличимые по внешнему облику от болгарских мавзолеев, например, надстройка на крыше караван-сарая Каратай-хан возле Кайсери (рис. 14.7). Золотоордынские каменные мавзолеи отличает от анатолийских наличие выступающего портала, ширина которого уже, чем фасадная стена здания.

Об архитектуре каменного мавзолея Малый кешене ничего определенного сказать нельзя ввиду его плохой сохранности. Здание можно отнести к типу однокамерных кубических фасадных мавзолеев (IВa). Вполне возможно, что по архитектонике его можно связать с Ханской усыпальницей в Болгаре. Г.Н. Гарустович его и прочие квадратные в плане здания, не имеющие портала, называет «центрическими», что неверно [15, с. 177, 178, 196]. Центрическим можно назвать здание, все четыре фасада которого одинаковы. Чаще всего такие постройки имеют четыре входа, по одному с каждой стороны или два на одной оси. Поэтому центрической постройкой является только Черная палата в Болгаре (без поздних пристроек). Что касается Ханской усыпальницы и Малого кешене, то они имеют один вход, поэтому должны называться фасадными.

Все остальные мавзолеи восточных районов Золотой Орды возведены из кирпича. Среди них есть как однокамерные, так и двухкамерные. Архитектура зданий, которые сохранились до XIX–XX вв. хорошо известна. Это мавзолеи Кесене (Варнинский), Абат Байтак и Сарлытам Жаныдарьинский. Согласно предложенной типологии, они относятся к однокамерным постройкам

с кубическим основанием и порталом. Они отличаются от каменных мавзолеев, формой портала. Портал каменных построек – узкий, сильно выступающий, высота его не превышает высоту здания. У кирпичеых мавзолеев портал, вписан в объем здания, он опирается на массивные пилоны, толщина которых превышает толщину стен. Такой портал (пештак) имеет большую высоту и часто закрывает с фасада не только основание здания, но и барабан и часть покрытия. Внешний купол у таких мавзолеев имеет шатровую форму. К этому типу (IB6**S) относятся, судя по планиграфии и описаниям, также мавзолеи Троицкий, Бэндэбикэ, Атчергат, Домолакер, Кердери 2.

Кирпичные мавзолеи этого типа встречаются во многих регионах Золотой Орды [18, с. 100–145]. Особенно хорошо они известны в Маджаре по рисункам и гравюрам из сочинений П.С. Палласа и акварелям М.М. Иванова (15.1-2). Вообще, портал в виде пештака является своеобразной «визитной карточкой» архитектуры Среднего Востока, а шатровое покрытие получает широкое распространение в монументальном мемориальном строительстве Среднего и ближнего Востока в сельджукское время. Возникновение его связывают с влиянием тюркских народов [33с. 57–77]. Так называемые «портально-шатровые» мавзолеи известны с XII в. Г.А. Пугаченкова, считала такую композицию специфичной для Средней Азии. Ярким образцом портално-шатровых усыпальниц являются мавзолеем Текеша (XII в.) в Куня Ургенче и Гумбез Манаса (XIV в.) в Киргизии (рис. 15.3-4).

Квадратный в плане беспортальный мавзолеем у пос. Саралжин относится к типу однокамерных кубических фасадных (IВa). Реконструировать его сложно, можно лишь предполагать, что архитектура его была аналогична сходным по плану фасадным мавзолеем как Бабаджа-хатун возле Тараза и Фахреддина Рази в Куня Ургенче (рис. 15.5-6).

Два однокамерных мавзолеем в культовом комплексе Жайыка и у с. Изобильное в Оренбуржье имеют соответственно в плане круглую и восьмиугольную форму. Так как их стены сохранились на небольшую высоту, то точно определить их архитектонику невозможно. Тут могут быть два варианта: либо это башенные мавзолеем (IA1a и IA2a), либо – пирамидальные (IB1a и IB2a). Обе постройки не имеют порталов. Башенные мавзолеем возникают в Иране в самом начале XI в. и получают широкое распространение в сельджукское время в Малой Азии и Азербайджане [40, с. 80–104, 127–162; 8, с. 96–199; 46, р. 50–53; 45, р. 306–311, 540–542]. В Золотой Орде они известны в Поволжье, Приднепровье, Крыму и на Северном Кавказе, [18, с. 115–116, 123–124, 128–129, 132, 135].

Пирамидальные мавзолеем достоверно зафиксированы в Маджаре (рис. 16.1) и, возможно, в Нижнем Поволжье [18, с. 125–126]. Это архаичный тип надгробных сооружений, которые были распространены в Фергане, Семиречье, Центральном, Юго-Западном и Западном Казахстане (рис. 16.2-3). Г.А. Пугаченкова предполагала, что форма пирамидальных мавзолеев, возникших у кочевых и полукочевых тюрков, восходит к курганам и курганообразным надмогильным сооружениям [33, с. 57–77]. По ее мнению, развитие пирамидальных построек и соединение их типом среднеазиатского минарета привело к формированию архитектурного образа башнеобразного мавзолеем с шатровым перекрытием [33, с. 69–74]. Подобные постройки, а именно башни Бегим-ана (Бегим-мунара), Узынтам и Сараман-коса сохранились в Низовьях

Сырдарьи (рис. 16.4-6). Возникновение пирамидальных поминальных памятников исследователи датируют IX–XII вв. и связывают с древними тюрками [26]. Башенные памятники тюрков в дальнейшем трансформируются в мусульманские мавзолеи. Пирамидальные и конические мавзолеи (рис. 16.7-9), относящиеся к XIX – началу XX в., встречаются на современных кладбищах в различных частях Казахстана [1, с. 222–223]. Мавзолеи в Изобильном и Жайыке, учитывая их расположение, логично связывать с именно с казахстанскими пирамидальными и башенными постройками, а не с башенными мавзолеями Малой Азии и Азербайджана.

Более сложную планировку имеют мавзолеи у пос. Тептяри и Большой и Малый мавзолеи Жайыка. Это прямоугольные в плане постройки из кирпича, состоящие из двух разновеликих помещений – квадратной усыпальницы (гурханэ) и небольшого тамбурного помещения, которое обычно трактуется, как комната для оплакивания (зиярат-ханэ). Все они относятся к группе многокамерных мавзолеев, отделу призматических продольноосевых. Две постройки – Тептяри № 1 и Большой мавзолеев в Жайыке – имеют массивный портал (пештак), вписанный в объем здания (ШГ46**), остальные, скорее всего, фасадные (ШГ4а). Прямоугольное помещение в таких зданиях возникает в результате возведения сплошной стены между пилонами портала и «закрывания» входного айвана. Стены этого помещения обычно не отличаются большой толщиной, поэтому такие здания не имеют высокого портала и являются фасадными. Стремление сделать акцент на фасадную часть привело к возникновению построек такого же плана, но с входом, оформленным пештаком. Мавзолеи подобной планировки известны в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе [18, с. 119–120, 128]. За пределами Золотой Орды данный тип планировки не имеет прямых аналогий, что говорит о том, что он является местной, золотоордынской формой.

Заключение

Подводя итог, можно отметить, что в восточных регионах Золотой Орды наблюдается значительное разнообразие типов мемориальных построек. Среди них выделяются каменные здания, в архитектурных приемах и строительной технике которых можно выделить закавказско-малоазийские черты. Сельджукское влияние на архитектуру и строительство Приуралья было непосредственным, а опосредованным – через Болгар. Если мавзолеи Болгара представляют собой явное, но несколько огрубленное, со смещением пропорций, подражание сельджукским мавзолеям Анатолии, то чишминские каменные мавзолеи являются несколько огрубленной репликой болгарских.

Остальные мемориальные здания, построены из кирпича. Наиболее распространенной формой среди них являются постройки с кубическим основанием, шатровым куполом на барабане и массивным порталом, вписанным в объем здания. Этот тип мавзолеев находит прямые аналогии в мемориальном зодчестве Средней Азии, в частности Хорезма.

Восьмигранные и круглые в плане мавзолеи, скорее всего, аналогичны архаичным пирамидальным постройкам и башням с шатровым завершением, форму которых исследователи выводят из поминальных памятников тюрков.

В восточных районах Золотой Орды исследовано также несколько продольноосевых двухкамерных мавзолеев. Форма их возникает в результате

«закрывания» проема портала и превращения порталного айвана в отдельное помещение. Таким образом порталные здания превращаются в фасадные. В некоторых случаях к передней стене пристраивался пештак, который превращал двухкамерные продольноосевые постройки в порталные. Двухкамерные мавзолеи, состоящие из гур-ханэ и зиярат-ханэ, встречаются в Средней Азии достаточно часто. Тем не менее, между среднеазиатскими и золотоордынскими мавзолеями есть существенное различие. В первых зиярат-ханэ больше гур-ханэ или равна ей по площади, а в Золотой Орде она небольшая, в виде тамбура. Суфы, которые часто делают вдоль стен в этом помещении вдоль еще больше сближает зиярат-ханэ с тамбурными помещениями жилых домов. Для Средней Азии и Ирана, как верно отмечал В.Л. Егоров, такой тип планировки неизвестен в [16, с. 88]. Поэтому логично предположить, что он является местной, золотоордынской модификацией двухкамерных мавзолеев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ажигали С.Е. Архитектура кочевников. Феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы: НИЦ «Гылым», 2002. 652 с.
2. Ажигали С.Е., Турганбаева Л.Р. Абат Байтак – жемчужина Казахской степи. Алматы, 2004. 32 с.
3. Байпаков К.М., Смағұлов Е.А., Ахатов Ф.А. Ортағасалық Жайық қала жұрты. Средневековое городище Жайык. The Medieval Jaiyk Site. Алматы: «Credo», 2005. 221 с.
4. Байпаков К.М., Воякин Д.А., Айдосов А.Х., Нургазаринов А., Баштанник С., Сорокин Д. Археологические исследования памятников на дне Аральского моря // Археологиялық зерттеулер жайлы есеп. Отчет об археологических исследованиях. Алматы, 2008.
5. Байпаков К.М., Воякин Д.А., Долгушев А.С., Фофонов К.А., Кудобаев Ч.А., Амиров Е.Ш., Сорокин Д.В. Краткий отчет о полевых работах ЮККАЭ в 2008 г. на поселении Арал-Асар, в мавзолее Кердери 2 // Археологиялық зерттеулер жайлы есеп. Отчет об археологических исследованиях. Алматы, 2009.
6. Боталов С.Г., Маламуд Г.Я. Погребальный комплекс Кесене // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2001. № 3. С. 162–168.
7. Боталов С.Г., Гарустович Г.Н., Яминов А.Ф. Новые материалы по мавзолеям Зауралья и Центрального Казахстана // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии Башкортостана. Вып. 1. Уфа: НПЦ ОПИК, 1995. С. 148–165.
8. Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII–XV вв. и его место в архитектуре Переднего востока. М.: Искусство, 1966. 785 с.
9. Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде. Археолого-статистическое исследование. Астрахань: Изд. Дом «Астраханский университет», 2009. 178 с.
10. Вельяминов-Зернов В.В. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии // ЗРАО, Т. XIII. СПб., 1859.
11. Всеобщая история архитектуры / ред. А.М.Прибыткова. Т. 8. М.: Стройиздат, 1969. 510 с.
12. Гарустович Г.Н. Могильник Саралжин I (к вопросу об исламизации Джучиева Улуса) // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 86–90.
13. Гарустович Г.Н. Погребения в каменных мавзолеях Башкирского Приуралья // Наследие веков. Вып. 1. Уфа, 1995.

14. Гарустович Г.Н., Турецкий М.А. Новый тип мусульманских мавзолеев золотоордынского времени на Южном Урале // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. 2–6 октября 2011 г. Казань, Астрахань, 2011. С. 153–160.
15. Гарустович Г.Н., Нечвалода А.И. Средневековые каменные мавзолеи Башкортостана (история, археология, биоантропология). Уфа: Китаб, 2020. 400 с.
16. Егоров В.Л. Мавзолеи Водянского городища // Советская археология, 1980. № 1. С. 74–89.
17. Загребин С.И. Мавзолей Кесене // Рифей. Челябинск, 1989.
18. Зиливинская Э. Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культовое зодчество. Москва-Казань: «Отечество», 2014. 448 с.
19. Зиливинская Э. Архитектура Золотой Орды. Часть II. Гражданское зодчество. М.-Казань, 2014. 354 с.
20. Зиливинская Э.Д., Калменов М.Д., Сдыков М.Н. Культовый комплекс XIV в. на городище Жайык в Западном Казахстане // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 271–279.
21. Иванов В.А. Откуда ты, мой предок? (Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала). СПб.: ТОО «Грань – УНЦ РАН, 1994. 124 с.
22. Калимуллин Б.Г. Архитектурные памятники Башкирии, вып. 1. Уфа., 1956.
23. Кастанье И.А. Развалины Болгасын и Челкарская степь // Труды ОУАК, вып. XIX. Оренбург, 1907. С. 253–256.
24. Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды ОУАК. Вып. XXII. Оренбург, 1910. 332 с.
25. Кастанье И.А. Надгробные сооружения Киргизских степей // Труды ОУАК. Вып. XXVI. Оренбург, 1911. 130 с.
26. Кожа М. Монументальные древнетюркские сооружения Казахстана // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Алматы-Актобе, 2011. С. 259–264.
27. Мажитов Н.А., Яминов А.Ф. Раннемусульманские надгробные памятники-мавзолеи Башкирии золотоордынского времени // Башкирский край и его народы. Уфа, 1990. С. 184–185.
28. Мендикулов М. Некоторые данные об истории архитектуры Казахстана // Известия АН Каз. ССР, № 80. Вып. 2. Алма-Ата, 1950. С. 10–28.
29. Павловский П. Мечеть Хуссейн-бека // Москвитянин. № 3, ч. II. М., 1843.
30. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи в 1768–1769 гг. Ч. 1. СПб., 1908. 272 с.
31. Петри Э.Ю. Раскопки в Оренбургской губернии в Тургайской области // Труды ОАК за 1889. СПб., 1892.
32. Попов С.А. Тайны пятимаров: очерки по древней и средневековой истории Оренбургских степей. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1971. 191 с.
33. Пугаченкова Г.А. К проблеме возникновения шатровых мавзолеев Хорасана // Труды ЮТАКЭ. Вып. 1 (ред. М.Е. Массон). Ашхабад, 1949. С. 57–77.
34. Райс Т.Т. Сельджуки. Кочевники – завоеватели Малой Азии. М.: Центрполиграф, 2004. 238 с.
35. Рычков П. Топография оренбургская. Ч. II. Оренбург, 1762. 262 с.
36. Сальников К.В. Древние памятники Урала. Свердловск: Свердловское обл. гос. изд-во, 1952. 160 с.
37. Смирнов А.П. Железный век Башкирии // МИА. № 58. М.-Л., 1957. С. 5–113.
38. Стоколос В.С. Археологические исследования Челябинского областного музея // Вопросы археологии Урала. Вып. 2. Свердловск, 1962. С. 21–27.
39. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва: Изд-во вост. лит., 1962. 324 с.

40. Уссейнов М.А., Бретаницкий Л.С., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М.: Гос. Изд. По строительству, архитектуре и строительным материалам, 1963. 396 с.
41. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во Московского университета, 1994. 230 с.
42. Юматов В.С. Древние памятники на земле башкирцев Чубилинской волости // Оренбургские губернские ведомости. № 5. 1848.
43. Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 165 с.
44. Яблонский Л.Т. Типы погребального обряда на мусульманских городских некрополях Золотой Орды // Вестник МГУ. Серия IX история. 1975. № 2. С. 75–84.
45. Hillenbrand R. Islamic Architecture. New-York: Columbia University Press, 1994. 645 p.
46. Stierlin H. Turkey from the Selçuks to the Ottomans. Köln: Tashen, 1998. 238 p.

REFERENCES

1. Azhigali S.E. Nomadic architecture. The Phenomenon of the History and Culture of Eurasia (Monuments of the Aral-Caspian region). Almaty: NIC «Fylym», 2002. 652 p. (In Russian)
2. Azhigali S.E., Turganbaeva L.R. Abat Baitak – the pearl of the Kazakh steppe. Almaty, 2004. 32 p. (In Russian)
3. Baypakov K.M., Smagulov E.A., Akhatov G.A. The Medieval Jayik Site. Almaty: «Credo», 2005, 220 p. (In Russian)
4. Baypakov K.M., Voyakin D.A., Aydosov A.H., Nurgazarinov A., Bashtannik S., Sorokin D. Archaeological research of monuments at the bottom of the Aral Sea. *Archaeological Research Report*. Almaty, 2008. (In Russian)
5. Baypakov K.M., Voyakin D.A., Dolgushev A.S., Fofonov K.A., Kudabaev Ch.A., Amirov E.Sh., Sorokin D.V. Brief report on the fieldwork of the SKKAE in 2008 at the Aral-Asar settlement, in the Kerderi 2 mausoleum. *Archaeological Research Report*. Almaty, 2009. (In Russian)
6. Botalov S.G., Malamud G.Ya. Funerary complex of Kesene. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik = Ufa Archaeological Bulletin*. Ufa, 2001, no 3, pp. 162–168. (In Russian)
7. Botalov S.G., Garustovich G.N., Yaminov A.F. New materials on the mausoleums of Trans-Urals and Central Kazakhstan. *Heritage of centuries. Protection and study of archeological monuments of Bashkortostan*, Vol. 1. Ufa: NPC OPIK, 1995, pp. 148–165. (In Russian)
8. Bretanickiy L.S. Architecture of Azerbaijan in 12th–15th centuries and its place in the architecture of the Middle East. Moscow: Iskusstvo, 1966. 785 p. (In Russian)
9. Vasil'ev D.V. Islamization and funeral rites in the Golden Horde. Archaeological and statistical research. Astrahan: Astrahanskiy universitet Publ., 2009. 178 p. (In Russian)
10. Vel'yaminov-Zernov V.V. Monument with Arabic-Tatar inscription in Bashkiria. *Notes of the Russian Archaeological Society*, vol. XIII. St. Petersburg, 1859. (In Russian)
11. General history of architecture. Ed. by A.M.Pribytkova. Vol. 8. Moscow: Stroyizdat, 1969. 510 p. (In Russian)
12. Garustovich G.N. Urial ground of Saralzhin I (on the issue of Islamization of Dzhuchiev Ulus). *New in medieval archeology of Eurasia*. Samara, 1993, pp. 86–90. (In Russian)
13. Garustovich G.N. Urals in stone mausoleums of the Bashkir Urals. *Nasledie vekov = Heritage of centuries*, Iss. 1. Ufa, 1995. (In Russian)

14. Garustovich G.N., Tureckiy M.A. A new type of Muslim Mausoleums of the Golden Horde period in the Southern Urals. *Dialogue of urban and steppe cultures in the Eurasian space. Materials of the V International Conference dedicated to the memory of G.A. Fedorov-Davydov. October 2–6, 2011.* Kazan: Astrahan, 2011, pp. 153–160. (In Russian)
15. Garustovich G.N., Nechvaloda A.I. Medieval stone mausoleums of Bashkortostan (history, archeology, bioanthropology). Ufa: Kitab, 2020. 400p. (In Russian)
16. Egorov V.L. Mausoleums of the Vodyanskoye settlement. *Sovetskaya arheologiya = Soviet archeology*, 1980, no 1, pp. 74–89. (In Russian)
17. Zagrebin S.I. Mavzoley Kesene. *Rifey* [Rifey]. Chelyabinsk, 1989. (In Russian)
18. Zilivinskaya E. Architecture of the Golden Horde. Part I. Religious architecture. Moscow-Kazan: «Otechestvo», 2014. 448 p. (In Russian)
19. Zilivinskaya E.D. Architecture of the Golden Horde. Part II. Civil architecture. Kazan: USSR Academy of Sciences Publ., Moscow-Kazan: «Otechestvo», 2014. 354 p. (In Russian)
20. Zilivinskaya E.D., Kalmenov M.D., Sdykov M.N. Religious complex of the 14th century. at the site of Zhaiyk in Western Kazakhstan. *Golden Horde civilization*. 2016, no. 9, pp. 271–279. (In Russian)
21. Ivanov V.A. Where are you from, my ancestor? (An archaeologist's view of the ancient history of the Southern Urals). St. Petersburg: TOO «Gran' – UNC RAN, 1994. 124 p. (In Russian)
22. Kalimullin B.G. Architectural monuments of Bashkiria, Iss. 1. Ufa., 1956. (In Russian)
23. Kastan'e I.A. The ruins of Bolgasyn and the Chelkar steppe. *Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission*. Vol. XIX. Orenburg, 1907, pp. 253–256. (In Russian)
24. Kastan'e I.A. Antiquities of the Kyrgyz steppe and Orenburg region. *Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission*. Vol. XXII. Orenburg, 1910. 332 p. (In Russian)
25. Kastan'e I.A. Tombstones of the Kyrgyz steppes. *Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission*. Vol. XXVI. Orenburg, 1911. 130 p. (In Russian)
26. Kozha M. Monumental ancient Turkic structures of Kazakhstan. *Aral-Caspian region in the history and culture of Eurasia*. Almaty-Aktobe, 2011, pp. 259–264. (In Russian)
27. Mazhitov N.A., Yaminov A.F. Early Muslim tombstones-mausoleums of Bashkiria during the Golden Horde period. *Bashkir region and its peoples*. Ufa, 1990, pp. 184–185. (In Russian)
28. Mendikulov M. Some information about the history of architecture in Kazakhstan. *Izvestiya AN Kaz. SSR = News of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR*, no. 80, iss. 2. Alma-Ata, 1950, pp. 10–28. (In Russian)
29. Pavlovskiy P. Husein-bek Mosque. *Moskvityanin = Moskvitian*, no. 3, part II. Moscow, 1843. (In Russian)
30. Pallas P.S. Travel through different provinces of the Russian Empire in 1768–1769. P. 1. St. Petersburg, 1908. 272 p. (In Russian)
31. Petri E.Yu. Excavations in the Orenburg province in the Turgai region. *Proceedings of the Orenburg Archival Commission for 1889*. St. Petersburg, 1892. (In Russian)
32. Popov S.A. Secrets of the Pyatimars: Essays on the Ancient and Medieval History of the Orenburg steppes. Chelyabinsk: Yuzh.-Ural. Knizhnoe izdatel'stvo, 1971. 191 p. (In Russian)
33. Pugachenkova G.A. On the problem of the emergence of tented mausoleums in Khorasan. *Proceedings of the South-Turkmenistan archaeological complex expedition*, vol. 1 (Ed. M.E. Masson)]. Ashkhabad, 1949, pp. 57–77. (In Russian)
34. Rays T.T. Nomads – the conquerors of Asia Minor. Moscow: Centrpoligraf, 2004. 238 p. (In Russian)

35. Rychkov P. Orenburg topography. Part II. Orenburg, 1762. 262 p. (In Russian)
36. Sal'nikov K.V. Ancient monuments of the Urals. Sverdlovsk: Sverdlovskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1952. 160 p. (In Russian)
37. Smirnov A.P. Iron Age of Bashkiria. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR = Materials and research on the archeology of the USSR*. No. 58. Moscow-Leningrad, 1957, pp. 5–113. (In Russian)
38. Stokolos V.S. Archaeological research of the Chelyabinsk Regional Museum. *Questions of archeology of the Urals*, Iss. 2. Sverdlovsk, 1962, pp. 21–27. (In Russian)
39. Tolstov S.P. Along the ancient deltas of Oxus and Jaxartes. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1962. 324 p. (In Russian)
40. Usseyinov M.A., Bretanickiy L.S., Salamazade A. History of architecture of Azerbaijan. Moscow: Gos. Izd. po stroitel'stvu, arhitekture i stroitel'nym materialam, 1963. 396 p. (In Russian)
41. Fedorov-Davydov G.A. Golden Horde cities of the Volga region. Moscow: Moscow University Publ., 1994. 230 p. (In Russian)
42. Yumatov V.S. Ancient monuments in the land of the Bashkirs of the Chubilinsky volost. *Orenburgskie gubernskie vedomosti = Orenburg Provincial Gazette*, no. 5, 1848. (In Russian)
43. Yusupov G.V. Introduction to Bulgar-Tatar epigraphy. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1960. 165 p. (In Russian)
44. Yablonskiy L.T. Types of funeral rites at Muslim urban necropolises of the Golden Horde. *Vestnik MGU. Seriya IX istoriya = Bulletin of Moscow State University. Series IX history*, 1975, no. 2, pp. 75–84. (In Russian)
45. Hillenbrand R. Islamic Architecture. New-York: Columbia University Press, 1994. 645 p.
46. Stierlin H. Turkey from the Selçuks to the Ottomans. Köln: Tashen, 1998. 238 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Эмма Давидовна Зиливинская – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук (119334, Ленинский проспект, 32а, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3485-0359, Researcher ID: G-4161-2018. E-mail: eziliv@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Emma D. Zilivinskaya – Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (32a, Leninsky Avenue, Moscow 119334, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3485-0359, ResearcherID: G-4161-2018. E-mail: eziliv@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 13.01.2024
Поступила после рецензирования / Revised 02.03.2024
Принята к публикации / Accepted 04.03.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.125-139>
EDN: LJHIWE

УДК 72.03

**О СРЕДНЕВЕКОВОЙ БУЛГАРО-ТАТАРСКОЙ
АРХИТЕКТУРНОЙ ТРАДИЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ МАВЗОЛЕЕВ)**

Г.Ф. Валеева-Сулейманова

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
valeeva_art@mail.ru*

Резюме. Цель исследования: дополнить существующие научно-обоснованные нарративы о происхождении каменных мавзолеев Булгарского улуса Золотой Орды.

Материалы исследования: на территории Волго-Уралья, в той или иной степени сохранности, до нас дошли средневековые мавзолеи г. Болгара (Ханская усыпальница, Восточный и Северный мавзолеи) и находящиеся на территории Чишминского района Башкортостана мавзолеи Кэшэнэ (в настоящее время называемый мавзолеем Тура-хана) и Хусейн-бека. Источниками для анализа послужили архитектура и приемы строительства, чертежи планов и разрезов зданий, материалы археологических раскопок описания научных экспедиций XIX в.

Результаты и научная новизна: достоверным и значимым источником в исследовании предстает архитектура золотоордынских мавзолеев на территории г. Болгара и периферии государства ныне на территории Чишминского района Башкортостана. Выявляются специфические черты архитектурного облика зданий мавзолеев, влияния региональных школ мусульманского монументального зодчества. Сравнительные аналогии архитектуры зданий позволили очертить проблему происхождения чишминских мавзолеев и сделать вывод об общности стиля болгарской золотоордынской архитектуры на обширной территории Волго-Уралья.

Ключевые слова: архитектура, монументальное зодчество, строительный материал, конструктивные особенности, объемно-планировочное решение, «мамлюкский срез», айван, портал

Для цитирования: Валеева-Сулейманова Г.Ф. О средневековой болгаро-татарской архитектурной традиции (на примере золотоордынских мавзолеев) // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 125–139. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.125-139> EDN: LJHIWE

© Валеева-Сулейманова Г.Ф., 2024



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

ABOUT THE MEDIEVAL BULGAR-TATAR ARCHITECTURAL TRADITION (IN THE CASE OF GOLDEN HORDE MAUSOLEUMS)

G.F. Valeeva-Suleimanova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
valeeva_art@mail.ru*

Abstract. Research objectives: The purpose of the article is to complement the existing scientifically based narratives about the origin of the stone mausoleums in the Bulgar ulus of the Golden Horde.

Research materials: In the territory of the Volga-Ural region, to varying degrees of preservation, we have the medieval mausoleums in the city of Bolgar (Khan's tomb, Eastern and Northern mausoleums). Located in the territory of the Chishminsky district of Bashkortostan, we have the Keshene mausoleum (currently called the Tura Khan mausoleum) and mausoleum of Husain Bek. The sources for this analysis were architecture and construction techniques, drawings of plans and sections of buildings, materials from archaeological excavations, and descriptions from scientific expeditions of the 19th century.

Research results and scientific novelty: A reliable and significant source in the study is the architecture of the Golden Horde mausoleums in the territory of the city of Bolgar and the periphery of the state that is now the territory of the Chishminsky district of Bashkortostan. The specific features of the architectural appearance of the mausoleum buildings and the influence of regional schools of Muslim monumental architecture are revealed. Comparative analogies of the architecture of buildings make it possible to outline the problem of the origin of the Chishma mausoleums and draw a conclusion about the common style and traditions of Bulgarian Golden Horde architecture over the vast territory of the Volga-Ural region.

Keywords: architecture, monumental architecture, building material, design features, space-planning solution, "Mamluk section", ivan, portal, vaulted and pyramidal tromp, dome, vault

For citation: Valeeva-Suleimanova G.F. About the Medieval Bulgar-Tatar Architectural Tradition (in the case of Golden Horde Mausoleums). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 1, pp. 125–139. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.125-139> (In Russian)

На территории Волго-Уралья, в той или иной степени сохранности, до нас дошли средневековые мавзолеи г. Болгара (Ханская усыпальница, Восточный и Северный мавзолеи) и находящиеся на территории Чишминского района Башкортостана мавзолеи Кэшэнэ (в настоящее время называемый мавзолеем Тура-хана) и Хусейн-бека. Постройки Чишминских мавзолеев очерчивают северо-восточные границы Булгарского улуса Золотой Орды; они находятся на территории левобережья реки Демы в бассейне рек Ик и Белой.

Мавзолеи города Болгара достаточно хорошо изучены и не вызывают научных споров с точки зрения их принадлежности к золотоордынскому наследию как в археологическом, так и в архитектурном отношении [1; 3; 6; 10; 11; 12; 19; 20; 21; 23]. В отличие от чишминских мавзолеев, которые стали в последнее время объектами тенденциозного к ним подхода и возникающих по этому поводу дискуссий.

Цель данной статьи – раскрыть специфику архитектуры мавзолеев, поддерживающую их датировку и происхождение, ввести в научный оборот некоторые новые данные, подкрепляющие позиции изучавших их исследователей.

Проблема происхождения чишминских мавзолеев и их архитектуры получила актуальность в наши дни вследствие обозначившейся среди отдельных исследователей попытки отнесения их к кочевой культуре «башкирской» степи. Данная позиция появилась в противовес более чем полувековым исследованиям нескольких поколений российских учёных, отнесших данные мавзолеи к болгаро-татарской архитектурной традиции, к кругу памятников Золотой Орды.

Основная цель статьи – на основе данных, опирающихся на исследования архитектуры мавзолеев и их историко-культурный фон, отражающий пути формирования болгаро-татарской традиции монументального зодчества, дополнить существующие научно-объективные нарративы об их происхождении. Актуальность работы обусловлена тем, что в новых, искусственно созданных, научных реалиях, достоверным и значимым источником предстаёт архитектура, ее сравнительные аналогии с мавзолеями, построенными городским населением золотоордынского г.Болгара. Ставятся задачи соотнесения используемых для строительства материалов, способов возведения зданий, выявления общности объёмно-планировочных решений, инженерных конструкций и образно-стилевого подобию. Сопутствующими архитектуре источниками в решении обозначенной проблемы являются также опубликованные в последнее десятилетие труды ряда археологов, которые на основе современных методов изучения позволяют уточнить полученные результаты. Надо заметить, что вопрос датировки чишминских мавзолеев не вызывает серьёзных научных споров, поскольку она была принята преобладающим большинством советских и российских ученых, изучавших мавзолеи с середины прошлого века, и обоснованно закреплена XIV веком. При этом не только, исходя из сходства чишминских мавзолеев с архитектурой зданий г.Болгара, но и благодаря исследованиям, выявленных в мавзолеях погребений и сохранившихся эпитафий как внутри мавзолея Хусейн-бека, так и на близлежащей к нему территории кладбища.

Следует сразу отметить, что библиография трудов ученых по истории изучения и описаниям рассматриваемых нами мавзолеев подробно приведена уфимским археологом Г.Гарустовичем [11], приложившим усилия к их комплексному изучению.

В данной статье основное внимание сосредоточено на источниках, представляющих ценность с точки зрения архитектурного аспекта выбранной нами проблематики. Во-первых, к ним относятся документальные свидетельства о наиболее ранних постройках мавзолеев, заставших их без позднейших перестроек. Во-вторых, изыскания краеведов и архитекторов, представляющие чертежи и обмеры зданий, их профессиональные описания [15; 16; 22]. В третьих, это выборочный комплекс источников с той или иной научной информацией, по-новому раскрывающей аспекты архитектурной проблематики.

Среди двух чишминских мавзолеев к наиболее сохранившимся, с точки зрения определения достоверной архитектуры построек, надо отнести мавзолей Кэшэнэ, в настоящее время бытующий под названием мавзолея Тураhana. По крайней мере, в трудах большинства ученых XX в. мавзолей приво-

дится именно под названием Кэшэнэ [18, с. 13; 19, с. 111; 23, с. 119]. Оно было расшифровано татарским ученым Г.В. Юсуповым: «Мавзолей этот в народе носит название *Кэшэнэ*, что, несомненно, образовано из тюркского *кэшэк* (В.В.Радлов) *тлен, прах* и персидского *ханэ – дом – дом праха – усыпальница*» [23, с. 119]. Личность Тура-хана большинством исследователей признается вымышленной и мифической. Мавзолей Кэшэнэ в архитектурном отношении хорошо сохранился, и дает материал для сравнительных аналогий с архитектурой болгарских усыпальниц.

Другой мавзолей – Хусейн-бека был перестроен в 1911 году и утерял ряд характерных времени его постройки конструктивных особенностей [16, с. 120]. Он возведен на высоком холме в центре старинного некрополя «Ак зират» («Белое кладбище»), название которого само за себя свидетельствует о захоронении здесь родовитых татарских семей. Об этом удостоверяют и формы надгробий, их надписи и орнаментальный декор. Внутри самого мавзолея находится эпитафия, подкрепляющая родословную Хусейн-бека и дату его смерти, обозначенную 1339 годом¹. Надпись на камне, в форме татарского каберташа (надгробия), была прочитана Г.В. Юсуповым [23, с. 118–119. Табл. 8].

Около Кэшэнэ выявлены остатки фундамента еще одного, ныне утерянного мавзолея, получившего в литературе название Малый мавзолей или Малый Кэшэнэ [19, с. 109].

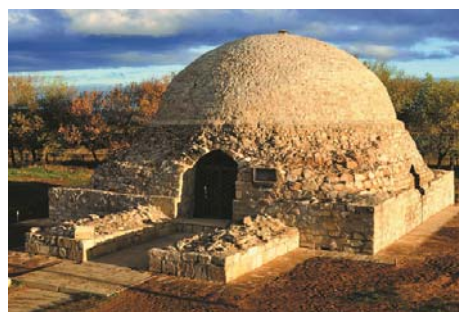
Перейдем к общему историческому контексту, касающемуся данных мавзолеев. Все они построены из камня и относятся к объектам монументального зодчества. Возникновение и становление данного зодчества, как известно из истории мировых цивилизаций, происходит в мощных и процветающих странах, обладающих государственной идеологией и связанных с нею эстетических воззрений. Оно является достижением высокого уровня развития ремесленного производства, на основе которого только и могли возникнуть такого рода архитектурные объекты.

Именно таким экономически мощным и процветающим государством, на территории которого были построены не только данные мавзолеи, но и обширные градостроительные комплексы с мечетями, текие (ханаки), дворцами знати, городскими усадьбами, банями и другими сооружениями являлась Золотая Орда. В XIII–XIV вв. это было государство с интенсивным градостроительством, в его городах была развернута широкая архитектурно-строительная деятельность, о чем как раз и свидетельствуют постройки города Болгар, названного его современниками «золотым тронем джучидских ханов» [21, с. 167].

Каждая эпоха и цивилизация дают свои стили и формы в архитектуре монументальных зданий. Их возникновение и закладываемый в них образ возникают благодаря закону действующей иерархии: заказчик – архитектор – строитель. Заказчиком в средневековье, как правило, выступает государство в лице его правителя. Архитектор и строитель отражают его идеологические запросы и сложившиеся архитектурно-художественные и ремесленные традиции данного государства в области возведения монументальных сооружений. Сохра-

¹ По последним уточнениям эпиграфиста А.М. Гайнутдинова, Хусейн-бек скончался в 1344 г. Более подробно см.: Гайнутдинов А.М. Эпитафия на памятнике Хусейн-беку // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 168. (прим. гл. ред.).

нившиеся постройки г.Болгара выявляют направление развития болгаро-татарского зодчества в русле тюркской мусульманской архитектуры [13, с. 29]. Надо учитывать, что в средневековой исламской архитектуре были выработаны передовые для своего времени строительно-конструктивные формы, которые повлияли и были восприняты зодчими многих стран. Это справедливо и по отношению архитектуры города Болгара, в которой отразились влияния основных школ мусульманского зодчества, на чем мы остановимся позже.

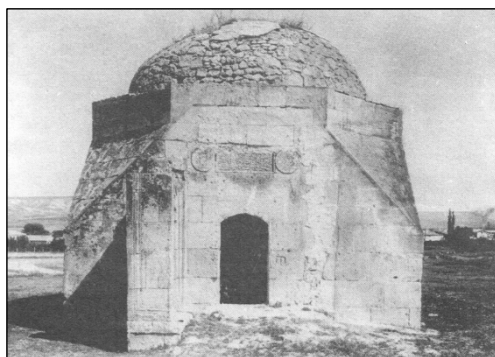


Северный мавзолей в Болгаре.
Современный вид.
Northern Mausoleum in Bolgar.
Modern look.

Восточный мавзолей в Болгаре.
Eastern mausoleum in Bolgar.



Мавзолей Кэшэнэ, ныне называемый мавзолеем Тура хана. Современный вид.
Mausoleum of Keshene, now called the Mausoleum of Tura Khan. Modern look.



Мавзолей Мухаммед-Шах бей
в Азисе, Крым.
Mausoleum of Muhammad Shah Bey
in Azis, Crimea.



Мавзолей Хусаин-бека. Современный вид.
Mausoleum of Husain Bek. Modern look.



Фрагмент минарета мечети Амира
аль-Маридани в Каире
с «мамлюкским срезом».
Fragment of the minaret of the Amir
al-Maridani Mosque in Cairo
with a “Mamluk section”.

Чишминские мавзолеи входят в круг памятников, относящихся к золотоордынской болгаро-татарской архитектурной школе, что признает, как мы уже отмечали, подавляющее большинство исследователей. Данные мавзолеи свидетельствуют о размахе архитектурно-строительной деятельности на территории Волжской Булгарии, которая с XIII в. была улусом Золотой Орды. Исследователи связывают строительство мавзолеев на территории болгарской периферии золотоордынского государства с усилением в XIII–XIV вв. роли ислама и с традицией почитания мусульманских святых, как одного из укрепляющих его факторов [21, с. 58]. По – крайней мере, манифестация ислама как господствующей религии и принятие ее населением государства отражает традицию захоронения мусульманской знати в мавзолеях. Архитектура этих мавзолеев имеет определенное сходство с такого рода строениями в тех мусульманских странах, в которых получили развитие традиции каменного зодчества и с которыми у золотоордынского общества были установлены тесные взаимоотношения.

Итак, какие общие архитектурно-строительные, технико-конструктивные и образно-стилевые черты позволяют отнести данные сооружения к болгаро-татарскому наследию и в чем специфика стиля болгаро-татарской архитектуры?

Поскольку архитектура базируется на развитой индустрии строительных материалов, то она определяется сложившимися традициями в возведении зданий из тех или иных материалов. Для школы болгаро-татарского зодчества характерно строительство сооружений из природного известнякового камня, добывавшегося в местечке Сюкеево на противоположном от г.Болгара берегу Волги, в отличие, например, от других провинций Золотой Орды, в которых из-за отсутствия залежей природного камня установилась традиция строительства общественных зданий из обожженного кирпича. Именно возведение

строений из камня и определило характерные особенности болгаро-татарской архитектурной традиции.

Мавзолеи г. Болгара построены в характерной технике строительной кладки из природного камня и известкового туфа. Кладка основных стен из обработанных квадров и, как правило, неправильной формы камней является специфической чертой именно построек мавзолеев, как болгарских, так и чишминских. В отличие от кладки других монументальных зданий города Болгара, возведенных из хорошо отесанных и плотно пригнанных друг к другу блоков [4, с. 51], стены мавзолея Кэшэнэ выложены из грубого известнякового и песчаникового камней, имеющих разную величину (отдельные камни имеют размеры до 1 метра в поперечнике и до 0,6 метра в высоту); они подтесаны незначительно [15, с. 14]. Таким же камнем на известковом растворе были выложены и стены несохранившегося Малого мавзолея. Но, сама система кладки, как и в болгарских мавзолеях, отличается хорошим техническим уровнем исполнения, о чем свидетельствует сохранность стен и конструкций. В возведении стен, как и в болгарских зданиях, использовалась полубутовая система кладки с возведением двух параллельных стенок (толщина стен 1,1 м), пространство между которыми заполнялось мелким камнем и щебнем, залитым известковым раствором [11, с. 167].

К особенностям кладки чишминских и болгарских мавзолеев относится распределение ее нагрузки с учетом конструктивных частей здания. Нижние части стен выложены из крупных по размерам камней в то время, как верхние – из менее крупных. Для кладки внешнего и внутреннего куполов, обрамлений дверей и окон, арочных порталов использовали более легкий туф. На территории Башкортостана залежей туфа не обнаружено. Г. Гарустовичу удалось осуществить петрографический анализ туфа в куполе мавзолея Кэшэнэ. Он показал, что камень привезен с Волги, из окрестностей г. Болгара. Это хорошо известное Сюкеевское месторождение, откуда вывозился также камень для строительства храмов Владимиро-Суздальского княжества, о чем писал еще В.Н. Татищев в «Истории Российской».

О высоком уровне развития строительных технологий, отсылающих к мавзолеям Болгара, свидетельствует сложная в исполнении радиальная кладка внутреннего сводчатого купола мавзолея Кэшэнэ, а также кладка, окаймляющая полуциркульные арочные завершения входных порталов и оконных проемов. Строительные приемы возведения монументальных сооружений г. Болгара (кладка стен, куполов) аналогичны сирийским, египетским, малоазийским и закавказским (Азербайджан) постройкам, т.е. эта система была характерна для многих стран мусульманской архитектуры [8, с. 43].

Теперь перейдем непосредственно к архитектуре чишминских мавзолеев. Сохранившимся почти без изменений (за отсутствием завершения шатра) является мавзолей Кэшэнэ.

Мавзолей Хусейн-бека в первоначальном виде не сохранился. От старого здания до нас дошла лишь подземная часть фундамента. Старые стены были разобраны. Однако в 1845 году, когда здание еще сохранялось, но уже без сводчатого купола, краеведом В.С. Юматовым были сделаны его архитектурные обмеры [22, с. 3]. Чертежи опубликованы и представлены планом и разрезом здания [15, с. 8, 9].

Надо отметить, что мавзолеем Хусейн-бека, как и все болгарские мавзолеи, имел в плане квадрат размерами 8 на 8 метров и по чертежу его разреза отчетливо видно, что здание переходит от четверика к восьмигранному яруссу, а затем через тромпы к полукругу свода. Его высота составляла 4,2 м. После перестройки изменились и внешняя и внутренняя архитектура здания – исчезли полусферические тромпы в интерьере, здание лишилось восьмигранного пояса и характерной для болгарской золотоордынской архитектуры системы ярусности. Сохранился установленный внутри мавзолея надгробный камень. П.Рычков, посетивший мавзолеем в 1771 году, описывая Кэшэнэ, а за ним и мавзолеем Хусейн-бека отметил, что последний во всем подобен первому и «подобны они мавзолеям города Болгара» [18, с. 103].

Что объединяет архитектуру мавзолеев? Небольшие по размерам здания выделяются простотой и целостным выражением архитектурной идеи. В объемно-пространственном решении они относятся к центрически-купольным или центрически-шатровым сооружениям, к которым с южной (в мавзолее Кэшэнэ – восточной) стороны примыкали, выстроенные из камня в той же системе кладки преддверия – айваны. Пристройки входных айванов и порталов по сложившейся архитектурной логике не меняют существа объемно-пространственного решения здания [17, с. 228]. Как справедливо замечают исследователи, «только объемная планировка раскрывает сущность архитектурного замысла, позволяя видеть массы в пространстве» [17, с. 223]. В мавзолее Кэшэнэ айван, примыкает к фасадной стене постройки, имеет сводчатое перекрытие на высоте 3,4 метра, а также порталную арку, которая лаконично выражена на фасаде, что в целом не меняет центрическую объемно-пространственную архитектуру мавзолея. В.С. Юматов, при осмотре здания в 1845 году, обнаружил внутри айвана, по двум сторонам стен, пристроенные к ним каменные лавки, что свидетельствует о его определенном функциональном назначении. Остатки стенок от разрушенного айвана просматриваются на фотографиях мавзолея Хусейн-бека, сделанных в 1870-х гг. [11, с. 198].

Итак, для мавзолеев характерна единая объемно-пространственная композиция; в основе их плана лежит квадрат. Центрическая композиция квадрата с геометрическим равенством осей архитектурно оформляется в объем куба, который переходит в промежуточный восьмигранный ярус. Он служит опорой для внутреннего полусферического свода здания, который покрывается восьмигранным шатром, завершающим композицию здания. Как и ряд других монументальных построек Болгара, архитектурная композиция мавзолеев характеризуется ярусностью геометрических объемов. Только во внешнем объеме здания Ханской усыпальницы восьмигранный ярус не выявлен на фасаде здания, хотя он устроен в его внутреннем пространстве с теми же пирамидальными тромпами при переходе от стен к сводчатому куполу.

Болгарские и чишминские мавзолеи имеют одинаковую планировку, в основе которой лежит квадрат. Размеры стен квадратов варьируют в пределах от минимальных 6 на 6 метров (в Кэшэнэ) до максимальных 13 на 13 метров (в Северном мавзолее г. Болгар). Размеры внутреннего помещения 4,4 на 4,4 метра. Ханская усыпальница в г.Болгар и мавзолеем Хусейн-бека имеют почти одинаковые внешние размеры квадрата (по 8,5 метра). По обмерам В.Юматова уточненный размер основания мавзолея Хусейн-бека, до его перестройки, имел размеры – 8,4 на 8,4 метра [22, с. 3].

По объемно-планировочному решению мавзолее можно также отнести к типу однокамерного портално-купольного сооружения. Вход в мавзолей Кэшэнэ оформлен слабо выраженной небольшого подъема стрельчатой аркой. В отличие от классической полуциркульной формы, арка входа тяготеет именно к стрельчатой. Об этом свидетельствуют как натурные фотографии, так и описание арки, данное архитектором Б.Калимуллиним [15, с. 20]. Г.Гарустович [11, с. 159] также подтверждал «тенденцию приобретения арками порталной ниши стрельчатого контура». Стрельчатая арка, как известно, является характерным для мусульманской архитектуры мотивом. Кроме того, с лицевой стороны арки сохранилась неглубокая ниша, где по рассказам старожилов [15, с. 20] середины прошлого столетия, была каменная вставка с арабской надписью, по типу оформления порталов в памятниках архитектуры г. Болгара (Соборная мечеть, Малый минарет).

В Кэшэнэ пристройка айвана произошла позже, т.к. просматривается неплотное примыкание его к основной стене. По наблюдениям архитектора Б.Калимуллина, он не имеет следов фундамента, и мавзолей первоначально принадлежал к типу центрически-купольного беспортального здания. Это было подтверждено и археологическими раскопками Г.Гарустовича, который также считает, что айван был пристроен позже. Малый, разрушенный мавзолей, который был в комплексе с Кэшэнэ, также имел квадратную форму плана и отсутствие каких либо следов фундамента от портала.

Айван с порталной аркой имеет большое значение в определении эволюции архитектурного типа мусульманских мавзолеев. Он является отличительным признаком архитектуры булгаро-татарских мавзолеев, свидетельствующим о приверженности золотоордынских зодчих тюркской архитектурной традиции. Квадратные в плане, центрически-купольные беспортальные мавзолеи были характерны для архитектуры эпохи господства Хорезмшахов в Средней Азии (к примеру, мавзолей Саманидов в Бухаре и др.). Они были отнесены исследователями к стилю «восточного классицизма», характеризующего мусульманскую монументальную архитектуру домонгольского времени [14]. Именно «куб с куполом» и центрически выстроенная композиция зданий мавзолеев соответствуют традиции «раннемусульманской» архитектурной школы, которая, по мнению историков архитектуры, развивалась на территориях с иранским населением, или близких к ним. В мавзолеех данной архитектурной традиции монументальность облика достигалась центрической композицией главного объема.

Портал с выраженной декоративной функцией, за которым часто скрывается архитектурный объем фасада, получил преимущественное развитие на территориях с мусульманским тюркским населением (наиболее ранним памятником портално-купольной архитектуры, является мавзолей Араб-ата, построенный в конце X в. на территории Мавераннахра). Сам процесс эволюции от «иранского» типа центрически-купольного мавзолея к развитому «тюркскому» типу портално-купольного мавзолея охватывает территории с тюркским населением в основном с XII в. Примером наиболее развитого типа таких мавзолеев является мавзолей Текеша в г.Куня-Ургенч, датированный концом XII – началом XIII вв. В 1221 году город был взят монгольскими войсками и не исключено, что порталный тип мавзолеев распространился

вследствие монгольских завоеваний и передвижения тюркских племен на запад. Хотя данная гипотеза требует дополнительных исследований.

Возвращаясь к нашим мавзолеям, мы можем констатировать, что порталы в них не имели того самодовлеющего значения, как это было характерно для среднеазиатских и особенно сельджукских порталов. О процессах развития форм портално-купольного типа в архитектуре мавзолеев не только г.Болгар, но и Азербайджана и Крыма писал Б.Засыпкин [14, с. 33]. По раскопкам мавзолеев в г. Болгаре, которые все имели преддверия – айваны, и чишминских построек, из которых айван сохранился в мавзолее Кэшэнэ, все они могут быть отнесены к памятникам мусульманской общетюркской архитектурной традиции. Болгаро-татарская региональная специфика выражена в размерах и форме порталов. Судя по архитектуре Кэшэнэ, портал не довлел над формами центрической архитектуры. Обычно в среднеазиатских порталных мавзолеях ширина портала соответствует ширине фасада и закрывает его переднюю стену; сельджукские порталы отличаются насыщенными декоративными формами со сталактитовыми нишевыми сводами и др. Строгость обрамлений в порталах как болгарских, так и чишминских мавзолеев близка, например, порталной арке мавзолея Мухаммед-Шах бея в Азисе, что в окрестностях г.Бахчисарая в Крыму. Об этом писал исследователь болгарской и крымско-татарской архитектуры Ф.Х. Валеев [7, с. 152].

Общность в архитектуре болгарских и чишминских мавзолеев наиболее ярко выражена в специфике их объемно-пространственного решения. Кубовидный объем первого яруса – четверик через треугольные скосы так называемые «мамлюкские срезы» на фасадах и пирамидальные или сводчатые тромпы в интерьерах переходит в восьмигранный промежуточный ярус, который служит основанием для полусферического купола. Мавзолеи в инженерно-конструктивном решении являются прекрасными образцами в строительстве ярусных сооружений с кубическим основанием, переходящим в многоугольный объем через особые формы треугольных срезов, называемых в литературе «сельджукскими», и некоторыми из археологов, необоснованно, причисляемых к явлениям армянского зодчества. О влиянии «армянско-малоазийской» архитектуры на облик болгарских мавзолеев, опираясь на мнение некоторых авторов (например, Э.Д. Зиливинской) пишет также Г. Гарустович [11, с. 117]. Однако в армянской и сельджукской архитектуре треугольные скосы используются в башенных мавзолеях (к примеру, Мавзолей Денер в Кайсери, 1276), и, в отличие от болгарских мавзолеев, они устроены в нижней (почти у основания) части здания. В болгарских и чишминских мавзолеях треугольные скосы используются на высоте завершения кубовидного яруса здания при переходе от четверика к восьмиграннику, и обоснованно отнесены исследователями к формам «мамлюкского среза», поскольку в таком качестве встречаются в египетской архитектуре времен правления мамлюкских султанов (мечеть Хасана в Каире 1356 г., мавзолеи и др.). О переоценке роли Армении в архитектуре болгарских сооружений и об отсутствии достаточных для этого оснований писали ранее такие авторы, как В.В. Егерев и И. Березин [5; 13]. Они обращали внимание на влияние архитектуры Ирана и Азербайджана, отсылая к формам мусульманского зодчества.

О преобладающем влиянии на золотоордынскую болгарскую архитектуру мамлюкского Египта, Крыма и Малой Азии (сельджуки) на основе сравнитель-

ных материалов писали Б.Засыпкин (14) и, основываясь на его выводах, Ф.Х. Валеев [7; 8]. Во взаимоотношениях с Египтом важную роль играл золотоордынский г.Болгар. Об этом свидетельствуют не только архитектурные элементы болгарских зданий, но и археологические находки в Болгаре фрагментов египетских тканей, вышивок, украшений [9, с. 42]. Здесь же следует упомянуть письменные источники об обмене посольствами между двумя государствами и о поддержке Египтом политики исламизации населения Золотой Орды [2].

В мусульманской архитектуре – свод и купол были основными архитектурными формами монументальных культовых сооружений. Мавзолеи относятся к кругу сводчатых и шатровых купольных сооружений, возведение которых было возможно лишь при высоком уровне развития технологии строительства монументальных зданий. Для этого требовались сложные математические расчеты при построении кривизны сводов и опоры тяжести на стены и арки, распора их на тропы и треугольные скосы. Для получения кривой нужного профиля свода здания, по мнению исследователей, могли служить специально изготовленные гнутые лекала.

Математическими расчетами также достигалась пропорциональность размеров зданий, что было характерным явлением для многих построек мусульманского зодчества. При строительстве Кэшэне в его пропорции был положен единый модуль, равный 110 см [16, с. 112].

Высота стен мавзолея Кэшэнэ от пола до купола по обмерам Б. Калимуллина составляет 3,3 метра. Высота подкупольного пространства 5,4 метра. Над сводом возвышается восьмигранный пирамидальный шатер. Тем самым, мавзолеи имели двойной купол. Внутренний полусферический купол заменяет потолок, а внешний пирамидальный – крышу. Интересно проследить эволюцию в конструкции здания от полусферического купола к пирамидальному шатру. Первый известен в тюркской мусульманской архитектуре домонгольского и золотоордынского времени. Второй исследователи связывают с сельджуками и некоторые, в основном археологи, с влиянием древнеармянского зодчества (см. ранее). Хотя надо заметить, что форма шатра является одной из древнейших в жилищной архитектуре тюркских и монгольских народов. Ранний шатер зафиксирован в архитектуре мавзолея Атаббаб 1162 г. в г.Нахичевани.

В мусульманской архитектуре купола возводятся на квадратном, многогранном и круглом основании. Двойная оболочка купола распространяется с XII в. Такая конструкция диктовалась практическими соображениями – защитить внутренний купол от непогоды, так и эстетическими – достижением выразительного силуэта постройки. Эти две оболочки сближались у основания до полуметра и расходились в вершине.

Внешний восьмигранный шатер достоверно, опираясь на натурные обследования, завершал здание Ханской усыпальницы и Восточного мавзолея в Болгаре. Восьмигранный же шатер возвышался над сводом мавзолея Кэшэнэ. Он был частично разрушен после 1840-х гг. [15, с. 14]. П.Рычков в 1772 году описывает оба чишминских мавзолея с сохранившимися пирамидальными шатрами. Есть одна присущая шатровым покрытиям болгарских мавзолеев примечательная и, в нашем случае очень существенная, конструктивная деталь. Это устройство квадратных отверстий в основании каждой из восьми граней внешнего купола над карнизом. Такие отверстия, по-видимому, пред-

назначались для вентиляции и отвода конденсата с междупольного пространства. В мавзолее Кэшэнэ они тоже были устроены и выявлены Б. Калимуллинским, обратившим на них внимание [15, с. 16].

Плоскости стен болгарских мавзолеев оживлены арочными окнами с полуциркульными или стрельчатыми завершениями. В мавзолее Кэшэнэ сохраняется такая же система оформления стен, которые на первом основном ярусе прорезаны прямоугольными окнами с характерными арочными завершениями. Внутри все мавзолеи были оштукатурены и украшены орнаментальным подкупольным поясом. Основной акцент в оформлении интерьеров падает на тромпы, и особое значение играет символика подкупольного пространства. Стены были оштукатурены в белый цвет, что так же соответствует традиции монументального зодчества болгарской архитектуры (вспомним белые гипсовые стены Черной Палаты). Сейчас из всех элементов внутреннего оформления Кэшэнэ сохранилась только отделка купола. Сообщается о том, что в помещении мавзолея некогда вела дубовая дверь с богатой резьбой [15, с. 20].

Стилистические особенности архитектуры мавзолеев сложились на основе разработанных, в предшествующий золотоордынскому периоду, архитектурно-композиционных, строительно-конструктивных и иных приемов, нашедших отражение в археологических остатках г. Биляра, дворца в г. Суваре, башне Чертово городища и других. В домонгольское время выявляется влияние Средней Азии (Хорезм) с ее архитектурой зданий из кирпича и центрическими формами композиций, анализ которых приведен выше.

В золотоордынское время преобладающее значение получает архитектура камня, влияние мусульманской культуры Египта, Малой Азии и Кавказа. Б. Засыпкин писал, что «архитектурные формы каменных строений эпох сельджуков и египетских мамлюков находим в Азербайджане, Крыму и Болгарях», ссылаясь в качестве примера на наличие в постройках «мамлюкского среза» [14, с. 39–40]. По его мнению, Азербайджан и Крым являлись путями проникновения каменной строительной культуры «в северные мусульманские окраины, по водным путям, по Волге в Болгары и по Черному морю через Крым» [14, с. 39]. Об этом, наряду с другими монументальными постройками г. Болгара, убедительно свидетельствуют архитектурные черты рассмотренных нами мавзолеев.

Результаты исследования. Собственные, выработанные на протяжении веков традиции, и освоение прогрессивных достижений в строительстве и архитектуре крупных государств мусульманского мира, способствовали созданию, сложившегося в золотоордынское время, болгаро-татарского архитектурного стиля. Для этого стиля характерны лаконизм и обобщенность формы без измельчения основных масс, геометризм объемов, ярусность композиции и согласованные математическими расчетами соразмерные пропорции зданий и их частей, взаимосвязь между архитектурной конструкцией и элементами декора. Пластически-образная выразительность зданий достигается за счет системы кладки, использования куполов, сводов, шатров, арочных конструкций, тромпов, треугольных скосов и др. Своеобразие архитектурного облика выразилось в соразмерных человеку пропорциях, которые при этом не нарушают впечатления величественности и монументальности зданий.

Ярким свидетельством развития сложившейся в Среднем Поволжье и распространенной на территорию Приуралья традиции болгаро-татарского

зодчества, является ее связь с архитектурой Крыма и мамлюкского Египта. В золотоордынских болгарских, крымских мавзолеях из камня применяется одинаковый конструктивный прием такой, как «мамлюкский срез». Он используется в архитектуре чишминских мавзолеев, свидетельствуя об общности архитектурно-строительной школы.

Комплексы культовых сооружений из камня в центре Башкирии не могли появиться случайно и тем более относиться к кочевой культуре. Они отражают уровень развития государственной идеологии, экономики, строительной культуры, которые могли быть достигнуты в условиях оседлой цивилизации, свидетельствуют о том, что границы строительной деятельности Булгарского улуса Золотой Орды были расширены до пределов Приуралья. Именно в это время получили расцвет ярусные сооружения с шатрами и порталами, тропами и «мамлюкским срезом» и другими архитектурно-конструктивными элементами, присущими магистральному направлению развития тюркской мусульманской архитектуры – архитектуры экономически развитых государств с феодальной идеологией. Анализ позволил выявить архитектурные и конструктивные особенности построек мавзолеев, которые, повторяют и представляют один и тот же тип золотоордынских болгаро-татарских сооружений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айдаров С. С. Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Гл. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 5–149.
2. Амин-аль-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М., 1962. 40 с.
3. Баранов В.С., Кавеев М. М. Археологическое исследование мавзолеев центральной части Болгарского городища // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М: Наука, 2001. С. 176–199.
4. Башкиров А.С. Памятники болгаро-татарской культуры на Волге. Казань, 1928. 118 с. Приложения в виде таблиц.
5. Березин И.Н. Булгар на Волге // Ученые записки Казанского ун-та. Казань, 1852. Кн. 3. С. 74–160.
6. Валеев Ф. Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Марий. книгоиздат, 1975. 213 с.
7. Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф. Древнее искусство Татарии. Казань: Таткнигоиздат, 1987. 166 с.
8. Валеев Ф.Х. К истории архитектуры волжских болгар XIII–XIV вв. // Вопросы истории, филологии и педагогики. Казань: Изд. Казан. ун-та. 1965. С. 40–44
9. Видонова Е.С. Ткани и шитье из раскопок в Болгарах // КСИИМК. Вып.21, 1947. С. 112–117.
10. Васильев Д.В. Мавзолеи Золотой Орды: географический обзор и опыт типологизации // Ученые записки Астрахан. гос. ун-та. Астрахань: Изд-во АГУ, 2003. С. 110–119.
11. Гарустович Г., Нечвалода А. Средневековые каменные мавзолеи Башкортостана. Уфа: Китап, 2020. 400 с., илл.
12. Доброхотов Ф.П. Урал Северный, Средний, Южный: Справочная книга. Пет-роград: изд. Б.А. Суворина, 1917. 744 с.

13. Егерев В.В. Архитектура города Болгара // МИА. № 61. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 2 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 360–391.
14. Засыпкин Б. Памятники монументального искусства советского Востока // Художественная культура советского Востока. М.-Л.: Academia, 1931. С. 21–52
15. Калимуллин Б.Г. Архитектурные памятники Башкирии. Вып. 1. Уфа: Башкнигоиздат, 1956. 36 с.
16. Калимуллин Б.Г. Башкирское народное зодчество. Уфа: Башкнигоиздат, 1978. 131 с. (Глава IV).
17. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М., изд-во Искусство, 1965. 688 с. с илл.
18. [Рычков Н.П.] Журнал, или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. Ч. 2. СПб.: Тип-я АН, 1772. 189 с.: прил.
19. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии // Оренбургские степи в трудах П.И. Рычкова, Э.А. Эверсмана, С.С. Неуструева / Сост. Ф.Н. Мильков. М.: Географгиз, 1949. С. 42–204.
20. Сальников К.В. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск: Свердл. обл. гос. изд-во, 1952. 160 с.
21. Смирнов А.П. Волжские болгары. Труды ГИМ. Вып. 19. М., 1951. 295 с.
22. Юматов В.С. Древние памятники на земле башкирцев Чубиминской волости // Оренбургские губернские ведомости. 1848. № 1–2, 5.
23. Юсупов Б.Г. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л., 1960. 322 с.

REFERENCES

1. Aidarov S.S. Research and restoration of monuments of monumental architecture of Bolgar. *City of Bolgar: Monumental construction, architecture, landscaping*. Ed.-in-chief G. A. Fedorov-Davydov. Moscow: Nauka, 2001, pp. 5–149. (In Russian)
2. Amin al-Kholi. Connections between the Nile and Volga in the 13th and 14th centuries. Moscow, 1962. 40 p.
3. Baranov V.S., Kaveev M.M. Archaeological study of the mausoleums of the central part of the Bolgar settlement. *Bolgar City: Monumental construction, architecture, landscaping*. Responsible ed. G. A. Fedorov-Davydov. Moscow: Nauka, 2001, pp. 176–199. (In Russian)
4. Bashkirov A.S. Monuments of Bulgar-Tatar culture on the Volga. Kazan, 1928. 118 p. Applications in the form of tables (In Russian)
5. Berezin I.N. Bolgar on the Volga. *Scientific notes of Kazan University*. Kazan, 1852. Book 3, pp. 74–160. (In Russian)
6. Valeev F.Kh. Ancient and medieval art of the Middle Volga region. Yoshkar-Ola: Mari. book publishing, 1975. 213 p. (In Russian)
7. Valeev F.Kh., Valeeva-Suleimanova G.F. Ancient art of Tatarstan. Kazan: Tatknigoizdat, 1987. 166 p. (In Russian)
8. Valeev F.Kh. On the history of architecture of the Volga Bulgars in the 13th–19th centuries. *Questions of history, philology and pedagogy*. Kazan: Kazan State University, 1965, pp. 40–44 (In Russian)
9. Vidonova E.S. Fabrics and sewing from excavations in Bolgar. *Brief communications from the Institute of the Material Culture History (KSIIMK)*, Iss. 21, 1947, pp. 112–117. (In Russian)
10. Vasiliev D.V. Mausoleums of the Golden Horde: geographical overview and typology experience. *Scientific notes of Astrakhan State University*. Astrakhan: ASU Publishing House, 2003, p. 110–119. (In Russian)

11. Garustovich G., Nechvaloda A. Medieval stone mausoleums of Bashkortostan. Ufa: Kitap, 2020. 400 p. (In Russian)
12. Dobrokhotov F.P. Ural Northern, Middle, Southern: Reference book. Petrograd: ed. B.A. Suvorin, 1917. 744 p. (In Russian)
13. Egerev V.V. Architecture of the city of Bolgar. *Materials and research on the archeology of the USSR (MIA)*. No. 61. Proceedings of the Kuibyshev archaeological expedition. Vol. 2. Rep. ed. A. P. Smirnov. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1958, pp. 360–391. (In Russian)
14. Zasyrkin B. Monuments of monumental art of the Soviet East. *Artistic culture of the Soviet East*. Moscow-Leningrad: Academia, 1931, pp. 21–52. (In Russian)
15. Kalimullin B.G. Architectural monuments of Bashkiria. Vol. 1. Ufa: Bashknigoizdat, 1956. 36 p. (In Russian)
16. Kalimullin B.G. Bashkir folk architecture. Ufa: Bashknigoizdat, 1978. 131 p. (Chapter IV) (In Russian)
17. Pugachenkova G.A., Rempel L.I. The History of Uzbekistan Art from Ancient times to the middle of the Nineteenth Century. Moscow: Iskusstvo, 1965. 688 p., ill.
18. Rychkov N. Daily notes of Captain N. Rychkov's journey through different provinces of the Russian state, 1769 and 1770. Ch. 2. St. Petersburg: Type-I AN, 1772, 189 p.: apps. (In Russian)
19. Rychkov P.I. Topography of the Orenburg province. *Orenburg steppes in the works of P.I. Rychkov, E.A. Eversman, S.S. Neustruev*. Comp. F.N. Milkov. Moscow: Geographgiz, 1949, pp. 42–204. (In Russian)
20. Salnikov K.V. The most ancient monuments of the history of the Urals. Sverdlovsk: Sverdl. Region State Publishing, 1952. 160 p. (In Russian)
21. Smirnov A.P. Volga Bulgars. Proceedings of the State Historical Museum, Iss. 19. Moscow, 1951. 295 p. (In Russian)
22. Yumatov V.S. Ancient monuments on the land of the Bashkirs of the Chubiminska volost. *Orenburg Provincial Gazette*. 1848, no. 1–2, 5. (In Russian)
23. Yusupov G.V. Introduction to Bulgar-Tatar epigraphy. Moscow-Leningrad, 1960. 322 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гузель Фуадовна Валеева-Сулейманова – доктор искусствоведения, главный научный сотрудник отдела истории религий и общественной мысли, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: valeeva_art@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guzel F. Valeeva-Suleimanova – Dr. Sci. (History of Arts), Chief Research Fellow of the Department of History of Religions and Public Thought, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: valeeva_art@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 16.01.2024
Поступила после рецензирования / Revised 02.03.2024
Принята к публикации / Accepted 04.03.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.140-164>
EDN: NZZRBK

УДК 902.2

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ МАВЗОЛЕЕВ ВОЛГО-УРАЛЬЯ****В.А. Иванов**

*Башкирский государственный педагогический
университет им. М.Акумоллы
Уфа, Российская Федерация
ivanov-sanych@inbox.ru*

Резюме. Цель статьи: показать, что золотоордынские мавзолеи (кэшэнэ) Южного Предуралья – Хусейн-бека, Тура-хана, Бэндэбике, Кесене («Башня Тамерлана») – принадлежат не только к разным архитектурным школам, но и относятся к разным этнокультурному и географическому пространствам.

В этой связи поставлены следующие задачи: показать, что кэшэнэ Бэндэбике и «Башня Тамерлана» относятся к многочисленной группе т.н. степных кирпичных мавзолеев, сооруженных в степях Заволжья и Южного Предуралья по канонам среднеазиатской архитектурной школы. Возведенные во второй половине – конце XIV в. (или даже в начале XV в.) они были предназначены для увековечения памяти представителей элиты золотоордынских кочевников. В отличие от кирпичных, каменные мавзолеи-кэшэнэ Хусейн-бека, Тура-хана, Малый кэшэнэ сооружены были по канонам болгарской архитектуры в лесостепных районах долины р.Демы, на территории обитания в XIV в. носителей чияликской культуры.

Материалы исследования: в исследовании используются географические, археологические и фольклорные данные о мавзолеех-кэшэнэ Южного Предуралья, полученные исследователями XVIII–XX вв.

Результаты и научная новизна: география распространения кирпичных мавзолеев в степях Заволжья и Предуралья показывает, что по времени своего сооружения они могли появляться у золотоордынских кочевников ещё в то время, когда язычество не было окончательно вытеснено исламом (имеются многочисленные кочевнические погребения с монетами Узбека и более поздних правителей). Таким образом, мавзолеи, возводимые над могилами кочевой элиты, становились органичной частью культуры кочевников Золотой Орды.

Каменные мавзолеи Предуралья к кочевнической культуре отношения не имели. Сооружались они в этнокультурном пространстве и на территории расселения полукочевых носителей чияликской культуры (иштяков-угров). Центрами мусульманских кладбищ они становились поздно, не ранее XVII в., когда «чияликицы» уже были ассимилированы тюркскими предками дёмских башкир-минцев/мингцев. Поэтому в исторической памяти их потомков, башкир XVIII–XIX вв., каменные кэшэнэ Хусейн-бека и Тура-хана обросли преданиями и легендами, сюжеты и персонажи которых к этнокультурной истории башкир не имеют прямого отношения.

© Иванов В.А., 2024



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: золотоордынские мавзолеи, кэшэнэ, Заволжье, Приуралье, Хусейн-бек, Тура-хан

Для цитирования: Иванов В.А. Этнокультурный ландшафт средневековых мавзолеев Волго-Уралья // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 140–164. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.140-164> EDN: NZZRBK

ETHNOCULTURAL LANDSCAPE OF MEDIEVAL MAUSOLEUMS IN THE VOLGA-URALS

V.A. *Ivanov*

*Akmulla Bashkir State Pedagogical University
Ufa, Russian Federation
ivanov-sanych@inbox.ru*

Abstract. The purpose of the study: To show that the Golden Horde mausoleums (keshene) of the Southern Cis-Urals – Husein-bek, Tura Khan, Bendebike, Kesene (Tamerlane’s Tower) – belong not only to different architectural schools, but they also belong to different ethnocultural and geographical spaces.

In this regard, the following tasks were laid out: To show that the Keshene Bendebike and the “Tower of Tamerlane” belong to a large group of so-called. steppe brick mausoleums built in the steppes of the Volga and Southern Urals according to the canons of the Central Asian architectural school. Erected in the second half to the end of the 14th century (or even at the beginning of the 15th century), they were intended to perpetuate the memory of representatives of the elite of the Golden Horde nomads. Unlike the brick ones, the stone mausoleums-keshene of Husein-bek, Tura Khan, Small Keshene were built according to the traditions of Bulgarian architecture in the forest-steppe regions of the Dema River valley, a territory inhabited in the 14th century, by carriers of the Chiyalik culture.

Research materials: The study uses geographical, archaeological, and folklore data on the keshene mausoleums of the Southern Cis-Urals obtained by researchers of the 18th–20th centuries.

Results and scientific novelty: The geography of the distribution of brick mausoleums in the steppes of the Volga and Cis-Ural regions shows that, based on the time of their construction, they could have appeared among the Golden Horde nomads even at a time when paganism was not completely supplanted by Islam (there are numerous nomadic burials with coins of Uzbekistan and later rulers). Thus, mausoleums erected over the graves of the nomadic elite became an organic part of the culture of the nomads of the Golden Horde.

The stone mausoleums of the Cis-Urals had nothing to do with nomadic culture. They were built in the ethnocultural space and on the territory of settlement of semi-nomadic carriers of the Chiyalik culture (Ishtyak-Ugrians). They became centers of Muslim cemeteries quite late – not earlier than the 17th century – when the “Chiyaliks” were already assimilated by the Turkic ancestors of the Dem Bashkir-Mings/Mings. Therefore, in the historical memory of their descendants, the Bashkirs of the 18th–19th centuries, the stone keshenes of Husein-bek and Tura Khan were overgrown with traditions and legends, the plots and characters of which are not directly related to the ethnocultural history of the Bashkirs.

Keywords: Golden Horde mausoleums, keshene, Trans-Volga region, Urals, Husein-bek, Tura-khan

For citation: Ivanov V.A. Ethnocultural Landscape of Medieval Mausoleums in the Volga-Urals. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 1, pp. 140–164. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.140-164> (In Russian)

В настоящее время в степях Заволжья и Южного Предуралья известно около 40 каменных, кирпичных и сырцовых мавзолеев, относящихся к золотоордынскому времени. Большинство из них подверглись детальному археологическому и историко-архитектурному исследованию [21, с. 100–120, 137–142, 169–172; 9, с. 7–32; 18]. Основная масса мавзолеев разбросана по степи, причем на значительном удалении друг от друга. Исключение составляют мавзолеи, расположенные в окрестностях двух столиц Золотой Орды – Сарай ал-Махруса (Селитренное городище) и Сарай ал-Джедид (Царевское городище) (рис. 1). В целом мавзолеи Заволжья и Южного Предуралья датируются XIV – нач. XV вв. Для отдельных мавзолеев предлагаются и более конкретные даты их сооружения: мавзолеи города Булгара – конец XIV – начало XV вв.; мавзолей №1 города Мохши – конец XIV в.; мавзолей Укека – начало XIV в.; мавзолей у с.Царевщина – вторая половина XIV в.; мавзолеи Водянского городища – середина XIV в.; мавзолеи у пос. Комсомольский (Астраханская обл.) – XIII (№2) и XIV (№1) вв. [21, с. 106, 110, 112, 114, 118]. Ряд сырцовых мавзолеев – Мокринский, Царев (к.59), Маячный бугор, Бахтияровка (к. 41, 48, 99) – датируются найденными в них монетами ханов Токты, Узбека и Джанибека.

Варнинский («Кесене Тамерлана»), Домолакер, Жаксы-Каргала, Мустаевский, Тептяри, Бахтияровский мавзолеи датируются XIV в. по находкам в них бронзового зеркала и серьги в виде знака вопроса, стремян, кресала, берестяного колчана с накладками и др. [8; 12; 11].

Наиболее точно датируется мавзолей (кэшэнэ) Хусейн-бека, благодаря сохранившейся эпитафии, из которой следует, что умер Хусейн-бек в 1339 г.¹ Опираясь на эту дату, Г.Н. Гарустович и А.И. Нечвалода предлагают считать первую половину – середину XIV в. «основой хронологии всех каменных усыпальниц Башкирии» [18, с. 189].

Таким образом, мавзолеи в степях Заволжья и Южного Предуралья начинают сооружаться в XIV в., и едва ли ранее правления хана Узбека. То есть, ещё в то время, когда среди золотоордынских кочевников продолжала устойчиво сохраняться языческая погребальная обрядность. Что подтверждается довольно многочисленными в регионе находками кочевнических подкурганых захоронений с вещами и джучидскими монетами (рис. 1). Причем, абсолютное большинство монет чеканены в 1340–1360-е гг. [47].

Поиск ответа на вопрос, для кого и для чего возводились степные мавзолеи, едва ли требует длительных размышлений. Г.Н. Гарустович, в свое время разработавший «теорию мавзолеев», выделил, опираясь, в том числе, и на мнения предшественников, десять аспектов этой теории. Включая и такой экзотический аспект как эстетический [13]. Причем сам исследователь явно отдавал предпочтение точке зрения, согласно которой мавзолеи возводились над могилами представителей элиты кочевнического общества, иногда и вообще не являвшихся мусульманами [13, с. 98, 102–105]. Примеры подобных захоронений известны: Маячный Бугор, Варнинский (Кэсэнэ), Мустаевский V [7, с. 155; 8; 41, с. 12–14].

¹ По последним уточнениям эпиграфиста А.М. Гайнутдинова, Хусейн-бек скончался в 1344 г. Более подробно см.: Гайнутдинов А.М. Эпитафия на памятнике Хусейн-беку // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 168. (прим. гл. ред.).

Если исходить из того, что степные мавзолеи и кочевнические погребения с джучидскими монетами синхронны, то их картография указывает на отсутствие между ними территориальной привязки (рис. 1 и 2). Это, во-первых, дает повод усомниться в том, что «мавзолеи и мазары благодаря своей монументальности практически сразу превращались в места почитания» [13, с. 101]. Во-вторых, география мавзолеев и языческих курганов степей Заволжья и Южного Приуралья, а также планиграфия кочевнических могильников, состоящих из языческих и мусульманских захоронений – Ишкуловский II, Линеvский, Покровский IV, у пос. Урал, Царевский, Маляевка – с большей степенью вероятности указывают на то, что кочевники степной глубинки Золотой Орды на первых этапах утверждения ислама в государстве были, если не враждебны, то вполне индифферентны к нему и к его погребальным канонам [22].

За исключением каменных мавзолеев Булгара и мавзолеев в Чишминском районе современного Башкортостана – Хусейн-бека, Тура-хана, Малый кэшэнэ – все кирпичные и сырцовые мавзолеи Заволжья и Предуралья сооружены в степи (рис. 1). Что представляла в рассматриваемое время степь, хорошо известно благодаря палеоклиматическим реконструкциям лаборатории археологического почвоведения Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН профессора В.А. Дёмкина в 2001–2004 гг. По результатам почвоведческого анализа, в XIII–XIV вв. в степях Нижнего Поволжья происходит резкое увеличение степени атмосферной увлажненности и общей гумидизации климата (климатический оптимум). Вследствие чего в ряде регионов происходит сдвиг ландшафтных рубежей к югу [57, с. 195–203]. В Нижнем Поволжье в результате роста количества осадков происходило размывание солончаков и пустыня Прикаспийской низменности – Рын-пески – становилась сухой степью [25, с. 170; 19, рис. 2].

Противоположная северная оконечность Волго-Уральского региона (городище Уфа II и его окрестности) стабильно представляла собой лесное пограничье, находящееся под постоянным воздействием антропогенного фактора – вырубка лесов, распашка, вытаптывание растительности и т.п. [38].

В этих условиях кочевникам Золотой Орды уходить из степи не было никакого резона. Поэтому кочевнических памятников XIII–XIV вв. в Волго-Уральской лесостепи известно мало (рис. 2). Из могильников это Балымерские курганы (в общей сложности 5 погребений) [30; 48] и Сынтыштамакский курганный могильник, (14 курганов) [14, с. 181–188].

Известны ещё четыре заведомо кочевнических одиночных погребения: на Рождественском IV могильнике, Алексееvское, Аккулаевское и Удрякбашское [3; 44; 49] (рис. 3). Наличие ещё нескольких кочевнических захоронений предполагается на берегу р. Ик у с. Байряки-Тамак, где было найдены вещи, типичные для степных погребений XIII–XIV вв. К.А. Руденко на составленной им карте кочевнических могильников и отдельных погребений в Булгарском Улусе Золотой Орды Байряки-Тамакские находки, вслед за Е.П. Казаковым, обозначает как полностью разрушенный могильник, принадлежавший кыпчакам [49, с. 189]. Так это было или нет, сейчас сказать практически невозможно. Первооткрыватель этих находок Е.П. Казаков ситуацию описывает так: «...в 1972 г. Ф.Ш. Гимадеевым было сообщено о разрушении при разработке карьера для добычи гравия в д. Байряки-Тамак Бавлинского района ТАССР средневекового могильника и прислана пласти-

нчатая серебряная накладка. При нашем обследовании этого памятника в 1974 г. собран комплекс вещей: три орнаментированных бронзовых позеленевших зеркала, железные ножницы, два круговых напрясла» [32, с. 93]. Так что будем **условно считать**, что в Байряки-Тамаке были найдены несколько² захоронений женщин, своим происхождением связанных с кочевниками Золотой Орды. На это также указывает и то обстоятельство, что среди вещей были найдены два глиняных пряслица. Вообще пряслица – очень редкая находка в кочевнических погребениях Золотой Орды. По моим данным, пряслица найдены в 1,6% от 1268 учтенных погребений. Причем, найдены они все в могильниках Заволжья и Южного Предуралья и половина из них (0,8%) вместе с пряслицем содержит бронзовое зеркало (Ровное, к. 10; Усть-Курдюм, к. 1; Бахтияровка, к. 26, 70, 72; Пчельник, к. 6; Холодный Яр, к. 26; Малеяевка, к. 7; Цаган-Усн VII, к.4; Мирное, к. 2).

Пряслице – единственный элемент погребального инвентаря, найденный в погребении с конем на площадке Камаевского городища [56, с. 144]. Женским было и Алексеевское погребение (найжены зеркало и ножницы) [49, с. 205]. Ещё одно женское погребение с кочевническими атрибутами погребального инвентаря (бронзовое зеркало, ножницы, проволочная серьга и две серебряных подвески с янтарными вставками) найдено в могильнике на Бабьем бугре г.Булгара [20, с. 184].

Не наводит ли это на мысль о том, что все эти женщины – кыпчачки³ могли оказаться в лесостепных районах как жёны мужчин местного населения, о котором речь пойдет ниже?

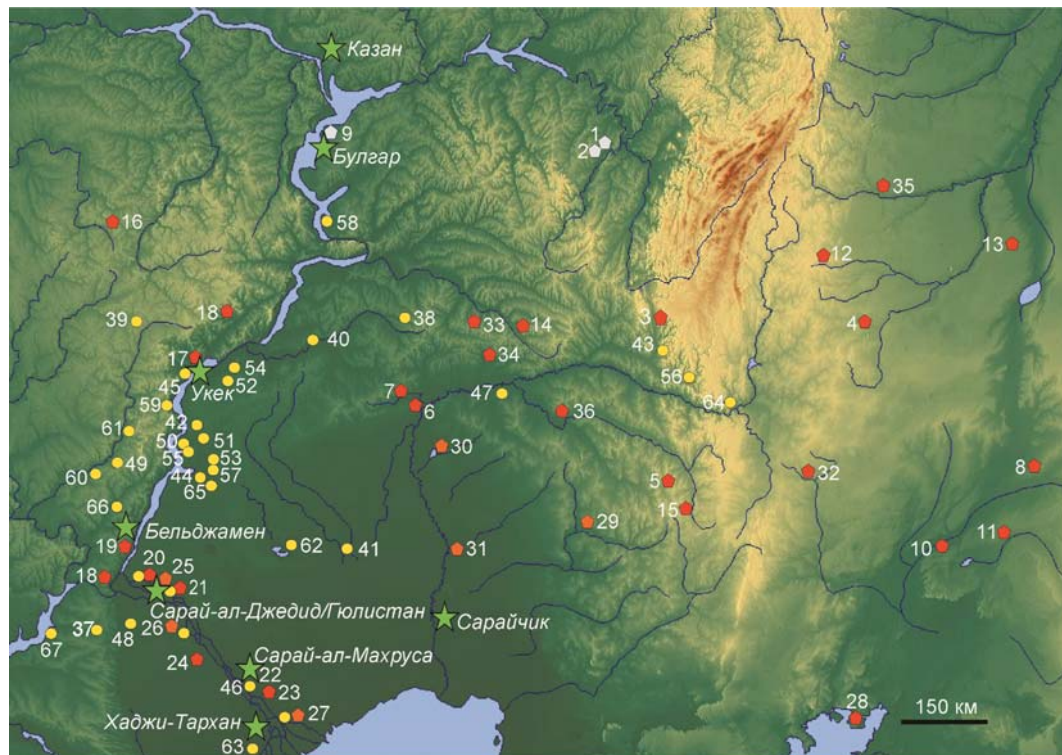
К.А. Руденко в своем исследовании о кочевниках в Булгарском Улусе Золотой Орды в качестве ключевого рассматривает могильник на Песчаном острове в устье Камы. Из 15-ти исследованных на могильнике захоронений языческими, то есть содержащими кочевнические предметы погребального инвентаря, являются два: погребение №5 – женское (опять женское!) (зеркало, игольница, бусины, нож) и №8 – мужское (два стремени, удила, два ножа) [49, с. 203–205].

Конечно, если рассматривать перечисленные погребения отдельно от общего массива известных сейчас в Волго-Уральских степях кочевнических захоронений XIII–XIV вв., то, при желании, можно прийти и к выводу о том, что «они составляют единый этнокультурный комплекс кыпчакского населения в Булгарском Улусе Золотой Орды» [49, с. 209]. Но если взглянуть на них с точки зрения географической статистики, то получается, что они составляют только 1,4% от 695 исследованных в регионе погребений кочевников. О чем это говорит? Вероятнее всего, о том, что отдельные группы кочевников-кыпчаков, действительно, приходили в окрестности г.Булгара⁴ и некоторые женщины выходили замуж за местных мужчин. Оставались ли кочевники в этих краях надолго? Ничего определенного сказать по этому поводу

² Едва ли более трех, поскольку кочевники в погребения клали не более одного зеркала.

³ Именно так определяют исследователи этническую принадлежность перечисленных погребений.

⁴ Что не удивительно – это все-таки город с привлекательными для кочевников базарами и ремесленными мастерскими.



Мавзолеи: ◻ - каменные ◈ - кирпичные ◈ - сырцовые ● - курганы с монетами Джучидов
 ★ - города Золотой Орды

Рис. 1. Территория распространения мавзолеев Золотой Орды в степях Заволжья и Предуралья.

- 1 – Тура-хана; 2 – Хусейн-бека; 3 – Бэндэбике; 4 – Кесене («Башня Тамерлана»);
 5 – Жангыз-Агаш; 6 – Малый Уральский; 7 – Большой Уральский; 8 – Кара-Яр;
 9 – мавзолеи г. Булгара; 10 – Домолакер; 11 – у Метеостанции; 12 – на р.Увельке;
 13 – Атчергат; 14 – Тептяри; 15 – Жаман-Каргала; 16 – Мохши; 17 – Укек; 18 – Мечетное;
 19 – Водянское; 20 – Бахтияровский; 21 – Царевский; 22 – Селитренное;
 23 – Комсомольское; 24 – 301-й км; 25 – Солодовка; 26 – Кривая Лука; 27 – Маячный
 Бугор; 28 – Кердери; 29 – Саралжин; 30 – Лебедевка VIII; 31 – Караул-Тобе; 32 – Абат-
 Байтак; 33 – у свх. Свердловка; 34 – Мустаевский; 35 – Троицкий; 36 – Изобильненский;
 37 – Абганеровский; 38 – Августовка; 39 – Марьевка; 40 – Давдовка III; 41 – Марьевка;
 42 – Ровное; 43 – Андреевское; 44 – Бережновка; 45 – Саратов; 46 – Лапас; 47 – Жарсуат;
 48 – Купцын-Толга; 49 – Даниловка; 50 – Зауморье; 51 – Кеппенталь; 52 – Суслы;
 53 – Харьковка; 54 – Боаро; 55 – Белокаменка; 56 – Тлявгуловский; 57 – Блюменфельд;
 58 – Свх. Луначарского; 59 – Мордова; 60 – Сенной; 61 – Новая Меловатка; 62 – Жангала;
 63 – Лапас; 64 – Новоорский; 65 – Новая Молчановка; 66 – Шляховский; 67 – Нагавский.

Fig. 1. The territory of distribution of the mausoleums of the Golden Horde in the steppes of the Volga and Cis-Ural regions.

- 1 – Tura-khan; 2 – Husein-bek; 3 – Bendebike; 4 – Kesene (“Bashnya Tamerlana”);
 5 – Zhangyzyz-Agash; 6 – Malyy Uralskiy; 7 – Bolshoy Uralskiy; 8 – Kara-Yar;
 9 – mausoleums of Bulgar; 10 – Domolaker; 11 – near Weather station; 12 – on Uvelka river; 13 – Atchergat;
 14 – Teptyari; 15 – Zhaman-Kargala; 16 – Mokhshi; 17 – Ukek; 18 – Mechetnoye;
 19 – Vodyanskoye; 20 – Bakhtiyarovskiy; 21 – Tsarevskiy; 22 – Selitrennoye;
 23 – Komsomolskoye; 24 – 301 km; 25 – Solodovka; 26 – Krivaya Luka; 27 – Mayachnyy
 Bugor; 28 – Kerderi; 29 – Saralzhin; 30 – Lebedevka VIII; 31 – Karaul-Tobe; 32 – Abat-

Baytak; 33 – near Sverdlov sovkhos; 34 – Mustayevskiy; 35 – Troitskiy; 36 – Izobilnenskiy;
37 – Abganerovskiy; 38 – Avgustovka; 39 – Maryevka; 40 – Davdovka III; 41 – Maryevka;
42 – Rovnoye; 43 – Andreyevskoye; 44 – Berezhnovka; 45 – Saratov; 46 – Lapas;
47 – Zharsuat; 48 – Kuptsyn-Tolga; 49 – Danilovka; 50 – Zaumorye; 51 – Keppental;
52 – Susly; 53 – Kharkovka; 54 – Boaro; 55 – Belokamenka; 56 – Tlyavgulovskiy;
57 – Blyumenfeld; 58 – Lunacharskiy sovkhos; 59 – Mordova; 60 – Sennoy; 61 – Novaya
Melovatka; 62 – Zhangala; 63 – Lapas; 64 – Novoorskiy; 65 – Novaya Molchanovka;
66 – Shlyakhovskiy; 67 – Nagavskiy.



Рис. 2. Территория распространения памятников чияликской культуры и кочевников Золотой Орды в Предуралье.

1 – Хусейн-бека; 2 – Тура-хана; 3 – Бэндэбике; 4 – на р. Увельке; 5 – Чияликский;
6 – Азметьевский; 7 – Такталачук; 8 – Игимский; 9 – Меллятамак; 10 – Дербешкинский;
11 – Казакларовский; 12 – Бикбуловское; 13 – Усаевское; 14 – Байряки-Тамак;
15 – Минниярвовское; 16 – Нагайбакский; 17 – Биктимировский; 18 – Кара-Абыз;
19 – Уфимское (Чортово); 20 – Уфа II; 21 – Горновское; 22 – Ябалаклинское;
23 – Подымалово; 24 – Свх. Луначарского; 25 – Пчельник; 26 – Челкар; 27 – Алабайтал;
28 – Андреевское; 29 – Ново-Орский; 30 – Ветлянка; 31 – Большой Шихан;
32 – Гвардейцы; 33 – Жарсуат; 34 – Линеvский; 35 – Тлявгуловский; 36 – Ишкуловский;
37 – Покровский; 38 – Ивановка IV; 39 – Новочеркасский; 40 – у пос. Урал;
41 – Хабарный; 42 – Мустаевский; 43 – Мертвецовский; 44 – Новый Кумак;
45 – Федоровский; 46 – у пос. Большевик; 47 – Березовка; 48 – Балымерский;
49 – Александровский; 50 – Илецкая Защита; 51 – Августовка; 52 – Давдовка;
53 – Абашевский; 54 – Виловатовский; 55 – Покровка; 56 – Тавлыкаевский;
57 – Каменноозерный; 58 – Тамар-Уткуль; 59 – Комсомольский IV; 60 – Жанаталап;

61 – Башкир-Беркутовский; 62 – Агаповский; 63 – Екатеринбургский; 64 – Удрякбаш;
65 – Колпакский; 66 – Сынтыштамакский; 67 – Тептяри; 68 – Свх. Свердлова;
69 – Малый Уральский; 70 – Большой Уральский; 71 – Мечетное; 72 – Кушулевский;
73 – Рождественский IV; 74 – Алексеевское.

Fig 2. The territory of distribution of monuments of Chiyalik culture and nomads of the Golden Horde in the Cis-Ural region.

1 – Husein-bek; 2 – Tura-khan; 3 – Bendebike; 4 – on Uvelka river; 5 – Chiyalikskiy;
6 – Azmetyevskiy; 7 – Taktalachuk; 8 – Igimskiy; 9 – Mellyatamak; 10 – Derbeshkinskiy;
11 – Kazaklarovskiy; 12 – Bikbulovskoye; 13 – Usayevskoye; 14 – Bayryaki-Tamak;
15 – Minniyarovskoye; 16 – Nagaybakskiy; 17 – Biktimirovskiy; 18 – Kara-Abyz;
19 – Ufimskoye (Chortovo); 20 – Ufa II; 21 – Gornovskoye; 22 – Yabalaklinskoye;
23 – Podymalovo; 24 – Lunacharskiy sovkhos; 25 – Pchelnik; 26 – Chelkar; 27 – Alabaytal;
28 – Andreyevskoye; 29 – Novo-Orskiy; 30 – Vetlyanka; 31 – Bolshoy Shikhan;
32 – Gvardeytsy; 33 – Zharsuat; 34 – Linevskiy; 35 – Tlyavgulovskiy; 36 – Ishkulovskiy;
37 – Pokrovskiy; 38 – Ivanovka IV; 39 – Novocherkasskiy; 40 – near the Ural village;
41 – Khabarnyy; 42 – Mustayevskiy; 43 – Mertvetsovskiy; 44 – Novyy Kumak;
45 – Fedorovskiy; 46 – near the Bolshevik village; 47 – Berezovka; 48 – Balymerskiy;
49 – Aleksandrovskiy; 50 – Iletsкая Zashchita; 51 – Avgustovka; 52 – Davdovka;
53 – Abashevskiy; 54 – Vilovatovskiy; 55 – Pokrovka; 56 – Tavlykayevskiy;
57 – Kamennoozernyy; 58 – Tamar-Utkul; 59 – Komsomolskiy IV; 60 – Zhanatalap;
61 – Bashkir-Berkutovskiy; 62 – Agapovskiy; 63 – Ekaterinovskiy; 64 – Udryakbash; 65 –
Kolpakskiy; 66 – Syntyshchtamakskiy; 67 – Teptyari; 68 – Sverdlov sovkhos; 69 – Malyy
Uralskiy; 70 – Bolshoy Uralskiy; 71 – Mechetnoye; 72 – Kushulevskiy;
73 – Rozhdestvenskiy IV; 74 – Alekseyevskoye.

нельзя. Оседали ли они на землю (седентаризировались)? А зачем, если в заволжских степях в это время были вполне оптимальные условия для кочевания? Поэтому более соответствующей исторической реальности представляется точка зрения о том, что «группа населения, оставившая Балымерские курганы, очевидно, являлась воинским контингентом, обеспечивающим стабильность новой власти в землях бывшей Булгарии» [31, с. 456].

Кочевнические погребения с территории современного Башкортостана – Сынтыштамакские курганы, Аккулаевское, Удрякбашское, Урманяевское (рис. 2) картины тоже не меняют. В общей сложности они также составляют 1,4% от общего числа кочевнических погребений Волго-Уралья. С той только разницей, что, в отличие от погребений с территории Булгарского Улуса, среди них⁵ чаще встречаются мужские захоронения. И здесь опять можно предположить, что это были какие-то отдельные группы кочевников-кыпчаков, углубившиеся в лесостепь. И, возможно, здесь они имели столкновения с местным населением, приведшие к гибели мужчин-воинов⁶. Но всё это – не более чем предположения, могущие (как и выводы К.А. Руденко) объяснить причину появления кочевников в Волго-Уральской лесостепи.

Здесь мы подходим к основной проблеме, поднятой в настоящей статье. Ближайшими северными соседями золотоордынских кочевников в Волго-Урале являлись носители чияликской археологической культуры, в XIII–

⁵ Там, где это удалось установить по погребальному инвентарю.

⁶ Кстати, в этой связи не лишне указать, что у пожилой женщины, погребенной в могиле №2 Малого кэшэнэ, голова была отрублена сильным ударом сзади (саблей?) [18, с. 180].

XIV вв. занимавшие территорию Икско-Бельского междуречья к северу от Бугульминско-Белебеурской возвышенности (рис. 2). В культурно-хозяйственном контексте «**чияликцы**» были **полукокчевниками**. В этнокультурном они представляли собой ту часть зауральско-западносибирских угров, которые, начиная с X в., заняли территорию, оставленную родственными им уграми-мадьярами, после того как те ушли из Предуралья на запад [34, с. 359; 15; 33, с. 59–65; 35].

На восточной окраине территории основного расселения носителей чияликской культуры, на левобережье нижнего течения р.Дема, находятся каменные мавзолеи – Хусейн-бека, Тура-хана, Малый кэшэнэ (рис. 2, 3). О времени их возведения было сказано выше. Об их принадлежности к болгарской архитектурной традиции написано много и сомнения в этом ни у кого из исследователей не возникает⁷ [21, с. 159; 9, с. 20; 18, с. 189]. Другой вопрос – с какой целью эти мавзолеи возводились? Для кого – это ясно. Г.Н. Гарустович и А.И. Нечвалода, анализируя содержание эпитафии из Мавзолея (кэшэнэ) Хусейн-бека приходят к выводу о том, что Хусейн-бек был не просто мусульманским проповедником, но представителем ханской администрации в «Башкирском улусе»⁸, а район, где были построены указанные мавзолеи, являлся его, «улуса» политическим центром [18, с. 335–338]. Пусть будет так. Главное, что люди, погребенные в этих мавзолеях, этнически не принадлежали к местному «чияликскому» населению.

С одной стороны, Г.Н. Гарустович и А.И. Нечвалода определенно называют их «башкирами» [18, с. 335]. С другой – исходя из указаний средневековых письменных источников (точнее – единственного источника, сочинения Абу-л-Гази «Родословная туркмен» XVII в.), именно носители чияликской культуры являлись никем иным, как «иштяками», у которых спасались кыпчаки, уцелевшие после погрома, учиненного им Чагатаем и Угедеем [23].

Возникает вопрос – где могло находиться место (места) обитания этой самой элиты до их упокоения под сводами мавзолеев? Сейчас мы пока располагаем следующими данными на этот счет. В 18 км южнее мавзолея Хусейн-бека, вверх по течению р.Дема, находится Горновское поселение чияликской культуры, определенное как стационарный зимник (кышлак). Рядом с этим поселением исследован мусульманский могильник. В 25 км южнее найдено и исследуется Ябалаклинское I поселение – по-видимому, ещё один большой «чияликский» зимник-кышлак [51; 52] (рис. 3). В 36–40 км к северо-востоку от мавзолея обнаружено и исследуется Подымаловское I поселение (рис. 3). Оно датируется золотоордынским временем и по найденному материалу аналогично Горновскому поселению, то есть, также относится к чияликской культуре [4].

Можно ли какой-то из этих поселений-кышлаков считать местом обитания представителей мусульманской элиты, олицетворявшей власть золотоордынских ханов в «башкирском юрте» – я судить не берусь. На мой взгляд, едва ли. Горновское поселение, сейчас практически смытое водами р.Дема, никаких капитальных сооружений, кроме следов юрт и полуземлянок с печами-сувалами нам не дало. На Ябалаклинском I и Подымаловском I поселени-

⁷ Г.Н.Гарустович совершенно определенно говорил о наличии в регионе двух архитектурных школ – «болгарской» и «среднеазиатской периферийной» [17, с. 178].

⁸ По нашему мнению, речь должна идти все-таки не об улусе, а о Башкирском юрте (йорт) в составе Улуса Джучи-Золотой Орды [24, с. 65–96].

ях пока даже аналогичных сооружений не обнаружено. Поэтому мне очень трудно представить Хусейн-бека и его семью⁹ проживающими в юрте или полуземлянке на одном из указанных поселений. Хотя не исключено, что дальнейшие раскопки на поселениях Ябалаклы I¹⁰ или Подымалово I могут дать самые неожиданные результаты.

К мавзолеям примыкают мусульманские кладбища – зиярат. Когда они начали формироваться – вопрос открытый. Исследователи описываемых мавзолеев, рассмотрев 29 надгробий кладбища Акзират вокруг мавзолея Хусейн-бека, датированных XVII–XVIII вв., приходят к заключению о том, что «комплексный ансамбль некрополя Акзират начал формироваться в первой половине XIV в, когда на ровном незаселенном месте вблизи озера был построен каменный мавзолей над могилой Хусейн-бека...» [18, с. 247]. Откуда взялась эта дата? От селища чияликской культуры, обнаруженного в 300 м к юго-востоку от мавзолея. Относительно этого селища исследователи сообщают следующее: «В результате проведения разведочных работ в августе 2017 г. было выявлено селище, получившее название Чишма-1. ... При обследовании площадки памятника и в двух заложённых шурфах были обнаружены фрагменты гончарной и лепной керамики, а также кости животных. Гончарная керамика имеет аналогии среди станковой посуды Волжской Булгарии эпохи Золотой Орды, лепная же отнесена к чияликской археологической культуре и датируется XIV в.» [18, с. 247].

Мусульманские кладбища, опять-таки XVII в., примыкают к мавзолею Тура-хана. Одно из них расположено между мавзолеями Тура-хана и «Малым кэшэнэ» [18, с. 185–190]. Другое – к югу от кэшэнэ Тура-хана – исследовалось в 2022–2023 гг. археологами Института этнологических исследований им. Р.Г.Кузеева УФНИЦ РАН. О нем пока известно только из сообщений исследователей (Бахшиев И.И.) в СМИ Башкортостана, в которых, в частности, неоднократно упоминалось погребение девушки с ожерельем, в котором среди бус находилась монета царя Михаила Федоровича (XVII в.). В месте с тем, антропологическая экспертиза останков из восьми погребений некрополя у мавзолея Тура-хана, проведенная В.В. Куфтериним и Р.Р. Насретдиновым, дала интересные и, в известной степени, показательные результаты: оказывается по своим антропологическим признакам погребенные возле мавзолея Тура-хана не были «чияликцами»-иштяками и могли принадлежать к какой-то группе кочевников [39, с. 101–103]. Тут на память волей-неволей приходят Сынтыш-Тамакские курганы, расположенные в 18–20 км к западу от комплекса Тура-хана (рис. 3), среди которых шесть курганов – по определению Г.Н. Гарустовича – содержали погребения, совершенные по мусульманскому обряду [16].

Особую загадку загадали нам башкиры племени мин, минг, мингат – т.н. «демские башкиры» – которые, как считал Р.Г. Кузеев, «в XIV в., в период активной миграции башкирских племен с Бугульминской возвышенности... заняли южную часть бельско-уфимского междуречья, постепенно локализуясь в районе слияния рр. Уфы и Демы с Белой. Весь район центра совре-

⁹ По результатам молекулярно-генетического анализа четверо из пятерых захороненных в мавзолее Хусейн-бека людей – родственники [18, с. 392–397].

¹⁰ Площадь памятника ориентировочно составляет 8400 м², как указано у Е.В. Русланова.

менной Башкирии, включая территорию г.Уфы и прилегающих земель вниз и вверх по Белой, был, по преданиям, минской вотчиной. В пределах этой территории, в 50 км южнее г.Уфы на берегу р.Демы вокруг мавзолея мусульманского проповедника Хусейн-бека (XIV в.) сохранилось древнее кладбище минцев, на надмогильных плитах которого до сих пор отчетливо видны минские тамги» [37, с. 273–274]. Я не буду здесь вдаваться в подробности, откуда пришли башкиры-минцы на берега р.Демы – с Бугульминской возвышенности (что мало вероятно) или с какой-то другой территории. В контексте настоящей статьи гораздо важнее заострить внимание на том, что именно потомки этого племени носители исторической памяти – в XVIII–XIX вв. выступали в роли информаторов о рассматриваемых памятниках для участников Академической экспедиции и краеведов.

Начнем с того, что в известных и изданных минских родословных-шэжэрэ ни Хусейн-бек, ни Тура-хан **не упоминаются вообще** [5, с. 251–310]. В башкирских исторических преданиях и легендах Хусейн-бек упоминается единственный раз. Главный герой сказания «Последний из Сартаева рода» бий Джалык, от чьего имени ведется повествование, готовясь к схватке с войском Тамерлана, обращается с молитвой о помощи к «святому Хусейн-беку из земли Туркестан», но – безуспешно [6, с. 176].

Г.Н. Гарустович и А.И. Нечвалода в своей монографии подробнейшим образом излагают историю изучения каменных мавзолеев в XVIII–XIX вв. Правда, отмечая что все предания и легенды, услышанные и записанные русскими учеными того периода, изложены именно в их, ученых, понимании и преломлении (?), поэтому в своем исследовании авторы их использовать не будут [18, с. 43]. В контексте настоящей работы именно эти предания представляются важными, поскольку отражают место и значение этих сооружений в исторической памяти башкирского народа.

П.И. Рычков во время своего посещения Уфы в 1734 г. от башкирского старшины Кидраса Муллакаева услышал и записал сведения о том, что в 50 верстах от Уфы при озере большом Азирате и на речке Ислаке «были немалые жительства, да и поныне на том озере мечеть, а на речке Ислаке мечеть же и дом каменные видны, только уже обвалились» [54, с. 264].

Его сын капитан Н.П. Рычков, в 1769–1770 гг. находившийся в составе экспедиции академика П.С. Палласа, в отличие от своего отца, «каменные палаты», расположенные в 50 верстах от Уфы обследовал и описал сам. Возле мавзолея Тура-хана он видел каменные надгробия с арабскими надписями, но узнать их содержание Н.П. Рычкову не удалось, поскольку «слова на камнях написанные не смогли истолковать самые искусные муллы». По причине, что сами камни («надгробки») были попорчены временем, да и язык надписей отличался от арабского языка XVIII в. Поэтому «из окольных жителей» никто не ведал, **«к чему служило сие место, а того меньше ещё, кто был основателем онаго»** (выделено мной – *авт.*). Очевидно кто-то из местных жителей изложил Н.П. Рычкову версию о том, что данное сооружение было храмом какого-то древнего народа. Она не показалась ему достоверной и исследователь в итоге заключает: «не разбирая образ построенного здания, без ошибки можно заключить, что оно служило больше надгробною палатою знатнейшего человека, нежели молитвенным храмом тех народов, кои в древности тамо обитали».

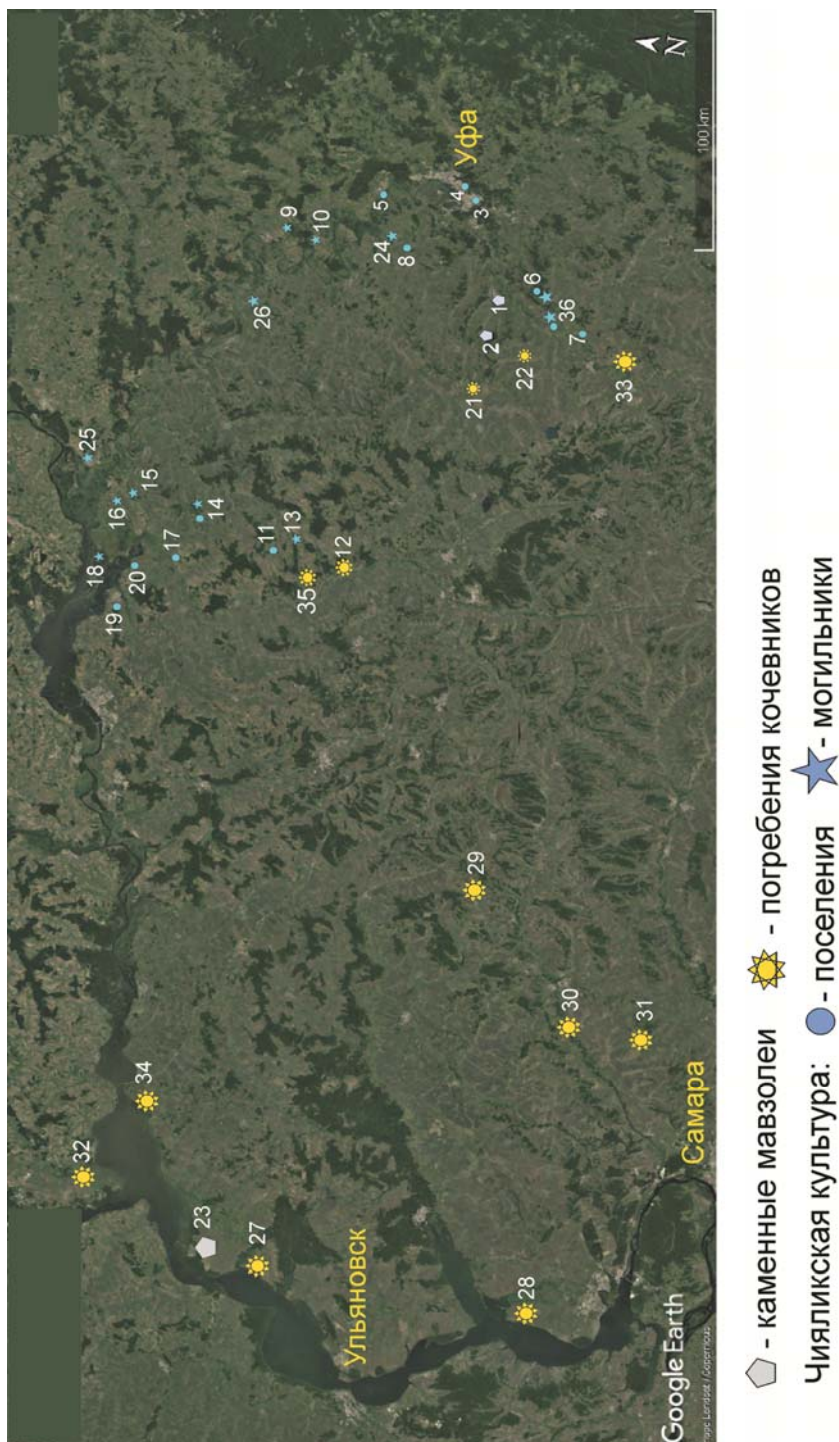


Рис. 3. География местонахождения каменных мавзолеев, памятников чияликской культуры (Башкирский юрт Булгарского Улуса) и курганов кочевников Золотой Орды в Предуралье.

- 1 – Хусейн-бека; 2 – Тура-хана; 3 – Уфа II; 4 – Уфимское (Чортово); 5 – Кара-Абыз;
6 – Горновское I; 7 – Ябалаклинское; 8 – Подымаловское; 9 – Биктимировский;

- 10 – Казакларовский; 11 – Меллятамаское; 12 – Байряки-Тамак; 13 – Нагайбакский;
14 – Чияликский; 15 – Такталачукский; 16 – Азметьевский; 17 – Игимское;
18 – Дербешкинский; 19 – Усаевское; 20 – Бикбуловское; 21 – Сынтыштамакский;
22 – Удрякбаш; 23 – мавзолей г. Булгара; 24 – Таганаевский; 25 – Саузовский;
26 – Кушулевский; 27 – Балымерский; 28 – Свх. Луначарского; 29 – Большой Шихан;
30 – Александровский; 31 – Покровка; 32 – Рождественский IV; 33 – Аккулаевское;
34 – Алексеевское; 35 – Урманяевское; 36 – Нижнехозятское.

Fig. 3. Geography of the location of stone mausoleums, monuments of the Chiyalik culture (Bashkir yurt of the Bulgar Ulus) and mounds of the Golden Horde nomads in the Cis-Ural region.

- 1 – Husein-bek; 2 – Tura-khan; 3 – Ufa II; 4 – Ufimskoye (Chortovo); 5 – Kara-Abyz;
6 – Gornovskoye I; 7 – Yabalaklinskoye; 8 – Podymalovskoye; 9 – Biktimirovskiy;
10 – Kazaklarovskiy; 11 – Mellyatamaskoye; 12 – Bayryaki-Tamak; 13 – Nagaybaskiy;
14 – Chiyalikskiy; 15 – Taktalachukskiy; 16 – Azmetyevskiy; 17 – Igimskoye;
18 – Derbeshkinskiy; 19 – Usayevskoye; 20 – Bikbulovskoye; 21 – Syntyshtamaskiy;
22 – Udryakbash; 23 – mausoleums of Bulgar; 24 – Taganayevskiy; 25 – Sauzovskiy;
26 – Kushulevskiy; 27 – Balymerskiy; 28 – Svkh. Lunacharskogo; 29 – Bolshoy Shikhan;
30 – Aleksandrovskiy; 31 – Pokrovka; 32 – Rozhdestvenskiy IV; 33 – Akkulayevskoye;
34 – Alekseyevskoye; 35 – Urmanayevskoye; 36 – Nizhnekhozyatovskoye.

Больше ясности было с другой «палатой», расположенной в 12 верстах от первой¹¹. Там тоже находился каменный «надгробок», на котором были «написаны молитвы и имя усопшего, «который по словам надписи (как сказывают Татары), был сходец из Мекки столицы Магометанского суеверия». У местного населения он почитался как святой, которому воздавались почести «в дни поминок» [53, с. 102–104].

Начальник Н.П. Рычкова академик П.С. Паллас тоже приводит в своем сочинении сведения о «мечетях» и каменных надгробиях в окрестностях деревень Тирме и Калмаш. По сведениям местных жителей («по скаскам жителей»), они были сооружены владельцами не башкирского происхождения, «живших где теперь город Уфа построен», которым башкиры до своего вхождения в состав Русского государства платили дань [46, с. 12]¹².

В своей монографии Г.Н. Гарустович и А.И. Нечвалода упоминают ещё одного ученого XVIII в., по их словам, осмотревшего и описавшего каменные кэшэнэ – И.И. Георги, сотрудника экспедиции профессора Фалька 1771–1774 гг., ботаника и фармацевта. При этом авторы ссылаются на 2-й том сочинения Георги «Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1773 und 1774», изданный в Санкт-Петербурге в 1775 г. [18, с. 41]¹³.

Ученые-историки и краеведы XIX столетия больше внимания уделяли эпиграфическому контексту мусульманских памятников в регионе. Хотя архитектурным описанием и фиксацией преданий и легенд, их касающихся, тоже не «манкировали».

¹¹ Мавзолеем Хусейн-бека.

¹² Здесь возникает ассоциация с временами ногайского господства на Южном Урале.

¹³ Признаюсь – все мои попытки отыскать какие-либо упоминания о каменных мавзолеях в Башкирии и в 1 томе указанного сочинения, состоящем из 511 стр., и во 2 томе (506 стр.) (отпечатанных ещё и полуготическим шрифтом) успехом не увенчались.

Так, П.Павловский в 1841 г. посетивший «каменную мечеть Хусейн-бека»¹⁴, со слов местных стариков башкир записал легенду о том, что построенная «мечеть» была по указанию самого Хусейн-бека («Бек значит Князь, или владетельная особа; слово *туркистан* Башкирцы объясняют различно. Некоторые выводят из него, что Хусейн-Бек был Турок, другие, называя Туркестаном Киргизские степи, почитают его Кайсацким Князем; некоторые же напротив того доказывают, что он был Башкирский Князь потому, что Башкирцы сами себя называют Турками»). Совершив хадж в Мекку и получив там отпущение грехов, Хусейн-бек прибыл к башкирам и поселился «в том кочевье Башкирцев, где ныне город Уфа». Предчувствуя свою кончину, Хусейн-бек завещал своим «богатырям» похоронить его в том, месте, куда упадет черемуховый посох, брошенный им с горы, «на которой построен Архиерейский дом»¹⁵. Посох этот и упал в 50-ти верстах от Уфы, где и был погребено тело Хусейн-бека. Над могилою «богатыри» построили из огромных камней памятник-мавзолей¹⁶, а из посоха, воткнутого в ногах могилы выросло большое черемуховое дерево. Первоначально оно было вечнозеленым и чудодейственным, но в настоящее время «по грехам местных жителей» утратило свою животворящую силу. Но сама могила Хусейн-бека остается святой и ей поклоняются не только близ живущие «магометане», но и приезжающие издалека, из отдаленных уездов Оренбургской губернии. В том числе и для того, чтобы попросить помощи святого Хусейн-бека в своих сугубо светских нуждах.

Относительно мавзолея Тура-хана П.Павловский сообщает следующее: «В 8 верстах от мечети Хусейн-Бека на горе... возвышается каменное здание на подобие Башкирского коша (юрты – *авт.*)... по сказанию жителей [оно] было судилищем Башкирского хана; близ него лежат груды камней, оставшиеся от Ханского дворца, который поэтому был древнее судилища» [45]. То есть, поклонясь «Мечети Хусейн-бека», местные башкиры не знали даже имени человека (хана), «судилищем» и «дворцом» которого был мавзолей, известный нам как кэшэнэ Тура-хана¹⁷.

Интересно, что с трактовкой личности Хусейн-бека, данной П.Павловским, перекликаются рассуждения о нем же, данные историком-востоковедом, академиком В.В. Вельяминовым-Зерновым. Сам исследователь могилы Хусейн-бека не видел, но описал её, пользуясь сведениями В.С. Юматова 1846 года. Равно как и при анализе надписи на надгробии Хусейн-бека исследователь пользовался копией, снятой В.С. Юматовым в том же году [10, с. 259]. Анализ надгробного текста исследователь завершает ремаркой о том, что «мусульмане считают памятник Хусейн-бека священным, и правоверные

¹⁴ Так называли мавзолей местные жители в отличие от деревянной мечети, действовавшей тогда в Чишмах.

¹⁵ Случевская гора в г.Уфе.

¹⁶ Изнутри стены его были оштукатурены неким великаном, отпечаток огромной ладони которого П. Павловский видел сам.

¹⁷ Поэтому я не могу понять смысл «цитаты» из П. Павловского, приведенной Г.Н. Гарустовичем и А.И. Нечвалодой на стр. 47 их монографии: «Башкиры очень почитали оба сооружения и хоронили своих родственников рядом с ними...» (выделено мной – *авт.*). Ссылка на П. Павловского, стр 241–242. Странность этой «цитаты» состоит в том, что ничего подобного на указанных страницах статьи П. Павловского нет.

из отдаленных краев Оренбургского края нередко приезжают ему поклониться» [10, с. 261–262]. Личность Хусейн-бека В.В. Вельяминов-Зернов трактует через призму сочинения Шереф-ад-дина бен Хисам-ад-дина Булгарского «Летопись Булгарская». По мнению исследователя, эта летопись, во-первых, указывает на Булгар, как центр распространения ислама в регионе Волго-Уралья, во-вторых, что проповедники ислама («учители») из Туркестана, Ташкента, Самарканда и Бухары посещали Булгар «и оттуда нарочно или мимоездом заходили на Белую, Дему и прочие реки», в-третьих, наводит на мысль о том, что Хусейн-бек «был проповедник, завлеченный на Дему из родного города Туркестана желанием заслужить себе награду у Бога. Знатность происхождения нисколько не мешала ему быть наставником» [10, с. 279–280]. В.В. Вельяминов-Зернов не исключает и вероятности того, что «Хусейн, уважаемый учитель из Туркестана, **живший в Булгаре** (выделено мной – *авт.*), просто отправляясь в Мекку или возвращаясь оттуда, скончался по дороге... и был похоронен вблизи Дёмы» [10, с. 280].

Никаких преданий, относящихся к Хусейн-беку, исследователь не приводит¹⁸, а о кэшэнэ Тура-хана не упоминает вовсе.

В 1860-е годы в краеведческих публикациях рядом с именем Хусейн-бека звучали имена Тура-хана и Тамерлана. Причем, первый уже как персонаж башкирской истории. О нем Г.Игнатович, ссылаясь на какую-то «татарскую хронику», сразу же сообщает, что Тура-хан был чингизид, родственник сибирского хана Кучума. После ссоры с последним Тура-хан вынужден был со всею «ордою подведомственных ему **киргизов** (выделено мной – *авт.*) откочевать на р.Белую на неудобную для кочевья гору, «где ныне город Уфа», а оттуда на р. Слак, «где и воздвиг себе дворец». Но опасаясь русских «кои после покорения Казани посылали в глубь степей экспедиции и широкою ногою обходили владения Тура-хана, требуя покорности», ушел вначале в район нынешнего Стерлитамака, а затем и вовсе на юг в степи. Там он создал свою орду, «потомки коей впоследствии приняли подданство России»¹⁹.

А что касается Тимура, то «из рассказов старожиллов» Г.Игнатович узнал, что этот правитель, во-первых, прислал камень из Бухары для надгробия Хусейн-беку, а потом, идя походом на Русь, вообще построил ему мавзолей [26].

Практически в том же виде, только дополнив его сообщением о том, что «близ здания (дворца Тура-хана – *авт.*) лежит могильный камень с куваческою надписью, положенный над прахом Сахиб-зямал (СхибЗимал) – жены хана», очерк о чишминских мавзолеях опубликовал в 1873 г. крупный статистик Российской империи В.В. Зверинский [42, с. 67–68].

Дважды, в 1873 и 1883 гг., один и тот же очерк о чишминских мавзолеях публикует выдающийся уфимский краевед Р.Г. Игнатьев. Там также присутствуют и Тура-хан, как выходец из Сибирского ханства, и Тамерлан, как строитель мавзоля Хусейн-бека, и надгробие на могиле ханской жены Сахиб Зинал [27; 28, с. 333–334].

¹⁸ Хотя указывает, что почти с каждой гробницей мусульманского праведника, которые он сам наблюдал в Киргиз-Кайсацких (Казахстанских) степях, «сопряжено какое-либо предание, часто даже нелепое» и для примера приводит предание об аулие Хорхуте (Коркуте?), слышанное им самим от киргизов (казахов) [10, с. 283].

¹⁹ То есть, башкирам Тура-хан опять же был не родня. С Хусейн-беком «переселиться» никак не мог и вообще жил в XVI в.

С кирпичными мавзолеями Южного Предуралья – Кэшэнэ Бэндэбике и Варнинский (Кесене, «Башня Тамерлана») – дело обстоит несколько проще. Возводились они, несомненно, строителями из Средней Азии, на территории, входившей в ареал обитания кочевников Золотой Орды (рис. 3). Кэшэнэ Бэндэбике, исследованный Н.А. Мажитовым в 1968–1969 гг. на территории мусульманского кладбища с.Максютово Куграчинского района Башкортостана, содержал могилу женщины с остатками одежды из богатой ткани. У жителей с.Максютово бытовала легенда²⁰, согласно которой мудрая старуха Бэндэбика, жена батыра Ерэнсэ-сэсэнэ, слывшая миротворицей среди враждовавших между собой башкир и казахов, чувствуя приближение кончины завещала похоронить себя в собственном доме и завалить его землей: «Выполняя её завет, старики схоронили её в собственном доме» [6, с. 204–206].

Исследователи, изучавшие Кесене – «Башню Тамерлана» в XIX – начале XX столетия (Р.Г. Игнатъев, Ж.А. Кастанье), от кочевавших поблизости казахов узнали одну и ту же легенду, по которой «это здание – храм над могилою царя неизвестного народа, здесь жившего, но давно уже перешедшего в Китай, и что царь этого народа был муж святой, но какой религии были царь и его подданные, и когда жили на этом месте – предание ничего не говорит» [29, с. 96–104; 36, с. 47–50].

И башкиры, и казахи почитали это здание и считали за благо быть похороненными рядом с ним. И действительно вокруг Кесене Ж.А. Кастанье насчитал до 700 поздних могил – «мазарок» [26, с. 50].

И, по-видимому, уж совсем в недавние времена²¹ вокруг Кесене у местного населения возникла ещё одна, романтическая, легенда о любви дочери Тамерлана Кесене к простому воину Менгирею. Спасаясь от гнева владыки, влюбленные бежали в степь, но были пойманы воинами Тимура. Менгирей был зарублен на глазах несчастной девушки, а сама она ударом кинжала в грудь убила себя. «Когда утих гнев грозного Тимура, повелел он на месте гибели своей дочери построить мавзолей, такой, чтобы стоял века» [40]²².

Столь пространный аннотация преданий-легенд, витающих вокруг предуральских мавзолеев, приведена мною сознательно, чтобы показать заинтересованному читателю, что социально-историческая и этнокультурная информация, отложившаяся в исторической памяти башкир об этих памятниках и персонах, которым они были посвящены, **в весьма малой степени** соответствует интерпретации, даваемой им современными исследователями²³.

Поэтому теперь мне кажется, что Г.Н. Гарустович и А.И. Нечвалода в своей капитальной монографии, в отличие от своих предшественников, так же сознательно опустили эти предания и легенды. Почему – об этом будет сказано ниже. Приведенные же выше данные позволяют сделать **следующие выводы**:

Кирпичные степные мавзолеи, включая кэшэнэ Бэндэбике и Кесене («Башня Тамерлана»), являлись органичной частью мусульманской **культуры кочевников Золотой Орды**. И сооружались они по заказу кочевой знати

²⁰ Единственная и более нигде не встреченная.

²¹ Но, конечно, не в прошлом веке, а раньше.

²² Судя по сюжету этой «легенды», авторы явно были знакомы с произведением Сейфа Сарай «Сухейль и Гульдурсун».

²³ Речь, конечно же идет не об архитектурной морфологии указанных мавзолеев.

мастерами, приглашенными, надо полагать, из Средней Азии. Примечательно, что оба мавзолея – Бэндэбике и Кесене («Башня Тамерлана») – были построены над могилами женщин, явно принадлежавших к сословию кочевнической знати.

Каменные мавзолеи – Хусейн-бека, Тура-хана, Малый кэшэнэ – таковыми не являлись. Расположены на территории, находившейся за пределами ареала обитания золотоордынских кочевников. И построены они были (в чем сейчас никто не сомневается) мастерами из Булгара. Вопрос – по чьему заказу или распоряжению? Выше было сказано, что авторы неоднократно цитируемой здесь монографии о каменных мавзолеех дату кончины Хусейн-бека (1339 г.) предлагают считать основой для хронологии каменных мавзолеев Предуралья и датировать их первой половиной – серединой XIV в. [18, с. 189]. Но, по мнению других исследователей (в том числе и Г.Н. Гарустовича), для Икско-Бельско-Демского междуречья весь XIV в. – это было время обитания здесь носителей чияликской культуры/иштяков-угров [1, с. 103; 2, с. 127–128; 24, с. 143–146]. Косвенно это подтверждается находками монеты хана Джанибека и кашинной керамики на поселениях Подымалово I, Ябалаклы I, Горновском²⁴ [51; 52; 55]. Следовательно, если исходить из предложенной названными исследователями хронологии, каменные мавзолеи должны были сооружаться в окружении и на территории «чияликцев» – иштяков/угров. Соответственно и Хусейн-бек, бывший, по мнению тех же исследователей, ханским наместником «башкирского улуса» [18, с. 336] должен был управлять ими же.

Сами «чияликцы», хотя и были мусульманами, но, судя по имеющимся (пока) археологическим данным, своих покойников возле мавзолеев не хоронили²⁵ и возле поселений у них имелись свои кладбища (Горновское I, Нижнехозятовское). Нижнехозятовское поселение, по обилию находок на его территории²⁶, Г.Н. Гарустович и А.И. Нечвалода считают политическим центром «башкирского улуса» в период эпохи Золотой Орды [18, с. 338]. Мне представляется, что в скором времени на этот статус будут претендовать Подымаловское I и Ябалаклинское I поселения.

Вдаваться в эту проблему в мою задачу не входит, поэтому я остановлюсь только на том, что так называемый «башкирский юрт» (территория обитания носителей чияликской культуры) в XIII–XIV вв. являлся частью улусной системы Золотой Орды [24, с. 84–96]. Территориально и административно он, вероятно, входил в состав Булгарского Улуса Золотой Орды, сложившегося в середине XIII в. [31; 50]. На это, в частности, могут указывать и укрепленные поселения-городища – Охлебининское II, Шиповское, Малый Толпак, Уфимское (Чортово), Кара-Абыз – сооруженные в золотоордынское время на востоке основной территории Башкирского юрта «группой населения, связанной своим происхождением с Волжской Болгарией» [43].

Таким образом, имеющиеся данные (с какой стороны к ним ни подходи) подводят нас к следующему **заключению**: в течение XV–XVII вв. в Башкир-

²⁴ Кстати, Е.В. Русланов приводит результаты датирования чияликского могильника Кордон Миассово 1 по C¹⁴, по которым получается, что памятники чияликской культуры могли существовать в период с середины XIII по начало XV вв. [51, с. 261].

²⁵ Погребения с каменными надгробиями не в счет, поскольку они датируются не ранее XVII в.

²⁶ Копать поселение невозможно, оно находится под современной деревней.

ском Предуралья произошла существенная смена населения, завершившаяся формированием этнического облика средневековых башкир. Прежде всего, за счет ассимиляции «чияликцев»/угров пришедшими с юга и юго-запада предками демских башкир-минцев (мингцев), имевших выраженные тюркские этнические корни. В XV в. они полностью заселяют долину р.Дема²⁷. Каменные мавзолеи минцы, по-видимому, застали уже в готовом виде, как наследие Булгарского улуса Золотой Орды. Но поскольку в это время шла ожесточенная борьба башкир с ногайцами (которые сами были раздираемы внутренними междоусобицами), разбираться в том, кто, когда и в чью честь возвел эти сооружения, было трудно. А в XVII–XVIII вв. на Дему «переселяются кочевники не только из соседних районов юго-восточной Башкирии, но и с дальних земель Зауралья и с севера» [37, с. 274], для которых «чияликцы»-иштяки уже были народом неизвестного происхождения (переселенцы вообще о них что-либо знали).

Но, если с кэшэнэ Хусейн-бека все было более-менее ясно: сохранилась надгробная надпись, которую, худо-бедно, грамотным муллам можно было понять, то вокруг кэшэнэ на р.Слак сложились легенды, в которых сплелись в один клубок Тура-хан, родственник сибирского хана Кучума, построенный им «дворец» и «Дом суда», его жена Сахиб Зимал, похороненная тут же, Тамерлан – строитель кэшэнэ Хусейн-бека и проч. Со временем (уж в XVII в. точно) оба кэшэнэ в сознании теперь уже смешанных в родовом отношении демских башкир сакрализировались. Кэшэнэ Хусейн-бека стало кладбищем, на котором хоронили представителей минской/мингской родовой элиты. Некрополь Акзират возле кэшэнэ Хусейн-бека с минскими тамгами на надгробиях (Р.Г. Кузеев) тому яркий пример²⁸.

Кэшэнэ Тура-хана в сознании средневековых демских башкир также, по-видимому, ассоциировался с неким святым или святыми (что, однако, не явилось препятствием для разграбления находящихся в нем могил [18, с. 171])²⁹. Поэтому в XVII в. вокруг него так же образовалось кладбище, первоначально, возможно, так же бывшее кладбищем родовой элиты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов И.В. Этническая история Волго-Уральского региона в XIII – начале XV вв. (историко-археологическое исследование). Уфа: РА «Информреклама», 2006. 236 с.
2. Антонов И.В. Башкиры в эпоху средневековья (очерки этнической и политической истории). Уфа; ИП Галиуллин Д.А., 2012. 308 с.

²⁷ О чем обстоятельно изложено в классической монографии Р.Г. Кузеева [37, с. 271–281].

²⁸ Правда, авторы монографии, описав надгробия этого некрополя, среди которых не выявлено ни одного старше XVII в., почему-то пришли к выводу о том, что «комплексный ансамбль некрополя Акзират начал формироваться в первой половине XIV в. ...» [18, с. 247].

²⁹ Впрочем, это могло произойти и позже, в советские годы борьбы с религией, когда, по рассказам жителей д. Нижние Термы, каменные надгробия вокруг мавзолея были собраны и утоплены в р.Слак [18, с. 186].

3. Антонов И.В. Аккулаевское погребение и его место в этнической истории Южного Урала // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. С. 277–280.

4. Ахатов А.Т., Бахшиев И.И., Тузбеков А.И., Камалеев Э.В. Селище Подымалово-1 в Приуралье: новый памятник эпохи Золотой Орды в Башкирии (предварительные результаты) // История науки и техники. 2018. №4. С. 28–32.

5. Башкирские родословные / Сост. предисл., поясн. к пер., пер. на рус. яз., послесл. и указ. Р.М.Булгакова, М.Х.Надергулова; Науч. рук. Р.Г.Кузеев. Уфа: Китап, 2002. Выпуск 1. 480 с.

6. Башкирское народное творчество. Том 2. Предания и легенды / Составитель, авт. вступит. статьи, комм. Ф.А.Надршина. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. 576 с.

7. Боталов С.Г., Гарустович Г.Н., Яминов А.Ф. Новые материалы по мавзолеям Зауралья и Центрального Казахстана // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Вып. 1. Сборник статей / Отв. ред. М.Ф.Обыденнов. Уфа, 1995. С. 148–165.

8. Васильев Д.В. Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1998, с. 101–112.

9. Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование). Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2009. 179 с.

10. Вельяминов-Зернов В.В. Памятник с арабо-татарской надписью в Башкирии // Труды Восточного отделения Императорского археологического общества / Под ред. В.Р.Розена. Ч. 4. СПб.: Тип-я Имп. АН, 1859. С. 257–284.

11. Гарустович Г.Н. Еще раз о датировках мусульманских кирпичных мавзолеев степной полосы Волго-Уральского региона // Золотоордынская цивилизация. Выпуск 5. 2012. С. 126–136.

12. Гарустович Г.Н. К вопросу о хронологии кирпичных мавзолеев в степной полосе Южного Урала и Западного Казахстана // Вестник ВЭГУ. 2013. № 1(63). С. 108–113.

13. Гарустович Г.Н. «Теория мавзолеев» или региональные особенности культового мемориального зодчества Урало-Поволжья эпохи Золотой Орды (исторические и этнографические аспекты проблемы) // Золотоордынское обозрение. №2(4). 2014. С. 95–119.

14. Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX–XV вв. н.э.): монография. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 328 с.

15. Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. Вып. 15. 2015. С. 181–198.

16. Гарустович Г.Н. Сынташтамакские курганы // Башкирская энциклопедия. Т.6. «Научное издательство Башкирская энциклопедия». Уфа, 2010. С. 185–186.

17. Гарустович Г.Н. Мусульманские мавзолеи золотоордынского периода // История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Казань: Институт истории м. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 177–184.

18. Гарустович Г.Н., Нечвалода А.И. Средневековые каменные мавзолеи Башкортостана (история, археология, биоантропология). Уфа: Китап, 2020. 400 с.

19. Демкин В.А., Демкина Т.С. Археологическое почвоведение: новое направление в изучении древней и средневековой истории природы и общества // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград: 1999. С. 343–366.

20. Ефимова А.М. Могильник на Бабьем бугре городища Болгары // Материалы и исследования по археологии СССР. №80. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III. М.: Издательство АН СССР, 1960. С. 169–194.

21. Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть 1. Культурное зодчество. Казань: Отечество, 2014. – 228 с.

22. Иванов В.А. Восприятие ислама кочевниками Золотой Орды // Золотоордынское наследие: Материалы VII Международного Золотоордынского Форума «Цивилизационное значение принятия Ислама Волжской Булгарией и Золотой Ордой: интеграционные процессы в средневековой истории России», Казань, 14–16 декабря 2022 г. Выпуск 5. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2023. С. 63–67.

23. Иванов В.А. Иштяки по данным археологии // Иштяки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. С. 84–91.

24. Иванов В.А., Злыгостев В.А. Башкирский юрт Золотой Орды (1236–1437). Уфа: Китап, 2021. 272 с.

25. Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского региона в голоцене. М.: ИНТЕЛЛЕКТ, 1995. 264 с.

26. Игнатович Г. О древних памятниках в Уфимском уезде // Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течение 1866 и 67 гг. / Под ред. Н.А.Гурвича. Уфа: В типографии Уфимского губернского правления, 1868. С. 29–30.

27. Игнатьев Р.Г. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картой губернии / Под ред. Н.А.Гурвича. Ч. 1. Уфа: Тип-я Губернского правления, 1873.

28. Игнатьев Р.Г. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии, как то: древние здания, городища, ногайские валы, курганы, древние находки и т.д. // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. С. 328–355.

29. Игнатьев Р.Г. Древние здания в Троицком уезде Оренбургской губернии // Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / Ответственный редактор В.А. Лабuzов; составитель М.И. Роднов. Т. II: 1866–1868 годы. Уфа [Электронный ресурс], 2011. 290 с. Режим доступа: <http://mrodnov.ru/ft/5/public/Ruf.%20T-II.pdf> (дата доступа 08.01.2024).

30. Измайлов И.Л. Балымерские курганы: проблемы этнокультурной интерпретации // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей / Отв. ред и составитель И.М.Миргалеев. Вып. 1. Казань: Изд. «Фэн» АН РТ, 2009. С. 276–281.

31. Измайлов И.Л. Булгарский улус: Булгар и другие эмираты // История татар с древнейших времен в семи томах. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. С. 448–470.

32. Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 129 с.

33. Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 208 с.

34. Казаков Е.П. Памятники Иско-Бельского междуречья // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т.6. Средние века (вторая треть XIII – первая половина XV вв.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи) / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г.Ситдикова; отв. ред. В.С. Баранов. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. С. 359–367.

35. Казаков Е.П., Чижевский А.А., Лыганов А.В. Меллятамакское VI селище чияликской культуры // Поволжская археология. 2016. №2 (16). С. 219–242.

36. Кастанье Ж.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Вып. XXII. Оренбург, 1910. 332 с.

37. Кузеев Р.Г. Собрание научных трудов: в 7 т. Т.4 / ИЭИ УНЦ РАН. Уфа: Китап, 2016. 528 с.
38. Курманов Р.Г. Изучение сукцессий растительных сообществ городища Уфа II методом спорово-пыльцевого анализа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. №4 (31). С. 175–184.
39. Куфтерин В.В., Насретдинов Р.Р. Антропологическая экспертиза останков из погребений некрополя у мавзолея Тура-хана // Уфимский археологический вестник. Том 23. №1. 2023. С. 84–108.
40. Марина Горбунова. Легенды о Башне Тамерлана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.com/wall562344176_1726 (дата доступа 08.01.2024).
41. Моргунова Н.Л., Краева Л.А., Матюшко И.В. Курганный могильник Мустаево V // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VII. Оренбург: Госпедуниверситет. Оренбург: Издательство ОГПУ, 2004. С. 5–49.
42. Населенные пункты Башкортостана. Ч. I. Уфимская губерния, 1877. Уфа: Китап, 2002. 432 с.
43. Овсянников В.В. К вопросу о времени создания укреплений Охлебининского и Шиповского городищ // От древности к новому времени (проблемы истории и археологии). Вып. VIII / Отв. ред. Н.А.Мажитов. Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 56–62.
44. Овсянников В.В., Юсупов Р.М. Золотоордынское погребение у д. Удрякбаш // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. 2004. С. 283–284.
45. Павловский П. Мечеть Хусейн-Бека (в Оренбургской губернии) // ж. Москвитянин. Ч. II. №3. 1843. С. 234–246.
46. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санктпетербургской Императорской Академии наук. Часть вторая. Книга вторая. 1770 год. СПб.: Императорская Академия наук., 1786. 476 с.
47. Пигарев Е.М. Монеты в погребениях Золотой Орды // Степи Евразии в эпоху средневековья: Сб. науч. ст. / Гл. ред. Евглевский А.В.; Ин-т археологии НАН Украины; Донецкий гос. ун-т. Т. 1. Донецк: ДонГУ, 2000. С. 283–301.
48. Руденко К.А. Балымерский курганный могильник эпохи Золотой Орды: вопросы датировки // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей / Отв. ред и составитель И.М.Миргалеев. Вып. 1. Казань: Изд. «Фэн» АН РТ, 2009. С. 282–294.
49. Руденко К.А. Кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская археология. №2 (4) 2017. С. 189–211.
50. Руденко К.А. Булгарский Улус Золотой Орды во второй половине XIII – начале XV века: историко-археологический очерк // *Rex Mongolica* и евразийские потрясения XIII–XIV веков. *Stratum plus*. №6. 2016. С. 107–149.
51. Русланов Е.В. Горновский археологический комплекс золотоордынского времени в Предуралье: к 60-летию научного изучения // Археология Евразийских степей. №6. 2022. С. 253–267.
52. Русланов Е.В. Селище Ябалаклы-I: новые материалы по чияликской культуре Южного Предуралья // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. №5. С. 118–130.
53. Рычков Н.П. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-Кайсацкие степи в 1771 году. СПб.: Императорская Академия наук, 1772. 104 с.
54. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа: Китап, 1999. 312 с.
55. Тузбеков А.И. Кашинная керамика с селища Подымалово I (по результатам раскопок 2019 года) // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, №4. С. 157–165.
56. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. 214 с.

57. Якимов А.С., Дёмкин В.А., Алексеев А.О. Природные условия степей Нижнего Поволжья в эпоху средневековья (VIII–XIV вв. н.э.). М.: НИИ Природа, Фонд «Инфосфера», 2007. 228 с.

REFERENCES

1. Antonov I.V. Ethnic history of the Volga-Ural region in the 13th – early 15th centuries. (historical and archaeological research). Ufa: RA “Informreklama”, 2006. 236 p. (In Russian)
2. Antonov I.V. Bashkirs in the Middle Ages (essays on ethnic and political history). Ufa: IP Galiullin D.A., 2012. 308 p. (In Russian)
3. Antonov I.V. Akkulaevsky burial and its place in the ethnic history of the Southern Urals. *Archaeological heritage of the Urals: from the first discoveries to fundamental scientific knowledge (XX Ural Archaeological Meeting): materials of the All-Russian (with international participation) scientific conference*. Izhevsk: Institute of Computer Research, 2016, pp. 277–280. (In Russian)
4. Akhatov A.T., Bakhshiev I.I., Tuzbekov A.I., Kamaleev E.V. Village Podymalovo-1 in the Urals: a new monument of the Golden Horde era in Bashkiria (preliminary results). *Istoriya nauki i tekhniki = History of science and technology*. 2018, no. 4, pp. 28–32. (In Russian)
5. Bashkir genealogies. Authors of preface, explanations to the translation, trans. in Russian language, afterword and index R.M. Bulgakov, M.Kh. Nadergulov; Scientific supervisor R.G.Kuzeev. Ufa: Kitap, 2002, Iss. 1. 480 p. (In Russian)
6. Bashkir folk art. Volume 2. Traditions and legends. Compilation, introductory study and commentaries F.A.Nadrshina. Ufa: Bashkir Book Publishing House, 1987. 576 p. (In Russian)
7. Botalov S.G., Garustovich G.N., Yaminov A.F. New materials on the mausoleums of Trans-Urals and Central Kazakhstan. *Heritage of Centuries. Protection and study of archaeological monuments in Bashkortostan*. Vol. 1. Collection of articles. Ed. M.F.Obydenov. Ufa, 1995, pp. 148–165. (In Russian)
8. Vasiliev D.V. Women’s burial in the raw mausoleum of the Golden Horde. *Antiquities of the Volga-Don steppes*. Volgograd, 1998, pp. 101–112. (In Russian)
9. Vasiliev D.V. Islamization and funeral rites in the Golden Horde (archaeological and statistical research). Astrakhan: Astrakhan University Publ., 2009. 179 p. (In Russian)
10. Velyaminov-Zernov V.V. Monument with an Arab-Tatar inscription in Bashkiria. *Proceedings of the Eastern Branch of the Imperial Archaeological Society*. Ed. V.R. Rosen. Part 4. St. Petersburg: Type-I Imp. AN, 1859, pp. 257–284. (In Russian)
11. Garustovich G.N. Once again about the dating of Muslim brick mausoleums of the steppe strip of the Volga-Ural region. *Golden Horde civilization*, Iss. 5, 2012, pp. 126–136. (In Russian)
12. Garustovich G.N. On the issue of the chronology of brick mausoleums in the steppe zone of the Southern Urals and Western Kazakhstan. *Vestnik VEGU*, 2013, no. 1(63), pp. 108–113. (In Russian)
13. Garustovich G.N. “Theory of mausoleums” or regional features of the cult memorial architecture of the Ural-Volga region of the Golden Horde era (historical and ethnographic aspects of the problem). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2014, no. 2(4), pp. 95–119. (In Russian)
14. Garustovich G.N., Ivanov V.A. Materials on the archeology of medieval nomads of the Southern Urals (9th–15th centuries AD): monograph. Ufa: BSPU Publishing House, 2014. 328 p. (In Russian)

15. Garustovich G.N. Chiyalik archaeological culture of the Middle Ages in the Southern Urals. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik = Ufa Archaeological Bulletin*, 2015, vol. 15, pp. 181–198. (In Russian)

16. Garustovich G.N. Syntashtamak mounds. *Bashkir Encyclopedia*. Vol. 6. "Scientific publishing house Bashkir Encyclopedia." Ufa, 2010, pp. 185–186. (In Russian)

17. Garustovich G.N. Muslim mausoleums of the Golden Horde period. *History of the Tatars of the Western Urals. Vol. I. Nomads of the Great Steppe in the Urals. Tatar medieval states*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 177–184. (In Russian)

18. Garustovich G.N., Nechvaloda A.I. Medieval stone mausoleums of Bashkortostan (history, archeology, bioanthropology). Ufa: Kitap, 2020. 400 p. (In Russian)

19. Demkin V.A., Demkina T.S. Archaeological soil science: a new direction in the study of ancient and medieval history of nature and society. *Archeology of the Volga-Ural region in the era of the early Iron Age and the Middle Ages*. Volgograd, 1999, pp. 343–366. (In Russian)

20. Efimova A.M. Burial ground on Babii Hill of the Bolgar settlement. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR = Materials and research on the archeology of the USSR*, no. 80. Proceedings of the Kuibyshev archaeological expedition. Vol. III. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1960, pp. 169–194. (In Russian)

21. Zilivinskaya E.D. Architecture of the Golden Horde. Part 1. Religious architecture. Kazan: Fatherland, 2014. 228 p. (In Russian)

22. Ivanov V.A. Perception of Islam by the nomads of the Golden Horde. *Golden Horde Heritage: Materials of the VII International Golden Horde Forum "The civilizational significance of the adoption of Islam by the Volga Bulgaria and the Golden Horde: integration processes in the medieval history of Russia"*, Kazan, December 14–16, 2022. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2023, iss. 5, pp. 63–67. (In Russian)

23. Ivanov V.A. Ishtyaki according to archeological data. *Ishtyaki: the Ural-Siberian borderlands*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 84–91. (In Russian)

24. Ivanov V.A., Zlygostev V.A. Bashkir yurt of the Golden Horde (1236–1437). Ufa: Kitap, 2021. 272 p. (In Russian)

25. Ivanov I.V., Vasiliev I.B. Man, nature and soils of the Ryn-sands of the Volga-Ural region in the Holocene. Moscow: Intelligence, 1995. 264 p. (In Russian)

26. Ignatovich G. About ancient monuments in the Ufa district. *Collection of statistical, historical and archaeological information on the former Orenburg and current Ufa provinces, collected and developed during 1866 and 67*. Ed. N.A. Gurvich. Ufa: In the printing house of the Ufa provincial government, 1868, pp. 29–30. (In Russian)

27. Ignatiev R.G. Monuments of prehistoric antiquities of the Ufa province. *Memorial book of the Ufa province with a statistical map of the province*. Ed. N.A. Gurvich. Part 1. Ufa: Type-I of the Provincial Government, 1873. (In Russian)

28. Ignatiev R.G. Monuments of prehistoric antiquities of the Ufa province, such as: ancient buildings, fortifications, Nogai ramparts, mounds, ancient finds, etc. *Reference book of the Ufa province*. Ufa, 1883, pp. 328–355. (In Russian)

29. Ignatiev R.G. Ancient buildings in the Trinity district of the Orenburg province. *Collected works (Ufa and Orenburg period)*. Executive editor V.A. Labuzov; compiled by M.I. Rodnov. Vol. II: 1866–1868. Ufa [Electronic resource], 2011. 290 p. Available at: <http://mrodnov.ru/fr/5/public/Ruf.%20T-II.pdf> (access 08.01.2024). (In Russian)

30. Izmailov I.L. Balymer mounds: problems of ethnocultural interpretation. *Golden Horde Heritage. Materials of the International Scientific Conference "Political and socio-economic history of the Golden Horde (13th–15th centuries)"*. March 17, 2009. Collection of articles. Edited and compiled by I.M. Mirgaleev. Vol. 1. Kazan: Fen Publ., 2009, pp. 276–281. (In Russian)

31. Izmailov I.L. Bulgar ulus: Bulgar and other emirates. *History of the Tatars from ancient times in seven volumes. Vol. III. Ulus Jochi (Golden Horde). 13th – mid-15th centuries*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 448–470. (In Russian)
32. Kazakov E.P. Monuments of the Bulgar era in the eastern regions of Tataria. Moscow: Nauka, 1978. 129 p. (In Russian)
33. Kazakov E.P. Volga Bulgars, Ugrians and Finns: problems of interaction. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2007. 208 p. (In Russian)
34. Kazakov E.P. Monuments of the Iksko-Belsky interfluvium. *Archeology of the Volga-Ural region*. In 7 volumes. Vol. 6. Middle Ages (second third of the 13th and first half of the 15th centuries). The era of the Golden Horde (Ulus Jochi); A.Kh. Khalikov Institute of Archeology of the Tatarsnan Academy of Sciences; under general ed. A.G. Sitdikov; resp. ed. V.S. Baranov. Kazan: Nauka, 2022, pp. 359–367. (In Russian)
35. Kazakov E.P., Chizhevsky A.A., Lyganov A.V. Mellyatamak VI settlement of the Chiyalik culture. *Povolzhskaya Arkheologiya=The Volga River Region Archaeology*, 2016, no. 2 (16), pp. 219–242. (In Russian)
36. Castanet J.A. Antiquities of the Kyrgyz steppe and Orenburg region. *Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission*. Vol. XXII. Orenburg, 1910. 332 p. (In Russian)
37. Kuzeev R.G. Collection of scientific works: in 7 volumes. Vol. 4. Ufa: Kitap, 2016. 528 p. (In Russian)
38. Kurmanov R.G. Study of succession of plant communities of the Ufa II settlement by the method of spore-pollen analysis. *Vestnik arkeologii, antropologii i etnografii = Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, 2015, no. 4 (31), pp. 175–184. (In Russian)
39. Kufterin V.V., Nasretidinov R.R. Anthropological examination of remains from the burials of the necropolis at the Tura Khan mausoleum. *Ufimskiy arkeologicheskiy vestnik = Ufa Archaeological Bulletin*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 84–108. (In Russian)
40. Marina Gorbunova. Legends of the Tower of Tamerlane. [Electronic resource]. Available at: https://vk.com/wall562344176_1726 (access 08.01.2024). (In Russian)
41. Morgunova N.L., Kraeva L.A., Matyushko I.V. Kurgan burial ground Mustaev V. *Archaeological monuments of the Orenburg region*. Vol. VII. Orenburg: State Pedagogical University. Orenburg: OGPU Publishing House, 2004, pp. 5–49. (In Russian)
42. Settlements of Bashkortostan. Part I. Ufa province, 1877. Ufa: Kitap, 2002. 432 p. (In Russian)
43. Ovsyannikov V.V. On the question of the time of creation of the fortifications of the Okhlebininsky and Shipovskiy settlements. *From antiquity to modern times (problems of history and archeology)*, vol. VIII. Rep. ed. N.A. Mazhitov. Ufa: RIO BashGU, 2005, pp. 56–62. (In Russian)
44. Ovsyannikov V.V., Yusupov R.M. Golden Horde burial near the Udryakbash village. *Ufimskiy arkeologicheskiy vestnik = Ufa Archaeological Bulletin*. 2004, Iss. 5, pp. 283–284. (In Russian)
45. Pavlovsky P. Husein-bek Mosque (in the Orenburg province). *Moskvityanin = Muscovite*. 1843, part II, no. 3, pp. 234–246. (In Russian)
46. Pallas P.S. Travel to different places of the Russian state at the behest of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences. Part two. Book two. 1770 St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences., 1786. 476 p. (In Russian)
47. Pigarev E.M. Coins in the burials of the Golden Horde. *Steppes of Eurasia in the Middle Ages: collection of scientific articles*. Ch. ed. Evglevsky A.V.; Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine; Donetsk state univ. Vol. 1. Donetsk: DonSU, 2000, pp. 283–301. (In Russian)
48. Rudenko K.A. Balymer burial mound of the Golden Horde era: dating issues. *Golden Horde Heritage. Materials of the International Scientific Conference "Political and*

socio-economic history of the Golden Horde (13th–15th centuries)”. March 17, 2009. Collection of articles. Ed.-in-chief I.M. Mirgaleev. Vol. 1. Kazan: Publishing house. "Fen" of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 282–294.

49. Rudenko K.A. Nomads in the Bulgar Ulus of the Golden Horde (according to archaeological data). *Povolzhskaya Arkheologiya=The Volga River Region Archaeology*, 2017, no. 2(4), pp. 189–211. (In Russian)

50. Rudenko K.A. Bulgar Ulus of the Golden Horde in the second half of the 13th – early 15th centuries: historical and archaeological essay. *Pax Mongolica and Eurasian upheavals of the 13th–14th centuries. Stratum plus*, 2016, no. 6, pp. 107–149. (In Russian)

51. Ruslanov E.V. Gornovsky archaeological complex of the Golden Horde period in the Cis-Urals: to the 60th anniversary of scientific study. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey = Archeology of the Eurasian steppes*, 2022, no. 6, pp. 253–267. (In Russian)

52. Ruslanov E.V. Village Yabalakly-I: new materials on the Chiyalik culture of the Southern Urals. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, philology*. 2023, vol. 22, no. 5, pp. 118–130. (In Russian)

53. Rychkov N.P. Day notes of captain Nikolai Rychkov's journey to the Kyrgyz-Kaisat steppes in 1771. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1772. 104 p. (In Russian)

54. Rychkov P.I. Topography of the Orenburg province. Ufa: Kitap, 1999. 312 p. (In Russian)

55. Tuzbekov A.I. Kashin ceramics from the settlement of Podymalovo I (based on the results of excavations in 2019). *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy = Theory and practice of archaeological research*. 2021, vol. 33, no. 4, pp. 157–165. (In Russian)

56. Fakhruddinov R.G. Essays on the history of Volga Bulgaria. Moscow: Nauka, 1984. 214 p. (In Russian)

57. Yakimov A.S., Demkin V.A., Alekseev A.O. Natural conditions of the steppes of the Lower Volga region in the Middle Ages (13th–14th centuries AD). Moscow: NIA Priroda, Infosphere Foundation, 2007. 228 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Александрович Иванов – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (450008, ул. Октябрьской революции, 3А, Уфа, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7243-2588. E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Ivanov – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Russian and World History, Akmulla Bashkir State Pedagogical University (3A, October Revolution Str., Ufa 450008, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7243-2588. E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

Поступила в редакцию / Received 09.01.2024

Поступила после рецензирования / Revised 28.02.2024

Принята к публикации / Accepted 04.03.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.165-174>
EDN: PTULYW

УДК 930.27:94

ЭПИТАФИЯ НА ПАМЯТНИКЕ ХУСЕЙН-БЕКУ**А.М. Гайнутдинов**

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
aydargm@yandex.ru*

Резюме. Цель исследования: выявить более правильный и максимально полный текст эпитафии на памятнике Хусейн-беку, сохранившемся на кладбище р.п. Чишмы Чишминского района Республики Башкортостан.

Материалы исследования: исследование проведено на основе анализа статей и книг эпитафистов, фотографий памятников XIV в., а также материалов эпитафической экспедиции автора.

Результаты и научная новизна: Текст памятника Хусейн-беку в настоящее время сохранился лишь частично, поэтому уже не представляется возможным полностью его прочесть. Но на основании дубликата этого памятника, изготовленного и установленного по инициативе муфтия М. Султанова и памятника из Булгара, который очень схож с памятником Хусейн-беку, удалось реконструировать его надписи. Считаем, что нам удалось выяснить, какие слова были написаны на лицевой и боковых сторонах этого камня, которые были пропущены или неправильно прочитаны у других специалистов, а также опровергнуть предложенную ученым Г.В. Юсуповым дату кончины Хусейн-бека. По палеографическим признакам, исследованный нами объект весьма схож с другими памятниками, которые сохранились в Булгаре современного Спасского района Республики Татарстан. Исходя из этого, можно с уверенностью сказать, что памятник Хусейн-бека изготовили булгаро-татарские мастера-резчики. Сам он был государственным деятелем, выходцем из неизвестного населенного пункта Тарсас, который находился на территории Туркестана. Эпитафия на памятнике Хусейн-беку написана рельефным почерком сульс на арабском и татарском языках. Помимо информации об усопшем, на камне присутствуют традиционные для татар религиозные изречения, молитвы и стихи.

Ключевые слова: булгаро-татарская эпитафика, надмогильные камни, эпитафии, эпитафические памятники, Чишмы, Булгар, Хусейн-бек

Для цитирования: Гайнутдинов А.М. Эпитафия на памятнике Хусейн-беку // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 165–174. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.165-174> EDN: PTULYW

© Гайнутдинов А.М., 2024



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

THE EPITAPH ON THE MONUMENT TO HUSEIN-BEK

A.M. Gainutdinov

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

aydargm@yandex.ru

Abstract. Research objectives: The purpose of the article is to identify the correct and most complete text of the epitaph on the monument to Husein-bek which was preserved in the cemetery of Chishma workers' village of the Chishminsky district of the Republic of Bashkortostan.

Research materials: The study was conducted on the basis of an analysis of articles and books by epigraphists, photographs of monuments of the 14th century, as well as materials of the author's epigraphic expedition.

Results and scientific novelty: The text of the monument to Husein-bek is currently only partially preserved, so it is no longer possible to read it completely. But on the basis of a duplicate of this monument, made and installed on the initiative of Mufti M. Sultanov, and a monument from Bulgar which is very similar to the monuments of Husein-bek, it was possible to reconstruct its inscriptions. We believe that we have managed to ascertain which words were written on the front and sides of this stone that were missed or incorrectly read by other specialists, as well as to refute the date of Husein-bek's death proposed by scientist G.V. Yusupov. According to paleographic features, the object studied by us is very similar to other monuments that have been preserved in the Bulgar of the modern Spasky district of the Republic of Tatarstan. Based on this, it is safe to say that the monument was made by Bulgarian-Tatar carvers. Husein-bek himself was a statesman, a native of the unknown settlement of Tarsas, which was located in the territory of Turkestan. The epitaph on the monument to Husein-bek is written in relief handwriting in the Arabic and Tatar languages. In addition to information about the deceased, the stone contains traditional Tatar religious sayings, prayers, and poems.

Keywords: Bulgarian-Tatar epigraphy, tombstones, epitaphs, epigraphic monuments, Chishma, Bulgar, Husein-bek

For citation: Gainutdinov A.M. The epitaph on the monument to Husein-bek. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 1, pp. 165–174. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.165-174> (In Russian)

На юго-восточной окраине р.п. Чишмы Чишминского района Республики Башкортостан расположено древнее мусульманское кладбище «Акзират» («Белое кладбище»). Здесь находится мавзолей Хусейн-бека, внутри которого сохранился надмогильный камень XIV в. На этот эпиграфический памятник из известняка обращали внимание многие исследователи, которые расходились во мнениях относительно его текста.

По свидетельству известного ученого-эпиграфиста Г.В. Юсупова, памятник Хусейн-беку изучали Дж. Георги, П. Павловский, В.С. Юматов, Р.Г. Игнатъев, Г. Игнатович, В.В. Вельяминов-Зернов, М.В. Лоссиевский, А.П. Смирнов и др. [12, с. 111], но прочтение ни одного из них не внушало доверия, т.к. никто из них сам лично не читал эпитафию на камне, а некоторые из них даже не видели воочию сам памятник [12, с. 113]. Это касается даже видного татарского ученого Г. Губайдуллина, который привел его текст и датировал камень 742 г. по хиджре. При этом ученый памятник не посещал, а отсутствие ссылок на научные работы может ввести в заблуждение, что он его исследовал лично

[2, с. 54]. Если бы Г. Губайдуллин видел этот камень, он не утверждал бы, что на его боковых сторонах написано стихотворение из шести строк [2, с. 55].

Сам же Г.В. Юсупов в 1954 и 1957 гг. приезжал с эпиграфической целью на кладбище «Акзират» и изучал памятники [12, с. 116]. Он выявил, что Хусейн-бек сын Омар-бека скончался в 1339 г., хотя некоторые исследователи до него предлагали иную датировку. По мнению Г.В. Юсупова на надмогильном камне Хусейн-бека написаны следующие слова:

العادل في الاحكام حاجي حسين
بك بن عمر بك ... رساس تركستان المرحوم
اللهم رحمه رحمة واسعة و اكرمه بالعفو و المعفرة
توفى في الايام التاسع من شهر الله المبارك ا
لرابع سنة الربيعين و سبعمائة رحمي اول مومن فاتحه

Ученый перевел эту эпитафию следующим образом:

- 1) “Справедливый в своих решениях хаджи Х[усейн]н-
- 2) [бек сын Омар-бека...] рсасского из Туркестана, [покойного],
- 3) Боже мой помилуй милостью [обширно], чти же его своим благодеянием.
- 4) Скончался [девятого] дня благословенного Богом месяца
- 5) [чет]вертого, года семьсот сорокового...
- 6) ...” [12, с. 118].

Четвертый месяц по лунному календарю – это раби ал-ахир. Но Г.В. Юсупов посчитал, что это раби ал-аввал, поэтому, по его мнению, Хусейн-бек скончался 9-го дня месяца раби ал-аввал 740 г. по мусульманскому летоисчислению, т.е. 15 сентября 1339 г.

На верхней части памятника были еще две строки надписи, но они давно уже стерлись. В. Вельяминов-Зернов полагал, что на этих строках были написаны слова на арабском языке: «Он [Аллах] – Живой, который не умирает» [1, с. 281].

В 2020 г. Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ была организована научная экспедиция в Чишминский район. В ней участвовали автор этих строк и историк Сайрус Хамидуллин. Мы тщательно исследовали надмогильный камень внутри мавзолея, который установлен на могиле Хусейн-бека. Оказалось, что его текст уже частично поврежден и уже почти невозможно прочесть имена и дату.

К счастью, рядом с памятником Хусейн-беку стоит гранитный дубликат этого памятника, который изготовили из гранита по поручению муфтия Мухаммадьяра Султанова (1837–1915) в 1911 г. во время реставрации мавзолея. Надписи на нем хорошо сохранились и можно полностью их прочесть. На лицевой стороне памятника врезным почерком сульс написано:

العادل في الاحكام حاجي
حسين بك من اهل ترساس تركستانى
المرحوم اللهم ارحمه رحمة واسعة و اكرمه
بالعفو و المعفرة تاريخ في اليوم التاسع

من شهر الله المبارك سنة رابع و اربعين و سبعمائة
رحمت الی المؤمن قال فاتحه

Перевод на русский язык:

- 1) “Справедливый
- 2) в решениях хаджи
- 3) Хусейн-бек из жителей Тарсаса Туркестани
- 4) покойный. О Аллах, помилуй его обширной милостью и возвеличь его
- 5) помилованием и прощением. [Скончался] девятого дня
- 6) благословенного Аллахом месяца семьсот сорок четвертого года
- 7) [Пусть будет] милость верующему, если прочитает [суру] “Фатиха””.

На оборотной стороне камня-дубликата написаны следующие слова:

بو طاشقه اسكى طاشندن كو چروب

يازلدی مفتی محمدیار بن محمدشریف امری ایله ۱۳۲۹ سنه ۱۹۱۱

Перевод:

- 1) “Из старого камня на этот камень было
- 2) переписано по поручению муфтия Мухаммадьяра сына Мухаммад-шарифа в 1329 / 1911 году”.

По исламу, благословенным месяцем считается рамадан, поэтому 9-ый день месяца рамадан 744 г. по европейскому летоисчислению будет 26 января 1344 г.

Г.В. Юсупов в своей книге привел только текст на лицевой стороне дубликата и допустил кое-какие ошибки. Например, он слово “رحمه” (“помилуй его”) прочитал как “ارحمها” (“помилуй ее”), не смог перевести слово “اهل” (“житель”), добавил лишний “алиф” к слову “المؤمن”. Но самая главная его ошибка, на наш взгляд, заключается в том, что Г. Юсупов перепутал местами слова “سنه” и “رابع” и из-за этого вместо “благословенного Аллахом месяца семьсот сорок четвертого года” он ошибочно прочитал как “благословенного Богом четвертого месяца года семьсот сороковым”, т.е. ученый подумал, что число “четыре” относится не к году, а к месяцу [12, с. 115–116]. На самом деле, болгаро-татарские мастера-резчики никогда не писали просто порядковое число месяцев, это вообще не характерно для наших памятников. Также слова “اليوم التاسع” (“девятый день”) Г. Юсупов прочитал правильно, но перевел на русский язык как “седьмой день” (возможно, опечатка) [12, с. 116]. 9-ый день четвертого месяца (т.е раби ал-ахир) 740 г. по хиджре соответствует 15 октябрю 1339 г. Как мы уже упомянули, Г. Юсупов 4-ым месяцем почему-то считал раби ал-аввал, т.к., по его мнению, этот месяц является благословенным. В исламе же раби ал-аввал особо ничем не выделяется от других месяцев, только рамадан является благословенным.

Нам кажется, что Г. Юсупов использовал текст гранитного дубликата при чтении надписи оригинала памятника и допустил такие же ошибки в дате как и при чтении этого текста дубликата. Если он неверно прочитал текст дубликата, который изготовлен всего лишь в начале XX в., то мы уже не можем быть уверенными в том, что текст оригинала он прочитал правильно. Поэтому считаем, что Хусейн-бек скончался не 15 сентября 1339 г., как утверждал Г. Юсупов, а 26 января 1344 г., как указано на дубликате у могилы Хусейн-бека.

Как видно, на камне-дубликате не написано отчество покойного. По нашему мнению, в 1911 г. просто не знали какой вариант выбрать, т.к. некото-

рые специалисты прочитали имя отца Хусейна как Гумер, а некоторые как Азмир. Если представим себе написание этих имен на арабской графике, то станет понятно, что они немного похожи: عمر и ازمر (ازمير). Вполне объяснимо, что букву “г” могли прочесть как «аз» или наоборот, а буквы «м» и «р» присутствуют в обоих именах. Выдающийся татарский ученый Ризаэтдин Фахретдин склонялся к тому, что отца Хусейн-бека звали Азмир. В своей книге «Асар» он приводит кое-какие сведения о Хусейне сыне Азмира, основанные на легендах и рассказах местных жителей [9, с. 22–24]. Переводчики первого тома труда «Асар» ошибочно перевели отчество Хусейна как Измир [10, с. 43]. В.М. Лоссиевский тоже считал, что отца Хусейна звали Азмир [3, с. 12]. Если про М.В. Лоссиевского Г. Юсупов утверждал, что он не видел сам памятник, то про Р. Фахретдина невозможно так говорить, т.к. он 24–25 мая 1891 г. побывал на кладбище «Акзират» и изучил некоторые надписи на древних надмогильных плитах [9, с. 24]. К сожалению, сейчас уже невозможно определить отчество Хусейн-бека, т.к. текст памятника частично поврежден. Даже Г. Юсупов взял имя Гумер в квадратные скобки, возможно, он не был уверен в правильности его чтения и принял мнение большинства исследователей, которые утверждали, что там написано именно Гумер, а не Азмир.

Как видно из эпитафии, Хусейн-бек был родом из населенного пункта Тарсас, который находился, предположительно, в Туркестане, т.к. взял себе нисбу Туркестани (но почему-то написано без артикля «ал»). Вполне вероятно, что он был представителем административного аппарата Золотой Орды, т.к. титул «бек» носили чиновники и мурзы [9, с. 24]. Титул бек отчетливо указывает на то, что Хусейн был беком Агыйдел-улуса Булгарского юрта Золотой Орды. Но, однозначно, Хусейн-бек не был религиозным деятелем, ведь, в таком случае, у него был бы совершенно другой титул (мулла, шейх, устаз и т.д.). Некоторые современные исследователи, считают, что вместо «Тарсас» нужно читать как «Тарсани» и что Тарсан – это не местность, а лакаб, т.е. прозвище, которое означает «боязливый» [7, с. 41].

На правом и левом сторонах памятника Хусейн-беку тоже имеются надписи. Г. Юсупов смог разглядеть лишь несколько слов и согласился с прочтением В. Юматова, который предположил, что там написаны такие стихи:

1-ый стих:

نيلا ر قصد ايا مليغ نا كيم قاچار قموغه بو اولوم ساعتي اونكار

2-ой стих:

ارض الدنيا خرابا بالاعتبارى فلا بيقى مداما بالقررى كورار من دنياى ويرانه بارى هميشه باقى
ايرمس يوق قرارى

Перевод по В. Юматову:

1-ый стих: “Что за судьба жизни и кто избежит ея! Всем приключится этот час смерти”.

2-ой стих: “Земля и мир разрушатся наверно и не останутся навеки непоколебимыми. Вижу, что рушится мир весь; всегда не будет длиться; нет прочности” [1, с. 260–261].

Перевод по Г. Юсупову:

1-ый стих: “Что бы ни предпринималось, чтобы избежать, однако час смерти всем придет”.

2-ой стих: “Вижу мир развалиной по существу, не останется он продолжительно в покое” [12, с. 124].

И.Г. Гумеров, А.М. Ахунов и В.М. Усманов в 2021 г. издали книгу, посвященную эпитафическим памятникам XIII–XIV вв. В этой книге приводится и описание надмогильной плиты Хусейн-беку. Авторы приводят надписи на лицевой стороне, ссылаясь на Г. Юсупова, а на левой стороне памятника, по их мнению, написан следующий стих, состоящий из двух строк:

نار كجتي ... تقى نا كجار
قموع بو اولم سعاتى انجار

- 1) “Все было в этом бренном мире, но есть конец.
- 2) Для всех наступит смертный час...” [6, с. 53].

А про текст на правой стороне они вообще не упомянули, как будто там ничего нет.

В 2023 г. эпитафист В.М. Усманов издал свой труд, посвященный надмогильным плитам золотоордынского периода, и представил полное прочтение надписи на левой стороне памятника Хусейн-беку, которое немного уже отличается. По его мнению, текст на этой стороне состоит из одной строки и там написано:

نار كجتي ا بلای تقى نا كجار قموع بو اولوم سَعراسى انجار
[8, с. 62]

На другой стороне памятника, как он считает, написано:

ارى الدنيا حربا بعتبارى فلا بيقى ماداما بالقررى
[8, с. 62].

Следует отметить, что В.М. Усманов не привел перевод надписей на современный татарский или русский языки.

Во время экспедиции мы тоже долго пытались понять, что же написано на боковых сторонах. По нашему мнению, на левой стороне написано:

نار كجتي ابدى تقى نا كجار قموع بو اولوم سَعراتتى ايجار

Буквальный перевод на русский язык: “Чего только не прошло уже, что еще пройдет; все люди выпьют напиток смерти”.

Что касается правой стороны, то мы никак не можем согласиться с прочтением В. Юматова и В. Усманова. Потому что на этой стороне написан стих не на арабском языке, а на татарском. К сожалению, в настоящее время надпись на правой стороне уже практически стерлась и не представляется возможным прочитать целые слова, можно лишь разглядеть кое-какие буквы.

Надмогильный камень Хусейн-беку очень схож с болгаро-татарскими эпитафическими памятниками I стиля на з-языке. Точно такие же плиты, с такими же почерками и с такими же молитвами устанавливали на территории Булгара. В этом населенном пункте сохранилась надмогильная плита по палеографическим признакам очень сильно напоминающая памятник Хусейн-беку. Она была выявлена в северо-западной части фундамента Успенской церкви. Во время ремонтных работ эта плита был оттуда извлечена [11, с. 106] и в настоящее время хранится в Болгарском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике. На ее лицевой стороне написано следующее:

هو الحى الذي لا يموت و كل حى سيموت
هزه روضة المستورة المحضرة المطهرة

اللطفة الشريفة شمار ملك بنت حجر اغا
الاوركانجي اللهم ارحمها رحمة واسعة
و اكرمها بالعفو و المغفرة قدس الله
روحها ... توفيت الى رحمة الله
تعالى في الاخر شهر رمضان سنة اثني و اربعين و
سبع مائة رحمة اول مومن قا كم بر فاتحه اوج احلاص
سوره سين اوقسا

Перевод на русский язык:

- 1) «Он [Аллах] – Живой, который не умирает, каждый живой умрет.
- 2) Это – сад целомудренной, скрывающейся от посторонних взоров, чистой,
- 3) прекрасной, благородной Шамар-малик дочери Хагыйр-ага
- 4) ал-Ургенчи. О Аллах, помилуй ее обширной милостью
- 5) и возвеличь ее помилованием и прощением. Пусть Аллах освятит
- 6) ее душу... Отошла к милости Всевышнего
- 7) Аллаха в конце месяца рамадан семьсот сорок второго
- 8) года. Милость [Аллаха] тому верующему, кто один раз суру «Фатиху», три раза суру «Ихлас»
- 9) прочтет» [с некоторыми исправлениями: 5, с. 109].

Ученые Ф.С. Хакимзянов и Д.Г. Мухаметшин утверждают, что отца Шамар-малик звали Джафар-ага ал-Африканчи [4, с. 307–308; 11, с. 106], а В. Усманов, И. Гумеров и А. Ахунов считают, что его имя Хагыйр-ага ал-Ургенчи [5, с. 109].

Шамар-малик скончалась в месяце рамадан 742 г. по хиджре (в феврале-марте 1342 г. по европейскому летосчислению), т.е. на два года раньше, чем Хусейн-бек. Получается, что оба памятника были изготовлены и установлены примерно в одно и то же время. Как видим, на надмогильном камне Шамар-малик написаны точно такие же изречения и обороты речи как на памятнике Хусейн-беку. Поэтому с уверенностью можем сказать, что эти две надмогильные плиты изготовил один и тот же мастер-резчик. По надписям памятника Шамар-малик можно даже восстановить утраченные отрывки текста надмогильного камня Хусейн-беку. На основании сходства, получается, что на его первой строке лицевой стороны на арабском языке написано:

هو الحي الذي لا يموت و كل حي سيموت

(«Он [Аллах] – Живой, который не умирает, а каждый живой умрет»), а на последних двух строках на татарском языке написаны следующие слова:

رحمت اول مومن قا كم بر فاتحه اوج احلاص سوره سين اوقسا

(«Милость [Аллаха] тому верующему, кто один раз суру «Фатиху», три раза суру «Ихлас» прочтет») [4, с. 308].

Как нам удалось выяснить, на боковых сторонах памятника Шамар-малик написаны точно такие же стихи на татарском языке, которые присутствуют на надмогильном камне Хусейн-беку.

По мнению Д.Г. Мухаметшина, на боковых сторонах памятника Шамар-малик написано следующие стихотворения:

На левой стороне:

نلار كچتي ايملي تقيما انجار قموع بو اولم سعتي انعار

(«Словно звуки курая, час смерти к нам придет») [4, с. 308].

На правой стороне:

کورامن ساسو لا لمونات ادمدين مرحوم کاس س ...
("Вижу мир...") [4, с. 308].

С его прочтением текста на левой стороне не согласились В. Усманов, И. Гумеров и А. Ахунов, которые посчитали, что здесь написан практически такой же стих, как и на памятнике Хусейн-беку [5, с. 109].

К сожалению, пока что ни один эпитафист не смог перевести стих на правой стороне памятника Шамар-малик, т.к. он выглядит весьма странным. Д. Мухаметшин, В. Усманов, И. Гумеров и А. Ахунов перевели как: "Вижу..." или "Вижу мир..." [4, с. 308; 5, с. 109]. Ф.С. Хакимзянов же полагал, что на этой стороне памятника написан совсем иной стих, который встречается на многих памятниках:

کورارمن دنيانی ویرانه باری همیشه باقی ایرمس یوق قراری

("Вижу мир развалиной по существу, не останется он продолжительно в покое") [11, с. 106].

Памятник Шамар-малик мы сами не видели и не изучали, но по имеющимся у нас фотографиям можно уверенно сказать, что прочтение Ф.С. Хакимзянова ошибочное, а прочтение Д.Г. Мухаметшина ближе к истине. Если кому-то удастся полностью прочесть и перевести текст на правой стороне памятника Шамар-малик, то мы узнаем, что написано и на правой стороне надмогильного камня Хусейн-беку. Но, к сожалению, боковые стороны памятника Шамар-малик также сильно повреждены.

После тщательного исследования, учитывая упомянутые факты и ошибки в чтениях других эпитафистов, текст памятника Хусейн-беку нам представляется в следующем виде.

Лицевая сторона:

هو الحى الذى لا يموت و كل حى سيموت
عادل فى الاحكام حاجى حسين
بك بن ازمر [عمر] بك من اهل ترساس تركستانى المرحوم
اللهم ارحمه رحمة واسعة و اكرمه بالعفو و المعفرة
توفى فى الايام التاسع من شهر الله المبارك
سنة رابع و الربعين و سبعمائة رحمت اول مومن قا كم بر فاتحه
اوج احلاص سوره سين اوقسا

Правая сторона: کورامن جابو... ادمدين مويدي بيركاننى كيد...

Левая сторона: نلار كجتى ابدى تقى نا كجار قموع بو اولوم سعراتنى ايجار

На оборотной стороне надписи отсутствуют.

Перевод на русский язык:

Лицевая сторона:

- 1) "Он [Аллах] – Живой, который не умирает, каждый живой умрет.
- 2) Справедливый в решениях хаджи Хусейн-
- 3) бек сын покойного Азмир [Гумер] бека (из жителей Тарсаса) Туркестани
- 4) О Аллах, помилуй его обширной милостью и возвеличь его помилованием и прощением.
- 5) Скончался девятого дня благословенного Аллахом месяца
- 6) семьсот сорок четвертого года. [Пусть будет] милость [Аллаха] тому верующему, кто читает
- 7) один раз [суру] "Фатиха" ("Открывающая") и три раза [суру] "Ихлас" ("Искренность")."

Правая сторона: “Вижу..., от человека ... то, что дали...”.

Левая сторона: “Чего только не прошло в вечность, что еще пройдет; все люди выпьют напиток смерти”.

Таким образом, мы попытались реконструировать полный текст памятника на могиле Хусейн-бека. Считаем, что нам удалось выяснить, какие слова были написаны на лицевой и боковых сторонах этого камня, а какие были пропущены или неправильно прочитаны у других специалистов, а также опровергнуть предложенную ученым Г.В. Юсуповым дату кончины Хусейн-бека. По палеографическим признакам, исследованный нами объект весьма схож с памятником Шамар-малик, который сохранился в Булгаре современного Спасского района Республики Татарстан. Исходя из этого, можно с уверенностью сказать, что памятник Хусейн-бека изготовили булгаро-татарские мастера-резчики. Сам он был государственным деятелем, выходцем из неизвестного населенного пункта Тарсас (?), который находился на территории Туркестана. Эпитафия на памятнике Хусейн-беку написана рельефным почерком сульс на арабском и татарском языках. Помимо информации об усопшем, на камне присутствуют традиционные для татар религиозные изречения, молитвы и стихи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вельяминов-Зернов В.В. Памятникъ съ арабско-татарскою надписью въ Башкирии // Труды Восточнаго отделения императорскаго археологическаго общества. Часть четвертая. С-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1859. С. 257–284.
2. Газиз Г., Рәхим Г. Татар әдәбияты тарихы. Беренче жилд. Борынгы дәвер. 2 нче бүлек. Казан: Татарстан Жәмһүриятенәң дәүләт нәшр., 1923. 244 б.
3. Лоссиевский М.В. Кое-что о Башкирии и башкирах в их прошлом и настоящем. Уфа: Уфимская губ. типография, 1903. 16 с.
4. Мухаметшин Д.Г. Мемориальная эпитафика города Болгара // МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Том 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3 т. / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдинов. ООО «Астер Плюс», 2016. С. 294–419.
5. Татарская эпитафическая традиция. Т. 1: Булгарские эпитафические памятники XIII–XIV вв. Кн. 1 / Авт.-сост.: И.Г. Гумеров, А.М. Ахунов, В.М. Усманов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2021. 160 с.
6. Татарская эпитафическая традиция. Т. 1: Булгарские эпитафические памятники XIII–XIV вв. Кн. 2 / Авт.-сост.: И.Г. Гумеров, А.М. Ахунов, В.М. Усманов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2021. 160 с.
7. Тюркская мусульманская эпитафика в Российской империи. Материалы исследований 1910 года. Т. 1. Город Ташкент и Европейская часть России / Авт.-сост.: Х.М. Абдуллин (отв. ред.), А.М. Гайнутдинов, С.Р. Хамидуллин, И.И. Гайнуллин. Казань: Институт истории им.Ш. Марджани АН РТ, 2024. 92 с.
8. Усманов В.М. Олуг Олыс ташъязмалары = Эпитафика Золотой Орды. Унжиленче китап. Казан, 2023. 500 б.: рәс. белән.
9. Фәхреддин Ризаэддин. Асар. Беренче жөзье. Казан: Типо-литография Императорского университета, 1900. 32 б.
10. Фәхреддин Ризаэддин. Асар. 1 т. Казан: Рухият, 2006. 360 б.
11. Хакимянов Ф.С. Эпитафические памятники Волжской Булгарии и их язык. М.: Наука, 1987. 208 с.
12. Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпитафику. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1960. 322 с.

REFERENCES

1. Velyaminov-Zernov V.V. Monument with an Arabic-Tatar inscription in Bashkiria. *Proceedings of the Eastern Branch of the Imperial Archaeological Society. Part four*. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1859, pp. 257–284. (In Russian)
2. Gaziz G., Rahim G. History of Tatar Literature. First volume. Ancient period. Second chapter. Kazan: State Publishing House of the Republic of Tatarstan, 1923. 244 p. (In Tatar)
3. Lossievsky M.V. Something about Bashkiria and the Bashkirs in their past and present. Ufa: Printing house of the Ufa province, 1903. 16 p. (In Russian)
4. Mukhametshin D.G. Memorial epigraphy of the city of Bolgar. *MIRAS – HERITAGE. Volume 1. Tatarstan – Crimea. The city of Bolgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and Crimea in 1923–1929: in 3 volumes*. Comp. and resp. ed. S.G.Bocharov, A.G. Sitdikov. Aster Plus LLC, 2016, pp. 294–419. (In Russian)
5. Tatar epigraphic tradition. T. 1: Bulgar epigraphic monuments of the 13th–14th centuries. Book 1. Authors: I.G. Gumerov, A.M. Akhunov, V.M. Usmanov. Kazan: IYALI named G. Ibragimov, 2021. 160 p. (In Russian)
6. Tatar epigraphic tradition. Bulgar epigraphic monuments of the 13th–14th centuries. Vol. 1. Book 2. Authors: I.G. Gumerov, A.M. Akhunov, V.M. Usmanov. Kazan: IYALI named G. Ibragimov, 2021. 160 p. (In Russian)
7. Turkic Muslim epigraphy in the Russian Empire. Research materials of 1910. Vol. 1. The city of Tashkent and the European part of Russia. Authors: Kh.M. Abdullin (chief editor), A.M. Gainutdinov, S.R. Khamidullin, I.I. Gainullin. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2024. 92 p. (In Russian)
8. Usmanov V.M. Epigraphy of the Golden Horde. Seventeenth book. Kazan, 2023. 500 p. (In Tatar)
9. Fakhreddin Rizaeddin. Asar. First volume. Kazan: Typo-lithography of the Imperial University, 1900. 32 p. (In Tatar)
10. Fakhreddin Rizaeddin. Asar. Vol. 1. Kazan: Rukhiyat, 2006. 360 p. (In Tatar)
11. Khakimzyanov F.S. Epigraphic monuments of Volga Bulgaria and their language. Moscow: Nauka, 1987. 208 p. (In Russian)
12. Yusupov G.V. Introduction to Bulgar-Tatar epigraphy. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1960. 322 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Айдар Марсилевич Гайнутдинов – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: aydargm@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aidar M. Gainutdinov – Cand. Sci. (Philology), Senior Research Fellow of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7119-8830. E-mail: aydargm@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 10.01.2024

Поступила после рецензирования / Revised 02.03.2024

Принята к публикации / Accepted 04.03.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.175-185>
EDN: PYSYJH

УДК 930.271

НАДМОГИЛЬНЫЙ КАМЕНЬ ХУСЕЙН-БЕКА ИЗ ЧИШМИНСКОГО МАВЗОЛЕЯ: ОПИСАНИЕ 1910 ГОДА ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА

Х.М. Абдуллин

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

xalimabd@mail.ru

Резюме. Цель исследования: публикация и анализ эпитафического описания 1910 года надмогильного камня Хусейн-бека из Чишминского мавзолея на территории современной Республики Башкортостан.

Материалы исследования: архивные документы, эпитафический памятник Хусейн-бека (надмогильный камень). В работе также задействованы обширные данные историографии изучения надмогильного камня Хусейн-бека из Чишминского мавзолея.

Результаты и научная новизна: проведен анализ обнаруженного архивного дела, содержащего эпитафическое описание тюрко-мусульманских памятников. Подробно раскрыта история формирования архивных документов разной конфессиональной принадлежности и роль великого князя Николая Михайловича Романова в деле изучения и популяризации эпитафического наследия России.

Проведен историографический и текстовый анализ обнаруженного эпитафического описания 1910 года надмогильного камня Хусейн-бека из Чишминского мавзолея. Раскрыты данные об эпитафисте, выполнившем описание памятника в 1910 году. Обращено внимание на уникальное прочтение современниками места, в котором родился Хусейн-бек, а именно как «из местности Тирсановой Туркестана». Автор исследования выдвигает свою, оригинальную трактовку термина «*ترسانی*» и предлагает ученым взглянуть на это слово как на «Лакаб» – часть арабского имени, почётного титула. Актуализируется и вопрос о датировке памятника.

Ключевые слова: дореволюционная российская эпитафика, историография эпитафических исследований, эпитафические памятники, Чишминский мавзолей, надмогильный памятник Хусейн-бека

Для цитирования: Абдуллин Х.М. Надмогильный камень Хусейн-бека из Чишминского мавзолея: описание 1910 года по материалам Российского государственного исторического архива // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 175–185. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.175-185> EDN: PYSYJH

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01705, <https://rscf.ru/project/23-28-01705/>

© Абдуллин Х.М., 2024



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

THE TOMBSTONE OF HUSSEIN-BEK FROM THE CHISHMIN MAUSOLEUM: A 1910 DESCRIPTION BASED ON THE MATERIALS OF THE RUSSIAN STATE HISTORICAL ARCHIVE

Kh.M. Abdullin

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
xalimabd@mail.ru*

Abstract. Research objectives: The publication and analysis of the epigraphic description of the 1910 tombstone of Husein-bek from the Chishminsky mausoleum in the territory of the modern Republic of Bashkortostan.

Research materials: Archival documents and the epigraphic monument of Husein-bek (tombstone). The work also involves extensive data from the historiography of the study of the tombstone of Husein-bek from the Chishmin mausoleum.

Results and novelty of the research: The analysis of the discovered archival file containing epigraphic descriptions of Turkic-Muslim monuments has been carried out. The history of the formation of archival documents of various confessions and the role of Grand Duke Nikolai Mikhailovich Romanov in the study and popularization of the epigraphic heritage of Russia is revealed in detail.

A historiographical and textual analysis of the discovered epigraphic description of the 1910 tombstone of Husein-bek from the Chishmin mausoleum, this paper discloses the data on the epigraphist who completed the description of the monument in 1910. Attention is drawn to the unique interpretation by contemporaries of the place where Husein-bek was born, namely "from the Tirsanovoy area of Turkestan". The author of the study puts forward his own original interpretation of the term « ترساني » and suggests that scientists look at this word as "Lakab" – part of an Arabic name, an honorary title. The issue of dating the monument is also being updated.

Keywords: pre-revolutionary Russian epigraphy, historiography of epigraphic research, epigraphic monuments, Chishminsky mausoleum, tomb monument of Husein-bek

For citation: Abdullin Kh.M. The tombstone of Hussein-bek from the Chishmin mausoleum: A 1910 description based on the materials of the Russian State Historical Archive. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 1, pp. 175–185. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.175-185> (In Russian)

Financial Support: The study was funded by the Russian Scientific Foundation, grant No 23-28-01705, <https://rscf.ru/project/23-28-01705/>

Летом 2023 г. в ходе архивных поисковых работ в рамках реализации гранта Российского научного фонда в Российском государственном историческом архиве (РГИА) было выявлено дело, озаглавленное как «Описание памятников и копии надписей, находящиеся на стенах церквей, мечетей и армяно-грегорианских, армяно-католических, аугсбургских и магометанских кладбищах»¹. Ознакомление с этим объемным документом позволило выделить три основные географические группы тюркских мусульманских эпиграфических памятников, описанных в 1910 году. Наибольший пласт эпиграфических материалов содержали сведения по региону Закавказья, кроме того

¹ РГИА. Ф.821. Оп.10. Д.1144.

здесь фиксировались эпитафические выписки по городу Ташкенту и европейской части Российской империи, локализованной городом Уфой и некоторыми населенными пунктам Уфимской и Вятской губерний. Такая избирательность в тюрко-мусульманском эпитафическом наследии огромной Российской империи в начале XX века может быть объяснена предысторией и ответственными за сбор этих сведений.

Появление материалов по эпитафике в фонде Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) напрямую связано с деятельностью историка и археографа, великого князя Николая Михайловича Романова (1859–1919). Идея подготовить фундаментальные издания с эпитафическими описаниями некрополей и памятников появилась у в.к. Николая Михайловича при осмотре им кладбища Донского монастыря в конце XIX века. Однако основные работы над сбором и систематизацией материалов начались только в 1904 году. За два года летних работ группа исследователей во главе с В.И. Сайтовым произвела работы почти на всех московских кладбищах. Конечно же, большее внимание при этом уделялось надгробиям именитых людей, представителей привилегированных сословий и купечества. Параллельно под руководством Б.Л. Модзалевского шел поиск данных по опубликованным источникам. Итогом всей этой кропотливой работы явился справочник по московскому некрополю, не потерявший своей актуальности и поныне [12, с. 379–380].

Всего под руководством в.к. Николая Михайловича были подготовлены и опубликованы несколько фундаментальных справочников по некрополям Москвы [5], Санкт-Петербурга [6], русского зарубежья [8] и некоторых регионов российской провинции [9].

На масштабность проведенных работ указывает и факт широкого привлечения мусульманской общественности к этой важной инициативе. Например, в качестве приложения к 4-му тому «Петербургского некрополя» были даны алфавитные списки погребенных на Волковском мусульманском кладбище (выборочные данные о 52-х захоронениях), составленные ахуном, а в будущем муфтием Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), Мухаммед-Сафой Атаулловичем Баязитовым [7].

Издание «Русский провинциальный некрополь» задумывалось как многотомное, однако начавшаяся Первая мировая война, а затем революционные события не дали воплотиться этому замыслу в полной мере. Свет увидел только первый том, включавший эпитафические памятники Архангельской, Владимирской, Вологодской, Костромской, Московской, Новгородской, Олонецкой, Псковской, Петербургской, Тверской и Ярославской губерний, а также материалы Валаамского и Коневского монастырей Выборгской губернии.

Очевидно, что в этом ряду публикуемых провинциальных некрополей должно было быть уделено и место эпитафическим памятникам представителей, как тогда говорили, «иноверцев». Обзор архивных описей фонда ДДДИИ показывает, что делопроизводственная переписка и накопление материалов по этому поводу шла по нескольким направлениям. В отдельные дела были выделены эпитафические сведения на стенах синагог и еврейских кладбищах², на стенах костелов и католических кладбищах³, на стенах церк-

² РГИА. Ф.821. Оп.10. Д.1142.

вей, мечетей и армяно-грегорианских, армяно-католических, аугсбургских и магометанских кладбищах⁴.

Поручение этого вопроса Департаменту ДДИИ определило и алгоритм сбора эпиграфической информации. Структура разослала в подведомственные ей духовные учреждения разных конфессий директиву о сборе указанных сведений. Например, 1 апреля 1910 г. в письме директора ДДИИ А.Н. Харузина на имя муфтия Закавказского суннитского духовного правления Мирзы Гусейна Гаибова отмечалось: «Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Михайлович изволил выразить желание создать и издать копии со всех надписей, имеющихся в инославных и иноверных богослужебных зданиях России, на внутренних и внешних стенах, надгробных плитах и иных местах сих зданий, а равно на могилах, находящихся на кладбищах. В частности, для труда Его Высочества интерес представляют надписи означенного рода, касающиеся умерших духовных лиц, дворян, а равно лиц, заслуживших уважение или получивших историческое значение» [4, с. 116]. Из этого письма становится понятной цель сбора эпиграфического материала, а также – какие именно старинные надписи на храмах и могильных камнях интересовали в.к. Николая Михайловича.

В итоге, в зависимости от компетенций конкретного исполнителя, которому были поручены эти мероприятия, оказался и конечный результат. Оренбургское магометанское духовное собрание, предоставившее сведения по своему округу, охватывающему всю европейскую часть Российской империи за исключением Крыма, ограничилось преимущественно городом Уфой и сведениями о еще нескольких эпиграфических памятниках на территории Уфимской и Вятской губерний. При этом наиболее древние мусульманские эпиграфические памятники, сохранившиеся на территории Казанской губернии и ставшие уже к тому времени известными и изученными академической отечественной ориенталистикой в материалы не попали.

Сведения, предоставленные Оренбургским магометанским духовным собранием по европейской части Российской империи вобрали в себя 9 эпиграфических памятников. Это – надмогильный камень первого муфтия ОМДС М.Хусаинова в Кармаскалинском районе Республики Башкортостан; надмогильные камни муфтиев ОМДС Г. Габдрахимова, Г. Сулейманова и С.Тевкелева в городе Уфа; мавзолей Хусейн-бека в Чишминском районе Республики Башкортостан; гробница ишана Г.Эльнаджари в Агрызском районе Республики Татарстан; могильный камень ишана Сеид-Ягафара в Аургазинском районе Республики Башкортостан; могильный камень ахуна Х. Усманова в городе Уфа и мемориальный камень в нише Первой соборной мечети города Уфа. Полностью данные материалы будут приведены в подготовленном нами полном издании этих документов⁵.

Арабографичные материалы по городу Уфа, Уфимской и Вятской губернии выполнены каллиграфическим почерком. Мастер-каллиграф дважды

³ РГИА. Ф.821. Оп.10. Д.1143.

⁴ РГИА. Ф.821. Оп.10. Д.1144.

⁵ Тюркская мусульманская эпиграфика в Российской империи. Материалы исследований 1910 года. Т. 1. Город Ташкент и Европейская часть России / Авт.-сост.: Х.М. Абдуллин (отв. ред.), А.М. Гайнутдинов, С.Р. Хамидуллин, И.И. Гайнуллин. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2024. 92 с.; ил. (в печати)

оригинально подписал свои работы как «*على حسن بقلم*», т.е. «рукой (пером) Хасана Гали»⁶.

Здесь наибольший интерес представляют эпиграфические данные из мавзолея Хусейн-бека. Выполненное специалистом по заданию Оренбургского магометанского духовного собрания описание текста более полное, нежели чем сохранившиеся в академических исследованиях XX – первой четверти XXI века [14; 1, с. 193–222; 11, с. 10; 10, с. 53]. В частности в 1910 г. еще, видимо, сохранялась оригинальная надпись (позже утраченная) с полным титулом Хусейн-бека. Эпиграфист в этот период зафиксировал его впервые в историографии как «*покойный справедливый судья Хаджи Хусейн-Бек, сын великого Эмира Гумер-Бека из местности Терсановой, Туркестан*».

Также немаловажно отметить, что современник обратил внимание и на язык написания на одной из сторон камня, однозначно охарактеризовав его как «*на третьей стороне написано то же самое содержание стиха, только на татарском языке*». Напомним, что 1910 год даёт нам полное основание интерпретировать это заявление не как общее, а вполне национальное.

Надмогильная плита Хусейн-бека находится в мавзолее, недалеко от рабочего поселка Чишмы (Республика Башкортостан). Этот мавзолей является архитектурным памятником XIV в., объект культурного наследия федерального значения, хорошо известная и почитаемая мусульманская святыня России. Достоверных письменных источников о Хусейн-беке не сохранилось. Как видно из перевода надмогильной эпитафии, Хусейн-бек родился в Туркестане в семье эмира Гумер-бека. Он учился у хаджи Ахмеда Ясави. По приглашению хана Борака Хусейн-бек был направлен в Западное Приуралье с миссионерской целью для распространения ислама среди местного населения. Ему был дан титул кадия, то есть верховного судьи, который вершит правосудие по законам шариата. После посещения Мекки и совершения хаджа он получил титул хаджи. Переводчик отмечает, что сура из Корана, высеченная на других сторонах камня, приводится на арабском и татарском языках, что еще раз подтверждает отношение мавзолея Хусейн-бека к татарскому культурному наследию.

К XVIII–XIX вв. здание мавзолея было сильно разрушено (обвалились наружный и внутренний купола, а также вершины стен постройки; упавшие камни перекрытий раздавили алебастровые эпитафии в погребальной камере и каменную оградку над могилой Хусейн-бека). Уже в эти столетия руины мавзолея считались у местных жителей святыней. В 1911 г. руины мавзолея XIV в. были реконструированы (перестроены) по распоряжению муфтия Мухамедьяра Мухаметшариповича Султанова (1837–1915) на средства религиозной общины и на добровольные пожертвования мусульман. Был расчищен древний фундамент постройки и убраны крупные обломки в погребальной камере; земляной пол выровнен, а остатки треснувших алебастровых эпитафий (для сохранности) засыпаны перемешанной землей. Остатки пилонов выдвинутого портала перед входом в мавзолей частично разобраны и засыпаны грунтом (в 1911 г. мастера возводить портал не стали, барабан также не был построен). Для воссоздания стен использовались камни светлого плотного известняка, добывавшегося вблизи р.п. Чишмы. Камни подвергались обте-

⁶ РГИА. Ф.821. Оп.10. Д.1144. Л.166, 168.

сыванию и подгонке друг к другу. Стены строились по принципам нерегулярной цепной кладки, на глиняном растворе. Все было подчинено идее функциональной простоты и монументальной значимости. В основу планировки при воссоздании облика мавзолея в 1911 г. был, по всей видимости, положен облик центрального мавзолея комплекса Ханской усыпальницы в Булгаре (точнее – ее вид в начале XX столетия). Следует сказать, что сооружения центрической формы для территории городища Великие Булгары (Татарстан) изначально не были чуждыми. Именно такие строения, а также современный вид мавзолея Хусейн-бека, стали образцами для архитектурно-графических реконструкций разрушенных сооружений в Булгаре [14; 1, с. 193–222; 11, с. 10; 10, с. 53].

Обращает на себя внимание совершенно уникальное прочтение современниками местности, в которой родился Хусейн-бек. Они записали ее как «из местности Тирсановой, Туркестана». Никто из исследователей не давал этого варианта топонима ранее. В.С. Юматов видел в нем – Торсяс; М.В. Лосиевский – Торас; Р.Г. Игнатьев и Г.В. Юсупов – Таркас. Г.Н. Гарустович считал, что мы имеем дело с искаженным написанием среднеазиатского (Туркестанского) города Тараза (бывший – Джамбул в Казахстане) [1, с. 205].

Авторы исследования благодарят эксперта в области средневековой истории, к.и.н. И.М. Миргалеева, подтолкнувшего проверить персидскую версию якобы топонима «ترسان». Однако все варианты персидско-русских словарей однозначно трактуют слово «ترسان» как «напуганный». И это явно не топоним. Более того, также это слово переводится со старого османского языка, в который оно, видимо, попало из персидского. Еще более интересная интерпретация получается, если взять буквальное написание этого слова в арабском языке «ترساني» (именно так оно дается в тексте). Электронная энциклопедия арабских имен Султана Кабуса трактует его как «в переводе с персидского означает «боюсь»» (Sultan Qaboos Encyclopedia of Arab Names (Sultan Qaboos University, 1985)).

Таким образом, это слово выглядит не топонимом, а «лакабом» – частью арабского имени, прозвища, почётного титула, возвеличивающего эпитета, то есть его можно прочесть как «покойный справедливый в решениях Хаджи Хусейн-Бек, сын великого Эмира Гумер-Бека Боязливого [перед Аллахом] из Туркестана».

Также важный момент, на который хотелось бы обратить внимание: переводчик указывает, что хаджи Хусейн-бек скончался в 444 году. По мнению Г.В. Юсупова «Скончался [девятого] дня благословенного богом месяца [чет]вертого, года семьсот сорокового», то есть в октябре 1339 г.⁷ по современному летосчислению [14; 11, с. 10]. Интересно, что при этом датировка 444 г. по хиджре (1052 г. по григорианскому календарю) фигурировала и ранее, и именно у дореволюционных исследователей [2, с. 30; 3, с. 334; 13, с. 150]. Одиннадцатым веком датируется этот мавзолей и в правительственных документах о постановке памятника на государственный учет [1, с. 193–222].

⁷ По последним уточнениям эпиграфиста А.М. Гайнутдинова, Хусейн-бек скончался в 1344 г. Более подробно см.: Гайнутдинов А.М. Эпитафия на памятнике Хусейн-беку // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 168. (прим. гл. ред.).

171
У-5

Переводъ.

О могилѣ.

Отъ Уфы на разстояніи 44 верстъ по Самаро-Златоустовской желѣзной дорогѣ, на станціи ЧИШМЫ.

Изъ исторіи Хисамія видно: хозяинъ мавзалея /особенно устроенное зданіе/ Хаджи Хусеинъ-Бекъ, сынъ Гумерь-Бека изъ мѣстности Тирсановой, Туркестана, ученикъ Худжа-Ахмедъ Ясавія, приглашенный нѣкогда ханствующимъ на нынѣшней Уфимской губерніи, Барачъ-Ханомъ, сыномъ Узбекъ-Хана съ разрѣшенія Ахмедъ-Ясавія для преподаванія магометанамъ религіозныхъ правилъ шаригата.

На могильномъ камнѣ написано по арабски: покойный справедливый судья Хаджи Хусеинъ-Бекъ, сынъ Великаго Эмира Гумерь-Бека изъ мѣстности Терсановой, Туркестана. Боже! Ниспосли ему милостивѣйшее благословеніе съ прощеніемъ грѣховъ его и приемомъ его къ себѣ. Скончался 7 день Мухарряма 444 года.

На другой сторонѣ камня по арабски написано въ стихахъ: со вниманіемъ вижу я сей свѣтъ въ постоянномъ разрушеніи и онъ не останется постоянно существующимъ.

На третьей сторонѣ написано тоже самое содержаніе стиха, только на татарскомъ языкѣ.

РГИА. Ф.821. Оп.10. Д.1144. Л.171.

Russian State Historical Archive, fond 821, inventory 10, file 1144, p. 171.

اوفادون ۴۴ چاقروم مسافه ده صاماران الا تاوست
تیسری یومی بوینده چیشمه منزندہ (استانسیہ) کی موقع دن جنوب
طرفنداراف اوج دورت چاقروم مسافه ده اولان برتوبہ داکو مقبرہ لک
اجندہ اهل اسلام آراسنده زیارتگاہ سالانان کاشانہ حقندہ تواربخ
حسامیہ ده بیلہ کورولہ دور:

صاحب الکاشانہ الحاج حسین بک بن محمد بک ترکستانی تلمیذ خواجه
احمد یسوی، اوفاشهری اورزندہ مقام ایدوچی نوغایردن باراج خان بن
اوز بک خان زمانندہ خواجه احمد یسوی حضرتندن آلوب قایتقان،
مؤصلرہ علوم شرعیہ فی تعلیم اوچون، دیہ یازلفان،
باش اوچونده غی طاش کنت بر طرفندہ او قولغان قدر یازو بیلہ کورولہ:

«العاذل فی الاحکام حاجی حسین بک بن امیر الکبیر
عمر بک ترسانی ترکستانی الرحوم اللهم ارحمه رحمة
والکرمة بالغفر والمغفرة. توفی فی الایام السابیع من شهر المحرم
سنة اربع مائة واربعم وربعین» .

طاش کنت ایشیک طرفندہ غی قابرغا سنده بیلہ یازلفان:

: اری اللہ نیاخرابا باعتباری : فلا یبقی مداما بالقران :
ایکچی طرفندہ بوبیت کنت ترجمہ سی یازلفان بیلہ:

: کولمن دنیانی ویران باری : همیشه ایمناس بوقدر قساری :

کاشانہ دیدکمز بور حسین بک طرفندہ او ستونہ قبه شکلندہ صالمنشی
ایسکی طاش بناء در قرغزل کنت کینز اوی طرفندہ صالمنوب تو باسی آچقدر .
کم طرفندک بناء قیلندقی معلوم توکل دور .

Таким образом, обнаруженные эпитафические документы позволяют по-новому взглянуть на интерпретацию текста известного и почитаемого памятника. В свете возникших в последнее время дискуссий о национальной принадлежности памятника являются аргументом для отнесения его к татарскому культурному наследию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гарустович Г.Н., Нечвалода А.И. Средневековые каменные мавзолеи Башкортостана (история, археология, биоантропология). Уфа: Китап, 2020. 400 с.
2. Игнатович Г. О древних памятниках в Уфимской губернии // Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течении 1866 и 67 гг. / Под ред. Н.А. Гурвича. Уфа: Уфим. губ. стат. ком., 1868. 164 с.
3. Игнатьев Р.Г. Памятники доисторической древности Уфимской губернии, как-то: древние здания, городища, ногайские валы, курганы, древние находки и т.д. // Справочная книжка Уфимской губернии: сведения числовые и описательные относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие – к прежним годам / составил по поручению Уфимского губернского статистического комитета Н.А. Гурвич. Уфа: издание Н.К. Блохина, 1883. С. 328–355.
4. Исмаилов Э.Э., Тагирзаде А.Ш. Опыт составления азербайджанского некрополя // Известия азербайджанского историко-родословного общества. 2010. Вып. 7. С. 114–146.
5. Московский некрополь / [В.И. Саитов, Б.Л. Модзалевский]; [Авт. предисл. и изд. вел. кн. Николай Михайлович]. СПб., 1907–1908. Т. 1: (А – И). 1907. XIII, 517, [2] с.; Т. 2: (К – П). 1908. [2], 486, [1] с.; Т. 3: (Р–Ө). 1908. [2], 432 с.
6. Петербургский некрополь: Т. 1–4 / Изд. вел. кн. Николай Михайлович. Санкт-Петербург, 1912–1913. 4 т. Т. 1: (А – Г). [3], XX, 715 с.; Т. 2: (Д – Л). [6], 727 с.; Т. 3: (М – Р). [6], 649 с.; Т. 4: (С – Я). [6], 748 с.
7. Петербургский некрополь / Изд. вел. кн. Николай Михайлович. Санкт-Петербург, 1913. Т. 4: Дополнение II. С. 743–747.
8. Русский некрополь за границей / сост. почетный член Московского археологического института Виктор Ильич Чернопяттов. Москва: Тип. Московского ун-та, [1908–1913]. Вып. 1. 1908. 66 с.; Вып. 2. 1909. 47, [2] с.; Вып. 3. [1913]. 20 с.
9. Русский провинциальный некрополь. Т. 1: Губернии: Архангельская, Владимирская, Вологодская, Костромская, Московская, Новгородская, Олонецкая, Псковская, С.-Петербургская, Тверская, Ярославская и Выборгской губернии монастыри Валаамский и Коневский. М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1914. 1008 с.
10. Татарская эпитафическая традиция. Булгарские эпитафические памятники XIII–XIV вв. Кн. 2. / Авт.-сост.: И.Г. Гумеров, А.М. Ахунов, В.М. Усманов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2021. 159 с.
11. Усманов В.М. Татарские эпитафические памятники Республики Башкортостан: Чишма. Казань: ИЯЛИ, 2021. 48 с.
12. Шокарев С.Ю. Великий князь Николай Михайлович и становление охраны памятников некрополя // Археографический ежегодник за 2000 год. М.: Наука, 2001. 379–382.
13. Юдин П. Развалины древнего города в Уфимской губернии // Исторический вестник. Т. 61. Июль-сентябрь. СПб.: Тип-я А.С. Суворина, 1895. С. 147–151
14. Юсупов Г.В. Введение в булгаротатарскую эпитафику. М.Л.: Издательство АН СССР, 1960. 165 с.

REFERENCES

1. Garustovich G.N., Nechvaloda A.I. Medieval stone mausoleums of Bashkortostan (history, archeology, bioanthropology). Ufa: Kitap, 2020. 400 p. (In Russian)
2. Ignatovich G. On ancient monuments in the Ufa province. *Collection of statistical, historical and archaeological information on the former Orenburg and current Ufa provinces, collected and developed during 1866 and 67*. Edited by N.A. Gurvich. Ufa: Ufa lips. stat. com., 1868. 164 p. (In Russian)
3. Ignatiev R.G. Monuments of prehistoric antiquity of the Ufa province, such as: ancient buildings, settlements, Nogai ramparts, mounds, ancient finds, etc. *Reference book of the Ufa province: numerical and descriptive information relate to 1882–83 and only very few – to previous years*. Compiled on behalf of the Ufa Provincial Statistical Committee N.A. Gurvich. Ufa: N.K. Blokhin edition, 1883, pp. 328–355. (In Russian)
4. Ismailov E.E., Tagirzade A.S. The experience of compiling the Azerbaijani necropolis. *Izvestiya azerbaydzhanskogo istoriko-rodoslovnogo obshchestva = News of the Azerbaijan Historical and Genealogical Society*, 2010, Iss. 7, pp. 114–146. (In Russian)
5. Moscow necropolis. [By V.I. Saitov, B.L. Modzalevsky]; [Author of the preface and publisher Grand Duke Nikolai Mikhailovich]. St. Petersburg, 1907–1908. Vol. 1: (A – I). 1907. XIII, 517, [2] c.; Vol. 2: (K – P). 1908. [2], 486, [1] c.; Vol. 3: (P – O). 1908. [2], 432 p. (In Russian)
6. St. Petersburg Necropolis: Vol. 1–4. Publisher Grand Duke Nikolai Mikhailovich. St. Petersburg, 1912–1913. 4 vol. t. 1: (A – G). [3], XX, 715 p.; Vol. 2: (D – L). [6], 727 p.; Vol. 3: (Mr). [6], 649 p.; Vol. 4: (C – I). [6], 748 p. (In Russian)
7. St. Petersburg Necropolis. Publisher Grand Duke Nikolai Mikhailovich. St. Petersburg, 1913. Vol. 4: Supplement II, pp. 743–747. (In Russian)
8. Russian necropolis abroad. Comp. by Honorary member of the Moscow Archaeological Institute Viktor Ilyich Chernopyatov. Moscow: Type of the Moscow University, [1908–1913], Iss. 1. 1908. 66 p.; Iss. 2. 1909. 47, [2] S.; Iss. 3. [1913]. 20 p. (In Russian)
9. Russian provincial necropolis. Volume 1: Provinces: Arkhangelsk, Vladimir, Vologda, Kostroma, Moscow, Novgorod, Olonets, Pskov, St. Petersburg, Tver, Yaroslavl and Vyborg provinces monasteries of Valaam and Konevsky. Moscow: Type lit. T. I. N. Kushnerev and Co., 1914. 1008 p. (In Russian)
10. The Tatar epigraphic tradition. Bulgar epigraphic monuments of the 13th–14th centuries. Book 2. Authors-comp.: I.G. Gumerov, A.M. Akhunov, V.M. Usmanov. Kazan: Ibragimov Institute of Fine Arts, 2021. 159 p. (In Russian)
11. Usmanov V.M. Tatar epigraphic monuments of the Republic of Bashkortostan: Chishma. Kazan: IYALI, 2021. 48 p. (In Russian)
12. Shokarev S.Yu. Grand Duke Nikolai Mikhailovich and the formation of the protection of the monuments of the necropolis. *Archeographic yearbook for 2000*. Moscow: Nauka, 2001, pp. 379–382. (In Russian)
13. Yudin P. Ruins of an ancient city in the Ufa province. *Istoricheskiy vestnik = Historical Bulletin*. Vol. 61. July–September. St. Petersburg: Printing house A.S. Suvorin, 1895, pp. 147–151. (In Russian)
14. Yusupov G.V. Introduction to the Bulgar-Tatar epigraphy. Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. 165 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Халим Миннуллович Абдуллин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0212-6953; ResearcherID: F-6652-2018; Scopus Author ID: 56707127600. E-mail: xalimabd@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khalim M. Abdullin – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0212-6953; ResearcherID: F-6652-2018; Scopus Author ID: 56707127600. E-mail: xalimabd@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 25.12.2023
Поступила после рецензирования / Revised 02.03.2024
Принята к публикации / Accepted 04.03.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.186-200>
EDN: UAVBBK

УДК 93/94(470.57)

СТАНОВЛЕНИЕ ТАТАРО-МУСУЛЬМАНСКОЙ ОБЩНОСТИ В ИКСКО-БЕЛЬСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ В XIII–XIV ВЕКАХ

И.Л. Измайлов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация,
ismail@inbox.ru*

Резюме. Цель исследования: выявить и определить комплекс историко-археологических и лингвистических материалов, представляющих сведения о населении Икско-Бельского междуречья в XIII–XIV вв.

Материалы исследования: в статье использованы материалы археологических исследований, письменные и эпиграфические источники с территории Икско-Бельского междуречья XIII–XIV вв.

Новизна и результаты исследования: в период Улуса Джучи на территорию Икско-Бельского междуречья (Агидель-юрт) стало активно проникать земледельческое и мусульманское население из Болгарского улуса, тогда как степную зону заселяло кочевое население. Позднее граница между оседло-земледельческим и кочевым населением становится динамичной в связи с кризисом в позднезолотоордынское время. Северная часть Восточного Закамья оставалась освоено исключительно мусульманским земледельческим населением, которое уже в более позднее время стало основой формирования татарского народа.

Ключевые слова: Икско-бельское междуречье, Улус Джучи (Золотая Орда), контактная зона, археологические памятники, мавзолеи, мусульманская культура, тюркизация, эпиграфические памятники, оседло-земледельческое население

Для цитирования: Измайлов И.Л. Становление татаро-мусульманской общности в Икско-Бельском междуречье в XIII–XIV веках // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 186–200. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.186-200> EDN: UAVBBK

© Измайлов И.Л., 2024



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

THE FORMATION OF THE TATAR-MUSLIM COMMUNITY IN THE IK-BELAYA INTERFLUVE IN THE 13TH–14TH CENTURIES

I.L. Izmailov

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

ismail@inbox.ru

Abstract. To identify and define a complex of historical, archaeological and linguistic materials representing information about the population of the Ik-Belaya interfluve in the 13th–14th centuries.

Research materials: The article uses materials of archaeological research, as well as written and epigraphic sources from the territory of the Ik-Belaya interfluve of the 13th–14th centuries.

Novelty and results of the study: During the period of the Golden Horde (Ulus of Jochi), the agricultural and Muslim population from the Bulgarian ulus began to actively penetrate into the territory of the Ik-Belaya interfluve (Agidel-yurt) while the steppe zone was inhabited by a nomadic population. Earlier, only the Tatar military aristocracy penetrated into the Bulgarian ulus, but nomadic tribes did not do so. Later, the border between the settled agricultural and nomadic populations became dynamic due to the crisis in the Late Golden Horde period. The northern part of the Eastern Kama region remained exclusively developed by the Muslim agricultural population which later became the basis for the formation of the Tatar people.

Keywords: Ik-Belaya interfluve, Ulus of Jochi (Golden Horde), contact zone, archaeological sites, mausoleums, Muslim culture, Turkization, epigraphic monuments, settled agricultural population

For citation: Izmailov I.L. The formation of the Tatar-Muslim community in the Ik-Belaya interfluve in the 13th–14th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 1, pp. 186–200. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.186-200> (In Russian)

Регион Икско-Бельского междуречья имел на протяжении нашей эры определенное своеобразие, связанное с географическим положением и историко-археологическим положением. В географическом отношении эта территория являлась на протяжении веков зоной лесостепи, ограниченной с севера рекой Камой и прорезанной руслами ее левых притоков. На юге она окружается невысокими возвышенностями – старыми горами, частично занятых степями. Особенностью этой территории было то, что ландшафтные зоны здесь вытянуты не по долготе, а в широтном отношении, чередуя лесные массивы, степные языки и лесостепные речные долины. Подобная географическая зональность обусловила в определенном смысле особенности исторического развития региона, отразившегося в археологическом материале, как своеобразной контактной зоны между лесным и степным населением, между кочевниками-скотоводами и оседлыми земледельцами, а позднее между исламской цивилизацией и языческой периферией (подробнее см.: [14, с. 226–238]).

Исходя из всего комплекса историко-археологических материалов, можно констатировать, что борьба за ресурсы и приоритет в контроле за этими

контактами составляли основной стержень подъема и упадок различных обществ Предкамья и Восточного Закамья. Стоявшие на сравнительно высокой стадии общественного развития индоевропейские народы степной и лесостепной зоны пользовались преимуществами в военном деле и близости к рынкам сбыта товаров, производимых в Прикамье, прежде всего пушнины, металлических руд, даров леса и т.д. Важную роль в развитии культур эпохи древности и первых веков нашей эры представляли военные экспедиции сообществ южных племен, которые периодически устанавливали свою власть над местными общинами с целью их эксплуатации и изъятия товаров для последующей продажи в развитые страны Востока. В силу этого обстоятельства регион Шешминско-Бельского междуречья был зоной активных контактов между весьма различными группами населения. Подобное положение было характерно для периода древности, а также практически для всей эпохи средневековья в IX–XVII вв. Пограничность территории определяла и ее слабую заселенность в некоторые периоды истории (например, в X–XIII вв.), поскольку предполагала наличие обширных нейтральных земель, межевых пустошей и приграничных зон безопасности (Общая характеристику см.: [5, с. 208–228; 14, с. 226–238]).

Источники по истории данного региона, в силу его удаленности от центров мировой цивилизации, скудны и мало информативны. Они имеют, как правило, самый общий характер и не содержат конкретных указаний на возможность использовать терминологию, использованную в восточной историко-географической традиции (например, «область Басджирт или Баскарт»), для использования при характеристике Икско-Бельского междуречья XIII–XV вв. Попытки использовать эту терминологию для обозначения всей территории современной Башкирии, опираясь на некий абстрактный термин «Исторический Большой Башкортостан», трактуемый чрезвычайно широко [13, с. 76], представляется абсолютно внеисторическими попытками придать националистическим штудиям местных историков вид научного термина. Точно также нельзя не признать, что попытки реконструировать политическую историю Южного Урала в составе Улуса Джучи, используя башкирские шеджере и исторические сказания XVIII–XIX вв. [13, с. 45–128], являются ненаучными, пока не будет проведен хотя бы предварительный анализ их как исторического источника. Пока же картина административного и этнополитического развития Южного Урала в период Улуса Джучи остается релевантной до тех пор, пока сохраняется довольно шаткая вера в возможность использовать некие устные предания неизвестно, когда и неизвестно с какой целью созданные, для детальной реконструкции истории, случившейся за 600 лет до этого. Понятно, для релевантной картины истории одной такой веры явно недостаточно. Ясно, что для реконструкции истории Икско-Бельского междуречья в период Улуса Джучи важную роль должна играть методика извлечения исторической информации из археологических источников.

Советская историческая наука мало и не систематически обращалась к изучению локальной истории и процессах этнокультурного взаимодействия в условиях контактных зон. Препятствием служили не только фактически нулевая источниковедческая база, но и недостаточная до недавнего времени археологическая изученность Восточного Закамья. Поэтому традиционно полноценная историческая периодизация применительно к этому региону

обычно в отечественной науке заменялась археологической (схемой последовательных чередований археологических культур), которая имплицитно наделялась этническим содержанием. Современный уровень развития науки требует построения более комплексной и системной концепции с привлечением всего массива источников, особенно, когда речь идет об этнокультурных процессах и взаимодействиях.

Сложность также заключалась в том, что регион оказался искусственно разделен границами двух национальных республик Татарстана и Башкортостана. В локальных историографиях этих республик создавались свои периодизации, подходы и приоритеты в изучении разных периодов истории. Неудивительно, что периодизация средневековой истории данного региона не была предметом специального изучения, этнокультурные взаимодействия между различными общинами и народами рассматривались только через призму археологии или в свете последующих национальных процессов. Не было определено само понятие периодизации и его применимость в отношении Иско-Бельского междуречья.

Впервые попытку представить микрохронологию данного региона предпринял Е.П. Казаков, который выявил и изучил основные средневековые археологические памятники VIII–XIV вв. [20, с. 8–9, 34, 97–99]. Он предложил их археологическую периодизацию, в целом определив их как «памятники болгарского времени», а также предпринял попытку их внутреннего членения. Однако возражение вызывает неоправданное смешивание и подмена археологической (культурной) и собственно исторической периодизаций, а также использование неопределенных псевдоархеологических терминов («болгарское время», памятники «болгарского времени») для характеристики исторических периодов. По его представлениям, этот период включает все средневековье, не учитывая ни археологических трансформаций, ни исторических изменений. Кроме того, подобная периодизация страдает излишней «этнизацией» археологических реалий.

Преодолевая подобные проблемы, предложили периодизацию, основанную на хронологии исторических событий. Вполне логично, период Улуса Джучи (Золотой Орды) выделен ими в самостоятельный этап (1236–1437 гг.), который характеризуется особыми процессами в социально-политическом, хозяйственном и культурном развитии региона [12, с. 121–183; 13]. Этот подход, несомненно, является шагом в правильном направлении, хотя и осложнен вынужденными постоянными отсылками связи этнических процессов с существованием древних башкир. В частности, бездоказательно принимается весьма спорный тезис о связи населения, оставившего памятники чияликской культуры с родоплеменными группами башкир еней, гайна, танып, юрматы и буляр-байларцев [13, с. 146]. Эти ничем не подкрепленные домыслы априорно указывают на направление этнокультурных связей, игнорируя весь комплекс историко-археологических материалов.

Вместе с тем установление власти монгольских ханов и формирование Улуса Джучи, с 1269 г. ставшего самостоятельным государством, повлекло серьезные административные, социально-политические и культурно-языковые изменения. Во-первых, после завоевания Булгарии монгольскими ханами, ее территория входит в состав Улуса Джучи и становится Болгарским улусом, непосредственно подчиненным ханам Золотой Орды [19; 17, с. 599–

617], а, во-вторых, Восточное Закамье и Южный Урал становятся зоной меридионального кочевания скотоводов, входивших в административно-улусную систему Золотой Орды.

Относительно принадлежности этой территории к какому-то улусу и крылу Золотой Орды нет определенного согласованного мнения. Представляется, что границей между Ак Ордой и Кок Ордой был водораздел между Волгой и Яиком (Уралом) и севернее по степям Южного Урала [18, с. 91, 97–98; 19, с. 188–194]. Конкретные границы непонятны, но общий пограничный регион понятен – улус «Башкард», т.е. степи Южного Приуралья. В этой связи нельзя, как делают некоторые авторы полагать, что граница между крыльями Золотой Орды проходила по бассейну р. Белой, для чего якобы были восстановлены и созданы новые крепости (Уфа («Уфа-2»), Боре («Чертово городище»), городище Кара-Абыз под Благовещенском, Старокалмашевское городище близ Чекмагуша и др.) [1, с. 792]. Предположить можно все, никаких фактов относительно этого нет, поскольку никаких слоев, кроме ранне-средневековых (турбаслинская, бахмутинская и кушнаренковская культуры) не позднее X в. на них не выявлено (подробнее см.: [3, №312, с. 60, №979, с. 120, №1015, с. 124, 1023, с. 125]). Нет никаких оснований считать, что эти городища функционировали в XIII–XVI вв. Вообще, между различными улусами и крыльями Золотой Орды нигде не обнаружены цепочки пограничных крепостей, а все города (часто неукрепленные) являлись административно-политическими центрами областей.

Иными словами, Икско-Бельское междуречье являлось частью Ак Орды и было отдельной областью. Возникает вопрос о названии этого региона и его месте в административно-улусной системе. Письменные источники дают только самое общее определение, именуя территорию между Болгарским улусом и «странами Сибир-Ибир», как «область Башкырды» и страна «Чулыман» (подборку сведений и их анализ см.: [12, с. 65–96; 13, с. 88–102, 122–130]). Сведения об этом настолько отрывочные и смутные, что позволяют трактовать их практически произвольно. Главный вопрос состоит в том, можно ли относить этот регион к «области Башкырды» не прибегая к расширительным трактовкам типа «Исторической Великой Башкирии» и насколько этот регион был административной областью, а не «исторической областью» с определенными границами на ментальной карте современников и неопределенными – на реальной. К сожалению, однозначного ответа на эти вопросы нет, но и безоговорочно относить эту территорию к «области Башкырды» нет оснований. Противоречит этому тот факт, что «области Башкырды», по представлениям современников, населяли кочевые скотоводы, что справедливо по отношению к степному Южному Уралу, а не к Восточному Закамью. В этой связи, нельзя обойти вниманием существование древнего топонима Агидель («Беловоложская» страна) [27; 21; 17, с. 599–617]. Не исключено, что и в эпоху Золотой Орды эта область представлялась на стыке Улуса Болгара, стран Чулыман (Восточное Закамье и Северное Прикамье) и Башкырды, а к востоку от них находились земли «Сибир-Ибир». Для такого понимания этого региона есть весьма серьезные археологические материалы.

Достоверные археологические факты свидетельствуют о другом. На этой территории, как и в остальной части Северной Евразии в пределах Улуса Джучи начинает складываться новая золотоордынская археологическая куль-

тура, включая ряд локальных вариантов (например, на территории бывшей Булгарии) [14, с. 60–62]. Именно в золотоордынский период (XIII–XV вв.) в истории Икско-Бельского региона происходили значительные этнокультурные трансформации, связанные прежде всего с миграцией оседло-земледельческого и мусульманского населения на восток. Если середины XIII в. границей между Булгарией и зоной проживания полукучевых народов, находившихся под ее протекторатом, была р. Шешма, то позднее она сдвигается далеко на восток Икско-Бельского междуречья [17, с. 460]. Возрастает количество селищ, слои которых содержат остатки материальной культуры золотоордынского типа (круговая посуда, ювелирные изделия, оружие и т.д.). Памятники эти расположены как на левобережье Камы, так и вдоль рек Ик и Белая (Семиостровское I, Баскульское VI, Бикбуловское, Меллятамакское I, Новохуторское I и др. селища). Здесь же обнаружены кладбища с мусульманскими надгробиями (Утяшкино, Средние Челны, Клятли) [26; 3; 4].

Чересполосно с ними появляются своеобразные памятники, так называемой «чияликской культуры» – селища со своеобразной лепной и круговой круглодонной посудой с примесью песка в тесте, украшенной веревочно-гребенчатым орнаментом (Чияликское, Игимское, Меллятамакское VI и др.) и грунтовые могильники (Такталачукский и Азметьевский I), содержащие (всего изучено около 500) погребения, совершенные по мусульманскому обряду с некоторыми отклонениями (наличие украшений, различное положение рук умершего и т.д.). Особенностью является то, что детские погребения сопровождалась лепными круглодонными сосудами с веревочно-гребенчатой орнаментацией. По крайней мере часть этих сосудов была ритуальной. Носителями этой культуры, по мнению исследователей было мусульманизованное и оседлое, очевидно, смешанное население, включающее различные по происхождению общины [20, с. 34–93; 7, с. 130–139; 4, с. 12; 23; 10, с. 181–196]. Не исключено, что часть этого населения специально переселялась насильственно или добровольно из Зауралья и Южной Сибири. Вопреки мнению некоторых археологов и историков [20, с. 97–99; 10, с. 181–196], преемственность оставившего эти археологические памятники населения с предшествующим не очевидна. Во всяком случае, никаких аналогий между кушнареновско-караякуповской и некоей «постпетрогромской» и чияликской культурами, ни по технологии гончарства, ни по погребальному обряду нет. Это сводит на нет все попытки объявить основным населением региона некие угорские племена. Они вели полукучевой образ жизни, практически не имея стационарных поселений.

По сути дела, можно говорить, что именно с этого момента в Восточном Закамье, особенно в низовьях рек Зай, Ик, Белая (Агидель) происходит формирование единой мусульманской и оседло-земледельческой общности. Одновременно в Улусе Джучи идет формирование новой татарской этносоциальной общности. На этой территории Восточного Закамья и бассейна р. Белой открыты многочисленные памятники, оставленные земледельческим мусульманским населением. В центре проживания этого населения известно довольно крупное и сильно укрепленное Старокалмашевское городище в урочище «Кала-Тау». К сожалению, результаты раскопок не опубликованы, что затрудняет его детальное изучение. Обычно оно датируется VII–X вв. [3, с. 60]. Вместе с тем, среди подъемного материала с этого городища есть

предметы вооружения и быта, относящиеся к XIII–XIV вв. Поэтому вполне возможно, что оно относится к золотоордынской археологической культуре.

Вокруг него известен целый ряд поселений оседло-земледельческого типа. Проблема, однако в том, что уфимские археологи в силу ряда причин предпочитают отрицать наличие миграции мусульманского земледельческого населения в Восточное Закамье. При этом даже массовое появление круговой гончарной посуды на селищах XIII–XIV вв. объясняется торговыми контактами. Часто авторы апеллируют к тому, что в детских погребениях чияликской культуры встречаются те же лепные сосуды, что встречаются на поселениях, хотя и в небольшом количестве (Обсуждение этого вопроса см.: [2, с. 106]. Главным вопросом остается ключевой для отечественной археологии вопрос о керамике, которая имплицитно считается главным признаком «археологической этничности». При этом никак не оговаривается, почему гончарная круговая посуда вдруг стала необычайно популярной в этом регионе именно в золотоордынский период, хотя три века до этого ей никто не пользовался. Очевидно, что смена столовой посуды должна была сопровождаться сменой кухни, т.е. способов приготовления и употребления пищи. Но такие перемены должны были знаменовать переход к земледелию. Не менее интересным является вопрос о возможности и желании торговать этой посудой на такие расстояния, чего ранее не наблюдалось. Сомнительный экономический эффект этого предприятия очевиден, но гораздо труднее объяснить, почему такое производство не могло быть организовано на месте. В любом случае рассуждения о керамике, как о показателе «этнических миграций» становятся очень сомнительными.

Гораздо более выразительными доказательствами являются могильники. В Икско-Бельском междуречье XIII–XVI вв. их довольно много (не менее 15), причем значительное их количество содержит каменные надгробия с эпитафиями. Это такие некрополи как «Красный Ключ» и Сынташ (Чишминский район РБ), Старокалмашевское (Чекмагушевский район РБ), Нагайбакские I, II и III, Батраковский (Бакалинский район), Урсаевское, Старомаршаское, Тумутукское (Азнакаевский район РТ), а также другие (подробнее см.: [8, с. 39–40].

На некоторых этих кладбищах, которые до сих пор использует местное население, выявлены надгробия с арабографическими надписями и с датировками XIV века. Все это явно и недвусмысленно свидетельствует, что в бассейне реки Белой было не просто мусульманское земледельческое население, но и достаточно богатое, чтобы заказать и привезти из Болгара красивое надгробие. Одна из них сохранилась в мавзолее Хусейн-бека. В эпитафии он назван «справедливым в своих решениях хаджи Хусейн-бек б. Омар-бек из Туркестана», датой смерти указано 15 сентября 1339 год¹. В настоящее время текст памятника частично поврежден и уже почти невозможно прочесть имена и дату [31; 32]. Надгробие из пос. Красный Ключ представляет собой «типичный образец болгарских эпитафических памятников II стиля конца XIII и первой половины XIV в. Из-за сильных повреждений строк определить точнее дату не представляется возможным» [32, с. 127]. Аналогичным образом определяется

¹ По последним уточнениям эпиграфиста А.М. Гайнутдинова, Хусейн-бек скончался в 1344 г. Более подробно см.: Гайнутдинов А.М. Эпитафия на памятнике Хусейн-беку // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 168. (прим. гл. ред.).

надгробие в месте, называемом Сынташ, датированное 731 г. х. (1330/31 гг.) [32, с. 129]. В эпитафии Старокалмашевской плиты указана дата погребения – 747 г. х. (1346/47 гг.) [22, с. 174–178]. На Урсаевском кладбище обнаружено восемь камней плохой сохранности, пять из них описаны, а на одном памятнике указана дата – 730 г. х. (1329/30 гг.) [23, с. 136–138]. По мнению известного специалиста по татарским надгробиям Д.Г. Мухаметшина, болгарские эпитафии Чишминского района «очень близки к памятникам города Болгара. Стрельчатая арка, отсутствие орнаментальных мотивов, более изящное оформление говорят о том, что это произведение мастеров из Болгар, во всяком случае, памятники относятся к болгарской школе» [23, с. 140].

Позднее на некоторых кладбищах были возведены мусульманские мавзолеи (дюрбе, кешенэ). Все мавзолеи достаточно давно привлекали внимание путешественников, краеведов и историков, поэтому неоднократно изучались и описывались [9, с. 95–119; 11]. Мавзолеем Хусейн-бека у р.п. Чишмы сохранился частично. Раскопки показали, что это был семейный склеп. В нем были совершены 9 погребений – три взрослых и шесть детских. Могила самого Хусейн-бека располагалась в центре мавзолея напротив входа, окруженная каменной оградкой, а в изголовье находилась каменная стела с арабграфической эпитафийной надписью. Мавзолеем «Малый кэшэн» расположен у д. Нижние Термы. При раскопках выявлено 4 мусульманских погребения, совершенных по традициям близким к погребениям мавзолея Хусейн-бека. Мавзолеем «Тураhana» единственный из дюрбе из Южного Приураья довольно хорошо сохранившийся. При раскопках в нем были открыты три погребения, совершенные в дощатых гробах и ориентированных подобно другим погребениям.

Все три мавзолея сооружены из известковых камней, специально привезенных из Предкамья. Все сохранившиеся детали показывают, что все мавзолеи имеют портално-купольную форму с граненым (шатровым) наружным перекрытием. Купол был двойным – под шатровой конструкцией скрывалась купольная часть. Она облегчала постройку и служила для отвода воды, проникавшей через внешнюю крышу и вентиляции всей постройки. Шатровая крыша демонстрирует устремленность к небу, а массивный прямоугольник основания – бренность земной жизни. Выделенный порталный вход был украшен резьбой и служил наглядным отражением формулы перехода из мира бренного в мир вечности. Обе постройки имеют внутренний поминальный зал, где над погребенными были установлены надгробиями с эпитафиями. Вокруг всех мавзолеев располагались обычные грунтовые мусульманские погребения, а на части из них сохранились надгробия с эпитафийными камнеписными текстами XVII–XVIII вв.

Погребенные, где это было возможным выявлено, лежали в дощатых гробах, все головой на запад, а тело чуть развернуто на запад, как это было принято в болгарской исламской традиции [15, с. 60–69; 9, с. 95–119]. Погребальный обряд ясно показывает, что этот тип погребений, а особенно связанный с кладбищами, с надгробиями и мавзолеями, был связан с территорией Болгарского улуса. Не столько генетически, хотя значительный миграционный импульс был несомненным, сколько с религиозной законодательной практикой. Выявленный на этих кладбищах поминально-погребальный обряд показывает, что он отличался от среднеазиатского (хорезмийского) и наиболее близок к болгарскому XI–XIII вв. канону. Могильники так назы-

ваемой чияликской культуры представляли тот же мусульманский канон, но с сохранением некоторых традиционных погребальных элементов, особенно в отношении детей.

Особенности мавзолеев Чишминского района и целого ряда других мавзолеев Южного Урала, таких, как мавзолей «Бэндэбикэ», мавзолей «Кесене», а также мавзолей «Башня Тимура» близ пос. Варна Челябинской области, ясно и четко показывают, что они были сделаны по одному стандарту [11, с. 149–222]. Хотя эти мавзолеи были, видимо, сооружены позднее и при их строительстве использовался кирпич. Тем не менее, все они были построены по одному канону, который был, очевидно, принесен в Улус Джучи мусульманскими зодчими из Анатолии. В Волго-Уральском регионе центром распространения подобных мавзолеев являлся Болгар, откуда, вполне очевидно, пришли строители, создавшие мавзолеи Хусейн-бека и «Тура-хана».

Иными словами, в Икско-Бельском междуречье в XIII–XIV вв. выявлена настоящая иерархия мусульманских могильников – простые кладбища, на некоторых из них сохранились каменные стелы с эпитафиями, а также мавзолеи. Это была стройная и четко иерархия, повторяющая структуру общества. Анализ всех этих обстоятельств, а также учитывая датировку всех этих сохранившихся эпитафий, показывает, что все они сделаны во второй трети XIV в., то есть во время расцвета Улуса Джучи и бурного распространения ислама среди элиты общества. Может создаться впечатление, что малое число надгробий – это яркое свидетельство, что миграция была незначительной. Однако следует помнить, что установка подобного надгробия была показателем не «этнической», а социальной и религиозной идентичности. В средневековой общине подобная элита составляла весьма незначительную, но влиятельную и богатую часть общества, которая представляла собой единое целое. Поэтому установление надгробий и тем более мавзолеев было делом не просто рода, но и всей общины. Из этого следует, что местное сообщество представляло собой не неких полуязычников [7, с. 130–139], среди которых проживали немногочисленные мусульманские миссионеры, а цельные общины мусульман, занимавшихся земледелием.

Языковые особенности этих памятников хорошо известны – по крайней мере, два из них имеют языковые особенности, восходящие к элементам языка, но большинство – обычный старотатарский язык (поволжский тюрки) – литературная основа наддиалектного городского койне, характерного для Улуса Джучи [31; 32; 28]. Эти языковые детали в представлениях некоторых тюркологов служат основанием своеобразной критики представлений о миграции мусульманского населения из Болгарского улуса. По их мнению, непосредственно болгарский компонент надписей сынташского и красноключского памятников состоит из полутора – двух десятков лексем, которые обнаруживают наибольшую близость с нынешним преемником болгарского языка – чувашским. Имеющихся данных недостаточно, чтобы судить о распространенности болгарского языка в условиях древнего Предуралья. «Во всяком случае, не видно оснований говорить о каком-либо существенном влиянии болгарского языка XIII–XIV вв. на речь кыпчакоязычных обитателей края» [6, с. 23–26]. В этой фразе сосредоточены все обычные заблуждения – болгарский язык отождествляется с языком населения Булгарии, 3-язык приобретает «этнические»

черты неких «кыпчаков», которые были кочевниками и стали основой для будущего башкирского народа и, видимо, исключительно его.

Между тем, разговорным койне в Булгарии был такой же з-язык и именно язык такого типа стал основой наддиалектного койне и литературного языка в Улусе Джучи [29, с. 621–628; 24, с. 184–198]. Следовательно, все рассуждения, что миграция мусульманского населения из Болгарского улуса была якобы незначительной, поскольку элементов «булгарского» языка в эпитафийных памятниках Икско-Бельского междуречья XIII–XIV вв. было очень мало, являются полным непониманием языковых процессов в средневековье. Мусульманские общины из Булгарии в быту говорили на разных говорах как на р-языке, так и на з-языке. Следовательно, процессы в этом регионе протекали не так линейно – в виде «кыпчакизации» носителей «булгарского языка», а было сложное сочетание общинных диалектов при существовании общеразговорного койне, зафиксированного в литературе и эпитафиях. Поэтому, как бы то ни было, можно констатировать, что население этого региона говорило и понимало, а также писало на наддиалектном тюркском языке, который зафиксирован в надгробных эпитафиях. То, что этот язык стал позднее татарским литературным языком – лингвистический факт, а вот об особенностях «башкирского» языка, как и о языке населения «чияликской» культуры науке ничего неизвестно.

Все это определенно свидетельствует, что регион среднего течения р. Белой (Агидель) являлся регионом не просто проживания земледельческого населения, но и центром формирования единой мусульманской общности с ее единообразной культурой и наддиалектным языком общения и старотатарским письменным языком.

Между этим оседло-земледельческим и мусульманским населением и кочевым скотоводческим населением Южного Урала есть определенная ландшафтная и культурная граница. На южных рубежах и частично в степных коридорах по водоразделах в Икско-Бельском междуречье встречаются традиционные курганные могильники, которые можно связать с кочевым населением Улуса Джучи, входившим в сословную систему татарских кланов. Вопреки мнению целого ряда историков и археологов это население чисто формально можно считать кыпчакским. На самом деле оно отличалось от кыпчаков X–XII вв. практически по всем археологическим параметрам отличается от населения степей Евразии XIII–XIV вв. (смешанный обряд погребения в могильниках, наличие новых предметов оружия и всаднического снаряжения, деталей костюма и украшений, предметов быта и хозяйства). Можно сказать, что определенная часть этого населения была военно-служилой татарской аристократией, осуществлявшей власть в Улусе Джучи.

Во второй половине XIII в. представители этих кланов появляются в Болгарском улусе (Песчаноостровная и Балымерский могильники) [30, с. 114–116; 25, с. 61–76; 12, с. 130–152] и в Восточном Закамье (Байряки-Тамакский могильник) [20, с. 93–96], где открыты отдельные курганные погребения. Но основная масса подобных кочевнических погребений локализуется в степном Заволжье и на Южном Урале [33, с. 215–227]. Основные черты их погребальной обрядности: захоронения под небольшими земляными или каменными насыпями, а иногда просто в грунтовых ямах с перекрытием, умершие ориентированы чаще всего на север или запад, изредка они сопровождаются захо-

ронением коня и погребальным инвентарем (конское снаряжение, оружие, украшения и предметы быта), что имеет прямые аналогии в погребальных памятниках Центральной Азии, Южной Сибири и Поволжья [3, №730, 732, 1640; 33; 21]. Следует подчеркнуть общую тенденцию, что уже в конце XIV в. языческие курганные могильники исчезают в Южном Приуралье, сменяясь мусульманским обрядом захоронения, свидетельством чего являются кирпичные или саманные мавзолеи (кэшэнэ) XIV–XV вв. Все это свидетельствует, что население края к этому времени было практически полностью исламизировано и, в значительной мере, культурно нивелировано [16, с. 349–365; 18, с. 185–200]. То есть, постепенно процессы мусульманизации и культурной конвергенции вели к сглаживанию культурных границ в регионе, но эти процессы были прерваны периодом политической нестабильности и распада Улуса Джучи в начале XV в. Военная опасность и необходимость большей хозяйственной специализации привели, видимо, к сокращению числа оседлых поселений и переходу значительной части населения к полукочевому образу жизни и хозяйствования, что заставляло кочевников-скотоводов сдвигаться к северу, а зону земледелия – к побережью р. Камы.

Таким образом, специфика Икско-Бельского междуречья в XIII–XV вв. была обусловлена значительной миграцией оседло-земледельческого и мусульманского населения, которая освоила эти земли ассимилируя в культурном, религиозном и языковом плане небольшие группы местного и пришлого полуседлого населения. В золотоордынский период в регионе сформировалась устойчивая и достаточно состоятельная община мусульман-земледельцев, которая могла строить мавзолеи (дюрбе) и устанавливать каменные стелы с эпитафиями, что несомненно включает эту территорию в зону, где формировались этнокультурные основы татарского этноса. Дальнейшие периоды стали временем уже не культуругенеза, а расширения зоны освоения края татарским населением. В целом динамика историко-археологического развития региона в эпоху Улуса Джучи (XIII–XV вв.) довольно четко очерчивается, хотя и требует новых дополнительных исследований и более детальной проработки отдельных конкретных аспектов этой проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксанов А.В. От «баскардов» до «башкирцев»: судьба этнонима в XIII–XVI веках // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 786–800. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-4.786-800>
2. Антонов И.В. К вопросу о болгарской миграции на территорию Башкирии в период Золотой Орды // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. №2. С. 105–114.
3. Археологическая карта Башкирии. Под ред. О.Н. Бадера. М.: Наука, 1976. 263 с.
4. Археологические памятники Восточного Закамья. Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1989. 100 с.
5. Археология Южного Урала. Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. ин-т, 1992. 233 с.
6. Гарипов Т.М. Относительно «булгарских» эпитафий Башкирии // Письменные памятники Башкирии (Историко-филологические исследования). Отв. ред. З.Г. Ураксин. Уфа: ИИЯЛ БФ АН СССР, 1982. С. 52–68.

7. Гарустович Г.Н. Об этнической принадлежности раннемусульманских памятников Западной и Центральной Башкирии // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 130–139.

8. Гарустович Г.Н. К вопросу об особом типе памятников археологии XIV века на территории исторического Башкортостана (кладбища с каменными надгробиями с исламскими эпитафиями) // Проблемы востоковедения. 2012. № 2(56). С. 39–45.

9. Гарустович Г.Н. «Теория мавзолеев» или региональные особенности культового мемориального зодчества Урало-Поволжья эпохи Золотой Орды (исторические и этнографические аспекты проблемы) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2(4). С. 95–119.

10. Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 181–196.

11. Гарустович Г.Н., Нечвалода А.И. Средневековые каменные мавзолеи Башкортостана (история, археология, биоантропология). Уфа: Китап, 2020. 400 с.

12. Иванов В.А., Злыгостев В.А., Антонов И.В. Южный Урал в эпоху средневековья (V–XVI века н.э.). Уфа: Баш. гос. пед. ун-т, 2013. 280 с.

13. Иванов В.А., Злыгостев В.А. Башкирский юрт Золотой Орды (1236–1437). Уфа: Китап, 2021. 272 с.

14. Измайлов И.Л. Восточное Закамье в эпоху средневековья в контексте социальной истории (к вопросу о периодизации) // Природа и самоорганизация общества. Под ред. Э.С. Кульпина. М.: Изд-во «Московский лицей», 2002. С. 226–238.

15. Измайлов И.Л. К вопросу о каноничности и языческих пережитках в мусульманском погребальном обряде волжских булгар // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань: Мастер Лайн, 2002. С. 60–69.

16. Измайлов И.Л. Становление средневекового татарского этноса // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 349–365.

17. Измайлов И.Л. Булгарский улус: Булгар и другие эмираты // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 599–617.

18. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2007. 356 с.

19. История татар с древнейших времен. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 1056 с.

20. Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 131 с.

21. Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Казань: Фэн, 2010. 200 с.

22. Миргалеев И.М. Старокалмашевская надмогильная плита и вопросы этнической интерпретации населения Приуралья в средние века // Археология Евразийских степей. 2017. № 6. С. 174–178.

23. Мухаметшин Д. Г. Об эпиграфических памятниках Восточного Закамья (к вопросу о локальных вариантах болгарских эпиграфий) // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН СССР, 1981. С. 136–140.

24. Нуреева Ф.Ш. Язык письменных памятников золотоордынского периода // История татар Западного Приуралья. Т. 1. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 184–198.

25. Руденко К.А. Кочевники в Булгарском улусе Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская археология. 2013. №2(4). С. 189–211.

26. Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. 220 с.

27. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 180 с.
28. Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М.: Наука, 1987. 192 с.
29. Хакимзянов Ф.С., Измайлов И.Л. Языки населения Волжской Булгарии и проблема «булгарского» языка // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 621–628.
30. Халикова Е.А. Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1965. №104. С. 114–116.
31. Юсупов Г.В. Две надгробные надписи с древнего башкирского кладбища // Вопросы башкирской филологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 120–122.
32. Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 322 с.
33. Яминов А.Ф. Кыпчаки на Южном Урале в XIII–XIV вв. // Археология Южного Урала. Стерлитамак: Стерлитамакский гос. пед. ин-т, 1992. С. 215–227.

REFERENCES

1. Aksanov A.V. From the “Bascardi” to the “Bashkirs”: The Fate of an Ethnonym during the 13th–16th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 4, pp. 786–800. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-4.786-800> (In Russian)
2. Antonov I.V. On the issue of Bulgar migration to the territory of Bashkiria during the period of the Golden Horde. *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii = Magistra Vitae: electronic journal on historical sciences and archeology*. 2018, no. 2, pp. 105–114. (In Russian)
3. Archaeological map of Bashkiria. Ed. by O.N. Badera. Moscow: Nauka, 1976. 263 p. (In Russian)
4. Archaeological monuments of Eastern Trans-Kama region. Rep. ed. A.Kh. Khalikov. Kazan: IYALI KSC AS USSR, 1989. 100 p. (In Russian)
5. Archeology of the Southern Urals. Sterlitamak: Sterlitamak state ped. Institute, 1992. 233 p. (In Russian)
6. Garipov T.M. Regarding the “Bulgar” epitaphs of Bashkiria. *Written monuments of Bashkiria (Historical and philological studies)*. Ed. by Z.G. Uraksin. Ufa: IYAL BF AN SSSR, 1982, pp. 52–68. (In Russian)
7. Garustovich G.N. On the ethnicity of early Muslim monuments of Western and Central Bashkiria. *Problems of the ancient Ugrians in the Southern Urals*. Ufa: BNC UrO AN SSSR, 1988, pp. 130–139. (In Russian)
8. Garustovich G.N. On the question of a special type of archeological monuments of the 14th century on the territory of historical Bashkortostan (cemeteries with stone tombstones with Islamic epitaphs). *Problemy vostokovedeniya = Problems of Oriental Studies*. 2012, no. 2(56), pp. 39–45. (In Russian)
9. Garustovich G.N. “Theory of mausoleums” or regional features of the cult memorial architecture of the Ural-Volga region of the Golden Horde era (historical and ethnographic aspects of the problem). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2014, no. 2(4), pp. 95–119. (In Russian)
10. Garustovich G.N. Chiyalik archaeological culture of the Middle Ages in the Southern Urals. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik = Ufa Archaeological Bulletin*. 2015, iss. 15, pp. 181–196. (In Russian)
11. Garustovich G.N., Nechvaloda A.I. Medieval stone mausoleums of Bashkortostan (history, archeology, bioanthropology). Ufa: Kitap, 2020. 400 p. (In Russian)

12. Ivanov V.A., Zlygostev V.A., Antonov I.V. Southern Urals in the Middle Ages (5th–16th centuries AD). Ufa: Bash. state ped. univ., 2013. 280 p. (In Russian)
13. Ivanov V.A., Zlygostev V.A. Bashkir yurt of the Golden Horde (1236–1437). Ufa: Kitap, 2021. 272 p. (In Russian)
14. Izmailov I.L. Eastern Trans-Kama in the Middle Ages in the context of socio-natural history (on the issue of periodization). *Nature and self-organization of society*. Ed. by E.S. Kul'pin. Moscow: Moskovskiy litsey Publ., 2002, pp. 226–238. (In Russian)
15. Izmailov I.L. K On the question of canonicity and pagan remnants in the Muslim funeral rite of the Volga Bulgars. *Questions of the ancient history of Volga-Kama*. Kazan: Master Lain, 2002, pp. 60–69. (In Russian)
16. Izmailov I.L. The formation of the medieval Tatar ethnos. *History of the Tatars from ancient times. In 7 vols. Vol. III. Ulus Jochi (Golden Horde). 13th – mid-15th centuries*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 349–365. (In Russian)
17. Izmailov I.L. Bulgar ulus: Bulgar and other emirates. *History of the Tatars from ancient times. In 7 vols. Vol. III. Ulus Jochi (Golden Horde). 13th – mid-15th centuries*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 599–617. (In Russian)
18. Iskhakov D.M., Izmailov I.L. Ethnopolitical history of the Tatars (3th – mid-16th centuries). Kazan: RIC «Shkola», 2007. 356 p. (In Russian)
19. History of the Tatars from ancient times. In 7 vols. Vol. III. Ulus Jochi (Golden Horde). 13th – mid-15th centuries. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009. 1056 p. (In Russian)
20. Kazakov E.P. Monuments of the Bulgar era in the eastern regions of Tataria. Moscow: Nauka, 1978. 131 p. (In Russian)
21. Kostyukov V.P. Ulus Shiban of the Golden Horde in the 13th–14th centuries. Kazan: Fen, 2010. 200 p. (In Russian)
22. Mirgaleev I.M. Starokalmashevskaya gravestone and questions of ethnic interpretation of the population of the Urals in the Middle Ages. *Arheologiya Evraziyskikh stepey = Archeology of the Eurasian steppes*. 2017, no. 6, pp. 174–178. (In Russian)
23. Muhametshin D.G. On the epigraphic monuments of the Eastern Trans-Kama region (on the issue of local variants of Bulgar epigraphies). *On historical monuments along the Kama and Belaya valleys*. Ed. by A.Kh. Khalikov. Kazan: KFAN SSSR, 1981, pp. 136–140. (In Russian)
24. Nureeva F.Sh. The language of written monuments of the Golden Horde period. *History of the Tatars of the Western Urals. Vol. I. Nomads of the Great Steppe in the Urals. Tatar medieval states*. Collective monograph. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 184–198. (In Russian)
25. Rudenko K.A. Nomads in the Bulgar ulus of the Golden Horde (according to archaeological data). *Povolzhskaya Arkheologiya = The Volga River Region Archaeology*, 2013, no. 2(4), pp. 189–211. (In Russian)
26. Fakhruddinov R.G. Archaeological monuments of Volga-Kama Bulgaria and its territory. Kazan: Tatar book Publ., 1975. 220 p. (In Russian)
27. Fedorov-Davydov G.A. Social system of the Golden Horde. Moscow: MGU, 1973. 180 p. (In Russian)
28. Khakimzyanov F.S. Epigraphic monuments of Volga Bulgaria and their language. Moscow: Nauka, 1987. 192 p. (In Russian)
29. Khakimzyanov F.S., Izmailov I.L. Languages of the population of Volga Bulgaria and the problem of the “Bulgar” language. *History of the Tatars from ancient times. In 7 vols. Vol. II. Volga Bulgaria and the Great Steppe*. Kazan: RukhIL Publ., 2006, pp. 621–628. (In Russian)

30. Khalikova E.A. Archaeological research in the Kuibyshev region of the TASSR. *Brief communications of the Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences*. 1965, no. 104, pp. 114–116. (In Russian)

31. Yusupov G.V. Two gravestone inscriptions from an ancient Bashkir cemetery. *Questions of Bashkir philology*. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1959, pp. 120–122. (In Russian)

32. Yusupov G.V. Introduction to Bulgar-Tatar epigraphy. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1960. 322 p. (In Russian)

33. Yaminov A.F. Kipchaks in the Southern Urals in the 13th–14th centuries. *Archeology of the Southern Urals*. Sterlitamak: Sterlitamak State ped. Institute, 1992, pp. 215–227. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Искандер Лерунович Измайлов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усмано-ва, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (410111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-2165-2916. E-mail: ismail@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Iskander L. Izmailov – Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2165-2916. E-mail: ismail@inbox.ru

Поступила в редакцию / Received 26.12.2023

Поступила после рецензирования / Revised 27.02.2024

Принята к публикации / Accepted 04.03.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.201-210>
EDN: UETYRE

УДК 94(47).031

МАВЗОЛЕИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МАМЛЮКСКОЙ ЭЛИТЫ, СВЯЗАННЫХ С ИСТОРИЕЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Э.Г. Сайфетдинова

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
adulya2@yandex.ru*

Резюме. Цель исследования: ввести в научный оборот информацию о мавзолеях представителей мамлюкской элиты, которые были связаны с историей Золотой Орды. Материалы исследования: средневековые арабоязычные источники из «Сборника материалов» В.Г. Тизенгаузена, сочинение Таки ад-дина ал-Макризи «Китаб ал-маваиз ва-л-итибар фи зикр ал-хитат ва-ал-асар («Книга поучений и назидания в рассказе о кварталах и памятниках»)), фотоматериалы.

Результаты и научная новизна: в настоящей статье рассмотрена история представителей мамлюкской элиты, игравших значимую роль в связях между Золотой Ордой и Египтом. В средневековой арабоязычной литературе мавзолеи зафиксированы под названием «кубба», что было характерно для мусульманской культуры средневековья. Представленные мавзолеи были построены в XIII–XIV вв. и предполагались не только как погребальный склеп, но и как место для размещения куттабов (школ) и общественных питьевых фонтанов. Отмечается, что захоронения правителей Египта происходили в цельных мемориальных ансамблях, состоявших из мечети, медресе и ханака. В подобных комплексах захоронены такие мамлюкские султаны как ал-Мансур Калавун, ан-Насира Калавун, Баркук. Эмиры и знать строили для себя отдельные погребальные комплексы еще при жизни, например: мавзолеем эмира Кусуна, золотоордынской принцессы Тулбии. В Каире на протяжении многих веков мавзолеем оставался наиболее значимым элементом архитектурного ансамбля. Он располагался либо отдельно, либо примыкал к строению, но в любом случае занимал большую площадь. Строительство таких мемориальных комплексов говорит о том, что мамлюки, большинство из которых были тюрками, слыли ревностными ценителями культуры и покровительствовали развитию искусства и архитектуры.

Ключевые слова: история, мавзолеи, Золотая Орда, Египет, мамлюки, элита, мамлюкский султанат, средневековые арабские источники

Для цитирования: Сайфетдинова Э.Г. Мавзолеи представителей мамлюкской элиты, связанных с историей Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 201–210. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.201-210> EDN: UETYRE

© Сайфетдинова Э.Г., 2024



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

MAUSOLEUMS OF REPRESENTATIVES OF THE MAMLUK ELITE CONNECTED WITH THE HISTORY OF THE GOLDEN HORDE

E.G. Sayfedinova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
adulya2@yandex.ru*

Abstract. Purpose: To introduce into scientific circulation information and photographic records of the mausoleums of representatives of the Mamluk elite who were associated with the history of the Golden Horde:

Research materials: Medieval Arabic-language sources, the work of Taqi ad-din al-Makrizi “*Kitab al-mawaiz wa-l-itibar fi dhikr al-khitat wa-al-asar*” (“Book of teachings and edifications in the story of quarters and monuments”), photographic materials of mausoleums.

Results and scientific novelty: This article presents the history of representatives of the Mamluk elite who played a significant role in relations between the Golden Horde and Egypt. This study presents mausoleums that in medieval Arabic writings are presented under the name «qubba» which was characteristic of the Muslim culture of the Middle Ages. The presented mausoleums were built in the 13th–14th centuries. and were intended not only as burial crypts, but also as sites to place kuttabs and public drinking fountains. It has been noted that the burials of the rulers of Egypt were carried out in integral memorial complexes, consisting of a mosque, madrasah, and khanqah. Such Mamluk sultans as al-Mansur Qalawun, an-Nasir Qalawun, Barquq were buried in these. Emirs and nobles built separate funerary complexes for themselves during their lifetimes: for example, the mausoleum of Emir Qusun, the Golden Horde princess Tulbya, etc. Some of the burial complexes are open to the public today while others require serious restoration. It is important to note that the Mamluks used various methods and architectural solutions when creating memorial complexes. The mausoleum remained the most significant element of the architectural ensemble. The mausoleum was either separate or adjacent to the building, but in any case it occupied a large area. The construction of such memorial complexes suggests that the Mamluks, most of whom were Turks, were known as zealous connoisseurs of culture who patronized the development of art and architecture.

Keywords: History, mausoleums, Golden Horde, Egypt, Mamluks, elite, Mamluk Sultanate, medieval Arab sources

For citation: Sayfedinova E.G. Mausoleums of representatives of the Mamluk Elite connected with the history of the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 1, pp. 201–210. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.201-210> (In Russian)

В стремлении обрести независимость от Монгольской империи и идти по пути формирования суверенитета, который был достигнут чингизидами на Талласком курултае 1269 года, Улус Джучи стал разрабатывать свой план налаживания дипломатических отношений с другими государствами. Продуктивным в этом отношении стало межгосударственное сотрудничество с мусульманским миром в лице мамлюкского Египта, с которым были установлены дипломатические отношения во времена правления в Золотой Орде хана Берке (1257–1266).

История развития дипломатических отношений между Золотой Ордой и мамлюкским Египтом рассматривалась многими учеными-исследователями [2; 5; 6; 10; 13; 14; 15]. Источником возродившегося интереса к изучению межгосударственных отношений стал «Сборник материалов В.Г. Тизенгаузена» [12], в котором были приведены отрывки средневековых арабских сочинений, по большей части египетских летописцев XIII–XV вв., в которых освещаются события связи между Волгой и Нилом.

Благодаря сведениям средневековых египетских авторов, сохранилась информация о важных исторических событиях, личностях, посольствах, династических свадьбах, о традициях церемониала, правилах дипломатической переписки. Наряду с этим в Каире сохранилось множество памятников архитектуры, также и тех представителей мамлюкской элиты Египта, которые поддерживали тесные дипломатические контакты с Золотой Ордой. Особенно интересна в этом контексте сохранившаяся архитектура мавзолеев. Как отмечает Э.Д. Зиливинская «именно в мусульманских странах мавзолеи получили широчайшее распространение. Количество их огромно, и их роль в создании архитектурного облика городов и других местностей достаточно существенна. Правда на Востоке мемориальные постройки не назывались мавзолеями... Наиболее употребительное арабское название кубба (по-персидски гунбад) указывает на то, что мавзолеи всегда перекрывались куполами» [7, с. 97].

В средневековых арабских источниках эти сооружения действительно зафиксированы под названием «кубба» [1]. На сегодняшний день некоторые из мавзолеев отреставрированы и открыты для посещения, другие – можно осмотреть только снаружи. «Многие здания находятся в плохом состоянии, вместе с тем, в городе ведется активная реставрационная работа: постройки периода Бахри изменили лицо многих мамлюкских городов, особенно – Каира» [3, с. 210]. Профессор каирского университета Гамаль Абдель Рехем отмечает, что «архитектурные и музейные коллекции Каира мамлюкской эпохи представляют интерес не только с точки зрения исторической достопримечательности, но и как источник информации по истории межгосударственных отношений Золотой Орды и Египта» [4, с. 209].

Целью данной статьи является ввести в научный оборот информацию о мавзолеях представителей мамлюкской элиты, которые были связаны с золотоордынской историей.

Мавзолей мамлюкского султана ал-Мансура Калавуна

Одним из сохранившихся мавзолеев является кубба мамлюкского султана ал-Мансура Калавуна (1222–1290) (Рис. 1). По происхождению ал-Мансур Калавун был тюрком-кыпчаком. Во времена правления ал-Мансура Калавуна (1279–1290) продолжались дипломатические отношения с Золотой Ордой, установившиеся еще при султанине Бейбарсе (1260–1277), который также по происхождению был тюрком. Султан ал-Мансур Калавун был благосклонно настроен на межгосударственные отношения, несмотря на то, что Золотой Ордой тогда правил Менгу Тимур и Токта, которые придерживались религии своих предков и были язычниками. Султан ал-Мансур Калавун продолжил отправлять послов в Орду с многочисленными подарками [12, с. 67–69], а в 1287 году «отправлено множество разных припасов для мечети, которая строилась в Крыму (=Солхат), ценою в 2000 динаров. На этой мечети были начертаны прозвища султана ал-Малик ал-Мансура. Был также послан ка-

менщик-каменосек, для изсечения на упомянутой мечети султанских титулов. Посланы были с ними (с послами) масляные краски» [12, с. 362–363].

Мавзолеем ал-Мансура Калавуна был построен по приказу самого султана еще при жизни в 1284–1285 гг., на руинах бывшего дворца Фатимидов в Каире. Это цельный комплекс, в котором располагается бимаристан, медресе и его мавзолей. Строительство комплекса продолжалось чуть больше года, а его постройку контролировал эмир ‘Алам ад-Дин ас-Санджар аш-Шуджаи. Комплекс находится в центральной части старого Каира в районе Байн ал-Касрейн. На протяжении многих столетий он был центром проведения важных религиозных церемоний и ритуалов. Ал-Макризи в «Хитат» отмечал, что внутри мавзолея находился великолепный зал, посередине которого расположен фонтан. И этот зал был предназначен для проживания слуг султана – таваши» [1, с. 480].

После смерти ал-Мансура Калавуна комплекс несколько раз реставрировался его сыном, мамлюкским султаном Мухаммадом ан-Насиром (1285–1341). Масштабная реконструкция была осуществлена после землетрясения 1327 года, также на минаретах указана дата реставрации. Сын ал-Мансура Калавуна Мухаммад ан-Насир Калавун продолжил политику тесных дипломатических отношений с Золотой Ордой. Именно с ним был заключен династический брак с золотоордынской принцессой Тулбией, с которой он прожил в течение 8 лет. Золотоордынский хан Узбек сам лично выбирал для мамлюкского султана невесту и называл ан-Насира «братом» [12, с. 439]. В мавзолее ал-Мансура Калавуна также захоронен и Мухаммад ан-Насир, скончавшийся в 1341 году от болезни в возрасте 56 лет.

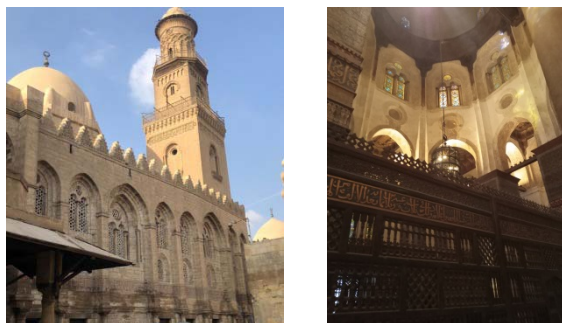


Рис. 1. Мавзолей ал-Мансура Калавуна и его сына ан-Насира Калавуна.

Fig. 1. Mausoleum of al-Mansur Qalawun and his son, an-Nasir Qalawun.

Мавзолей Тулбии. Этот мавзолей связан с именем золотоордынской принцессы Тулбией, отправленной в Египет в качестве невесты мамлюкского султана Мухаммада ан-Насира в 1320 г. История заключения династического брака и ее судьба в Египте была рассмотрена в отдельных исследованиях [11].

Ее высокий и уважаемый статус доказывается и тем, что захоронена она была в отдельном мавзолее (часовне), могила ее до сих пор сохранена в Каире (Рис. 2).

Мавзолей Тулбии находится в части каирского некрополя в глубине от главной дороги, у мавзолея надпись «Этот грот был построен по приказу благородной дамы принцессы Тулбии, да благословит ее Аллах» [16]. Внутри

мавзолея находится мраморный саркофаг, с трех сторон начертаны куфические надписи гротескным письмом, впереди указана дата смерти 765 г.х.: «Во имя Аллаха милостливого, милосредного. Дата смерти госпожи Тулбии, пусть Аллах будет к ней милосерден умерла 17 джумга раби'а ал-ахира в году 765».



Рис. 2. Мавзолей и гробница золотоордынской невесты Тулбии.
Fig. 2. Mausoleum and tomb of the Golden Horde queen, Tulbiya.

Мавзолей эмира Кусуна

Эмир Кусун, один из самых влиятельных мамлюков султана ан-Насира Мухаммада Калавуна, прибыл в Египет из Золотой Орды со свадебной делегацией Тулбии в 1320 году. Султан ан-Насир приметил Кусуна на рынке и хотел купить его в качестве мамлюка. Однако ему сказали, что Кусун свободный человек, тогда султан уговорил остаться его при своем дворе на что Кусун согласился. Со временем султан вознаградил его почетным званием эмира сотни, хотя на тот момент Кусуну было всего лишь 18 лет. В должностной иерархии Кусун достиг самых высоких должностей, стал зятем султана: Мухаммад ан-Насир выдал замуж за него одну из своих дочерей. К концу своего правления султан сделал эмира Кусуна опекуном своих детей. Эмир Кусун также перевез в Египет множество своих родственников и своего родного брата Сусуна, который также получил звание эмира. Для истории межгосударственных взаимоотношений двух стран эмир Кусун интересен тем, что он отвечал за переписку с Золотой Ордой. Возможно, он являлся посредником в решении ряда государственных и личных дел султана ан-Насира. Однако после смерти султана эмир Кусун не смог долго удерживать власть в своих руках даже будучи регентом молодого султана и пал жертвой интриг мамлюкских эмиров, был арестован, заключен в Александрийскую тюрьму, где и умер. Среди сохранившейся архитектуры, связанной с именем эмира Кусуна, сегодня известны: мечеть, конюшня, дворец, купол и минарет.

Мечеть была построена по приказу Кусуна в 1330 году, на ее открытии присутствовал сам султан Мухаммад ан-Насир. С течением времени мечеть разрушалась, но при содействии хедива восстановлена в 1893 г. От мечети времен эмира Кусуна осталась лишь северная дверь из камня, покрытая цветным мрамором, на которой сохранились надписи с датой постройки мечети и

именем мастера: «Он приказал построить эту благословенную мечеть по щедрости Всемогущего Аллаха, бедному слуге Всемогущего Аллаха Кусуну ас-Саки, ал-Малики ан-Насири, во времена нашего господина, султана ал-малика ан-Насира, да благословит Аллах его сторонников, в 730 году» [1, с. 257].

Замок Кусун приобрел в 1338 году у одного из эмиров. В исторических источниках упоминается, что дворец отличался изысканным убранством, потолками, украшенными позолотой, мраморным фонтаном, расположенным посередине, пол был выстлан мрамором. На главной дворцовой двери установлена мемориальная доска, на которой указано имя султана ал-Малика ан-Насира и имена мастеров Мухаммада бин Ахмеда и Ахмеда Заалиша аш-Шаами. Нижний этаж дворца использовался под конюшни и склады, а над этими складами располагался прекрасный зал для приемов.

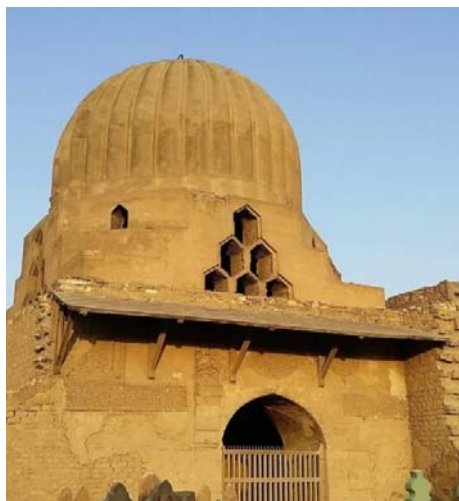


Рис. 3. Мавзолей эмира Кусуна.
Fig. 3. Mausoleum of Emir Kusun.

Мавзолеем Кусуна почти разрушен. Египетский историк ал-Макризи в «Хитат» упомянул об этом, отметив, что уже в XV веке, мавзолей был разрушен, и от него остались купол и центральный минарет. Мавзолеем располагался к западу от усыпальницы известного ученого, шейха Джалал ад-Дина ас-Суюти (1445–1505) [1, с. 287]. Купол выполнен в стиле куполов традиционных для эпохи бахритских мамлюков, который отличается наличием лопастного шлема и украшен на западном фасаде прекрасными гипсовыми украшениями и полоской с кораническими надписями. Мавзолей был построен по приказу самого эмира Кусуна в 1336 году. Возможно,

эмир Кусун и не был захоронен в этом мавзолее, поскольку умер в Александрийской тюрьме, во всяком случае, упоминания о сохранившейся могиле эмира Кусуна внутри этого мавзолея нет.

Мавзолей султана Баркука

Мамлюкский султан Баркук (1339–1399) играл важную роль в антитимуровской коалиции и выступал в поддержку золотоордынского хана Токтамышша (1342–1406). В 1380–90 годы из Золотой Орды в Каир прибыли послы с письмом Токтамышша о просьбе поддержать его в противостоянии с Тамерланом [12, с. 441, 448]. История взаимоотношений между двумя государствами в этот период более подробно рассмотрена в нескольких исследованиях [8; 9]. Несмотря на то, что Баркук был представителем черкесской династии, он очень благосклонно относился к ученой элите и поэтам, в период правления султана Баркука в Каире жили и творили многие ученые с нисбами ас-Сараи.

Мавзолеем султана Баркука расположен на территории действующей мечети, а также на данной территории располагалось медресе, возведенное по приказу султана Баркука, где давалось религиозное образование для всех

четырёх суннитских мазхабов. Комплекс был построен в 1384–1386 гг. и стал первым архитектурным ансамблем, построенным во времена правления в Египте бурджитов (представителей черкесской династии)¹. Поскольку это место находилось в оживлённом центре Каира, некоторые существовавшие тогда сооружения должны были быть разрушены до начала строительства. В строительстве комплекса Баркука использовались только наёмные рабочие. Куратором работ был назначен эмир из ближнего круга султана Джаркас ал-Халили, а архитектором назначен Шихаб ад-Дин Ахмад ибн Мухаммад ат-Тулуни. Ахмад ат-Тулуни, представитель династии мастеров-плотников и камнерезов.

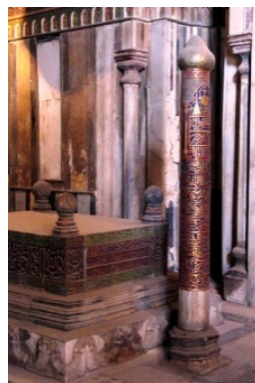


Рис. 4. Ханака и медресе ас-султан Фарадж ибн Баркук и могила Баркука.

Fig. 4. Khanaka and madrasah of Sultan Faraj ibn Barquq and his grave.

Отличие каирских мавзолеев мамлюкской эпохи от золотоордынских мавзолеев состоит в том, что они выполняли не только роль погребальных сооружений, а часто располагались внутри комплекса, включающего и мечеть, и медресе, и ханака. Эти религиозные заведения широко использовались и после смерти представителей мамлюкской элиты. В частности, мечеть Фараджа ибн Баркука является действующей мечетью и сегодня и располагается она внутри жилого квартала. Несмотря на богатое убранство этих архитектурных памятников Каира, многие из них требуют реставрации. Мону-ментальные памятники архитектуры Каира эпохи правления мамлюков, представителей тюркской династии и сегодня являются явными свидетельствами богатого культурного наследия той эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ал-Макризи *Таки ад-дин*. *Китаб аль-маваиз ва-ль-итибар фи зикр аль-хитат ва-аль-асар* («Книга поучений и назидания в рассказе о кварталах и памятниках»). Каир: Китаб ал-Мадбули, 1998. Т.3. 832 с.

¹ Бурджиты – вторая мамлюкская династия султанов Египта, сменившая у власти Бахритов. Наименование произошло от башнеобразных казарм (бурдж) каирской цитадели.

2. Амин ал-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. Казань: Иман, 2002. 51 с.
3. Амирханова Л.Р. Архитектурные памятники мамлюкского периода в Каире (династия Бахри) // Оазисы шелкового пути: исторические истоки интеграционных процессов в Евразии. Материалы VI Международного Золотоордынского Форума и круглого стола. Сост. и отв. редактор И.М. Миргалеев, 2020. С. 210–216.
4. Гамаль Абдель Рехем И.Х. Музейные коллекции Каира, отражающие связи мамлюкского Египта с Золотой Ордой // Оазисы шелкового пути: исторические истоки интеграционных процессов в Евразии. Материалы VI Международного Золотоордынского Форума и круглого стола. Сост. и отв. редактор И.М. Миргалеев, 2020. С. 205–209. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М.: «Наука», 1966. 160 с.
6. Зеленев Е.И., Илюшина М.Ю. Мамлюкский султанат в Египте: Бейбарс и его эпоха (1260–1277) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. 2013. Вып. 3. С. 41–53.
7. Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть 1. Культовое зодчество: Монография. Казань: Отечество, 2014. 228 с.
8. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
9. Миргалеев И.М. Битвы Токтамыш-хана с Аксак Тимуром // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума. Казань, 29–30 марта 2011 г. Отв. ред. и составитель И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 170–182.
10. Сайфетдинова Э.Г. Личность султана Бейбарса и его роль в развитии взаимоотношений мамлюкского Египта с Золотой Ордой по арабским источникам // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 726–735. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-4.726-735>
11. Сайфетдинова Э.Г., Гамаль Абдель Рехем И.Х. Династический брак мамлюкского султана Египта ан-Насира и царевны Тулунбай по данным средневековых арабских летописей // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 116–125. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-1.116-125>
12. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Т. I. Спб.: тип-я Императорской Академии наук, 1884. 564 с.
13. Фаверо М. Как султан мамлюков обращался к хану Золотой Орды. Формуляр писем и правила их составления // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 41–84. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2018-6-1.41-84>
14. Фаверо-Думенджу М. Золотая Орда и мамлюки // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 334–353.
15. Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. / Пер. с немец. яз. и коммент. М.С. Гатина. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 500 с.
16. Mélanges asiatiques, tirés du Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg. I–XVI. St.-Pbg., 1852–1892.

REFERENCES

1. Al-Makrizi Taki ad-din. A book of teachings and edifications in the story of neighborhoods and monuments. Cairo: Kitab al-Madbuli, 1998. Vol. 3. 832 p. (In Arabic)
2. Amin al-Kholi. Relations between the Nile and the Volga in the 13th and 14th centuries. Kazan, 2002. 51 p. (In Russian)
3. Amirkhanova L.R. Architectural monuments of the Mamluk period in Cairo (Bahri dynasty). *Oases of the Silk Road: historical origins of integration processes in Eurasia. Materials of the VI International Golden Horde Forum and round table*. I.M. Mirgaleev (ed.). 2020, pp. 210–216. (In Russian)
4. Gamal' Abdel' Rekhem I.Kh. Cairo museum collections reflecting the ties between Mamluk Egypt and the Golden Horde. *Oases of the Silk Road: historical origins of integration processes in Eurasia. Materials of the VI International Golden Horde Forum and round table*. I.M. Mirgaleev (ed.). Kazan, 2020, pp. 205–209.
5. Zakirov S. Diplomaticheskie otnosheniya Zolotoy Ordy s Egiptom (13th–14th centuries). Moscow: Nauka, 1966. 160 p. (In Russian)
6. Zelenev E.I., Ilyushina M.Yu. Mamluk Sultanate in Egypt: Baybars and His Era (1260–1277). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie. Afrikanistika = Bulletin of St. Petersburg University. Series 13. Oriental Studies. African Studies*. 2013, iss. 3, pp. 41–53. (In Russian)
7. Zilivinskaya E. Architecture of the Golden Horde. Architecture of the Golden Horde. Part I. Religious architecture. Moscow-Kazan: Otechestvo, 2014. 448 p. (In Russian)
8. Mirgaleev I.M. Political History of the Golden Horde during the Reign of Toktamyskh Khan. Kazan: Alma-Lit, 2003. 164 p. (In Russian)
9. Mirgaleev I.M. Tokhtamysh's battles with Tamerlane. *Warfare of the Golden Horde: Problems and Prospects of Study. Proceedings of the Round Table Held within the Framework of the International Golden Horde Forum. Kazan, March 29–30, 2011*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2011, pp. 170–182. (In Russian)
10. Sayfetdinova E.G. The Personality of Sultan Baybars and His Role in Developing Relations of the Mamluk Egypt with the Golden Horde according to Arab Sources. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 4, pp. 726–735. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-4.726-735> (In Russian)
11. Sayfetdinova E.G., Gamal Abdel Rehem I.H. Dynastic Marriage of Mamluk Sultan of Egypt al-Nasir and Princess Tulunbay according to Medieval Arab Chronicles. *Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 1, pp. 116–125. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-1.116-125> (In Russian)
12. Tiesenhausen V.G. Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Excerpts from the Arab Writings. Vol. 1. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1884. 564 p. (In Russian)
13. Favereau M. How the Mamluk Sultan Addressed the Golden Horde's Khan. The Form of Letters and Rules for Their Compilation. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 1, pp. 41–84. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2018-6-1.41-84> (In Russian)
14. Favereau M. Golden Horde and Mamluks. *The Golden Horde in World History*. Collective Monograph. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 334–353. (In Russian)
15. Spuler B. Golden Horde. Mongols in Russia. 1223–1502. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 500 p. (In Russian)
16. Mélanges asiatiques, tirés du Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg. I–XVI. St.-Pbg., 1852–1892 (In French)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Эльмира Гадельзяновна Сайфетдинова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7138-1256, ResearcherID: K-2746-2017. E-mail: adulya2@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elmira G. Sayfedinova – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7138-1256, ResearcherID: K-2746-2017. E-mail: adulya2@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 20.12.2023
Поступила после рецензирования / Revised 03.02.2024
Принята к публикации / Accepted 04.03.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.211-236>
EDN: UWHFUK

УДК 94(477.75)

**KARAITES IN THE ULUS JOCHI EPA
AND IN THE CRIMEAN KHANATE:
THE QUESTION OF THE ORIGIN OF KARAITE
COMMUNITIES ON THE CRIMEAN PENINSULA**

D.A. Prokhorov

*Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russian Federation
prohorov1da@yandex.ru*

Abstract. Research objectives: An analysis and generalization of materials on the history of the emergence of Karaite communities on the territory of the Crimean peninsula in the era of the Ulus of Jochi and the Crimean Khanate.

Research materials: As a result of comparing published materials on the history of the Crimean Karaites, data from archaeological and epigraphic studies, as well as in the process of studying the funds of the Russian State Historical Archive (RSHA, St. Petersburg) and the State Archive of the Republic of Crimea (SARC, Simferopol), information was analyzed related to the problem of the emergence of Karaite communities on the territory of Crimea in the era of Ulus Jochi and the Crimean Khanate.

Results and scientific novelty: Many episodes in the history of the Crimean Karaites still remain outside the field of view of researchers. There is also the problem of interpretation of sources. In particular, this concerns the controversy about the origin of the Crimean Karaites and the time of their appearance on the territory of the Crimean peninsula, a process that had been going on for more than 100 years with the discussion sometimes going beyond scientific argumentation.

The stages of the scientific study of the past of the Crimean Karaites are characterized by different levels of intensity, as well as large variety of methods and approaches used. Interest in this problem first arose among representatives of Russian academic circles in the first half of the 19th century. The Russian administration became interested in the history of the Karaites in part because the ideas of the European Enlightenment, which largely determined the policy of the Russian government in a number of key areas, implied the spread of Russian culture and education to the “Asian peoples.” In relation to the Karaites, Krymchaks, and Ashkenazi Jews, the Russian government adopted laws and regulations, in accordance with which the Karaites were able to legislatively strengthen their legal status. The Russian government, however, used restrictive measures by pursuing a discriminatory anti-Jewish policy against the Jewish population. The Karaites managed to get the authorities to recognize them as a community that differed from the Rabbanites while they received various legal and economic preferences. The same time period marked the onset of the large-scale activity of the famous collector of Jewish antiquities, Abraham Firkowicz, who initiated the

© Prokhorov D.A., 2024



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

creation of an extensive collection of manuscripts related to the history of Jewish communities, including in the Crimean peninsula.

Based on the materials presented, it was concluded that the Karaite community could have appeared in the Crimea not earlier than the second half of the 13th century. Active resettlement of Karaites to the Crimea from the territories of the Middle East, Byzantium, and subsequently from the Ottoman Empire had been taking place since the middle of the 14th century. These chronological periods are also supported by material evidence of the stay of the Karaites in this region (archaeological and epigraphic studies of medieval Solkhat, Mangup-Kale, and Chufut-Kale).

Keywords: Jewish communities, Karaites, Ulus Jochi, Crimean Khanate, Solkhat, Mangup-Kale, Chufut-Kale

For citation: Prokhorov D.A. Karaites in the Ulus Jochi era and in the Crimean Khanate: The question of the origin of Karaite communities on the Crimean peninsula. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 1, pp. 211–236. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.211-236>

The founder of *Karaism (Karaite Judaism)* is considered to be Anan ben David – religious teacher, revered by the Karaites as the founder of this creed. It is known, that Anan ben David was an authoritative scholar of Jewish religious literature (although in some research Anan ben David is not considered the founder of Karaism anymore) [64, p. 19–29]. In 762–767 A.D. in Baghdad, he created a sect, which members were originally called “Ananites” based on the pre-Mishnaite traditions of the Sadducees. His followers did not believe the Rabbinic Jewish oral law (such as, the Mishnah) to be authoritative. The main work of Anan ben David “*Sefer ha-Mitzvot*” (“The Book of Precepts”) was published about 770. The fundamental characteristic of the movement is the veneration of the Old Testament as the only and direct source of religious truth. Such an appeal to the Tanah is expressed in the principle established by Anan ben David: “Study the law [Torah] thoroughly without relying on my opinion” [47, p. 88].

The term “*Karaites*” was first mentioned in works of the theologian of the 9th century Benjamin ben Moshe Nahavendi. The sacralization of the New Testament, the Talmud, and the Koran is not typical for the Karaites. Initially, the teaching manifested itself through a protest against the divinity of the Jewish Talmuds and the infallibility of religious authorities, but later Karaism took shape as an independent religious doctrine with its own dogmas and rituals. Karaism is recognized by Orthodox Jews as a non-Ashkenazi Jewish sect and by some modern national leaders of the Crimean Karaites as an independent syncretic religious movement based on the Old Testament. Karaism, in its version closer to the present one, emerged in the second half of the ninth century, almost 150 years after Anan ben David [61, p. 102].

The discussion about the time of the appearance of the Karaites in the Crimea has been ongoing for almost two centuries. It is generally accepted in the academic literature that the first Karaites had settled in the Crimea during the rise of the Ulus of Jochi, while their further immigration to the peninsula took place after the conquest of Constantinople by the Ottoman Turks in 1453 [3, p. 24–32]. According to another version first put forward by Russian orientalists V. Smirnov and V. Grigoriev and, to which some scientists and local historians adhere to date, ethnically Karaites are descendants of the Khazars, Cumans, and other Turkic peoples [21, p. 11–49; 53,

p. 1–19]. However, this concept does not have enough supporting evidence. The position is aggravated by the situation associated with the activities of Abraham Firkowicz and his archaeographic heritage in connection with numerous facts of falsification of sources. At the same time, the fact should be pointed out that Firkowicz never wrote about the Karaites as the descendants of the Khazars, considering the former “the true and only descendants of the ancient Israelites” [28, p. 41].

There is another, “synthetic” version, in that its adherents tried to combine the individual postulates of the first two theories. The authors of a number of publications either limit themselves to the list of currently available versions of the ethnogenesis of the Karaites, or offer compromise theories about their origin and the relationship between the Turkic and Jewish substrates in their culture [9, p. 17–27].

Modern researchers have at their disposal a number of important evidences and material sources (archaeological and epigraphic) obtained in the course of fundamental research into the medieval settlements of the Crimea, such as, Chufut-Kale, Mangup-Kale, and Solkhat. With the help of these materials, it is possible to reasonably date the emergence of the Karaite communities in the Crimea and draw some conclusions regarding the versions of their ethnic and confessional affiliation.

Written evidence of the existence on the Crimean peninsula of communities presumably identified by some experts as Karaites should be assigned to the beginning of the 12th century. The traveler Rabbi Petahyah ben Jacob from Regensburg who visited the Northern Black Sea region at the beginning of the 12th century reported that among the nomadic Cumans he met sectarian Jews similar in customs to the Karaites: “There are no real Jews in the land of the Kedars, and only the Minim (Heretics) live there <...> On the eve of the Sabbath, they cut all the bread that they eat on the Sabbath, eat it in the dark and sit all day in one place” [48, p. 266–267]. By the term “Kedar” the author meant the biblical Kedar (or Kidar), the second (after Nebaiot) son of Ismail (Gen. 25:13; I Chron., 1:29). Apparently, Rabbi Petahyah called by the biblical name “Kedars” the Cumans or Kipchaks who in the 11th century roamed the Black Sea steppes. «And Rabbi Petahyah said to them, “Why do you not believe in the words of the sages?” And they said, “Because our fathers did not study them <...> And they have no prayers, except for psalms. And when Rabbi Petahyah of Regensburg told them our prayer and the blessing of food, they liked it. And they said, “We have never heard what the Talmud is” [62, p. 60–61].

According to P. Margolin who studied this source, the above fragment talks about the Jews who settled in this area who had no ties with Palestine and Babylonia and did not know about Talmudic Judaism; rather than Karaites [48, p. 266–267]. It's possible that Rabbi Petahyah could meet few remaining Khazars who continued to follow Judaism [56, p. 198]. Z. Ankori argued that these sectarians could have been the ancestors of modern Karaites, who then lived among the nomadic Cumans. In favor of this argument, in his opinion, is the knowledge of the Hebrew psalms by the sectarians, which they used in accordance with the Karaite liturgical practice [62, p. 61, 63, 64]. But the similarity of some customs still does not give reason to consider the interlocutors of Rabbi Petahyah the Karaites and can be attributed to mere ignorance of the Talmudic rules [5, p. 213–215]. Unfortunately, the brief report of medieval traveler from Regensburg does not give an unequivocal answer to the question of who the sectarian Jews met by Rabbi Petahyah were.

According to Z. Ankori who believed that three or four generations ought to pass after the foundation of the settlement and its development, the Karaite com-

munity on the Crimean peninsula could appear not earlier than the second half of the 12th century [62, p. 61]. However, such a conclusion is not confirmed by reliable sources; therefore, this chronological marker cannot be considered the starting point for the onset of the existence of the Karaite community in the Crimea.

The first reliable written mention of the stay of the Karaites on the peninsula dates from the second half of the 13th century. In 1278, a dispute arose between the communities of Karaites and Jewish Rabbanites of Solkhat regarding the dogmatic-calendar problem, according to the Byzantine Karaite jurist, philosopher, physician, and liturgical poet Aaron the Elder ben Joseph ha-Rofe (some sources indicate that he was born in Solkhat around 1260; the rest of the years he lived in Constantinople and died around 1320). In particular, the dispute was related to which day should be considered the beginning of the month “*Tishri*” (*Tishri* or *Tishrei* the seventh and, in the later tradition, the first month of the Jewish year corresponds usually to September–October). In his dogmatic work “*Sefer ha-Mivhar*” (“Book of Selected Works”, comments on the Pentateuch), Aaron the Elder ben Joseph ha-Rofe wrote: “It happened to me 14 years ago, that is, in the 39th year of the account [1278], and the Rabbanites saw the new moons of the month of Tishri, and we saw the old month about sunset and showed it to the Rabbanites who were there, in a place called Solkhat” [62, p. 60]. This evidence suggests that the Karaite community in Solkhat existed at least from the second half of the 13th century; it consisted of immigrants from Persia, the Caucasus, and Central Asia [51, p. 22].

In the 14th century some Abraham Kirimi (meaning “from the [city] of Crimea” (presumably a proselyte of the Rabbanite Jewish community as suggested by D. Shapira) lived in Solkhat [51, p. 21]. Abraham Kirimi is the author of the theological treatise “*Sefat ha-Emet*” (“Language of Truth”, 1358) written at the request of many notable Jews and especially of his Karaite pupil Hezekiah ben Elhanan ha-Nasi, whom he held in high esteem (as G. Akhiezer believes this conclusion is based on the Firkovich’s forgeries) [27, p. 124; 60, p. 332–356]. Kaleb Afendopulo, a Constantinopolitan Karaite, the author of many works of theological and liturgical content, wrote in 1495 that his brother Abraham Bali, when visiting the Crimea, informed him that he “found there significant communities of Karaites in Kaffa and Krikier” (that is, in Kaffa and Qırq Yer) [25, p. 314]. Of other things, mentions in Karaite oral traditions of the resettlement of Karaites in the Crimea can also indirectly indicate their emergence in the territory of the peninsula in the 13th century [25, p. 289–290; 1, p. 48–53].

In 1795, after the annexation of Crimea by Russia, in a petition addressed to the Governor-General of Ekaterinoslav and Taurida Count Platon Zubov, the Crimean Karaites reported the following about their origin: “Our ancient Jewish society under the name of Karaites settled in the Crimea about 450 years ago. According to legend, our ancestors never interfered with the affairs of the rulers, under whose protection we lived, faith according to the law they adopted and loyalty to sovereigns were and still remain immutable mirrors for us”. This thesis was repeated further, in the text body of the petition, “... we, the Karaites, having settled in the Crimea for about 450 years, live in the places of our stay constantly, practice different types of needlework diligently”¹.

¹ State Archive of the Republic of Crimea (SARC). F. 241. Inv. 1. C. 1. Sh. 12, 13.

In the 19th century due to the arising academic interest to the problem of the origin of the Karaites and their presence on the Crimean Peninsula [47, p. 56–62], the Russian authorities initiated the activities of the collector of Jewish antiquities of the Karaite hazzan Abraham Firkowicz who laid the foundation to the creation of an extensive collection of Karaite, Jewish, and Samaritan manuscripts. On September 17, 1839, the Karaite Haham Simhah ben Solomon Babovich reported to the Taurida civil governor Matvei Muromtsov about the start of the archaeographic expedition, in which Firkowicz was accompanied by a Karaite hazzan, teacher, and religious figure Solomon ben Abraham Beim [56, p. 111–112; 70, p. 65–68]. As a result of their research, 51 ancient manuscripts and fragments of the Tanakh were discovered; 58 copies were made from tombstones in the Karaite cemeteries in Chufut-Kale and Mangup-Kale. On November 2, 1839, Firkowicz compiled a report to the attention of M. Muromtsev on the finds he had discovered. The document was accompanied by a reference letter certified by the Sary Krym Town Hall, stating that “Firkowicz found in the Sary Krym when leaving it <...> five stones in cemeteries with inscriptions 4670, 4704, 4842, 4819 and 4864”, that is, 910, 944, 1059, 1089 and 1104 according to the Gregorian calendar, from which he also made copies [54, p. 88]. However, as Shapira reasonably believes that Firkowicz falsified these inscriptions, as well as many subscripts to the colophons on the discovered biblical manuscripts, including four colophons dedications of the Torah scrolls to the Khazar synagogue in Solkhat (929, 939, 965 and 1140); in fact, the earliest of them date back to as late as the 14th century (1360 and 1376) [50, p. 105–106, 115–117, 121, 124, 127; 51, p. 22; 56, p. 136]. It has also been established that a message from the Khazar Karaites of Solkhat in 965 allegedly discovered by Firkowicz in the Karasubazar synagogue is nothing more than a high-quality fake [50, p. 128].

Part of the material collected by Firkowicz was transferred to the museum of the Odessa Society of History and Antiquities (OSHA); the brief description was included in the first volume of the “Notes” of this organization [52, p. 640–649]. For a detailed study of the collected documents, members of the Society invited the director of the Odessa Jewish School, Bezalel Stern. In September–October 1842, he made a trip to the Crimea. As a result, Stern came to the conclusion that the copies collected and delivered by Firkowicz “from tombstones and other inscriptions and additions, although overall and largely, they proved to be essentially correct; but for all that, sometimes he limited himself to only a notation of the content and sometimes read it erroneously, e.g., the marking of years and proper names in two instances” [52, p. 647]. A report compiled by Stern for the Firkowicz’s collection had a positive vector overall; however, subsequently, many details of the findings prompted debates and raised doubts about their authenticity among researchers. In 1845, the material presented by Firkowicz and Stern was processed and its publication was funded by the Society by the Ephraim Pinner, German Hebraist, Doctor of Philosophy from Berlin [55, p. 147]. A brief extract from this edition placed in the second volume of the “Notes of the OSHA”, among other things, contains information about the fact that the Solkhat Khazars society had already existed at the end of the 9th century (one of the published scrolls was allegedly donated to the local community in 881; another scroll, also judging by the post-script made on it, “was bought by the Kozar society in Solkhat for the synagogue, and that this society brought a large cauldron as a gift to the synagogue, for coo-

king in it food on holidays”) [42, p. 50, 52], which cannot but raise doubts about their authenticity.

In 1841 based on his words Firkowicz discovered the grave of Isaac (Izkhak) Sangari who was a semi-legendary missionary and converted the Khazars to Judaism. The same year the vice-president of the Society Nikolay Murzakevich arriving to the Crimea advised that the hazzan “Mordechai Sultansky led me to a large stone slab, on which, in the lower part, I saw Hebrew letters freshly carved with a knife that read the name Sangari, according to Firkowicz. The freshly carved letters were rubbed out with local soil, which, at the touch of a hand, fell behind and exposed the fresh edges of the letters, not yellowed and not overgrown with moss, as was the case with other Jewish inscriptions” [22, p. 97].

Firkowicz and Beim dated the earliest tombstone discovered by them to 640 A.D., having indicated that “the most ancient of them is a monument to the venerable ribbi Izkhak-maskil, the son of Jacob, his soul in the garden of Eden, who died in 4400, i.e. in the 7th century of the Christian era”. Firkowicz referred as the “most recent” to the monument to the “highly venerated David, hazzan of the Mangup community who died in 4972, i.e. in the 13th century of the Christian era” [17, p. 15].

On subsequent trips to the Crimea, Turkey, the Caucasus, the Middle East, and Lithuania, Firkowicz managed to collect unique handwritten collections on the history of the Jewish communities of the Crimea and the Caucasus. In 1856, he approached the directorate of the Imperial Public Library with a proposal to purchase this collection from him, and in 1857 and the Minister of Public Education with a proposal to create a committee to review and describe the manuscripts he had collected². In October 1862, following the recommendation of the Special Commission of the Russian Academy of Sciences, the collection of manuscripts was bought for 125,000 rubles by the “Highest Order”. It included 975 scrolls and manuscripts on leather and parchment, 703 documents (originals and copies), and 734 photographs and copies from gravestone inscriptions. The collection, which also included tombstones from the Chufut-Kale cemetery, according to contemporaries, “attracted the attention of the entire scientific world, not only in Russia, but also outside it” [56, p. 135–136, 166–167]. In 1872, the book named “Sefer Abne-Zikkaron: A Collection of Tombstone Jewish Inscriptions on the Crimean Peninsula Collected by the Learned Karaite Abraham Firkowicz” was published in Vilna. It included 769 epitaphs; specifically, 564 from Chufut-Kale the earliest is dated 6th A.D. by Firkowicz himself), 72 from Mangup (from 866), 28 from Kaffa (from 1078), 5 from Solkhat (from 910), and 100 from Eupatoria (from 1593) [16, p. 215]. Somewhat earlier in 1842 inspired by the work done by Firkowicz with the finds of the Karaite Haham, Simhah Babovich, reported in his next petition addressed to the Minister of the Imperial Court, Lands, and Real Estate Peter Volkonsky in particular that “the Karaites are ancient people and settled on the Crimean peninsula in remote times” [6, p. 110].

In his letter dated June 31, 1842 addressed to the Governor-General of Novorossiysk and Bessarabia Prince Mikhail Vorontsov, President of OSHA Dmitry Knyazhevich informed with regard to archeological finds uncovered by Firkowicz that “these discoveries may lead to resolution of rather important questions and clari-

² Russian State Historical Archive (RSHA). F. 821. Inv. 8. C. 565. Sh. 68, 68 (reverse).

fication of various data veiled in mystery due to doubt or ignorance of historical truth and that they are an exceptional asset to science destined to direct the gaze of the entire learned Europe, for interest in them is not only specific to *Novorossiysky krai*; it is of the European-wide, you might say, the worldwide interest”³.

“Such discoveries and painstaking for the purpose also truly deserve inviting the Monarchical attention”, continued Knyazhevich. “Russia is glorious and great at everything: only in this learning of research and discoveries, it could [had] as yet few companions. All the more these small efforts deserve the utmost approval, because albeit small, they are so much the more abundant in consequences. And how the success can be doubted with a mediation of such an educated nobleman as Your Illustrious Highness and magnanimity of the Monarch with his eagle eye to foresee something beneficial that far; while even the minor tokens of appreciation will give Firkowicz a new impetus and willingness to proceed with his discoveries”⁴.

“By uncovering these 109 monuments, Firkowicz evoked from silence of the graves and made to talk these many testifiers who had been largely residing in the Taurida Peninsula for a total of 1039 years. Even the first close look at these antiquities showed the possibility of recovering from them an essential benefit for the nation”, concluded Knyazhevich in his letter to Vorontsov⁵.

Information about the Karaite community of Solkhat in the late Middle Ages is very fragmentary and largely unreliable. Thus, contradictory data exists about the resettlement of 40 families of Karaites to Solkhat in 1270 by Khan Tokhtamysh. Even less plausible are the reports of some Karaite authors that in 4502, from the creation of the world (742 A.D.), the Karaite community of Solkhat was joined by Karaites who came along with the conquering Tatars, which ultimately increased the size of the Karaite community to 1500 “*baaley-batim*” (male heads of families) [26, p. 123–124]. The relocation of a part of the Karaite community from the Crimea was and still is a very popular version among a number of Karaite authors; specifically, to Galich by invitation of Daniil Galitsky in 1246 and Troky on the initiative of Grand Duke of Lithuania Vitold (Vytautas) in the 14th century. Some reports reveal that after a successful campaign in the Crimea in 1398 (according to other sources in 1388 or 1399) [29, p. 122], the Grand Duke of Lithuania Vitold, took with him a small horde of Tatars and several hundred families of Karaites; as stated by the Polish publicist and historian of the 18th century Tadeusz Czacki [11, p. 104], a total of 383 families moved who then settled in Troky. Subsequently, part of the Lithuanian Karaites came to Poland and Volhynia (Lutsk). Some Karaite historiographers of the 18th–19th centuries claimed that the Karaites were brought from the Crimea by Vitold, Grand Duke of Lithuania, in 1218 [1, p. 49; 61, p. 101–102].

Nevertheless, these facts have not yet been documented, and archival documents reflect only the ideas on this event that existed among the Karaites themselves. “In Crimea the Karaite settlements exist since time immemorial from before the Christian Era. <...> Lithuanian Karaites originate from the Crimean. In 1399, their ancestors were taken away from the Crimea along with many Tatars by the Grand Duke of Lithuania Vitold who settled them in various cities of the Grand Duchy of Lithuania,

³ Ibid. F. 733. Inv. 8. C. 204. Sh. 3, 3 (reverse).

⁴ Ibid. Sh. 4 (reverse).

⁵ Ibid. Sh. 5.

Troky, Grodno, Lutsk, Nowe Miasto, etc.”, reported in a letter from Abraham and Gabriel Firkowicz sent to the Minister of Internal Affairs of the Russian Empire Sergei Lansky in April 1858⁶. Apparently, Karaite migrants after all made their way there from the Golden Horde (from the Volga, Central Asia, and the Crimea), as a result of having been engaged in commercial activities. The language of the Karaites of Lithuania, Galicia, and Volhynia differs from the language of the Crimean Karaites, in that the former spoke the Karaite ethnolect of the Kypchak (Cumans) language, also called the Karaite language, rather than the Tatar ethnolect [2, p. 292–293; 25, p. 342]. A number of researchers (G. Akhiezer, P. Golden, M. Kramarovsky, D. Shapira, etc.) believe that the ancestors of the Eastern European Karaites do not originate from the Crimea, but came from the territories occupied by the Mongols (Northern Iran and the Lower Volga), from Byzantium, migrated from the cities of the Catholic and Islamic Mediterranean, as well as from the Ottoman empire after the fall of Constantinople in 1453 [1, p. 48–53; 4, p. 83].

At the end of the 13th – middle of the 14th century, Solkhat was considered a large city with significant Jewish communities that existed there. However, after the Crimean Khanate had been formed, the capital was first moved to Qırq Yer and, next, to the newly built Bakhchisaray. Solkhat gradually lost its former importance as a political and commercial center in the region. During this period, the outflow of Karaites to Eski-Yurt, Karasubazar, and Qırq Yer began, which continued into the 17th and 18th centuries. Thus, in 1622, some Eliya from Solkhat copied “Sefer ha-Mivkhar” in Chufut-Kale; in 1755, Izhak ben Izhak from Lutsk reported in a letter to Abraham ben Samuel from Troky that “in the city of Solkhat near Kaffa, where there is a large community, and the synagogue in it [Solkhat] is larger than all other synagogues, and now it is only hazzan there who guards the synagogue and prays in it in the evening and in the morning” [51, p. 38]. In the second half of the 18th century the Karaite Moshe ben Joseph lived in Solkhat who wrote in Hebrew an edifying instruction to his son on the occasion of his wedding [27, p. 116].

In Solkhat (Stary Krym), Jewish (Karaite) quarters are confined to the southeastern sector of the city. In the first half of the 19th century, there were three Jewish cemeteries and synagogues, but later they were destroyed; the last surviving synagogue building was seen here in the 1860s [51, p. 22]. According to the traveler Minas Bzhyskyan (Minas Medizi) who visited Stary Krym around 1830 the local Karaite community emerged as early as in the time of the Genoese, as allegedly evidenced by “their memorabilia and graves”. It was claimed by Bzhyskyan that he had seen the grave of Aaron the Elder ben Joseph ha-Rofe [26, p. 123]. The analysis of the first instrumental plan of the hillfort (*gorodishche*) of the medieval Solkhat in 1783 demonstrates that in the 13th–15th centuries the Jews and Karaites lived in neighboring communities surrounded by buildings of the Islamic community of the city. By assumption of V. Lebedev and M. Kramarovsky, the core of the Jewish community was formed back in the pre-urban period (that is, several decades before the 1260s); while the language of ritual and epitaphs on *matzevot* for all members of the community was Hebrew; Turkic dialects was the language of everyday communication [38, p. 59; 35, p. 59–60; 31, p. 6–24]. The Jewish community was made up of local Karaites and Turkic-speaking Rabbanite Jews, as well as immigrants from the Middle East and Central Asia whose communities grew

⁶ Ibid. F. 821. Inv. 8. C. 565. Sh. 79 (reverse).

rapidly in numbers beginning the second half of the 13th century and were subsequently joined by immigrants from Constantinople community after 1453 [32, p. 59; 36, p. 407].

In 1892, in one of the issues of the “Notes of the Taurida Scientific Archival Commission” (TSAC), a communication was published by Arseniy Markevich, which drew the attention to the problem of preserving archaeological monuments, and, in particular, the remains of the synagogue building. Mayor of Stary Krym F. Rovitsky handed over to the Commission’s museum the discovered tombstone with inscriptions in Arabic (indicating the date of restoration of the local mosque, i.e., 1309) and in Hebrew (“Central Museum of Taurida”, KP-15558 A-20750; 83 x 44 x 8 cm). The Hebrew inscription dates to 1517 (and not to 1417, as Markevich incorrectly pointed out). The inscription in Arabic translated by a member of the Commission Ilya Kazas read, “Hadji-Beshit ordered to renew this clean and blessed mosque to Shems-edin, the son of Raman (Ramaz?), may God increase his charity, in 709” [40, p. 128]. It could not be ascertained, however, which mosque this renewal concerned.

The inscription on the plate, made in Hebrew, read, “The honored elder Mordehai, the son of Mordehai, is buried here. He died on the first day of the week of the 17th Tevet, 5277. May his soul be tied in the knot of life with the Lord his God” [40, p. 127]. Before the discovery of the plate, the earliest epigraphic monument of Muslim origin in the Stary Krym was the inscription on the portal of the Uzbek mosque (1314). It is important to emphasize that the secondary use of the foundation stone of the mosque by the Karaites may indicate the decline of the Muslim community of Solkhat at the beginning of the 16th century [26, p. 125]. This valuable artifact is now kept in the lapidary of the Central Museum of Taurida in Simferopol. (Figs. 1 and 2)

In recent years, the archaeological survey of the territory where the ruins of this object are located has continued. As a result, it was found that the total area of the building (located between two households on Spartak St., no. 8 and no. 10) was 0.03 hectares (the dimensions of the building are about 18.3 x 14.8 m), while the north-facing wall of the kenasa was dismantled almost to the level of the ground surface. The south- and west-facing walls adjoin the premises of house no. 10. The floor of the building is covered with modern layers, the study of which will allow forming a reasonable opinion on the purpose of the building. The structure is rectangular in plan, with long walls oriented along the north-south axis; masonry is made of lime mortar. There are traces of a niche in the middle part of the south-facing wall; the walls retained fragments of plaster and pottery vessels that played the role of acoustic resonators. Nearby there was a cemetery with tombstones, some of which were taken away by the Karaites who moved to other places of residence. Calculated the size of the congregation of this object, which belonged to the Karaite community, based on the area of the prayer hall, it is approx. 1070–1100 people [18, p. 148–150; 4, p. 84].

Today, the territory of the cemetery is occupied by housing construction, personal plots, and a roadway. The object is not registered with the state; it does not have a state registration number. There is no passport and no description of the zone of the archaeological cultural layer around the monument. The regulated development zone is limited to private household plots along Spartak Street [39, p. 382]. The final conclusions about the dating of the monument have yet to be made, although

the Russian researcher I. Tunkina, following E. Pinner and I. Mikhnevich, is inclined to believe that the synagogue in Solkhat was built in the 9th century [42, p. 52; 55, p. 147]. This statement, however, appears rather controversial, since no archaeological layers and materials, corresponding to this chronological period, have yet been found in Stary Krym. Only fragments of red-clay glazed ceramics of the 13th–14th centuries have been unearthed in the surrounding household plots, which may indirectly point to the time period of object's existence [18, p. 149].

In 1978, the Golden Horde (Starokrymskaya) expedition of the State Hermitage began its work together with the Institute of Archeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR under the supervision of M. Kramarovsky. This moment unveils a new stage in the history of the study of the monuments of the Stary Krym [34, p. 245–250]. In 1979, members of the expedition rediscovered a fragment of stele with an inscription in Hebrew dated 5311 (1550/1551 A.D.), which was found in 1928 by the expedition by U. Bodaninsky and N. Ernst [43, p. 276]. The second version of the translation of the inscription was made by E. Meshcherskaya, but it is not entirely accurate, in particular, with regard to the final eulogy (in the overwhelming majority of cases, this is an abbreviation of “let his soul be tied in the knot of life”). The literal translation of the epitaph appears as follows: “Elder, venerable ribbi Joseph, son of ribbi Abraham, blessed is his memory. He died on the third day of the 23rd of the first Adar in 5311 from the creation of the world. May his soul be tied in the knot of life”. The Hebrew text of the inscription was published by D. Shapira [51, p. 22], while the translation used in this work was made by V. Elyashevich (for which the author expresses his gratitude to him). Also on the territory of the settlement, without reference to the archaeological context, a silver applied seal was found, presumably, from the 15th century, with a bilingual Arabic-Karaite inscription: “Moshe [Moses] ben [son of] the venerable rabbi Malkits[edek]” [30, p. 428; 4, p. 89].

Further study of this unique architectural monument will allow a substantiated scientific reconstruction of the history of the Karaite community of Solkhat/Stary Krym, since so far it has not been possible to state unequivocally that the remains of the synagogue building belonged to the Karaite community [33, p. 65–84]. M. Kramarovsky rightly notes that there is almost no information about the population of the Jewish Solkhat [36, p. 407]. In 2016–2017, he initiated a study of the Stary Krym synagogue of the 1270s 215 sq. m, the results of which should shed light on the history of the Karaite community of Solkhat [36, p. 407; 31, p. 6–24]. A large Karaite community existed in Kaffa in the Middle Ages. The German traveler Johann (Hans) Schiltberger who visited the city at the beginning of the 15th century reported that Jews of two kinds lived here, namely, Rabbanite Jews and Karaites: “Four cities located on the seashore depend on Kaffa, where there are two kinds of Jews with two synagogues in the city and four thousand houses in the suburbs” [7, p. 57]. At the same time, it is important to note that the number of houses on the outskirts of Kaffa cannot be associated with the Jewish communities in the city; otherwise, the number of Karaites and Jews would be more than 20 000 people, which, of course, could not correspond to reality. In 1421, the Kaffa teacher Alberto Alfieri mentioned the presence of a Jewish community in Kaffa, but there are no direct indications that the Karaites also lived in the city, although in some publications the communication of the medieval author is interpreted in favor of the Karaites [27, p. 181, 187, 188; 58, p. 4].



Fig. 1, 2. Gravestone with an inscription in Arabic and Hebrew (Stary Krym, 1892).
Marble, stone carving, incised relief (“Central Museum of Taurida”, KP-15558, A-20750).

The Karaite synagogue (kenasa) in Kaffa is known to have been built in 1292 [51, p. 23]. The head of the mission of the Dominican monks Emiddio Portelli d'Ascoli wrote that in this city, the Jews and Karaites had two synagogues, “two for each nationality”. The synagogue of the Jews was built after the establishment of the Kaffa trading post by the Genoese in the second half of the 13th century, but was destroyed by fire during the raids of the Tatars at the end of the 13th century or at the beginning of the 14th century and then restored as evidenced by the construction inscription of 1309 [12, p. 118]. Exterior and interior design of the Karaite kenasa in Feodosia are described in “Historical and Artistic Album of Taurida” (1853) compiled by curator of the Feodosia Museum of Antiquities Eugène de Villeneuve (Yevgenii Frantsevich Vil'nev) and published with lithographs from drawings by V.O. Russen; while a print in this album made by Russen is the only image of a unique building of one of the earliest Karaite kenasses of the Crimea.



Fig. 3. General view of the Karaite cemetery in the Josaphat Valley, 1920s.
(from the funds of the “Bakhchisaray Historical, Cultural and Archaeological
Museum-Reserve”, KP-4213/807).

The Kaffa community presumably consisted of both Turkic-speaking Karaite settlers from the Jochi Ulus and Greek-speaking Byzantine Karaites [14, p. 107–116]. At the end of the 15th – beginning of the 16th century the quarters of the already Ottoman Kaffa/Kafa/Kefe, where the Karaites lived, were mentioned in *defters*, the tax registers, which provided various fiscal information, as well as data on the population. For example, the *defters* of the *tudun* of Kaffa contain the names of settlements indicating their district center, the number of houses (hearths), a list

of heads of families with their professions, the total tax amount of each village, a detailed list of all types of taxes and taxes, etc. [37, p. 132]. Each city quarter of Kaffa was commonly called by the name of the centurion, or *papas* – the spiritual leader of the community. For example, in the 1520s there were quarters of the centurion (*yüzbāşı*) of Isaac and *papas* Abraham in the city with the Karaite *jamaat* (community) having been the dominant Jewish community in the Ottoman Kafa as early as in 1542 (there were 39 Muslim quarters in the city and 14 Armenian, Greek, and Jewish ones) [69, p. 52; 26, p. 126; 27, p. 116, 119; 65, p. 146; 68, p. 149; 71, p. 329–332; 72, p. 230]. So, in the TT 370 *defter* (according to various sources, it is dated 1520 or 1529) [37, p. 132], the community of the *papas* Isaac, which a number of authors identify as Karaite, consisted of 81 households; according to various estimates, the number of members of the community reached 450 people, of which 81 were heads of families, one was a bachelor, and nine were widows. In accordance with the data of the *defter* TT 214 (1542), there were 465 Karaites in the Kafa (81 households, 29 bachelors, and 15 widows) [72, p. 230; 68, p. 149, 159]. The Jewish community of Kafa in 1529 and 1542 had 326 inhabitants (58 heads of families, 4 bachelors, and 9 widows) and 270 inhabitants (42 heads of families, 4 bachelors, and 9 widows), respectively [68, p. 149, 159]. The Jews identified in the *defter* of 1529 as *ğemā'at-ı yahūdiyān-ı efrenc-i nefis-i Kefē* could belong to the Rabbanite community, which consisted of Sephardi Jews who arrived to Kafa from Spain [72, p. 230; 69, p. 45, 61].



Fig 4. Remains of the Mangup Karaite kenasa. View from the south after archaeological research (according to A. Herzen; 2013).



Fig. 5. Bilingual inscription (in Russian and Hebrew) at the entrance to the Cathedral Kenasa of Chufut-Kale, dedicated to the visit of Alexander III in 1886.

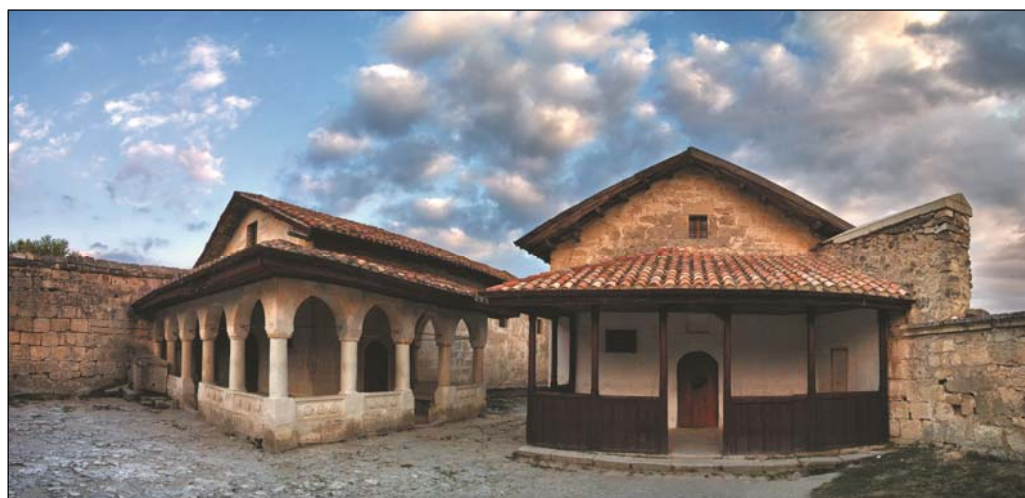


Fig. 6. Karaite kenasses of Chufut-Kale.

In 1542 *Defter* fixed the existence in the Kafa of two more Jewish communities, consisting of Rabbanite Jews who immigrated from outside the Ottoman Empire from the territory of Western Europe (indicated in documents as *ğemā'at-ı yahūdiyān-ı efrenc-i nef̄s-i Kef̄ē*; there were up to 55 people in total), as well as Jews who made up a small community (59 people) in Otuz who were immigrants from Circassia (*ğemā'at çerkesyan yahūdiyān-ı Otūzlār*) [68, p. 149]. A. Fisher believed that the total number of representatives of the Jewish community in Kafa in the first half of the 1540s was more than 800 inhabitants [68, p. 169]. In the middle of the 16th century, Jewish community of Kafa consisted of Turkic-speaking Jews (Karaites and Rabbanites), European immigrants-Rabbanites, and settlers from Circassia (Rabbanites) with the Ottoman administration having differentiated them by the geographical principle [27, p. 203–205].

By the beginning of the 17th century, according to travelers, e.g., J. Bordieu, the quarters of Kafa, in which Karaites and Rabbanite Jews lived, were acquiring an increasingly confined territorial character due to the policy pursued by the Ottoman administration in relation to *dhimmis*⁷, which allows a conclusion that the Kafinian Karaites lived in a strictly defined area of the city for almost 200 years, while only occasionally settling outside it [63, p. 102].

At the end of the 15th century people from the Kyiv community joined the Crimean Karaite community after the raid of the Tatars, who had plundered Kyiv in 1482; some of the inhabitants were brought to the Crimea as captives [69, p. 49–50]. In addition to the large trade and craft centers of the southeastern Crimea, such as, Kaffa/Kafa/Kefe and Solkhat (Eski-Kyrym after 1475), in the medieval Crimea, Karaite communities arose in Qırq Yer (Chufut-Kale; between 1342 and 1357), Karasubazar, Mangup-Kale (since the second half of the 15th century), Gezlev (Eupatoria at the end of the 17th – beginning of the 18th centuries), as well as in a number of other smaller settlements of the Crimean peninsula [59, p. 731; 26, p. 123–140].

In regard to a question of the time of the appearance of the Karaites in the Crimea, a particular importance in terms of the fundamental evidence is attached to a comprehensive study of tombstones (*matzevot*) in the Crimean necropolises (primarily in the Jewish cemeteries in the Josaphat Valley near Bakhchisaray and near Mangup-Kale), as well as their complete scientific cataloging and classification [15, p. 77–88; 16, p. 212–227; 66, p. 37–82; 67, p. 11–35]. In particular, in 2004–2009, according to the results of a study of the Jewish cemetery in the Josaphat Valley near Chufut-Kale, it was established that the total number of monuments at the site was about 7000, while almost 3400 of them had epitaphs. The earliest surviving inscriptions are dated 1364 (monument to Manush, daughter of Sabbatai) and 1387 (monument to Sarah, daughter of Moshe); inscriptions on other monuments of the late 14th century are unreadable due to their poor preservation. There are 25 epitaphs from the 15th century, and 63 from the 16th century. There are from 800 to 1000 epitaphs from the 17th, 18th, and 19th centuries. Furthermore, the dating of several hundred epitaphs is difficult due to their poor state of preservation. The last burials in the cemetery in the Josaphat Valley date back to the middle of the 20th century (there are also cenotaphs dating back to the 21st century) [16, p. 212–227; 47, p. 52–53]. The

⁷ *Dhimmis* (ahl aḍ-ḍimmah/dhimmah – “the people of the covenant”) is a historical term for non-Muslims living in an Islamic state with legal protection.

foregoing allows us to assert that the Jewish population in Qırq Yer appeared no earlier than five hundred years after the Khazars had left the Crimea (second half of the 9th century) [20, p. 240–250]. (Fig. 3)

In accordance with the oral Karaite tradition, it is generally accepted that the Mangup community was made up of people from Solkhat (Eski-Krym) and Tash Irgan (Tash Dzargan); occasionally, they were joined by Karaites who emigrated from the regions of the metropolis of the Ottoman Empire in the middle of the 15th century [25, p. 290; 3, p. 25]. In 1848, the famous Russian archaeologist Alexei Uvarov prepared a manuscript with an overview of the archaeological sites of the Crimean Mountains as a part of the project “Research on the Antiquities of Southern Russia and the Black Sea Coast”. In the section devoted to the “cave city” of Chufut-Kale, A. Uvarov included an essay on the history of the Crimean Karaites. When writing this story, he was mainly guided by the communications of S. Beim and A. Firkowicz, whom he met and talked to at Chufut-Kale. Uvarov was an opponent of the “Khazar” theory of the Karaites origin formulated earlier in the V. Grigoriev’s works. In particular, A. Uvarov wrote, “... according to the dates, to which the Karaite graves belonged in other areas of the Crimea, we can trace their gradual settlement across the Taurida Peninsula. First they settled in Mangup <...> then in Theodosia, where there was already a synagogue in 848 A.D. But in the Sary Krym they appeared as late as in the 10th century” [45, p. 237, 246–247]. Despite the inaccuracies in the presentation of the chronology of the emergence of the Karaite community in the Crimea, Uvarov considered Jewish element the dominant in ethnogenesis of the Crimean Karaites. In his opinion, the Karaites are the Jews of the Karaite sect, but often close to the Khazars. Many of the conclusions made by Beim and Firkowicz were subjected to valid criticism by A. Uvarov.

Arguing about the authenticity of the finds made by Firkowicz, A. Uvarov drew attention to the fact that he “found in the Derbent region in the synagogue of the village of Mengelis, an inscription determining the time of the Karaites’ resettlement in the Crimea <...> an inscription of a completely new production, because it seems to have been written in 957, but mentions Kafa, which was founded three centuries later”. And further A. Uvarov summed up, “In general, one should be careful when accepting the Karaite documents, which for the most part are all forged” [44, p. 134]. The Majalis document is the name accepted in science for a small manuscript of historical content written in Hebrew. Its central plot is the message about the resettlement of Jews from the Middle East to the Crimea during the reign of the Persian king Cambyses in the 6th century B.C. After the publication of the document in 1845, a lively debate arose among Semitic scholars as to its authenticity. So, for example, D. Chwolson and S. Pinsker considered it to be the original, in contrast to A. Harkavy who called the source a fake, after which the document, which received a dubious reputation, was never introduced into scientific circulation [41, p. 93]. However, V. Vikhnovich and V. Lebedev established that some dates of postscripts in the manuscripts had been corrected by scribes long before their acquisition by Firkowicz. At the same time, according to researchers, it is not that all texts were falsified by the Karaite collector [57, p. 138–139]. Discussion about the authenticity of Firkowicz finds continues to this day.

As a result of modern studies of the Jewish necropolis in Tabana-dera on Mangup-Kale, 1008 tombstones were discovered and recorded with 228 tombstones provided with texts [23, p. 557]. The study of epitaphs made it possible to

determine the general chronology of the burial ground and the period of stay of the Jewish community on Mangup as from the 1440s to 1770s. At the same time, according to N. Kashovskaya who studied this monument for many years, the core of the Mangup community was made up of four or five families of Romaniot Jews, whose resettlement took place in the 1430–1440s from Byzantine Constantinople to the capital of the Principality of Theodoro. According to the expert, the Mangup community had active contacts inside the Ottoman Empire and the Crimean Khanate, which is recorded in the epitaphs of the gravestones of the cemetery. These connections can also be traced through a variety of architectural forms and types of tombstones [24, p. 255].

On Mangup-Kale, the Karaite community could appear after 1453, or shortly before that, and consisted of Greek-speaking Karaites-Romaniots, immigrants from Adrianople who had fled from the Byzantine Empire captured by the Ottoman Turks and fled from the policy of the *sürgün* pursued by Sultan Mohammed II the Conqueror, specifically, forced relocation of the population to the deserted Constantinople (Istanbul) after its capture in 1453 [27, p. 206]. According to A. Herzen, a small Jewish community arose here in the middle of the 15th century; its significant growth fell on the next century. In the second half of the 17th century the predominantly Karaite population remains in the city [19, p. 69–79]. According to the data of the defter of 1634 found in one of the Turkish archives (Başbakanlık Devlet Arşivi) and analyzed by A. Efimov, the lists of the Mangup *Kadylyk* indicated 76 Jewish families living in the Mangup fortress, while the Ottoman register of land holdings of the Southern Crimea of the 1680s kept in the National Library named after Saints Cyril and Methodius (Sofia, Bulgaria) (storage code D 737) lists the inhabitants of the Jewish community of the Mangup *Kadylyk Liva Kefe* [13, p. 144; 46, p. 85, 90, 92, 94, 98, 143]. (Fig. 4)

Chufut-Kale is a medieval “cave town”-fortress located in Bakhchisaray district 2.5 km to the east of Bakhchisaray. The plateau where the town is situated rises up to 540 m above sea level; total area of the monument is 38 ha. On three sides, the plateau is limited by rocky precipices. The hillfort can be divided into three parts that reflect various periods of its existence; specifically, Burunchak (Crimean Tatar for “nose” and “little cape”), *Staryi gorod* (Old Town), and *Novyi gorod* (New Town). The earliest sites of the hillfort date back to the 6th century; apparently, emergence of the fortress itself belongs to the same period. The town was first mentioned in literature sources in the end of the 13th century. A system of fortifications, such as, lines of defensive wall and towers and architectural monuments are among the most imposing fortification objects on the plateau. The latter include mausoleum (durbe) of the Khan Tokhtamysh daughter Nenekedzhan (Djanike Khanum) (14th century), Firkowicz estate, ruined remains of a mosque (14th century), baths, “Houses of Karaite Communities” (1897), houses of prayer for the Karaites (kenasses), and a complex of caves for dwelling and other needs and activities. The Josaphat Valley with the ancient Karaite cemetery is located in close proximity to Chufut-Kale.

In the 17th–18th centuries, the Karaites referred to their main settlement in Crimea as Kale (“town” or “fortress”) or used the long-standing name of the fortress Qırq Yer (the translation repeatedly appears in different sources as “Place of

Forty”)⁸. Firkowicz referred to the “cave town” as *Sela Yuhudim* (“Rock of the Jews”), whereas his followers named the fortress *Sela ha-Karaim* (“Rock of the Karaites” – this is exactly what the fortress is called in the Hebrew inscription on a marble slab dedicated to the visit of the city by Emperor Alexander III, now located at the entrance to the Big Kenasa of Chufut-Kale) (Fig. 5). (It is interesting that the toponym *Sela Yuhudim* was subsequently used in the preparation of some Karaite Marriage Contracts, *Shetarot*)⁹. In a number of both the pre-revolutionary and modern works of the Karaite authors, the fortress is called “Chufut Kale” or “Juft Kale” (“Double” or “Paired fortress”). Without further delving into the origin of this name, it should be noted that the majority of researchers regard this term as pseudohistorical and its usage as an attempt to elude the Jewish context.

The Karaite community of Qırq Yer (Chufut-Kale) was the largest in the Crimean Khanate. From the 13th century the fortress is known from the sources as Qırq Yer (Qırq Yer, Qırq Or, Kyrk-Or, Kerkri, Kirkir); both the origin and interpretation of this toponym are debatable. In the middle of the 14th century (between 1342 and 1357), after the capture of the city by the Tatars, the sources mention several ethno-confessional groups living on its territory, including the Muslim, Christian, Armenian, and Jewish communities. Due to transfer of the khan’s administration to the new capital Bakhchisaray, Qırq Yer largely lost its administrative significance during the 16th century, and particularly beginning the first half of the 17th century. The Karaites became the dominant group in the city in the late Middle Ages (in the 17th century); a significant influx of the Karaite population who arrived from Istanbul also belongs to the same period [51, p. 29]. A certain number of Crimean Rabbanite Jews who later became known as Krymchaks also lived in Chufut-Kale, as well as on Mangup-Kale [3, p. 35; 51, p. 29].

From the *yarliq* of Khan Selâmet I Girey (1608), it becomes known that persons from among the Muslims were appointed as the heads of the Chufut-Kale fortress and judges (*qadi*)¹⁰ [10, p. 66]. However, by the time of Evliya Çelebi’s trip (1666), there were no more Muslims left in the fortress. Its chief was appointed from among the Karaites, whom the Turkish traveler called Jews: “In the fortress, there are only one thousand five hundred and thirty comfortable Jewish houses tiled with masonry. And there are no Muslims. Even the head of the fortress, and the guards, and the sentinels, and the gatekeepers are all Jews” (at the same time, the number of houses on the Chufut-Kale plateau, that is, 1530, is clearly exaggerated by Çelebi) [8, p. 82].

The entire activity of representatives of the Chufut Kale Karaite community (primarily the trade) concentrated in Bakhchisaray. According to data available in the sources, for the Karaites, staying in the city overnight was prohibited by the khan’s administration; therefore, merchants and tradesmen walked down the “cave-town” plateau early in the morning to have time to sell their goods and return before onset of dusk. Thus, Çelebi reported that “all Jews-shopkeepers and wealthy Jewish merchants in Bakhchisaray of the Crimean country live in <...> Chufut-Kale and in the Mangup fortress. Every morning they walk down from this fortress; it takes them one hour to reach their shops in Bakhchisaray <...> all Jews inhabit

⁸ SARC. F. 241. Inv. 1. C. 501. Sh. 5–6 (reverse).

⁹ SARC. F. 241. Inv. 1. C. 269. Sh. 26.

¹⁰ RSHA. F. 853. Inv. 2. C. 104. Sh. 1, 2.

the upper fortress Chufut-Kale where all synagogues are also located <...> this fortress entirely lacks market, bazaar, shops, *postoyalni dvor* (inn), baths, gardens or vineyards, as well as water” [8, p. 82, 83, 113].

According to various data, erection of the Chufut-Kale kenasses is dated to the 14th–17th centuries (The Great *Sobornaya* (Cathedral) Kenasa) and the end of the 18th century (Small Kenasa) [20, p. 238]. Construction of the Great or Big Chufut-Kale Kenasa is dated to the end of the 14th century, while it is assumed to have been rebuilt by 1633. This thesis, however, is of arguable character. A number of researchers believe that the Big Kenasa has distinctive features of architecture of the later period. It appears to have been erected in the 17th century on the site of the earlier building [20, p. 239]. It has been suggested that the Chufut-Kale Small Kenasa (*Kodesh Evi*) likewise was built on the site of the remains of even the more ancient place of worship, while the time it was last rebuilt dates back to 1796. When about 1792 the Karaites abandoned Mangup and merged with the Karaite community of Chufut-Kale, they dismantled a building of the Mangup kenasa and erected a new house of prayer in Chufut-Kale using these building materials [47, p. 291]. The Small Kenasa appears unpretentious and less elaborate; besides, it is inferior to it in size and interior design.

A site occupied by a complex of the Karaite kenasses resembles a trapezoid with its north side continuing in the alignment with a street, which principal entrances to the kenasa are facing. In terms of architectural features of the complex pointed out by E. Krikun, V. Danilenko, A. Gertsen, Yu. Mogarichev, etc., the Big Kenasa of Chufut-Kale was erected using traditions of Byzantine architecture, including the arches, basilica (hall-type) style of prayer room with a saddleback roof, and round short columns with the simplified capitals lacking the Byzantine sumptuousness. Walls of the Big Kenasa are course-laid using worked stone and lime mortar; the north facade is covered with stucco. Lower section of the interior walls is paneled with wood. Kenasa design is based on a plan in rectangular form. Small windows of the south and west facades (three on each) are raised high above the floor level nearly reaching to the cornice of the building. In front of the principal entrance to the building near the easternmost arch, the remains of *mikvah* can be seen; it is a reservoir of carved stone with a drain hole, which was filled with water and served for ritual immersion of the parishioners. The Small Kenasa of Chufut-Kale follows in plan the shape of the Big Kenasa and appears as an extended V-roofed rectangle. Architectural solution of the building involves the same technique as in the Big Kenasa; that is, window apertures nearly identical in height and width, three on each façade. (Fig. 6)

By the end of the mid-19th century, majority of the residents left the Chufut-Kale causing its gradual decline. Premises of the Small Kenasa were subsequently used by Firkowicz to preserve his gathered collection of ancient manuscripts. Importantly, precise dating of construction of the kenasses is extremely difficult, since they have never been archeologically investigated.

Thus, the currently available written sources, as well as materials from the latest archaeological and epigraphic studies, allow us to assert that the appearance of the Karaites on the Crimean Peninsula dates back to the second half of the 13th century, when part of the representatives of the Karaite community, mainly from the Byzantine Empire, moved to this region. It is to this period that the first reliable evidence of the existence of Karaite communities on the Crimean peninsula be-

longs. And although some authors attribute the presence of certain groups of Karaites in the Crimea to the second half of the 12th century and even by the 9th century, these arguments are not supported by serious evidence. In the course of the settlement of the Karaites in the territory of Western Europe, the Crimean and Lithuanian-Polish Karaites soon turned into special ethnolinguistic groups.

After analyzing the presented set of sources, we can conclude that the Semitic (Jewish) version of the ethno-confessional affiliation of the Karaites is the most well-founded today, although this problem requires further study. The “Khazar” theory of their origin first put forward in 1846 by the Russian orientalist V. Grigoriev does not have enough supporting grounds and evidences and contradicts the available facts in many respects. The reaction of traditionally minded Karaite circles to the Turkicization of Karaite society in the 19th century was ambiguous. Some of them continued to defend the theory of the Jewish origin of the Karaites, others tried to combine the “Semitic” version and the “Khazarian”. It is characteristic that the “Khazar” theory was criticized even by the recognized Karaite scientists of the 19th century; although no tradition, linking the Karaites to the Khazars, existed before the emergence of this version.

Until the beginning of the 19th century the Karaites had been considered a part of the Jewish people, but subsequently a new ethnic identity was constructed by the Karaite secular and spiritual leaders, excluding the Jewish ethnic and religious components. The process of de-Judaization was initiated by the proponents of this theory in the late 19th – early 20th centuries among the Karaite intellectuals and the ideological elite to strengthen this thesis, which eventually led to the loss of Jewish-Karaite traditions and self-identification, to the replacement of the strict monotheism of Karaite Judaism with various pagan cults (for example, the cult of “sacred oaks”, the Turkic deity *Tengri*, etc.). Currently, individual national Karaite circles are conducting a persistent “re-turkicization” aimed at overcoming any, even minimal remnants of “Semitism” and Judaism in the modern, so-called “Karai” literary tradition. For these purposes, an artificially created term “Karai-Turks” is used. Any attempts to point to or explore elements of the Jewish heritage in the culture of the Karaites are considered by the “Karai” intellectuals as an insulting manifestation of deep ignorance, a relic of the Middle Ages, imperial times, and the Soviet past.

REFERENCES

1. Akhiezer G. Lost tribes, Pharisees and descendants of the Khazars. Origins of modern Karaite identity in Eastern Europe. *Caraimica: Quarterly Review / International Institute Of The Crimean Karaites*. Slippery-Rock–Simferopol, 2008, no. 5, pp. 48–53. (In Russian)
2. Akhiezer G. Karaites of the Polish-Lithuanian state until the end of the 17th century. *History of the Jewish people in Russia: from antiquity to early modern times*. Ed. by A. Kulik. Jerusalem: “Gesharim” Publ.; Moscow: “Mosty kul’turny” Publ., 2010, Vol. 1: From Antiquity to Early Modern Times, pp. 292–320. (In Russian)
3. Akhiezer G. The conquest of Crimea by the Russian Empire through the eyes of Karaite chroniclers. Jerusalem: “Gesharim” Publ.; Moscow: “Mosty kul’turny” Publ., 2015. 240 p. (In Russian, Hebrew).
4. Akhiezer G., Kramarovskiy M.G. Jewish Communities of Medieval Solkhat according to Archaeological and Manuscript Sources: Historical and Cultural Aspects.

Zolotoordynskoe obozrenie=*Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no.1, pp. 79–108. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.79-108> (In Russian)

5. Baron S. *Social and Religious History of the Jews*. Transl. by V. Gopman. Vol. 3: Early Middle Ages (500–1200): Heirs of Rome and Persia. Moscow: “Tekst” Publ., 2014. 356, [1] p. (In Russian)

6. Belyi O.B. Review of Archival Documents on the History of the Karaite Community in the First Half of the 19th Century (Based on the Fund of the Taurida and Odessa Karaite Spiritual Board in SAARC). *Crimean Museum: 1995–1996*. Simferopol, 1996, pp. 105–121. (In Russian)

7. [Brun F.K.] Journey of Johann Schiltberger through Europe, Asia and Africa, from 1394 to 1427. Transl. by F. Brun. *Notes of the Imperial Novorossiysk University*. Odessa, 1867, Vol. 1. 156 p. (In Russian)

8. Çelebi E. Travel book. Crimea and adjacent regions (Extracts from the work of a Turkish traveler of the 17th century). Transl. and comm. by E.V. Bakhrevsky. Simferopol: “Dolya” Publ., 2008. 185 p. (In Russian)

9. Chizhova L.V. Karaites. *Turkic peoples of the Crimea: Karaites. Crimean Tatars. Krymchaks*. V.A. Tishkov, S.V. Cheshko, L.V. Chizhova, Sh.F. Mukhamedyarov and others; ed. by S.Ya. Kozlov, L.V. Chizhova. Moscow: “Nauka” Publ., 2003, pp. 12–135. (In Russian)

10. Collection of old letters and legalizations of the Russian Empire regarding the Russian subjects of the Karaites. Ed. by Z.A. Firkowicz, foreword by V. Smirnov and Z.A. Firkowicz. St. Petersburg: “parovaja skoropechatnja P.O. Jablonskogo” Publ., 1890, XXXVI + 223 p. (In Russian, Crimean Tatar and Polish)

11. Czacki T. Research on Karaite Jews. *Northern archive*. 1827, no. 6, pp. 97–111. (In Russian)

12. d’Askoli, Emiddio Dortelli. Description of the Black Sea and Tataria, 1634. Trans. by N.N. Pymenov; notes by A. Berthier-Delagard. *Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostey = Notes of the Odessa Society of History and Antiquities*. Odessa, 1902, no. 24, part 2: Materials, pp. 89–180. (In Russian)

13. Efimov A.V. Christian population of Crimea in the 1630s according to Ottoman sources. *Vestnik RGGU = Bulletin of the Russian State University for the Humanities*. Ser.: History. Philology. Culturology. Oriental studies. 2013, no. 9(110), pp. 134–143. (In Russian)

14. Emanov A.G. Latin and non-Latin in the Kafa (13th–15th centuries). *From the history of Byzantium and Byzantine innovation*. Leningrad: “LGU” Publ., 1991, pp. 107–116. (In Russian)

15. Fedorchuk A. Finds and mysteries of Abraham Firkowicz. *Vostochnaya kollektiya = Oriental collection*. Moscow, 2006, no. 2, pp. 77–88. (In Russian)

16. Fedorchuk A.M. Jewish necropolises of Crimea: history of research and current state. *Eurasian Jewish Yearbook – 5768 (2007/2008)*. Ed. by V. Likhachev, V. Paley, A. Fedorchuk, S. Charny, M. Chlenov. Moscow: “Pallada” Publ., 2008, pp. 212–227. (In Russian)

17. Firkowicz A.S. Avnei Zikkaron (transl. by V.A. Elyashevich). *Izvestiya Dukhovnogo Upravleniya karaimskih religioznych organizatsiy Ukrainy = Proceedings of the Spiritual Administration of Karaite Religious Organizations of Ukraine*. Eupatoria, 2012, no. 4(13), pp. 10–18. (In Russian)

18. Gavrillov A.V., Mayko V.V. The medieval settlement of Sulhat-Krym: Materials for the archeological map of the city of Stary Krym. Simferopol: “Biznes-Inform” Publ., 2014. 212 p. (In Russian)

19. Gercen A.G. In the origins of the Jewish community of Mangup. *Bosporus Cimmerian and barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages. Materials of the 4th Bosporan Readings*. Kerch’, 2003, pp. 69–79. (In Russian)

20. Gercen A.G. Mogarichev Ju.M. Chufut-Kale. Fortress on the edge of the seventh climate: Research. Guide. Album. Simferopol: “Antikva” Publ., 2016. 312 p. (In Russian)

21. Grigor'ev V.V. Jewish religious sects in Russia. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del = Journal of the Ministry of Internal Affairs*. St. Petersburg, 1846, Vol. 15, pp. 11–49. (In Russian)
22. Karaulov G. Chufut-Kale and Karaite Jews. Notes on the trip to the interior of the Crimea of Academician Pallas. *Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostey = Notes of the Odessa Society of History and Antiquities*. Odessa, 1883, no. 13, pp. 93–103. (In Russian)
23. Kashovskaya N.V. Notes on the Jewish epigraphy of Mangup. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii = Materials on archeology, history and ethnography of Tauria*. Simferopol, 2003, no. 10, pp. 556–561. (In Russian)
24. Kashovskaya N.V. To the results of the study of the Karaite necropolis in the gorge Tabana-dere (Mangup): problems of chronology and periodization. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii = Materials on archeology, history and ethnography of Tauria*. Simferopol, 2017, no. 22, pp. 239–277. (In Russian)
25. Keppen P.I. On the Antiquities of the Southern Coast of Crimea and the Tauride Mountains (Crimean Collection). St. Petersburg: print. house of “Imperatorskoy Akademii Nauk” Publ., 1837. 366, [2] p. (In Russian)
26. Kizilov M.B. On the history of the little-known Karaite communities of the Crimean peninsula. *Tirosh: Trudy po iudaike=Tirosh: Works on Jewish Studies*. Moscow, 2003, no. 6, pp. 123–140. (In Russian)
27. Kizilov M. Crimean Judea: Essays on the history of Jews, Khazars, Karaites and Krymchaks in Crimea from ancient times to the present day. Simferopol: “Dolya” Publ., 2011. 336 p. (In Russian)
28. Kizilov M., Mihaylova D. The Khazars and the Khazar Khaganate in European Nationalist Ideologies and Politically Oriented Research Literature. *Hazarский al'manah = Khazar almanac*. Kiev; Kharkov, 2004, Vol. 3, pp. 34–62. (In Russian)
29. Koreva A. Karaites in Vilna Governorate. *Commemorative book of the Vilna province for 1861*. Vil'no, 1861, Vol. 2, pp. 115–129. (In Russian)
30. Kramarovskiy M.G. Religious communities in the history and culture of Solkhat in the 13th–14th centuries. *Archeologia abrahamica: research in the archeology and artistic tradition of Judaism, Christianity and Islam*. Moscow: “Indrik” Publ., 2009, pp. 395–431. (In Russian)
31. Kramarovskiy M.G. Solkhat Judaica. *Vostok. Afro-Aziatskie obshhestva: istoriya i sovremennost' = East. Afro-Asian societies: history and modernity*. Moscow, 2016, no. 5, pp. 6–24. (In Russian)
32. Kramarovskiy M.G. Crimea and Rum in the 13th–14th centuries (Anatolian diaspora and the urban culture of Solkhat). *Zolotordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016, vol. 4, no. 1, pp. 55–88. (In Russian)
33. Kramarovskiy M.G. Crimea (Solkhat): on the history of the Karaite-Rabbanite community in the 13th–14th centuries. *Proceedings of the State Hermitage. Belgrade collection. To the 23th International Congress of Byzantines*. St. Petersburg, 2016, Vol. 80, pp. 65–84. (In Russian)
34. Kramarovskiy M.G. Solkhat: from the pit to the city (stages of growth and vectors of culture). *19th Bosphorian Readings. Bosphorus Cimmerian and barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages. Tradition and innovation. Materials of the international scientific conference*. Ed. by V.N. Zin'ko, E.A. Zin'ko. Kerch, 2018, pp. 245–250. (In Russian)
35. Kramarovskiy M.G., Seydaliyev E.I. Judaica of Solkhat-Crimea (archeology and history). *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Empire and polis. Materials of scientific conference. 8th International Byzantine Seminar (Sevastopol – Khersones 30.05 – 04.06 2016)*. Sevastopol': State Historical and Archaeological Museum-Reserve Tauric Chersonese Publ., 2016, pp. 59–60. (In Russian)

36. Kramarovskiy M.G. On the Christian denominations of Solkhat in the 13th–14th centuries (preliminary message). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* = *Materials on archeology, history and ethnography of Tauria*. Simferopol, 2017, no. 22, pp. 399–411. (In Russian)

37. Kurnikova O.M. Archival materials on the history of the Ottoman possessions in the Crimea (16th–18th centuries). *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva* = *East. Afro-Asian societies*. Moscow, 2008, no. 3, pp. 130–139. (In Russian)

38. Lebedev V.V. On the Source Assessment of Some Manuscripts by A.S. Firkowicz. *Palestinskiy sbornik* = *Palestinian Compilation*. 1987, no. 29, pp. 57–63. (In Russian)

39. Lomakin D.A., Prokhorov D.A. On the History of the Karaite Community of Solkhat–Stary Krym: Archaeographic and Archaeological Aspects. *Istoriya i arheologiya Kryma* = *History and archeology of Crimea*. Ed. by V.V. Mayko. Simferopol, 2016, no. 3, pp. 372–386. (In Russian)

40. Markevich A.I. Stary Krym's antiquities. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* = *Notes of the Taurida Scientific Archival Commission*. Simferopol, 1892, no. 17, pp. 124–129. (In Russian)

41. Mayko V.V. Postscripts on the margins of the Crimean Bibles. Falsified source and archaeological realities. *HazarSKIY al'manah* = *Khazar almanac*. Ed. by O.B. Bubenok, V.S. Aksenov & oth. Kiev, Kharkov, 2014. Vol. 12, pp. 91–102. (In Russian)

42. Mikhnevich I. About Jewish manuscripts stored in the Museum of the Odessa Society of History and Antiquities. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* = *Notes of the Odessa Society of History and Antiquities*. Odessa, 1848, no. 2, pp. 47–77. (In Russian)

43. Minutes of the TUAk 78th session 1928, December 11. In: Filimonov S.B. *Keepers of the historical memory of Crimea: On the heritage of the Taurida Scientific Archival Commission and the Taurida Society of History, Archeology and Ethnography (1887–1931)*. 2nd edit. Simferopol: “ChernomorPress” Publ., 2004, p. 276. (In Russian)

44. Mogarichev Ju.M. “Cave towns” of Mountainous South-Western Taurica in the description of A.S. Uvarov. Simferopol: “Biznes-Inform” Publ., 2019. 344 p. (In Russian)

45. Mogarichev Ju.M., Prokhorov D.A. A.S. Uvarov on the origin and history of the Crimean Karaites. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* = *Problems of history, philology, culture*. 2018, vol. 1, no. 59, pp. 237–257. (In Russian)

46. Ottoman register of land holdings in the Southern Crimea of the 1680s. Issue. 3. Transl., ed. by A.V. Efimov. Moscow: Institut Naslediya Publ., 2021. 600 p. (In Russian)

47. Prokhorov D.A. Crimean Karaites in the Middle Ages and Modern Times: diss. ... Dr.Sci. of History: 07.00.03 / Prokhorov Dmitry Anatol'evich. Simferopol, 2020. 570 p. + app. (205 p.: ill.). Available at: <http://science.cfuv.ru/gosudarstvennaya-nauchnaya-attestaciya/dissertacionnye-sovety/dissertacionnye-raboty-d-900-006-06/prokhorov-dmitrij-anatolevich> (access 10.02.2024). (In Russian)

48. Round-the-world journey of Rabbi Petahia of Regensburg (transl. by P.V. Margolin) *Three Jewish Travelers*. Moscow: “Mosty kul'tury” Publ., Jerusalem: “Gesharim” Publ., 2004, pp. 263–330. (In Russian)

49. Shapira D. Izhkhak Sangari, Sangarit, Bezalel Stern and Avraham Firkovic: the story of two fake inscriptions. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* = *Materials on archeology, history and ethnography of Tauria*. Simferopol, 2003, no. 10, pp. 533–555. (In Russian)

50. Shapira D. The current state of a number of colophon annotations on biblical manuscripts from the first collection of A.C. Firkowicz. *Proceedings of the Eleventh Annual International Interdisciplinary Conference on Jewish Studies*. Moscow: “Sefer” Publ., 2004, Vol. 1, pp. 102–130. (In Russian)

51. Shapira D. Jews in the Northern Black Sea region from antiquity to the early. *Middle Ages History of the Jewish people in Russia: from antiquity to early modern times*.

Ed. by A. Kulik. Jerusalem: “Gesharim” Publ.; Moscow: “Mosty kul’turny” Publ., 2010, Vol. 1: From Antiquity to Early Modern Times, pp. 13–43. (In Russian)

52. [Shtern B.]. Ancient Jewish codes and other monuments. *Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostey = Notes of the Odessa Society of History and Antiquities*. Odessa, 1844, no. 1, pp. 640–649. (In Russian)

53. Smirnov V.D. Tatar-Khan yarliqs from the collection of the Taurida Scientific Archival Commission. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii = Notes of the Taurida Scientific Archival Commission*. Simferopol, 1918, no. 54, pp. 1–19. (In Russian)

54. Steven A. Cases of the archive of the Taurida provincial government, related to the search, description and preservation of ancient monuments within the Taurida province. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii = Notes of the Taurida Scientific Archival Commission*. Simferopol, 1891, no. 14, pp. 84–94. (In Russian)

55. Tunkina I.V. Discovery of Feodosia: Pages of the archaeological study of the South-Eastern Crimea and the initial stages of the history of the Feodosia Museum of Antiquities. 1771–1871. Kiev: “Bolero” Publ., 2011. 237, [2] p. (In Russian)

56. Vikhnovich V.L. Karaite Abraham Firkowicz: Jewish Manuscripts. Story. Trips. 2nd ed. St. Petersburg: “Akademiya issledovaniya kul’turny” Publ., 2012, 368 p. (In Russian)

57. Vikhnovich V.L., Lebedev V.V. The mystery of 15,000 ancient manuscripts. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii = Materials on archeology, history and ethnography of Tavria*. Simferopol, 1992, no. 2, pp. 130–140. (In Russian)

58. Zevakin E.S., Penchko N.A. From the history of social relations in the Genoese colonies of the Northern Black Sea region in the 15th century. *Istoricheskie zapiski = Historical notes*. 1940, no. 7, pp. 3–33. (In Russian)

59. Akhiezer G. The history of the Crimean Karaites during the sixteenth to eighteenth centuries. *Karaite Judaism. A Guide to Its History and Literary Source*. Ed. by M. Polliack, Leiden: Brill, 2003, pp. 729–759.

60. Akhiezer G. Rabbanite Manuscripts in Karaite Hands: Findings from the Crimean Genizot and Libraries. *Journal of Jewish Studies*. 2019, no. 70(2), pp. 332–356.

61. Akhiezer G. The Crimean Karaite Communities till the 20th Century: History, Culture and Leadership. The Karaite Press by the KJA with the support of Ariel University, San Francisco, 2021. XIX+204 p.

62. Ankori Z. Karaites in Byzantium: The Formative Years, 970–1100. New York-Jerusalem, 1959. 546 p.

63. Balard M., Veinstein G. Continuité ou changement d’un paysage urbain? Caffa génoise et ottoman. *Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l’enseignement supérieur public*. 11-e congrès. Lyon, 1981, pp. 79–131. (In French)

64. Ben-Shammai, H. Between Ananites and Karaites: Observation on Early Medieval Jewish Sectarianism. *Studies in Muslim-Jewish Relations*, 1993, no. 1, pp. 19–29.

65. Bıyık Ömer. Osmanlı Yönetiminde Kırım (1600–1774), Ege Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, Doktora tezi. İzmir, 2007. 296 p. (In Turkish)

66. Fedorchuk A. Jewish Tombstone Inscriptions from the Crimean Peninsula in the First Ottoman Century (1475–1577). *Eastern European Karaites in the Last Generations*. Ed. by D.Y. Shapira and D.J. Lasker. Jerusalem, 2011, pp. 37–82.

67. Fedorchuk A., Shapira D.Y. The Tombstone Inscriptions №№ 1–326 from the Book Avnei Zikkaron by Avraham Firkowicz, According to their Authentic Texts and with their Real Dates. *Eastern European Karaites in the Last Generations*. Ed. by D.Y. Shapira and D.J. Lasker. Jerusalem, 2011, pp. 11–35 (in Hebrew)

68. Fisher A. The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century. *Harvard Ukrainian Studies*, 1981, Vol. 5, no. 2, June, pp. 135–170.

69. Galenko O. Jewish community of Kafa in the middle of the 16th century. *Shodnavstvo = Oriental studies*. Kiev, 1998, no. 3–4, pp. 39–62. (In Ukraine)

70. Shapira D. Avraham Firkowicz in Istanbul (1830–1832): paving the way for Turkic nationalism. Ankara: KaraM, 2003. 120 p.

71. Veinstein G. Etat et société dans l'empire Ottoman, 16e – 18e siècles: la terre, la guerre, les communautés. Aldershot, Hampshire, Great Britain; Brookfield, Vt., USA: Variorum, 1994, pp. 329–332. (In French)

72. Veinstein G. La population du sud de la Crimée au début de la domination Ottomane. *Mémorial Ömer Lûtfi Barkan*. Paris, 1980, pp. 227–249. (In French)

КАРАИМЫ В ЭПОХУ УЛУСА ДЖУЧИ И В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ: К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ КАРАИМСКИХ ОБЩИН НА КРЫМСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Д.А. Прохоров

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Симферополь, Российская Федерация

prohorov1da@yandex.ru

Резюме. Цель исследования: анализ и обобщение материалов по истории возникновения караимских общин на территории Крымского полуострова в эпоху существования Улуса Джучи и Крымского ханства.

Материалы исследования: в результате сопоставления опубликованных материалов по истории крымских караимов, данных археологических и эпиграфических исследований, а также в процессе изучения фондов Российского государственного исторического архива (РГИА, г. Санкт-Петербург) и Государственного архива Республики Крым (ГАРК, г. Симферополь) были проанализированы сведения, относящиеся к проблеме возникновения караимских общин на территории Крыма в эпоху Улуса Джучи и Крымского ханства.

Результаты и научная новизна: Многие эпизоды истории крымских караимов до сих пор остаются вне поля зрения исследователей. Существует и проблема интерпретации источников: в частности, это касается полемики о происхождении крымских караимов и о времени их появления на территории Крымского полуострова, которая длится уже более 100 лет, при этом довольно часто эта дискуссия выходит за рамки научной аргументации.

Этапы научного изучения прошлого крымских караимов характеризуются различной интенсивностью, отличаются применявшимися методиками и подходами. Впервые интерес к этой проблеме возник у представителей российских академических кругов в первой половине XIX в. Историей караимов российская администрация заинтересовалась еще и потому, что идеи европейского Просвещения, во многом определявшие политику российского правительства по ряду ключевых направлений, подразумевали распространение русской культуры и образованности среди «азиатских народов». По отношению к караимам, крымчакам и евреям-ашкеназам российское правительство принимало законы и постановления, в соответствии с которыми караимы смогли законодательно укрепить свой юридический статус. Им удалось добиться от властей признания их общностью, отличающейся от раббанитов, при этом они получили различные правовые и экономические преференции. К еврейскому населению российское правительство применяло ограничительные меры, проводя дискриминационную антиеврейскую политику. Тогда же началась широкомасштабная деятельность известного собирателя иудейских древностей А.С. Фирковича, положившего начало

созданию обширной коллекции рукописей, связанных с историей иудейских общин, в том числе, и Крымского полуострова.

На основании представленных материалов сделан вывод о том, что караимская община могла появиться в Крыму не ранее второй половины XIII в. Активное переселение караимов в Крым с территорий Ближнего Востока, Византии, а затем из Османской империи происходит, начиная с середины XIV в. К этим хронологическим периодам относятся и материальные свидетельства пребывания караимов в данном регионе (археологические и эпиграфические исследования средневекового Солхата, Мангуп-Кале и Чуфут-Кале).

Ключевые слова: иудейские общины, караимы, Улус Джучи, Крымское ханство, Солхат, Мангуп-Кале, Чуфут-Кале

Для цитирования: Prokhorov D.A. Karaites in the Ulus Jochi era and in the Crimean Khanate: The question of the origin of Karaite communities on the Crimean peninsula // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 211–236. DOI: <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.211-236> EDN: UWHFUK

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Анатольевич Прохоров – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и архивоведения института «Таврическая академия», Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (295007, проспект Академика Вернадского, 4, Симферополь, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-9162-4705, ResearcherID: AAC-6172-2019. E-mail: prohorov1da@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry A. Prokhorov – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Document science and Archival Studies of the Historical Faculty of the Institute “Taurida Academy”, Vernadsky Crimean Federal University (4, Academician Vernadsky Ave., Simferopol 295007, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-9162-4705, ResearcherID: AAC-6172-2019. E-mail: prohorov1da@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 16.12.2023
Поступила после рецензирования / Revised 27.02.2024
Принята к публикации / Accepted 04.03.2024

ХРОНИКА

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.237-239>
EDN: ZWJENG

УДК 001.92:94

ВСЕРОССИЙСКИЙ СИМПОЗИУМ «ВЕХИ ИСТОРИИ»

Л.С. Гиниятуллина

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
lusiia@mail.ru*

Резюме. 12–14 октября 2023 года в Челябинской области прошел Всероссийский (с международным участием) симпозиум «Вехи истории», в рамках которого было проведено 4 круглых стола: «Улус Джучи, время становления: 1207–1243 гг.» (12 октября, пос. Варна), «Мавзолеи средневековья Волго-Уралья, Крыма и Казахстана: проблемы исследования» (12 октября, пос. Варна), «Южный и Средний Урал от Джучи до Николая I» (13 октября, г. Челябинск) и «История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири» (14 октября, г. Челябинск).

Ключевые слова: симпозиум, Вехи истории, Урал, Улус Джучи, средневековые мавзолеи, татарские ханства

Для цитирования: Гиниятуллина Л.С. Всероссийский симпозиум «Вехи истории» // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 237–239. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.237-239> EDN: ZWJENG

ALL-RUSSIAN SYMPOSIUM “MILESTONES OF HISTORY”

L.S. Giniyatullina

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
lusiia@mail.ru*

Abstract. On October 12–14, 2023 the All-Russian (with international participation) symposium “Milestones of History” was held in the Chelyabinsk region. Four round tables were held within the framework of symposium: “Ulus of Jochi, time of formation: 1207–1243” (October 12, Varna village), “Mausoleums of the Middle Ages of the Volga-Urals, Crimea and Kazakhstan: research of problems” (October 12, Varna village), “Southern and Middle Urals from Jochi to Nicholas I” (October 13, Chelyabinsk) and “History, economics

© Гиниятуллина Л.С., 2024



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

and culture of the medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia” (October 14, Chelyabinsk).

Keywords: symposium, Milestones of history, Ural, Ulus Jochi, medieval mausoleums, Tatar khanates

For citation: Giniyatullina L.S. All-Russian Symposium “Milestones of History”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 1, pp. 237–239. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.237-239> (In Russian)

12–14 октября 2023 г. в Челябинской области прошел Всероссийский (с международным участием) симпозиум «Веги истории». Организаторами и мероприятия выступили: Министерство культуры Челябинской области, Челябинское региональное отделение ООГО «Российское военно-историческое общество», Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Фонд содействия сохранению культурного наследия «Общественный фонд «Южный Урал», а также исследователи, представляющие Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курганский государственный университет», Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской Академии наук.

Симпозиум начал работу 12 октября 2023 г. в пос. Варна Челябинской области, где прошло два круглых стола: «Улус Джучи, время становления: 1207–1243 гг.» и «Средневековые мавзолеи Волго-Уральского региона, Крыма и Казахстана: проблемы исследования».

Республику Татарстан представили сотрудники Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, выступившие с докладами: Миргалеев Ильнур Мидхатович, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова, председатель Координационного совета Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды»; Измайлов Искандер Лерунович, д.и.н., в.н.с. Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова; Валева-Сулейманова Гузель Фуадовна, д.иск., главный научный сотрудник отдела истории религий и общественной мысли им. Я.Г. Абдуллина.

Также с докладами на данных мероприятиях выступили: Иванов Владимир Александрович, д.и.н., главный научный сотрудник Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы (г. Уфа); Порсин Артем Александрович, к.и.н., независимый исследователь (г. Магнитогорск); Нечвалода Алексей Иванович, к.и.н., младший научный сотрудник Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

Рассмотрев все материалы, посвященные этой проблеме и общий историко-археологический анализ ситуации в регионе, участники круглого стола «Средневековые мавзолеи Волго-Уральского региона, Крыма и Казахстана: проблемы исследования» пришли к следующим выводам. Все открытые в Волго-Уралье мавзолеи (текие) имеют многочисленные аналогии XIII–XV вв. в различных регионах Улуса Джучи. Архитектурные и строительные особенности этих мавзолеев не оставляют сомнений в том, что они были созданы по

единому стандарту, который был выработан в пределах средневековой мусульманской культуры Золотой Орды XIII–XIV вв. как часть мусульманского поминально-погребального обряда, связанного с традициями почитания мусульманских праведников и святых. Все эти памятники являются частью оседло-земледельческой мусульманской цивилизации Золотой Орды. Докладчики пришли к мнению, что нет никаких оснований связывать создание этих мавзолеев с какими-то неизвестными «башкирскими ханами» и датировать их XVI в.

13 октября 2023 г. в г. Челябинске прошел третий круглый стол симпозиума «Южный и Средний Урал от Джучи до Николая I», где выступили ученые из Челябинска, Казани, Санкт-Петербурга, Уфы, Йошкар-Олы, Перми, Екатеринбурга, Оренбурга, Магнитогорска, Туринска, Тюмени, Омска и Астаны. На круглом столе обсудили широкий круг вопросов, начиная от проблем этногенеза татар, башкир и казахов, заканчивая историей фортификационных укреплений на Южном Урале.

Симпозиум завершил свою работу 14 октября 2023 г. круглым столом «История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири». В этом мероприятии приняли участие исследователи из Поволжья, Урала, Западной Сибири и Казахстана. Доклады были посвящены не только самим средневековым тюрко-татарским государствам, но и вопросам интеграции их населения в состав России в XVII–XVIII вв.

В целом все мероприятия симпозиума «Веки истории» прошли на высоком научном уровне. Помимо историков на круглых столах выступили искусствоведы, этнологи, лингвисты и археологи. Междисциплинарный охват позволил существенно скорректировать и пересмотреть научные взгляды на многие поставленные вопросы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Люция Сулеймановна Гиниятуллина – младший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3904-6079, ResearcherID: W-4335-2019, Scopus Author ID: 57201655777. E-mail: lusiia@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyutsiya S. Giniyatullina – Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3904-6079, ResearcherID: W-4335-2019, Scopus Author ID: 57201655777. E-mail: lusiia@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 05.12.2023
Поступила после рецензирования / Revised 10.02.2024
Принята к публикации / Accepted 04.03.2024

Академия наук Республики Татарстан является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

The Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property rights
of its own publications. Any use of the material of this publication
(publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part,
without permission of the rights holder is prohibited.

На обложке: Мавзолей Хусейн-бека. XIV в. Р.п. Чишмы, Чишминский район
Республики Башкортостан. Фото из личного архива И.Л. Измайлова

On the cover: Mausoleum of Husein-bek. 14th century. Chishmy workers' village,
Chishminsky district of the Republic of Bashkortostan.
Photo from the personal archive of I.L. Izmailov

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials of the “Golden Horde Review” are available under
the Creative Commons License “Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)



ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2024. Т. 12, № 1
GOLDEN HORDE REVIEW. 2024, vol. 12, no. 1

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.
Distributed in Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен
в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7

Подписано в печать 26.07.2024 г. Дата выхода в свет 15.08.2024 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 15,0 Тираж 200 экз.
Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
Издательство Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20
E-mail: izdat.anrt@yandex.ru



Сайт
Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>